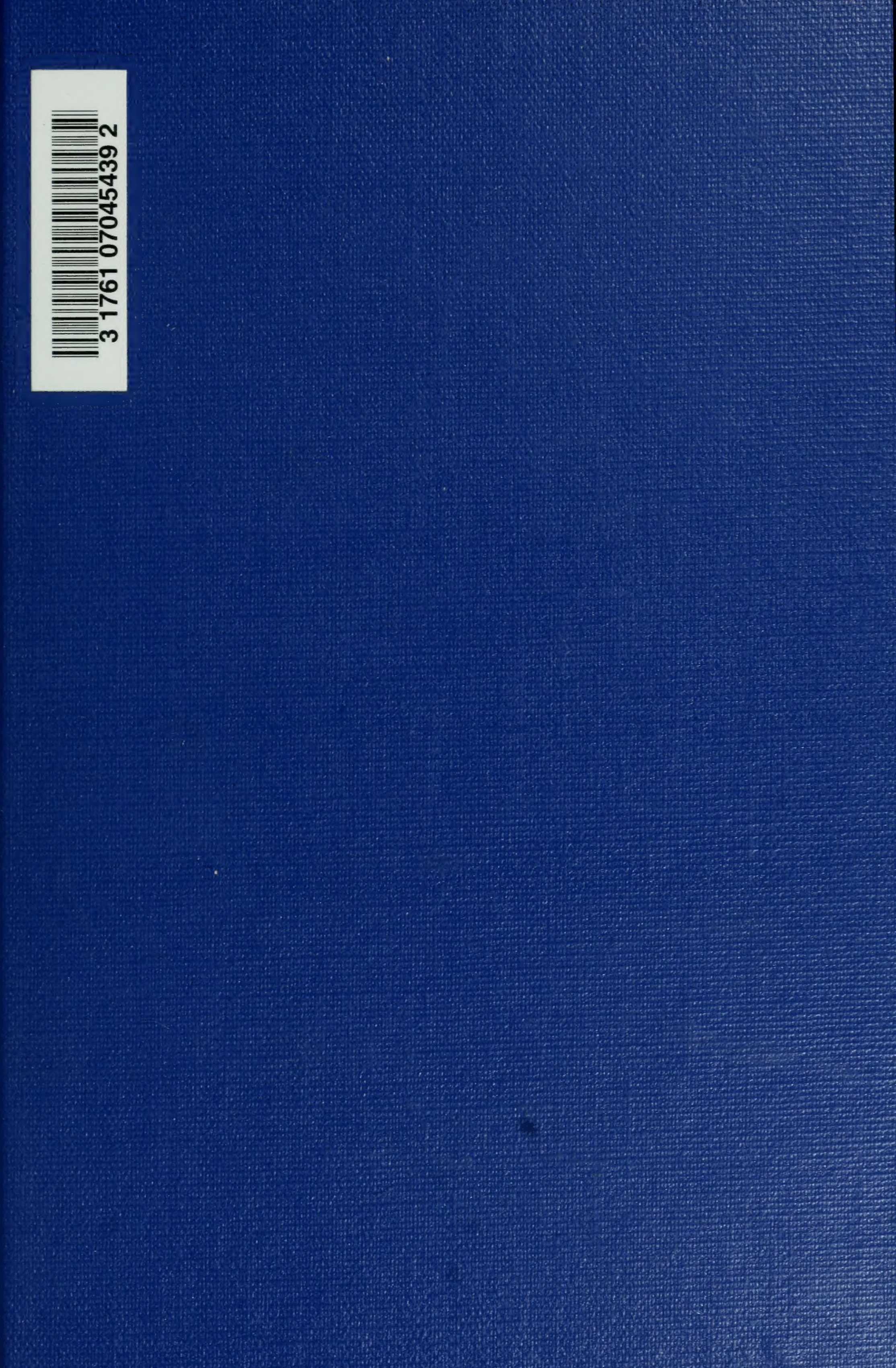
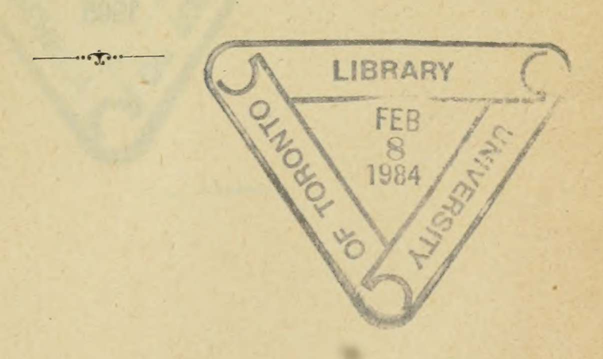

3 1761 07045439 2

ИЗЪ АРХИВА

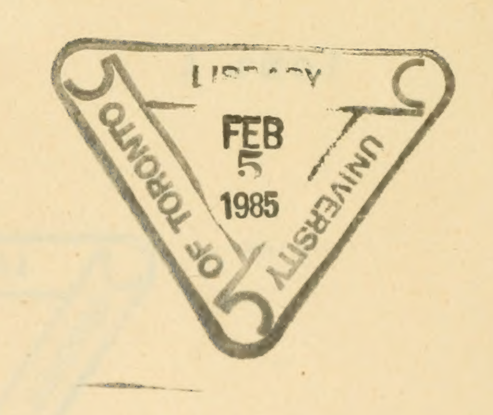
Князя С. В. ШАХОВСКОГО.

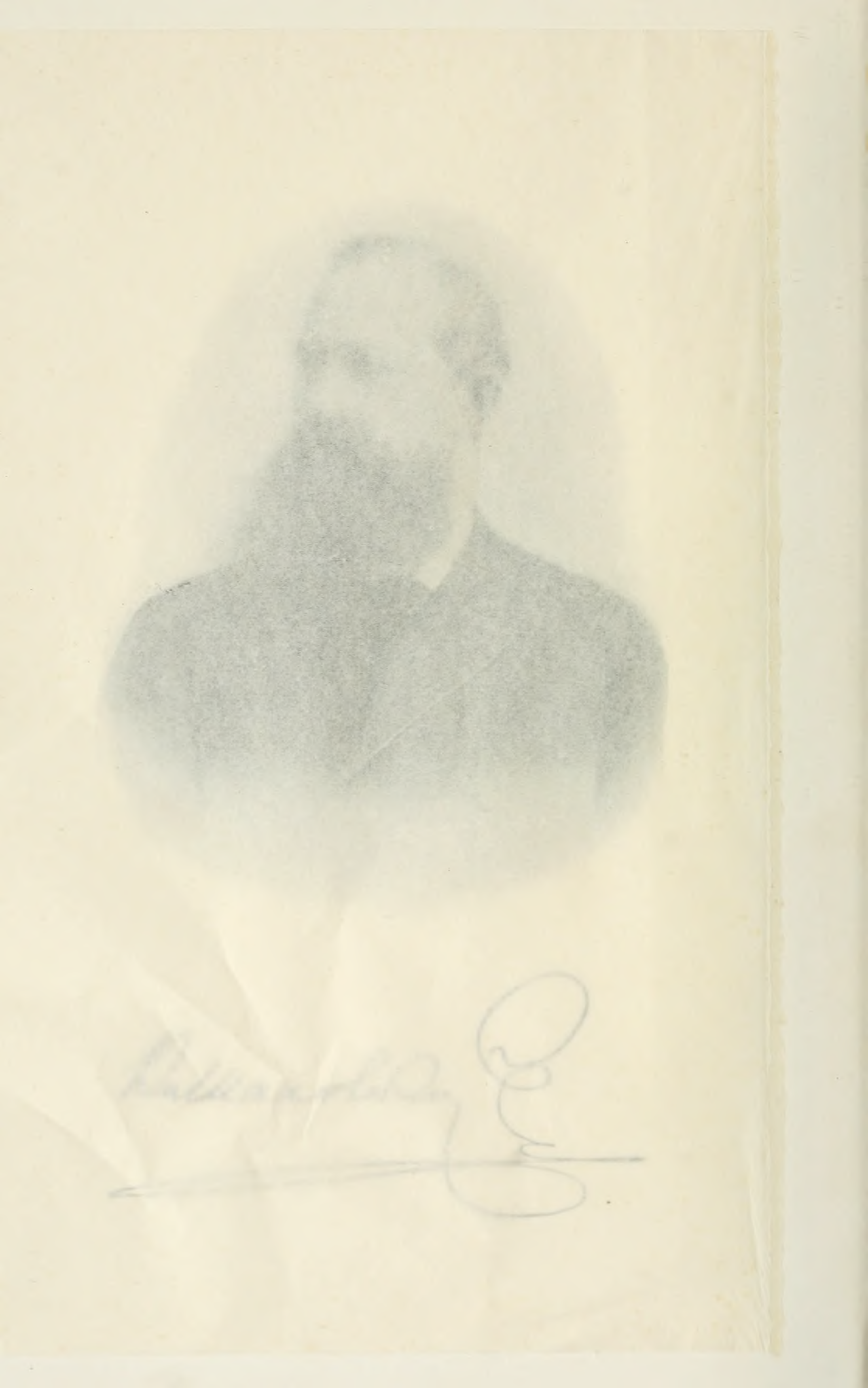
Матеріалы для исторіи недавняго прошлаго Прибалтійской окраины (1885—1894 гг.).

Томъ I.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. М. Эриксъ, Невскій проспектъ, № 74.
1909.


LIBRARY
FEB
5
1985
UNIVERSITY OF TORONTO



ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Скончавшійся въ 1894 г. князь С. В. Шаховской имѣлъ обыкновеніе въ теченіи своей служебной дѣятельности оставлять у себя копіи или черновыя записи документовъ, касавшихся всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ событій въ этой дѣятельности. Такъ постепенно составился весьма значительный по объему и любопытный по содержанію архивъ, изъ котораго и извлечены печатаемые въ настоящемъ изданіи документы. Всѣ эти документы относятся къ наиболѣе важному періоду въ жизни князя С. В. Шаховского—ко времени его почти десятилѣтней службы на посту Эстляндскаго Губернатора (1885—1894 гг.). Печатая ихъ, издатель руководится убѣжденіемъ, что они проливаютъ обильный и яркій свѣтъ на недавнее прошлое нашей прибалтійской окраины; онъ не чуждъ также мысли, что нѣкоторые изъ этихъ документовъ не лишены значенія для болѣе или менѣе правильнаго рѣшенія задачъ, предстоящихъ правительственной власти по отношенію къ прибалтійскому краю въ настоящій моментъ.

Все изданіе будетъ выпущено въ трехъ томахъ, причемъ въ I томѣ помѣщены:

1) Документы, относящіеся до введенія русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ и общественныхъ собраніяхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

2) Документы, относящіеся до дворянства.

3) Документы, относящіеся до полицейской и судебной реформы.

4) Документы, относящіеся до Городского Общественнаго Управленія;

во II томѣ:

1) Документы, относящіеся до крестьянства.

2) Документы, относящіеся до повинностей въ Эстляндской губ.;

въ III томѣ:

1) Документы, относящіеся до Православной церкви.

2) Документы, относящіеся до Лютеранской церкви.

3) Документы смѣшаннаго содержанія.

На нижеслѣдующихъ страницахъ читатель найдетъ краткія біографическія свѣдѣнія о незабвенномъ князѣ С. В. Шаховскомъ и характеристику его личности.

Мартъ 1909 года.
С.-Петербургъ.

Князь Сергѣй Владиміровичъ Шаховской.

(Къ біографіи его и характеристикѣ личности).

I.

Князь Сергѣй Владиміровичъ Шаховской родился 14 Іюня 1852 года и происходилъ изъ дворянъ Тверской губерніи. Среднее образованіе онъ получилъ въ III-ей и I-ой Московскихъ гимназіяхъ, высшее – въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ окончилъ въ 1874 г. курсъ со степенью кандидата математическихъ наукъ (по отдѣлу чистой математики). Рѣшившись вступить на дипломатическое поприще, онъ послѣ окончанія университетскаго курса занялся изученіемъ юридическихъ наукъ и, по выдержаніи въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ дипломатическаго экзамена, опредѣлился на службу въ Азіатскій Департаментъ. Весною 1875 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ консульства на островѣ Сирѣ, лежащемъ въ Архипелагѣ; но будучи уже на пути къ мѣсту своего назначенія, получилъ предложеніе перемѣнить Сиру на Рагузу. Предложеніе это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало желаніямъ молодого, полнаго энергіи и жаждавшаго живой дѣятельности, князя: на сей разъ онъ долженъ былъ отправиться не въ торговое консульство, а въ политическое и при томъ въ моментъ едва-ли не самый важный въ исторіи славянъ. Въ то время чувствовалось уже глухое броженіе среди отдѣльныхъ славянскихъ народностей противъ нестерпимаго турецкаго ига, покровительствуемаго просвѣщенными государствами Европы; чаша долготерпѣнія и страданія униженныхъ и обездоленныхъ славянскихъ племенъ уже переполнилась, и готовилась роковая вспышка. Князю С. В. Шаховскому выпало на долю первый служебный шагъ свой совершить въ обстановкѣ міровогo событія и принять возможное въ его тогдашнемъ скромномъ

положенiи участiе въ этомъ событiи. Его прiѣздъ въ Рагузу совпалъ съ началомъ Герцоговинскаго возстанiя, которое втянуло въ борьбу съ Турцiей сперва Черногорiю и Сербiю, а потомъ и Россiю. Не скрывая своего пламеннаго сочувствiя успѣхамъ славянъ, князь принялъ въ совершавшихся тогда событiяхъ самое живое и дѣятельное участiе. Онъ встрѣчалъ и провожалъ въ глубь страны прибывавшiя изъ Россiи партiи добровольцевъ, сестеръ милосердiя, врачей, санитарные отряды, заботился объ ихъ удобствахъ и безопасности, хлопоталъ о скорѣйшемъ доставленiи въ пункты военныхъ дѣйствiй прибывавшую изъ Россiи помощь вещами, припасами и пр. Проявленныя имъ энергiя и подвижность были столь замѣтны, особенно среди сдержанно наблюдавшихъ представителей другихъ державъ, дѣятельность его настолько выходила изъ предѣловъ скромныхъ обязанностей секретаря консульства [1]), что на него сдѣланъ былъ доносъ, вслѣдствiе чего онъ едва-ли не этапномъ порядкомъ былъ вытребованъ въ Петербургъ.

Здѣсь опальному секретарю пришлось пережить много тяжелыхъ минутъ и готовиться къ печальной перемѣнѣ своей судьбы. Но въ это трудное время ему протянула руку помощи одна изъ самыхъ чистыхъ, самыхъ возвышенныхъ душъ, какiя могутъ встрѣтиться только среди русскихъ женщинъ—графиня Антонина Дмитрiевна Блудова, которая не разъ являлась ангеломъ хранителемъ князя Сергѣя Владимiровича и къ которой онъ до конца ея дней питалъ чувства искренняго уваженiя и теплой привязанности. Она доставила ему возможность лично оправдаться передъ Монархомъ, и эпизодъ кончился, такимъ образомъ, только перемѣной мѣста службы, ибо даже самый родъ дѣятельности князя остался

[1]) За особую заботливость по препровожденiю и устроенiю санитарнаго персонала Общества попеченiя о раненыхъ и больныхъ воинахъ во время его слѣдованiя въ Цетинье онъ удостоился благодарности Государыни Императрицы.

тѣмъ же, что былъ въ Рагузѣ. Онъ получилъ въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ мѣсто Столоначальника Славянскаго стола, и кромѣ того внѣ служебной дѣятельности онъ тѣснымъ образомъ примкнулъ къ великому движенію русскаго общества, стремившагося организоваться, чтобы придти частными усиліями на помощь славянамъ въ ихъ борьбѣ съ турками.

Въ это время онъ былъ избранъ членомъ исполнительнаго комитета для пособій славянамъ въ ихъ борьбѣ съ Турціей, образованнаго при Петербургскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ 26 Октября 1876 г., а 21 Ноября того-же года избранъ почетнымъ членомъ Центральнаго Болгарскаго Благотворительнаго Общества въ Бухарестѣ. Дѣятельность въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ очень увлекала князя. „Третьяго дня,--писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — въ засѣданіи Комитета я говорилъ весьма много и воодушевленно“... „Я присутствовалъ на засѣданіи Комитета,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ,—и дѣлалъ сообщеніе о возстаніи въ Болгаріи и дѣятельности Центральнаго Бухарестскаго Комитета, вмѣсто В. С. Іонина, который по причинѣ усталости самъ не могъ явиться въ засѣданіе и поручилъ мнѣ познакомить Комиссію съ его дѣятельностью“. Въ этой живой общественной дѣятельности князь Шаховской сблизился съ выдающимися представителями С.-Петербугскаго Славянофильскаго кружка и возобновилъ дружественную связь съ И. С. Аксаковымъ, съ которымъ семья Шаховскихъ находилась въ отношеніяхъ близкаго знакомства и пріязни. Обстоятельство это имѣло весьма важное значеніе для всей послѣдующей жизни князя. Подъ сильнымъ воздѣйствіемъ установившагося за время дѣятельности въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ общенія съ славянофилами окончательно вырабатываются его общественные и политическіе идеалы, и самая дѣятельность принимаетъ яркій славянофильскій характеръ.

Въ Февралѣ 1877 г. князь Шаховской исправляетъ должность дипломатическаго агента въ Одессѣ и въ качествѣ таковаго принимаетъ и размѣщаетъ въ городѣ наше Константинопольское посольство, прибывшее со всѣмъ своимъ архивомъ въ Одессу послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній Россіи съ Турціей. Послѣ объявленія Турціи войны, сгорая жаждой живой практической дѣятельности, князь Шаховской не могъ спокойно сидѣть въ Одессѣ и при слухѣ о томъ, что князь Черкасскій ѣдетъ на театръ военныхъ дѣйствій, выѣзжаетъ къ нему на встрѣчу и безъ всякихъ протекцій, при первомъ же свиданіи, получаетъ приглашеніе поступить въ распоряженіе завѣдовавшаго гражданскими дѣлами при Августѣйшемъ Главнокомандующемъ дѣйствующею арміею. Засимъ дѣятельность князя Сергѣя Владиміровича переносится заграницу. Въ теченіи Мая и Іюня онъ состоялъ въ Бухарестѣ членомъ Комиссіи по составленію и печатанію матеріаловъ, относящихся до административнаго устройства и экономическаго положенія Болгаріи. Въ Августѣ и первой половинѣ Сентября онъ на театрѣ военныхъ дѣйствій занимается сопровожденіемъ транспортовъ съ ранеными и съ грузами Краснаго Креста. При исполненіи этихъ обязанностей онъ упалъ съ кручи вмѣстѣ съ лошадью, разбилъ себѣ правое бедро и, не смотря на образовавшееся воспаленіе надкостной плевы, не прекратилъ однако-же своей работы. Въ теченіи второй половины Сентября и всего Октября онъ устраиваетъ въ Систовѣ складъ Краснаго Креста и питательные пункты для раненыхъ. Послѣдними онъ лично и завѣдывалъ. О разносторонности и хлопотливости исполнявшихся имъ въ это время порученій даютъ понятіе слѣдующія строки его письма къ брату изъ Богота отъ 15 Ноября 1877 года.

„По пріѣздѣ въ Боготъ я тотчасъ-же засѣлъ за весьма серьезную работу, порученную мнѣ Черкасскимъ, а именно— за составленіе проекта временныхъ правилъ для образованія Болгарской милиціи. Не правда ли, тебѣ кажется страннымъ

видѣть меня въ мантіи Солона, да еще болгарскаго. Я уже отвыкъ за все время службы моей при князѣ Черкасскомъ удивляться чему бы то ни было. Сегодня я архитекторъ и подрядчикъ и отстраиваю помѣщеніе для склада Краснаго Креста, а завтра я отправляюсь съ дипломатическимъ порученіемъ къ какому нибудь дивизіонному румынскому генералу, солдаты котораго разграбили болгарское село, обезчестили женщинъ и угнали скотъ. Вчера я ухаживалъ за ранеными, носилъ ихъ изъ фуръ въ лазаретъ, а сегодня я пишу законы, да еще военные. Работаю я много, безропотно и безотвѣтно, не отказываясь ни отъ какого дѣла, какъ-бы черно и незначительно онъ ни было. Меня мучаетъ только одно— сознаніе совершенной безполезности траты столькихъ силъ и здоровья, такъ какъ я, имѣя много дѣла, не имѣю одного— своего дѣла, въ которомъ я былъ бы полнымъ хозяиномъ и отвѣтственнымъ лицомъ, дѣла, въ которомъ бы я ежеминутно видѣлъ и чувствовалъ себя. Прибавь къ этому массу лишеній въ самомъ необходимомъ; отвратительную, какую только можно себѣ представить, обстановку, совершенно собачьи условія жизни и вдобавокъ такое требовательное и раздражительное начальство, какъ кн. Черкасскій, и ты легко поймешь въ общихъ чертахъ мое настоящее положеніе".

Вскорѣ послѣ этого письма положеніе князя Шаховского измѣнилось, но еще болѣе къ худшему. 28 Ноября при взятіи Плевны онъ былъ командированъ съ летучимъ санитарнымъ отрядомъ въ Дольній и Горній Нетрополи для оказанія помощи раненымъ, и тутъ при исполненіи этого порученія онъ упалъ въ глубокую турецкую траншею и сильно повредилъ (свернулъ въ сторону), колѣнную чашку на лѣвой ногѣ. Въ главной квартирѣ ему была наложена гипсовая повязка, и, за невозможностью лечить ногу при нездоровыхъ условіяхъ госпитальныхъ помѣщеній на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, онъ былъ эвакуированъ въ Москву въ тотъ именно переломный моментъ нашихъ военныхъ дѣйствій, послѣ ко-

тораго открылось истинно побѣдоносное шествіе нашихъ войскъ. Потребовалось немногимъ менѣе года, чтобы поврежденная нога поправилась. Едва князь Шаховской выздоровѣлъ, какъ опять сталъ стремиться въ Болгарію къ прежней своей дѣятельности, но на сей разъ его желаніе „имѣть свое дѣло, въ которомъ онъ былъ-бы полнымъ хозяиномъ и отвѣтственнымъ лицомъ“ осуществилось осенью 1879 г.: онъ былъ назначенъ Главноуполномоченнымъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ (Красный Крестъ) при оккупаціонной арміи въ сѣверной Болгаріи, а вслѣдъ за симъ на него было возложено завѣдывать дѣятельностью Краснаго Креста въ Княжествѣ Болгарскомъ и Восточной Румеліи съ порученіемъ ликвидировать дѣло Общества на бывшемъ театрѣ войны. Это назначеніе было истиннымъ праздникомъ для энергіи 26-лѣтняго молодого человѣка. Не ограничивая своей дѣятельности устройствомъ лазаретовъ, вещевыхъ складовъ, снабжавшихъ одеждою и бѣльемъ слабыхъ и неимущихъ, эвакуаціей больныхъ и раненыхъ воиновъ въ Россію, словомъ всею тою помощью, которая составляетъ прямую цѣль Краснаго Креста во время и послѣ военныхъ дѣйствій, князь Шаховской не оставилъ безъ вниманія и обезпеченія мѣстнаго болгарскаго населенія, по уходѣ русскихъ войскъ, необходимой санитарно-медицинской организаціей, совершенно отсутствовавшей въ странѣ до того времени. Вотъ что говорится въ составленномъ кн. Шаховскимъ „Очеркѣ дѣятельности Краснаго Креста при оккупаціонныхъ русскихъ войскахъ въ Княжествѣ Болгарскомъ и Восточной Румеліи (1878—1879 гг.)“ объ этой неоффиціальной сторонѣ дѣятельности Главноуполномоченнаго.

„По странному стеченію обстоятельствъ, — пишетъ князь, — вопросъ объ организаціи медицинско-санитарной части въ провинціи, упущенный изъ виду нашимъ гражданскимъ управленіемъ, былъ непредусмотрѣнъ и дипломатами, сочинявшими органическій уставъ, которымъ Европа, на основаніи постано-

вленій Берлинскаго конгресса, пожелала облагодѣтельствовать населеніе Восточной Румеліи"....

„Выступленіе нашихъ войскъ уже началось быстрыми шагами, приближалось время закрытія послѣднихъ остававшихся еще нашихъ военно-временныхъ госпиталей въ Восточной Румеліи; съ каждымъ днемъ получалъ большую настоятельность вопросъ о томъ, куда дѣвать лечившихся въ нашихъ госпиталяхъ больныхъ мѣстной милиціи и отчасти населенія и, наконецъ, въ какія врачебныя учрежденія передать нашихъ собственныхъ больныхъ, состояніе которыхъ не позволяло и думать о возможности ихъ эвакуаціи въ Россію. Эти вопросы застигли нашихъ властей врасплохъ и совершенно неподготовленными къ удовлетворительному ихъ разрѣшенію. Красный Крестъ считалъ себя не въ правѣ оставаться при такомъ положеніи безучастнымъ зрителемъ. Имѣя на своемъ знамени девизъ „милосердіе и помощь", онъ считалъ своей нравственной обязанностью самымъ серьезнымъ образомъ отнестись къ такому положенію дѣлъ и придти на помощь какъ русскимъ, такъ и освобожденнымъ ихъ кровью туземцамъ".

„Въ частыхъ и продолжительныхъ бесѣдахъ съ болгарскимъ экзархомъ и представителями мѣстнаго духовенства, интеллигенціи, мы старались развивать мысль о необходимости участія всего населенія Восточной Румеліи въ дѣлѣ оказанія помощи своимъ больнымъ безъ всякаго различія національностей и вѣроисповѣданій. Эта мысль повсемѣстно встрѣтила большое сочувствіе. Греки и болгары, наиболѣе заинтересованные этимъ вопросомъ, забывая свою вражду, принимавшую при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ болѣе острый характеръ, чуть не ежедневно сходились вмѣстѣ и цѣлые часы проводили за серьезной разработкой вопроса и въ изысканіи способовъ наилучшаго его рѣшенія. Результатомъ такихъ совѣщаній было единодушно сознанное и принятое рѣшеніе о необходимости учрежденія въ Восточной Румеліи такого общества, которое бы приняло

на себя заботу и попеченіе о всѣхъ больныхъ какъ милиціи, такъ и населенія, а также поставило бы себѣ задачею выработать и организовать въ провинціи медицинско-санитарное дѣло". Такъ образовалось въ Филиппополѣ Общество Св. Пантелеймона, принявшее за руководство въ своей организаціи уставъ нашего Общества Краснаго Креста.

Затѣмъ кн. Шаховской приходитъ на помощь Ольгѣ Николаевнѣ Скобелевой (матери героя) въ поддержаніи и расширеніи сиротскаго пріюта для бездомныхъ болгарскихъ дѣтей въ Филиппополѣ. Для этого „сирото-питалища", на которое Скобелева положила много личныхъ средствъ и даже, можно сказать, самую жизнь свою [1]), онъ удѣлилъ изъ вещей Краснаго Креста необходимое количество бѣлья, обуви, хозяйственной утвари и др. предметовъ, а главное убѣдилъ одну изъ лучшихъ сестеръ милосердія, Л. Е. Папе, принять на себя обязанность начальницы. За полгода управленія пріютомъ Л. Е. Папе почти учетверилось въ немъ количество призрѣваемыхъ.—Такъ, дѣлая свое большое и отвѣтственное дѣло, этотъ умный и добрый русскій человѣкъ находилъ время, возможность и умѣнье прививать къ мѣстной почвѣ ростки истинно-человѣческихъ учрежденій.

Въ то время, какъ кн. Шаховской ликвидировалъ въ Болгаріи дѣла Краснаго Креста, М. Д. Скобелевъ уже выступалъ въ походъ противъ текинцевъ. Завершивъ свою дѣятельность и снова заплативъ мучительной болѣзнью (на сей разъ глазною) за небреженіе своимъ здоровьемъ и силами въ исполненіи долга, кн. Шаховской осенью 1880 г. возвратился въ Петербургъ къ мѣсту своего служенія — въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ ему, однако-же, не дали вступить въ рядовой служебный курсъ необычайныя событія, переживавшіяся тогда Россіей. И на сей разъ отдаленныя Текинскія

[1]) Она была убита Узатисомъ во время своего пребыванія въ Филиппополѣ по дѣлу этого пріюта въ 1880 г.

степи, гдѣ горсть храбрецовъ, предводительствуемая Бѣлымъ Генераломъ, совершала безпримѣрное служеніе своей родинѣ— вскорѣ отвлекли отъ канцелярскихъ дѣлъ на широкій просторъ помощи страждующимъ русскимъ воинамъ уже умудреннаго опытомъ бывшаго Главноуполномоченнаго.

Въ Петербургѣ кн. С. В. Шаховской узналъ, что между генераломъ Скобелевымъ и Главноуполномоченнымъ Краснаго Креста при его отрядѣ возникли нелады, что Красный Крестъ проявляетъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій мало жизни, мало умѣнья и почина, и что поэтому предстоитъ перемена руководителя Краснымъ Крестомъ въ Закаспійскомъ краѣ. Для неистощимой энергіи князя, всегда неудержимо стремившагося къ живому дѣлу, внезапно открывалось новое поприще. Правда, здѣсь дѣло представлялось болѣе сложнымъ и отвѣтственнымъ, чѣмъ въ Болгаріи, гдѣ на его долю выпало огромное и трудное, но спокойное дѣло завершенія дѣятельности Краснаго Креста на мѣстѣ прекращенныхъ военныхъ дѣйствій. Тутъ— на полѣ брани—требовалось хладнокровіе, находчивость и личная храбрость руководителя Краснаго Креста во время боя, предстояло дѣлить труды и опасности съ войскомъ и находиться притомъ въ распоряженіи требовательнаго военноначальника, какимъ былъ генералъ Скобелевъ. Но перспектива дѣятельности представлялась князю Шаховскому столь заманчивой, что онъ, узнавъ о затруднительномъ положеніи Краснаго Креста въ Текинскихъ степяхъ, тотчасъ же поставилъ въ Главномъ Управленіи Краснаго Креста свою кандидатуру на постъ Главноуполномоченнаго при войскѣ Скобелева. Прежняя отвѣтственная дѣятельность князя дала ему вполнѣ достаточный матеріалъ для того, чтобы предъявить предсѣдателю Главнаго Управленія Краснаго Креста генералу Баумгартену свою программу задачъ Краснаго Креста въ Закаспійскомъ краѣ. Составленная имъ докладная по этому предмету записка была признана вполнѣ основательной, и 25 Октября 1880 г. онъ былъ назначенъ Главноуполномочен-

нымъ Краснаго Креста въ Закаспійскомъ краѣ, а черезъ нѣсколько дней послѣ того пустился въ долгій путь.

16 Ноября князь Шаховской высадился въ Красноводскѣ на Закаспійскій берегъ и вступилъ въ завѣдываніе Краснымъ Крестомъ. Генералу Скобелеву, при которомъ въ качествѣ Главноуполномоченнаго князь долженъ былъ состоять, онъ представился въ то время, когда генералъ былъ на рекогносцировкѣ противъ текинцевъ. Для соединенія съ отрядомъ Скобелева Главноуполномоченному и его санитарному отряду пришлось проѣхать нѣкоторое пространство между нашимъ войскомъ и текинцами и попасть въ сферу горячей ружейной перестрѣлки. Благополучно миновавъ это роковое пространство и получивъ, такимъ образомъ, крещеніе огнемъ, князь предсталъ передъ генераломъ и сразу завоевалъ себѣ его симпатію, впослѣдствіи перешедшую въ дружескія отношенія на „ты“.

Какъ значится въ формулярѣ князя Шаховского, во время Ахалъ-Текинской экспедиціи онъ съ отрядомъ Краснаго Креста участвовалъ въ рекогносцировкѣ отъ Яганъ Батырь Кала подъ Геокъ-Тепе 11 и 18 Декабря, аттакѣ и занятіи укрѣпленій Янги Кала въ предмѣстьѣ Денгли Тепе 20 Декабря, во всѣхъ рекогносцировкахъ, предпринимавшихся частями отряда въ окрестностяхъ Геокъ-Тепе отъ 20 по 28 Декабря. Во время ночной вылазки текинцевъ на наши войска 28 Декабря онъ находился съ Краснымъ Крестомъ въ рядахъ войскъ и траншеяхъ, подавая немедленную помощь раненымъ. 29 Декабря онъ участвовалъ въ занятіи Великокняжеской Калы близъ стѣнъ главной крѣпости, а 30 во время ночной вылазки текинцевъ и нападенія ихъ на траншейныя работы и лагерь, онъ находился съ отрядомъ Краснаго Креста въ лагерѣ и траншеяхъ, оказывалъ немедленную помощь раненымъ. Точно такъ же во время возобновленной текинцами ночной вылазки 4 Января 1881 г. и во время штурма Геокъ-Тепе 12 Января князь Шаховской съ отрядомъ своихъ санитаровъ находился

въ ряду штурмующихъ колоннъ для поданія немедленной помощи выбывающимъ изъ строя воинамъ.

Указывая на этотъ длинный рядъ „дѣлъ“, въ которыхъ принималъ непосредственное участіе всюду поспѣвавшій съ своимъ отрядомъ Главноуполномоченный, нельзя не остановиться на томъ обстоятельствѣ, что во все время осады Геокъ-Тепе, длившейся нѣсколько недѣль, Красный Крестъ, наравнѣ со всѣмъ отрядомъ Скобелева, подвергался ежечасной и ежеминутной смертельной опасности. Лагерь нашихъ войскъ, въ которомъ находились лазаретъ Краснаго Креста и весь наличный его персоналъ, былъ разбитъ въ нѣсколькихъ стахъ сажен. отъ осаждаемой крѣпости, и текинцы могли почти что навѣрняка стрѣлять въ каждаго неосторожно выставившагося въ лагерѣ. Бывали примѣры второго и даже третьяго раненія тѣхъ раненыхъ, которые лежали въ палаткахъ Краснаго Креста. Словомъ, переходить изъ одной палатки въ другую было крайне рисковано. При такой обстановкѣ совершалась безпримѣрная дѣятельность Краснаго Креста при осадѣ Текинской крѣпости. При этомъ Главноуполномоченный показывалъ всему своему персоналу примѣръ хладнокровія, распорядительности и неустрашимости. Особенную службу качества эти сослужили во время двухъ ночныхъ нападеній текинцевъ на нашъ лагерь, когда дикій крикъ ихъ, раздававшійся въ самыхъ нашихъ траншеяхъ, казалось, предвѣщалъ неминуемую гибель маленькому русскому отряду...

Послѣ взятія штурмомъ Геокъ-Тепе князь Шаховской приказомъ генерала Скобелева назначенъ былъ главнымъ распорядителемъ по эвакуаціи больныхъ и раненыхъ въ Закаспійскомъ краѣ. 1 Мая 1881 г., по окончаніи возложенныхъ на него обязанностей, съ частью своего отряда онъ покинулъ Красноводскъ и направился въ Петербургъ, гдѣ 29 Мая состоялась его свадьба съ дочерью военнаго министра графинею Е. Д. Милютиной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ оканчиваются годы странствованія князя Шаховского и наступаетъ время приложенія пріобрѣтеннаго

имъ многосторонняго опыта и развившихся въ отвѣтственной и самостоятельной дѣятельности силъ на поприщѣ болѣе широкаго, государственнаго дѣла. Этотъ второй и важнѣйшій періодъ жизни и государственнаго служенія князя начался переходомъ его въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ на должность чиновника особыхъ порученій при Министрѣ— графѣ Н. П. Игнатьевѣ.

II.

Князь поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ тотъ моментъ, когда въ нѣкоторыхъ изъ южныхъ городовъ Россіи происходили знаменитые еврейскіе погромы. Погромы эти представлялись столь страннымъ явленіемъ народной жизни, что первое время по поводу ихъ возникновенія какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ кругахъ господствовало полное недоумѣніе, смѣшанное съ чувствомъ нѣкоторой тревоги. Особенно подозрительнымъ казалось то обстоятельство, что, безпощадно истребляя собственность евреевъ, топла вообще не позволяла себѣ ни грабежа, ни насилія надъ личностью ихъ: можно было подумать, что исполнялась какая-то заранѣе условленная программа, что какая-то скрытая рука распоряжалась искусственно подогрѣтымъ народнымъ движеніемъ. Воображенію и чувству, потрясеннымъ ужаснымъ событіемъ 1 Марта 1881 г., чудилось, что „еврейскіе погромы руководятся анархистами, которые пробуютъ свою силу и вліяніе на народныя массы“.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ воспользовалося пріобрѣтенною въ лицѣ князя Шаховского новою, закаленною среди разнообразныхъ испытаній и опасностей, силою—для разслѣдованія на мѣстѣ еврейскихъ безпорядковъ въ Черниговской губерніи, особенно города Нѣжина, гдѣ они достигли наиболѣе значительныхъ размѣровъ. Командированный для этой цѣли въ названную губернію, князь въ представлен-

номъ имъ отчетѣ пролилъ новый для того времени свѣтъ на характеръ и причины антиеврейскихъ безпорядковъ. Ему удалось дознаться, что корень и главнѣйшая причина еврейскихъ погромовъ лежали въ самыхъ евреяхъ, въ томъ экономическомъ гнетѣ, въ которомъ разселившіеся по южной Руси евреи держали мѣстное населеніе, причемъ о связи между самоуправствомъ толпы и агитаціей анархистовъ (нигилистовъ), какъ показало разслѣдованіе, не могло быть и рѣчи. Отчетъ князя Шаховского произвелъ наилучшее впечатлѣніе, обнаруживъ въ немъ способность быстро освоиваться въ совершенно новой для него области, и открылъ ему путь къ высшему посту по губернской администраціи. Высочайшимъ указомъ 16 Августа 1881 г. онъ, будучи 29 лѣтъ отъ роду, былъ назначенъ исправляющимъ должность Черниговскаго Губернатора, съ производствомъ въ статскіе совѣтники.

По вступленіи въ должность губернатора, князь прежде всего и главнымъ образомъ обратилъ свое вниманіе на еврейскій вопросъ. Предшественникомъ его по Черниговской губерніи была допущена крупная ошибка: онъ считалъ, повидимому, противоеврейское движеніе плодомъ подстрекательства со стороны нигилистовъ и слишкомъ поспѣшно и рѣшительно взялъ евреевъ подъ защиту власти, расположивъ въ губерніи повсемѣстно войска для охраны ихъ имущества. Князь совершенно иначе понялъ задачу правительства въ этомъ дѣлѣ, и послѣдствія оправдали его взглядъ. „Обрати вниманіе,—писалъ онъ своему брату отъ 16 Августа 1881 г.,— на сегодняшнее мое донесеніе графу (Игнатьеву), въ которомъ я описываю увертюру къ моей борьбѣ съ евреями, какъ съ корнемъ и главной, если не единственной, причиной бывшихъ и легко могущихъ съ новою силой возобновиться безпорядковъ. Продолжать систему, установленную Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ для предупрежденія безпорядковъ, по моему крайнему убѣжденію,—значитъ искусственно подготовлять революцію. Населеніе страдаетъ отъ евреевъ и не

видитъ конца страданій. Администрація этихъ страданій не облегчаетъ, а, напротивъ, подкупленная, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ евреями, держитъ ихъ руку. Наконецъ населеніе протестуетъ единственнымъ способомъ доступнымъ пониманію грубой, необразованной массы. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться урокомъ и приглядѣться ближе къ нуждамъ населенія, облегчить тяжелый гнетъ, наложенный на него паразитами, принять во время соотвѣтствующія гуманныя и разумныя мѣры, чтобы предотвратить безпорядки въ другомъ мѣстѣ, наша администрація усматриваетъ въ населеніи стремленіе къ бунту, неповиновенію властямъ (т. е. жидамъ), недовольство существующимъ порядкомъ (еще-бы выражать удовольствіе!) и посылаетъ войска усмирять. Подъ защитою войскъ евреи становятся еще нахальнѣе и выжимаютъ изъ населенія съ наглымъ злорадствомъ съ процентами убытки, причененные имъ раззореніемъ имущества. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ безпорядковъ еще не было, евреи, предвидя ихъ возможность, спѣшатъ выжать изъ населенія что можно, чтобы не остаться въ убыткѣ, если бы безпорядки возникли. Все это творится подъ прикрытіемъ войскъ. Очевидно, населеніе, незнакомое съ отвлеченнымъ принципомъ порядка и не понимающее, какъ ради порядка власть можетъ заставить евреевъ угнетать его, еще болѣе раздражается противъ власти, не довѣряетъ ей, пріучается смотрѣть на нее, какъ на своего врага, и воспламеняется ненавистью противъ войскъ, которыя отождествляетъ съ своими угнетателями. Понимаешь, въ какую бездну мы ведемъ населеніе и самихъ себя: администрація своими руками подготовляетъ революцію, расшатывая, гораздо болѣе соціалистовъ, довѣріе населенія къ власти и заставляя его эту власть ненавидѣть и презирать. При сохраненіи такого порядка, нѣтъ сомнѣнія, движеніе, направленное противъ евреевъ, легко можетъ обратиться противъ власти. Въ этомъ никого нельзя винить болѣе, чѣмъ саму власть“.

„Я уже распорядился постепеннымъ переводомъ на зимнія

квартиры разбросанныхъ по всей губерніи частей войскъ. Но это шагъ къ мѣрѣ, а не мѣра. Надо успокоить населеніе, надо доказать ему, что власть дѣйствительно принимаетъ къ сердцу его нужды и желаетъ облегчить его тяжелое положеніе. Только такимъ путемъ и понемногу (ибо дѣло весьма испорчено) можно возстановить довѣріе и уваженіе къ власти. На первое время мѣры должны быть приняты суровыя и строгія, но безпристрастныя и справедливыя. Я предлагаю рядъ мѣръ. Всѣ онѣ необходимы и существенны. Особенно сильно стою я за выселеніе, по моей нравственной оцѣнкѣ и убѣжденію, тѣхъ изъ вредныхъ евреевъ, которыхъ нельзя было бы уловить и преслѣдовать на основаніи закона, который, обыкновенно, легко и свободно евреями обходится".

Противуеврейскіе безпорядки побудили правительство снова заняться „еврейскимъ вопросомъ" во всемъ его объемѣ—вопросомъ, который столько разъ до того и впослѣдствіи поднимался, не приводя къ какимъ либо вполнѣ опредѣленнымъ результатамъ. На этотъ разъ во всѣхъ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости учреждены были подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ еврейскія комиссіи, которымъ вмѣнено было въ обязанность представить результаты своихъ работъ къ 22 Ноября 1881 г. въ центральную еврейскую комиссію, образованную въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Готовцева. Черниговская еврейская комиссія работала очень усердно. „Матеріалъ собранъ богатый,—писалъ предсѣдатель его въ одномъ изъ своихъ писемъ. Обработка его выполняется самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ. Кромѣ обильнаго, весьма полнаго статистическаго матеріала, мы имѣемъ по еврейскому вопросу въ Черниговской губерніи свѣдѣнія, отзывы и мнѣнія, обнимающіе собою весь кругъ дѣятельности евреевъ, отъ всѣхъ волостей (кромѣ свѣдѣній отъ полиціи), всѣхъ городскихъ головъ, предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ, предсѣдателей съѣздовъ мировыхъ судей, ду-

ховенства, директоровъ и инспекторовъ гимназій, училищъ и школъ, прокуроровъ, нотаріусовъ, агентовъ страховыхъ обществъ, фабрикантовъ, заводчиковъ; кромѣ того, массу свѣдѣній отъ частныхъ лицъ—помѣщиковъ, крестьянъ, купцовъ. Я не считаю свѣдѣній, добытыхъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, какъ то: казенной палаты, межевой палаты, акцизнаго управленія, исправниковъ, полиціймейстеровъ и пр. Наша комиссія, съ примыкающими къ ней подкомиссіями (по каждому отдѣльному роду занятій евреевъ) и редакціонной комиссіей, работаетъ весьма серьезно и добросовѣстно. Какъ можно предвидѣть, мѣры будутъ предложены радикальныя, существенныя, практическія. Комиссія можетъ смѣло сказать, что въ рѣшеніи ея будетъ выражено желаніе всей губерніи".

Нѣтъ надобности излагать здѣсь тѣ мѣры, какія предложены были Черниговскою комиссіею по еврейскому вопросу; довольно замѣтить, что всѣ эти мѣры, отличаясь несомнѣнною практичностью и цѣлесообразностью, направлены были къ тому, чтобы оградить мѣстное населеніе отъ беззастѣнчивой еврейской эксплоатаціи, послужившей, какъ показало ближайшее и безпристрастное разслѣдованіе этого дѣла, главнѣйшею причиною противоеврейскихъ безпорядковъ.

Кромѣ еврейскаго вопроса, князю Шаховскому, за время управленія имъ Черниговской губерніей, пришлось усиленно заниматься и другими важными вопросами, выдвигавшимися въ то время жизнью и правительствомъ. Такъ, въ 1882 г. онъ принималъ дѣятельное участіе, въ качествѣ предсѣдателя, въ Черниговской губернской комиссіи, разсматривавшей вопросъ о переустройствѣ порядка питейной торговли въ видахъ сокращенія потребленія населеніемъ спиртныхъ напитковъ и огражденія народной нравственности. Въ 1883 г. имъ представлено было обстоятельное заключеніе по предложенному Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вопросу о преоброзованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Въ этомъ своемъ заключеніи онъ опирался на тщательно собранный имъ обширный

матеріалъ, каковымъ послужили, между прочимъ, мнѣнія и отзывы лицъ, „близко знакомыхъ съ административной дѣятельностью въ губерніи и на собственномъ продолжительномъ трудѣ изучившихъ самую практику этого дѣла въ уѣздѣ“. Но особенное вниманіе князь долженъ былъ обратить на переселенческій вопросъ, такъ какъ охватившее въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія стремленіе крестьянъ къ переселенію на „свободныя земли“ въ небывалыхъ размѣрахъ стало обнаруживаться также и въ Черниговской губерніи. Это, совершенно новое въ то время, явленіе народной жизни, съ одной стороны, побуждало губернскую администрацію къ тщательному и всестороннему изученію его, съ другой—требовало немедленнаго принятія мѣръ, чтобы предотвратить гибельныя послѣдствія отъ того стихійнаго и безпорядочнаго характера, какой начинало пріобрѣтать переселенческое движеніе среди крестьянъ, и направить послѣднее на вполнѣ легальный путь. Къ разрѣшенію обѣихъ этихъ задачъ князь Шаховской отнесся съ всегда отличавшею его энергіею и добросовѣстностью. Свой взглядъ на значеніе и причины переселенческаго движенія крестьянъ, а также на предстоявшія въ этомъ дѣлѣ правительству задачи онъ высказалъ въ особомъ заключеніи, составленномъ имъ по предложенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 13 Августа 1882 г.; въ то же время онъ долженъ былъ много работать надъ примѣненіемъ въ губерніи закона 10 Іюля 1881 г. о надѣленіи бѣднѣйшей части крестьянскаго населенія свободными казенными землями въ другихъ губерніяхъ и особенно—закона 1 Іюля 1882 г. о колонизаціи Южно-Уссурійскаго края. Дѣятельность его по примѣненію второго изъ названныхъ законовъ была настолько успѣшна, что во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ по Черниговской губерніи за 1882 г. онъ имѣлъ основаніе назвать эту губернію „центромъ, изъ котораго выйдетъ весь первоначальный контингентъ колонизаторовъ Южно-Уссурійскаго края“.

4 Апрѣля 1885 г. князь Шаховской былъ перемѣщенъ на должность Эстляндскаго губернатора. Не смотря на то, что это перемѣщеніе состоялось не вполнѣ согласно съ желаніями князя, тѣмъ не менѣе именно въ Эстляндской губерніи суждено было проявиться во всей полнотѣ его выдающимся административнымъ способностямъ, его энергіи и рѣдкому трудолюбію, наконецъ—его зрѣлому и ясному пониманію государственныхъ потребностей Россіи, причемъ качества эти были обнаружены имъ при обстоятельствахъ исключительныхъ и въ условіяхъ, имѣющихъ мало общаго съ тѣми, посреди которыхъ приходится дѣйствовать губернаторамъ внутреннихъ губерній Имперіи. То было время, когда правительство, по твердо выраженной волѣ Императора Александра III, рѣшило положить конецъ тѣмъ своеобразнымъ и совершенно несовмѣстимымъ съ правильно понимаемыми интересами Россіи порядкамъ, какія господствовали до того на прибалтійской окраинѣ. Сущность этихъ порядковъ, какъ извѣстно, заключалась въ томъ, что не только экономическая жизнь края, но и почти все управленіе имъ фактически находилось въ рукахъ небольшой, но сильной своею крѣпкою сплоченностью и вліятельной многочисленными связями въ правящихъ сферахъ Петербурга, группы мѣстнаго дворянства. Полиція, судъ, народное образованіе, самая вѣра населенія, словомъ всѣ имѣющія для мѣстной жизни первостепенное значеніе учрежденія стояли въ прямой и самой близкой зависимости отъ этого хорошо организованнаго, дисциплинированнаго и политически воспитаннаго сословія. Чуждое всему остальному населенію по языку и племени, но владѣя наибольшею частью поземельной собственности въ краѣ, оно не только успѣло подчинить своимъ интересамъ весь строй мѣстной жизни, но и съумѣло направить его къ вполнѣ опредѣленной и систематически проводившейся имъ политической цѣли, а именно—къ поддержанію обособленности прибалтійскихъ губерній отъ Россіи, къ воспитанію этой провинціи въ чув-

ствахъ отчужденія отъ Имперіи, съ которой она вслѣдствіе такого воспитанія, не смотря на давнюю ея принадлежность Россіи, въ теченіи всего времени находилась не въ органической, а лишь въ совершенно случайной связи. Такое положеніе вещей въ краѣ опиралось, главнымъ образомъ, на Сводъ мѣстныхъ узаконеній и въ значительной степени создано было по винѣ русской правительственной власти, издавна какъ бы положившей себѣ за правило—не вмѣшиваться во внутреннія дѣла прибалтійскихъ губерній и почти всегда уступавшей тѣмъ, часто совершенно незаконнымъ, домогательствамъ, съ которыми обращалось къ ней, разумѣется, въ своихъ интересахъ, дворянство этихъ губерній. Сознавъ, наконецъ, весь вредъ столь пассивнаго отношенія своего къ жизни одной изъ важнѣйшихъ окраинъ Россіи и поставивъ цѣлью возможно полное и всестороннее объединеніе ея съ Имперіей, правительство прежде всего озаботилось выборомъ лицъ, которымъ вполнѣ можно было бы ввѣрить отвѣтственное дѣло осуществленія намѣченной цѣли на мѣстахъ. Однимъ изъ первыхъ для этого былъ избранъ князь Шаховской. И выборъ оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ. Принявъ назначеніе въ Эстляндскую губернію, кн. Шаховской приступилъ къ осуществленію указанной цѣли тѣмъ съ большей энергіею, что она вполнѣ отвѣчала его собственному настроенію и уже окончательно сложившемуся въ ту пору политическому міросозерцанію его. Воспитавшійся, по собственнымъ его словамъ, подъ идейнымъ вліяніемъ „Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ и другихъ незабвенныхъ и незамѣнимыхъ русскихъ людей, для которыхъ честь и достоинство государственныя не были звукъ пустой“, успѣвшій уже и въ практической дѣятельности своей завязать прочныя связи въ славянофильскихъ кругахъ русскаго общества, онъ былъ искренне и глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что возможно болѣе близкое политическое и культурное пріобщеніе окраинъ къ Имперіи составляетъ одну изъ самыхъ насущныхъ и неотложныхъ го-

сударственныхъ задачъ Россіи. Съ точки зрѣнія этого общаго убѣжденія, подкрѣпленнаго авторитетными указаніями высшей власти, посмотрѣлъ князь Шаховской и на ближайшія и конкретныя задачи, предстоявшія ему въ Эстляндской губерніи. Съ свойственными ему трудолюбіемъ и энергіею принялся онъ за нелегкое дѣло изученія своеобразныхъ особенностей края и, по мѣрѣ своего ознакомленія съ ними, началъ рядъ многочисленныхъ представленій высшему правительству о необходимости тѣхъ или другихъ мѣропріятій въ интересахъ наиболѣе прочнаго и скораго выполненія программы, предуказанной державной волею Императора Александра III. Нѣкоторые изъ послѣдовавшихъ затѣмъ правительственныхъ актовъ, относившихся къ прибалтійскимъ губерніямъ, осуществлены были, главнымъ образомъ, по его неоднократнымъ и настойчивымъ представленіямъ и составляютъ, поэтому, одну изъ неотъемлемыхъ заслугъ князя передъ русской государственностью. Таковъ законъ 14 Сентября 1885 г. о веденіи дѣлопроизводства и переписки присутственными мѣстами и должностными лицами въ упомянутыхъ губерніяхъ на русскомъ языкѣ, какъ языкѣ государственномъ. Другія, какъ напримѣръ, реформы полиціи и суда въ тѣхъ же губерніяхъ, прошли при самомъ близкомъ и дѣятельномъ участіи его какъ въ предварительной разработкѣ ихъ на мѣстахъ и въ различныхъ петербургскихъ комиссіяхъ, такъ и при окончательномъ разсмотрѣніи ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Мѣстное дворянство быстро поняло, съ какого рода дѣятелемъ оно должно было имѣть дѣло въ лицѣ князя Шаховского. Первые же служебные шаги его въ Эстляндской губерніи ясно показали, что онъ является непримиримымъ противникомъ націоналистическихъ тенденцій прибалтійскаго дворянства и его притязаній на политическое верховенство въ краѣ, считающимъ и тѣ и другія совершенно несовмѣстимыми ни съ государственными интересами Россіи, ни съ достоинствомъ русской правительственной власти. Съ самаго же

начала своей служебной дѣятельности въ Эстляндской губерніи онъ встрѣтился, поэтому, съ дружнымъ и сплоченнымъ противодѣйствіемъ дворянства, а во главѣ съ нимъ и другихъ элементовъ мѣстнаго сепаратизма и нѣмецкаго націонализма,—противодѣйствіемъ, выражавшимся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, не исключая открытаго протеста и явнаго неповиновенія совершенно законнымъ требованіямъ и распоряженіямъ губернатора. Такъ сама собою началась борьба князя Шаховского съ балтами, длившаяся въ теченіи всей его службы на посту Эстляндскаго губернатора и принимавшая нерѣдко истинно-драматическій характеръ. Мы не имѣемъ въ виду въ настоящемъ краткомъ очеркѣ передавать, хотя бы въ общихъ чертахъ, исторію этой борьбы: яркую картину ея читатель найдетъ въ печатаемыхъ въ предлагаемомъ изданіи „матеріалахъ“, представляющихъ собою извлеченіе изъ оставшагося послѣ князя Шаховского обширнаго архива. Матеріалы эти даютъ достаточно ясное и полное представленіе какъ о тѣхъ порядкахъ, которые въ недавнемъ прошломъ господствовали на прибалтійской окраинѣ, такъ и о той энергіи и пріемахъ, съ которыми привиллегированные защитники этихъ порядковъ боролись противъ совершенно законнаго стремленія русскаго государственнаго дѣятеля въ краѣ положить имъ конецъ. Скажемъ только, что, не смотря на всю тяжесть выпавшей на долю князя Шаховского борьбы, онъ до конца оставался на высотѣ истинно-государственнаго пониманія своихъ задачъ. При этомъ онъ явилъ себя убѣжденнымъ сторонникомъ твердаго, рѣшительнаго и неуклонно послѣдовательнаго образа дѣйствій, отнюдь не допускавшимъ въ своей дѣятельности компромиссовъ, справедливо полагая, что политика компромиссовъ, къ которой нерѣдко прибѣгаютъ русскіе дѣятели на окраинахъ, была бы, съ точки зрѣнія интересовъ русскаго дѣла въ краѣ, по меньшей мѣрѣ безплодна при томъ искусствѣ—всякое неполное рѣшеніе вопроса обращать въ свою пользу, какимъ всегда отличалось

рыцарское сословіе прибалтійскихъ губерній. На необходимость именно такого характера дѣйствій правительственной власти въ краѣ онъ ясно и опредѣленно указалъ въ первомъ же Всеподданѣйшемъ отчетѣ своемъ по Эстляндской губерніи. „Примѣръ успѣшнаго,—писалъ онъ здѣсь,—не взирая на всѣ препятствія и противодѣйствія, осуществленія закона 14 Сентября (1885 г.) наглядно свидѣтельствуетъ, что залогъ успѣха правительственныхъ начинаній въ этомъ краѣ заключается всецѣло въ ясно намѣченной цѣли, неуклонной послѣдовательности и настойчивой твердости въ ея достиженіи". Выраженный въ этихъ словахъ взглядъ былъ однимъ изъ основныхъ убѣжденій князя Шаховского, которымъ онъ руководился въ теченіи всей своей дѣятельности въ Эстляндіи и которое настойчиво развивалъ при каждомъ случаѣ и оффиціальнымъ и частнымъ путемъ. Въ болѣе откровенной формѣ онъ выражалъ его въ своей перепискѣ съ разными лицами, интересовавшимися въ то время ходомъ дѣлъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Такъ, въ Августѣ 1885 г. онъ писалъ одному изъ близкихъ ему лицъ: „Я держусь мнѣнія, что съ нѣмцами надо дѣйствовать крупными, ошеломляющими ударами, а не тянуть дѣло по мелочамъ. Теперь я сразу возбудилъ 8 крупныхъ дѣлъ. Каждое изъ нихъ обставлено обстоятельно и прочно. Это будетъ для нихъ здоровый ударъ, и они навѣрное потеряютъ голову и при этомъ или надѣлаютъ глупостей, что̀ намъ выгодно, или опустятъ руки, что̀ мало вѣроятно... Если хочешь дать характеристику моей дѣятельности, то не ошибешься, сравнивъ меня съ огнемъ, имѣющимъ цѣлью освѣтить царившій здѣсь мракъ и дѣянія бароновъ, подъ прикрытіемъ этого мрака совершавшіяся. Огонь этотъ рѣжетъ баронамъ глаза, они не привыкли къ нему и не желаютъ его потушить—и какъ ночныя бабочки,—на него летятъ и обжигаютъ себѣ крылья. Свѣтъ не виноватъ, что онъ рѣжетъ другимъ глаза и обнаруживаетъ дѣйствительность".

Здѣсь необходимо отмѣтить одну особенность князя Шаховского, не часто встрѣчающуюся въ средѣ чиновнаго міра и значительно выдѣлявшую его изъ этой среды. Въ немъ всегда было одинаково сильное стремленіе къ государственной службѣ, какъ и къ общественной дѣятельности. Это стремленіе ясно обнаружилось въ немъ уже при самомъ началѣ его служебнаго поприща. Мы видѣли, что, состоя на службѣ въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Дѣятельность его по Красному Кресту, которой онъ отдавался съ большимъ увлеченіемъ и ради которой не задумался, подъ живыми впечатлѣліями событій того времени, оставить свои занятія въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, по существу носила также болѣ общественный, нежели чисто служебный характеръ. Благодаря этой двойной школѣ жизни изъ него выработался рѣдкій примѣръ чиновника, который не далъ канцелярщинѣ и служебной рутинѣ изсушить въ себѣ живого человѣка и который каждому поручавшемуся ему дѣлу стремился и умѣлъ придать интересъ высшаго служенія родинѣ. Ставъ во главѣ управленія Эстляндской губерніей, гдѣ его дѣятельность приняла особенно широкій розмахъ, онъ, естественно, не могъ быть лишь простымъ исполнителемъ чужихъ указаній, но неизбѣжно внесъ въ это управленіе живой духъ собственной инициативы и въ значительной степени шелъ самостоятельнымъ путемъ, ярко освѣщавшимся свѣтомъ опредѣленнаго національно-политическаго міровоззрѣнія, не сбиваясь съ этого пути, не смотря ни на какія вѣянія въ руководящихъ сферахъ. Въ этомъ была его сила, доставившая ему не одну побѣду надъ его политическими противниками въ краѣ; но въ этомъ заключался и источникъ многихъ его неудачъ и разочарованій. Уже въ первые годы его службы въ Эстляндіи обнаружилось, что со своими вполнѣ опредѣленными взглядами на характеръ прави-

тельственной политики въ прибалтійскихъ губерніяхъ онъ во многихъ отношеніяхъ оказывается въ значительной мѣрѣ одинокимъ среди лицъ, имѣвшихъ самое существенное вліяніе на ходъ прибалтійскихъ дѣлъ. И объ этомъ нельзя не пожалѣть.

Нельзя не пожалѣть прежде всего о томъ, что его взгляды и образъ дѣйствій не возбуждали къ себѣ полнаго сочувствія губернаторовъ другихъ прибалтійскихъ губерній. Въ письмахъ князя Шаховского постоянно встрѣчаются сѣтованія на недостатокъ „единомыслія и единодушія“ въ дѣятельности лицъ, вмѣстѣ съ нимъ призванныхъ къ осуществленію предпринятыхъ въ то время въ этихъ губерніяхъ преобразованій,— единодушія, которое, естественно, онъ считалъ однимъ изъ самыхъ необходимыхъ условій успѣшности всѣхъ правительственныхъ начинаній въ краѣ. Есть при этомъ и болѣе опредѣленное указаніе на то, что губернаторы Лифляндскій и Курляндскій явно уклонялись отъ прямой поддержки князя Шаховского, очевидно, опасаясь связывать себя съ его безповоротно твердымъ и рѣшительнымъ направленіемъ. „Они согласились,—пишетъ князь,—идти вмѣстѣ рука объ руку, но считаютъ рискованнымъ взять меня къ себѣ въ союзъ. Они рѣшили идти за мной, пользуясь тѣмъ, что удастся урвать мнѣ. Странные люди! Не понимаютъ важности минуты, Такой взглядъ ихъ меня не останавливаетъ въ принятомъ разъ направленіи“. Относясь безусловно отрицательно къ такой, совершенно не оправдывавшейся существомъ дѣла, осторожности, князь особенно рѣзко порицалъ колеблющійся двойственный и почти всегда болѣе благопріятный домогательствамъ балтовъ характеръ дѣятельности Лифляндскаго губернатора М. А. Зиновьева,—своего всегдашняго и опаснаго противника въ различныхъ петербургскихъ комиссіяхъ, въ которыхъ имъ приходилось вмѣстѣ участвовать по дѣламъ прибалтійскаго края.

Еще большаго сожалѣнія заслуживаетъ то обстоятельство, что твердый и до конца послѣдовательный образъ дѣйствія

князя въ Эстляндіи не встрѣчалъ достаточной поддержки и полнаго одобренія въ Петербургѣ—со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Можно сказать даже болѣе, что его энергичная борьба съ балтами въ большинствѣ случаевъ подвергалась положительному неодобренію Министерства, находившаго въ его дѣятельности недостатокъ „опытной осторожности“ и видѣвшаго въ ней лишь источникъ безполезнаго раздраженія мѣстнаго общества противъ правительственной власти. Въ этомъ заключалась одна изъ важнѣйшихъ причинъ того, что многія изъ предположеній и начинаній князя Шаховского, направленныхъ къ торжеству государственныхъ интересовъ и русскаго дѣла въ краѣ, не получали осуществленія или-же осуществлялись далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ то представлялось ему необходимымъ. Само собою понятно, что такое отношеніе Министерства самымъ неблагопріятнымъ образомъ отражалось на служебномъ положеніи князя, колебля авторитетъ его, какъ представителя правительственной власти, въ губерніи и являясь причиной того, что не одинъ разъ выдвигался вопросъ объ его отставкѣ или о переводѣ въ другую губернію, что для князя было въ сущности равносильно тойже отставкѣ.

Пока министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ Д. А. Толстой, положеніе князя было болѣе или менѣе устойчивымъ, хотя изъ нѣкоторыхъ писемъ его можно видѣть, что къ характеру и направленію его дѣятельности въ Эстляндской губерніи графъ Толстой относился совершенно отрицательно. Такъ, въ одномъ изъ писемъ князя, относящихся къ 1887 г., сообщается свѣдѣніе, будто въ отвѣтъ на жалобу, принесенную на князя баронами министру, послѣдній сказалъ слѣдующее: „Я самъ сознаю всю вредную дѣятельность князя Шаховского, но онъ не мной былъ назначенъ, а Государемъ и не отъ меня получаетъ инструкціи, а отъ Государя и Побѣдоносцева. Я болѣе года его не принималъ и принимать не буду, чтобы не нести отвѣтственности за его дѣйствія. Но я ручаюсь, что онъ не

долго въ Эстляндіи продержится, и жду лишь подходящаго случая, чтобы отъ него избавиться". По словамъ князя, свѣдѣніе это было получено имъ изъ источника, не заслуживавшаго полнаго довѣрія, но—прибавляетъ онъ—„вмѣстѣ съ тѣмъ я не имѣю основаній отрицать возможности подобнаго мнѣнія обо мнѣ графа Толстого, такъ какъ онъ, дѣйствительно больше года меня не принимая, лишенъ возможности судить объ истинномъ характерѣ, смыслѣ и значеніи моей дѣятельности, что̀ онъ могъ-бы узнать только лично отъ меня". Впрочемъ, въ концѣ этого-же 1887 года, когда въ Государственномъ Совѣтѣ проводился проэктъ полицейской реформы въ прибалтійскомъ краѣ, графъ Толстой, сдѣлавшись убѣжденнымъ сторонникомъ этого проэкта, въ личномъ свиданіи обратился къ князю съ просьбой напречь всѣ свои способности, чтобы доказать обоснованность проэкта въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго Совѣта, куда по волѣ Государя Императора были вызваны губернаторы всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній, причемъ изъ нихъ только одинъ князь Шаховской оказался на высотѣ положенія. Съ этого времени и до конца жизни со стороны графа Д. А. Толстого ничего кромѣ предупредительности и уваженія кн. Шаховской не видалъ; но положеніе его существенно и довольно быстро мѣняется къ худшему, какъ только на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, послѣ смерти графа Д. А. Толстого, былъ назначенъ И. Н. Дурново. При многихъ безспорныхъ качествахъ своихъ, послѣдній однако-же не обладалъ достоинствами своего предшественника и, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе его былъ доступенъ разнаго рода вліяніямъ, имѣвшимъ мало общаго съ соображеніями о государственныхъ интересахъ. Совершенно естественно, что такой дѣятель, какимъ былъ князь С. В. Шаховской, не допускавшій и мысли о томъ, чтобы поступиться государственными интересами въ прибалтійскомъ краѣ въ пользу какихъ либо иныхъ интересовъ, не могъ возбуждать къ себѣ особаго сочувствія со стороны

новаго министра. И между ними не замедлило обнаружиться по поводу сравнительно второстепенныхъ дѣлъ, но въ сущности принципіальное разногласіе въ пониманіи задачъ, предстоящихъ правительственной власти въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ первый разъ съ неподлежащею сомнѣнію ясностью это опредѣлилось, повидимому, въ 1890 г. „Сегодня утромъ я отправился,—пишетъ князь въ письмѣ отъ 13 Октября этого года,—къ Ив. Ник. Дурново, чтобы узнать, какая резолюція была положена на его докладѣ по Пюхтицкому дѣлу [1]) и сообразно съ этимъ самому подготовиться къ средѣ. Мнѣ было сообщено во-первыхъ, что въ докладѣ были раскритикованы мои предположенія, какъ повтореніе прежнихъ, разъ уже не удостоившихся одобренія, а вмѣсто нихъ былъ предложенъ выкупъ крестьянскихъ участковъ въ казну; во-вторыхъ, что на этомъ докладѣ, посланномъ, а не представленномъ лично, была, будто бы, положена слѣдующая резолюція: „Къ этой мѣрѣ слѣдуетъ отнестись съ большой осторожностью".—Засимъ мнѣ было указано, что поднимая такіе вопросы, я ставлю министерство въ затрудненіе и что хорошій губернаторъ всегда найдетъ возможность на мѣстѣ улаживать такія дѣла личными отношеніями съ помѣщиками и предводителями, что мои отношенія къ дворянству не могутъ встрѣтить одобренія и что я долженъ брать примѣръ съ Сипягина [2]). На это я отвѣчалъ въ весьма высокомъ тонѣ и рѣзко. Я ни съ кѣмъ сравнивать себя не хочу и не хочу ни съ кого брать примѣръ. Я стою на стражѣ государственныхъ интересовъ твердо и никому не дамъ урвать ни куска изъ этихъ дорогихъ, мнѣ довѣренныхъ интересовъ. Дворянство преслѣдуетъ цѣли, противоположныя тѣмъ, которымъ я привыкъ служить по долгу присяги. Сойтись съ дворянствомъ—значитъ уступить ему часть этихъ интересовъ, на другой почвѣ

---

[1]) Объ этомъ дѣлѣ см. т. II № 17, а также т. III №№ 22 и 31—настоящаго изданія.

[2]) Курляндскаго губернатора, впослѣдствіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

соглашеніе было-бы невозможно. Если отъ меня требуютъ такого акта, то я считаю долгомъ разъ на всегда заявить, что отъ меня его дождаться нельзя и, поэтому, если я не отвѣчаю болѣе современнымъ требованіямъ правительства, то я готовъ уйдти, уступивъ мѣсто другому. Меня просили не горячиться, а лучше постараться затѣянное мною дѣло покончить миролюбиво путемъ переговоровъ съ Предводителемъ дворянства, который-де съумѣетъ уговорить помѣщиковъ, чтобы они не поднимали арендной платы, на что они несомнѣнно согласятся ради общаго блага, чтобы не возбудить общій для всей губерніи вопросъ о выкупѣ земель, или объ иномъ разрѣшеніи аграрныхъ затрудненій. Я сказалъ, что уже говорилъ объ этомъ съ Предводителемъ, но въ теченіи болѣе двухъ мѣсяцевъ никакого отвѣта не получилъ, а между тѣмъ старые арендаторы уже заявили о непринятіи новыхъ условій и на ихъ мѣсто приглашены новые, что тянуть долѣе время невозможно: это значило-бы пропустить всякую возможность спасти Пюхтицкій приходъ. На это мнѣ было замѣчено, что я представилъ дѣло необстоятельно, что во всякомъ случаѣ потребуются болѣе точныя изслѣдованія на мѣстѣ, что, говоря объ „ищущихъ." православія лютеранахъ, я не справился съ ихъ желаніемъ и т. д. и въ концѣ концовъ, что Министерство считаетъ себя вынужденнымъ командировать особое лицо на мѣсто для всесторонняго изслѣдованія этого дѣла. Со мною были рѣзки, и я не уступалъ. Два раза я сказалъ, что при такомъ отношеніи ко мнѣ Министерства я считалъ бы неудобнымъ продолжать службу, такъ какъ усматриваю, что нѣтъ должнаго довѣрія къ моимъ оффиціальнымъ представленіямъ. Но всякій разъ мнѣ говорили, что не изъ чего нельзя заключить, что-бы было ко мнѣ недовѣріе, но что я горячусь и отношусь къ дѣламъ весьма страстно. На это я отвѣтилъ, что почти за 6 лѣтъ моего пребыванія въ Ревелѣ у меня, не смотря на всю трудность положенія, не было ни одного столкновенія

личнаго свойства, а что я дѣйствительно горячусь со своими, когда вижу, что люди, облеченные вліяніемъ и властью не убѣждены въ правотѣ дѣла, которому они призваны служить и стараются выдвигаемые жизнью вопросы не разрѣшать, а замазывать, откладывая ихъ разрѣшеніе до какой нибудь катастрофы, которую всегда можно предотвратить своевременнымъ правильнымъ разрѣшеніемъ вопросовъ“.

Это любопытное объясненіе губернатора съ Министромъ, при всей его рискованности для князя, кончилось для послѣдняго вполнѣ благополучно; но съ тѣхъ поръ въ письмахъ князя все чаще и чаще встрѣчаются сѣтованія на то, что его представленія въ Министерствѣ не утверждаются, что это, подрывая его авторитетъ въ губерніи, въ то же время тормазитъ всю его дѣятельность, направленную къ осуществленію Высочайше указанной правительству по отношенію къ прибалтійскому краю программы и опирающуюся на точное знаніе мѣстныхъ условій и правильную оцѣнку ихъ съ точки зрѣнія общегосударственныхъ интересовъ Россіи. Подъ вліяніемъ столь печально сложившихся обстоятельствъ, въ немъ все сильнѣе сказывалось сознаніе невыносимости своего положенія въ Эстляндской губерніи и все яснѣе выступала мысль о необходимости какого-либо выхода изъ этого положенія. Но выходъ былъ возможенъ для него лишь одинъ—это навсегда оставить службу въ прибалтійскомъ краѣ. Не смотря на то, что ему жаль было покидать дѣло, которое онъ считалъ чрезвычайно важнымъ для Россіи и которое такъ отвѣчало его убѣжденіямъ,—иного выхода изъ своего положенія онъ не видѣлъ. Особенно ясно почувствовалъ это князь Шаховской въ началѣ 1894 г., когда между нимъ и И. Н. Дурново снова произошло весьма откровенное объясненіе [1]), въ которомъ съ гораздо большею ясностью, нежели въ изло-

[1]) Объясненіе это подробно записано въ „Дневникѣ“ князя С. В. Шаховского; мы беремъ отсюда самую незначительную его часть.

женномъ выше, сказалось все различіе ихъ въ отношеніи къ вопросамъ прибалтійской жизни. Ссылаясь на то, что будто-бы князь „вызвалъ сильное давно не бывалое раздраженіе“ въ краѣ, Министръ упрекалъ его въ томъ, что онъ „ведетъ собственную политику и не сообразуется со взглядами и направленіемъ высшаго правительства“. „И Зиновьевъ и Свербеевъ [1]), говорилъ онъ, свидѣтельствуютъ, что русское дѣло ведется у нихъ неуклонно твердо, что нѣмцы начинаютъ привыкать къ новымъ порядкамъ и что надо дать имъ совсѣмъ успокоиться и ничѣмъ не раздражать. Вы одни только мутите и раздражаете не только у себя, а во всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Этого допустить нельзя. По волѣ Государя Императора земская реформа и всѣ прочія пріостановлены. Надо дать населенію отдохнуть и свыкнуться съ проведенными уже реформами, а послѣднимъ пустить корни. Вотъ теперь какой моментъ. Объ этомъ ходатайствовали Зиновьевъ и Свербеевъ, я ихъ поддержалъ, и Государь на это уже соизволилъ. Вы же или не понимаете этого, или желаете вопреки Высочайшей волѣ втравлять правительство въ рядъ приключеній“. Князь отвѣчалъ на это обвиненіе подробнымъ и обстоятельнымъ разъясненіемъ смысла своей дѣятельности въ Эстляндской губерніи и, между прочимъ, сказалъ: „Я съ малолѣтства воспринялъ духовно завѣты школы Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ и другихъ незабвенныхъ и незамѣнимыхъ русскихъ людей, для которыхъ честь и достоинство государственныя не были звукъ пустой. Они ясно сознавали правительственныя цѣли и задачи въ преемственной ихъ исторической связи. Они создали цѣлое, опредѣленное міровоззрѣніе и знали, куда идти надлежитъ Россіи и что для сего требуется. Я убѣжденно и сознательно принадлежу къ этой школѣ и потому дѣйствую не случайно, какъ Богъ на душу положитъ, а разумно и со-

[1]) Бывшій въ то время Курляндскій губернаторъ.

знательно, зная, какъ именно надо вести дѣло, чтобы добиться дѣйствительныхъ правительственныхъ цѣлей въ краѣ. Правительство же высшее, если не сказать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ,—простите за откровенность,—программы не имѣетъ: оно разрѣшаетъ только текущія дѣла и стремится только къ одному, чтобы все было тихо и спокойно. Поэтому оно часто впадаетъ въ противорѣчіе, да иначе при такой системѣ и быть не можетъ, а насъ на мѣстѣ такія колебанія ставятъ подчасъ въ безвыходное положеніе. Я дѣйствительно, если хотите, веду самостоятельную политику, но въ томъ отношеніи, что я не допускаю у себя колебаній, иду послѣдовательно по пути, на который сознательно сталъ, держусь неизмѣнно одной и той же программы и измѣнить ей не могу, ибо почелъ бы это за измѣну, на которую не способенъ". Говоря это, князь, между прочимъ, заявилъ о своемъ желаніи „оставить службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ". „Я не понимаю, отвѣтилъ Министръ, зачѣмъ вамъ торопиться уходить изъ Эстляндіи. Оставайтесь тамъ, вы тамъ полезны, только ради Бога будьте осторожны. Не раздражайте нѣмцевъ. Теперь надо ихъ успокаивать и съ ними не ссориться. Не создавайте лишнихъ враговъ Государю, сидите въ Ревелѣ смирно и ведите пока текущія дѣла. Этимъ вы принесете пользу дѣлу и себѣ самому. Надо всѣмъ дать отдохнуть. Нельзя же все время тянуть одну и ту же ноту".

Такимъ образомъ, и на этотъ разъ объясненіе съ Министромъ, не смотря на вполнѣ опредѣлившееся непримиримое разногласіе съ нимъ по самымъ основнымъ вопросамъ правительственной политики въ прибалтійскомъ краѣ, не привело князя Шаховского къ какимъ либо важнымъ послѣдствіямъ для его личной судьбы; но оно произвело на князя весьма тяжелое впечатлѣніе, особенно усилившееся вслѣдствіе того, что вскорѣ случай доставилъ князю возможность убѣдиться въ совпаденіи обращенныхъ къ нему увѣщаній И. Н. Дурново съ желаніями прибалтійскихъ дворянскихъ обществъ.

Отъ лица, заслуживавшаго полнаго довѣрія, такъ какъ лицо это принадлежало къ мѣстному высшему дворянскому обществу, князь узналъ, что балты „ставятъ ему въ вину, главнымъ образомъ, то, что онъ ведетъ дѣло черезчуръ энергично и не даетъ имъ времени, чтобы опомниться. Когда Эстляндскому дворянству приходится оглядываться и сравнивать свое положеніе съ положеніемъ дворянскихъ обществъ въ Курляндіи и Лифляндіи, то оно видитъ, что потеряло больше, чѣмъ тѣ и поставлено въ безвыходную необходимость потерять свою самостоятельность и попасть въ русскія объятія скорѣе, нежели тѣ“. По мнѣнію упомянутаго лица, главная причина успѣха князя въ Эстляндіи „кроется въ томъ, что Эстляндское дворянство бѣднѣе своихъ сосѣднихъ—и потому не можетъ такъ долго и тонко вести борьбу на свой рискъ, какъ Лифляндское и Курляндское. Оно пробовало одержать побѣду рѣшительнымъ натискомъ при графѣ Тизенгаузенѣ *) и тонкой дипломатіей при баронѣ Майделѣ *); но оба пріемы оказались неудачными. Теперь при баронѣ Будбергѣ *) оно борьбы не ведетъ, а занимается лишь текущими дѣлами. Настоящую борьбу ведутъ теперь Лифляндцы и Курляндцы. Они опасаются, что быстрый и рѣшительный успѣхъ (русскаго дѣла) въ Эстляндіи будетъ гибелью и для нихъ. Поэтому они рѣшили защитить себя отъ твердости и энергіи Эстляндскаго губернатора“. „Сопоставляя, говоритъ князь въ своемъ „Дневникѣ“, это со словами Министра Внутреннихъ Дѣлъ, нельзя не придти къ заключенію, что домогательства Лифляндцевъ н Курляндцевъ, поддержанныя высокопоставленными петербургскими нѣмцами и политически-близорукими русскими государственными людьми, одерживаютъ побѣду, если уже и не одержали. Какой вздоръ: дать успокоиться, чтобы проведенныя реформы успѣли прочно пустить корни! Смѣшно слышать. А вѣдь какъ это хорошо звучитъ

*) Бывшіе предводители дворянства.

и сколько въ этихъ словахъ мудрой предусмотрительности—въ особенности, если они пересыпаны фразами о неизмѣнности направленія, неуклонной послѣдовательности въ стремленіяхъ къ успѣшному проведенію русскихъ началъ и т. д. Вѣдь это обманъ, расчитанный или на глупость или на слѣпое довѣріе! Кому и отъ чего отдыхать? Послѣдняя судебная реформа, къ тому же коснувшаяся только формъ и обрядовъ судоустройства и судопроизводства, а не мѣстнаго земскаго и общественнаго строя, состоялась въ 1889 году, т. е. болѣе 4-хъ лѣтъ тому назадъ. Какое и кому безпокойство она причинила? Всѣ дворянскія общества прибалтійскихъ губерній и всѣ губернаторы оффиціально еще два года тому назадъ свидѣтельствовали, что эта реформа пустила прочные корни и все населеніе ею довольно. Съ тѣхъ поръ другихъ реформъ не было, если не считать школьную, которая началась еще въ 1887 г. и до сихъ поръ окончательно не проведена, такъ какъ вводится постепенно съ большой осторожностью и медленностью. Отъ чего же отдыхать? Чему давать укореняться? Конечно дѣло не въ этомъ. Мы снова встрѣчаемся съ столь давно извѣстнымъ въ исторіи прибалтійскаго края и все еще не устарѣвшимъ въ глазахъ правительства пріемомъ балтовъ—оттягивать подъ различными предлогами, смотря по обстоятельствамъ, осуществленіе нежелательныхъ реформъ въ надеждѣ, что обстоятельства перемѣнятся и они сохранятъ свои отжившія старыя учрежденія, приспособленныя къ преслѣдованію корпоративныхъ цѣлей въ ущербъ справедливости и государственнымъ интересамъ. Я писалъ объ этомъ еще во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1887 г. и раскрылъ всѣ пріемы этой интриги. Это позабыли. Теперь я безсиленъ что-либо сдѣлать. Меня совершенно изолировали.... Итакъ, нѣмцы побѣдили! Но такъ какъ они побѣдили не правомъ и правдой, а ложью и происками, то нельзя считать эту побѣду прочной. Торжество неправды можетъ быть только временное. И горе такимъ побѣдителямъ, когда правда

возсіяетъ. Возсіять же она должна! Когда, какъ и по какому поводу,—пока я предвидѣть не могу. Твердо уповаю, что Богъ поможетъ, и молю Его, чтобы меня выбралъ для сего Своимъ орудіемъ".

Таковы были условія, при которыхъ приходилось князю С. В. Шаховскому нести свою вѣрную службу русскому дѣлу на прибалтійской окраинѣ. При этихъ, столь тяжелыхъ условіяхъ единственною надежной опорой для него служило всегда благосклонное и милостивое отношеніе къ нему Императора Александра III. Самое назначеніе его на постъ Эстляндскаго губернатора состоялось въ зависимости отъ личнаго желанія Государя. „Считаю долгомъ, телеграфировалъ князю 4 Апрѣля 1885 г. Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ,—сообщить, что, озабочиваясь выборомъ Эстляндскаго губернатора, Государь Императоръ изволилъ назначить на этотъ постъ васъ." Получивъ это совершенно неожиданное для него извѣстіе, князь первоначально имѣлъ твердое намѣреніе отказаться отъ даннаго назначенія, но по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ убѣдился, что назначеніе это послѣдовало, дѣйствительно, по личному желанію Государя, и 11 апрѣля телеграфировалъ женѣ слѣдующее: „Вслѣдствіе личнаго избранія и положительно выраженной воли согласился принять Эстляндскую губернію. Всѣ наши друзья искренне радуются". Предвидя, однако, всю трудность предстоявшаго ему дѣла, онъ при первомъ же представленіи своемъ Государю, по назначеніи въ Эстляндію, доложилъ Ему о „тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣтитъ исполненіе Его воли не только на мѣстѣ, но и въ центральныхъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ". „Но Государь, пишетъ князь въ своемъ „Дневникѣ", сказалъ, чтобы я не боялся этого и неуклонно твердо исполнялъ высказанную Имъ мнѣ волю; даже больше того, Государь сказалъ мнѣ, чтобы я писалъ Ему обо всѣхъ встрѣченныхъ мною затрудненіяхъ". Этимъ послѣднимъ правомъ князь Шаховской ни разу не воспользовался; но при своихъ представленіяхъ Государю

онъ неоднократно и подробно докладывалъ ему о положеніи дѣлъ въ Эстляндской губерніи, и Государь всегда относился къ его дѣйствіямъ съ полнымъ одобреніемъ и неизмѣнной благосклонностью. „Свѣтло, хорошо у меня сегодня на душѣ, пишетъ князь въ письмѣ отъ 19 Мая 1889 г. Силы и энергія удесятерились. Я въ восторгѣ отъ сегодняшней поѣздки въ Гатчину“. Въ концѣ своего доклада въ этотъ разъ князь обратился къ Государю съ слѣдующими словами: „Ваше Императорское Величество, всякій человѣкъ, участвующій въ какомъ нибудь дѣлѣ, никогда не въ состояніи отнестись къ своей работѣ и дѣятельности объективно. Поэтому я прошу Ваше Величество откровенно сказать, не сдѣлалъ ли я какого нибудь промаха или ошибки и согласно ли я поступаю съ волею Вашего Величества?—Государь сказалъ: „Вы дѣйствуете молодцомъ, я вами вполнѣ доволенъ, продолжайти также и дальше. Въ этомъ году введенъ Судъ, въ будущемъ—Богъ дастъ—введемъ земскую реформу и дворянскую, а черезъ три года не будетъ уже разницы прибалтійскихъ губерній отъ другихъ чисто русскихъ“. Я откланялся. Государь крѣпко пожалъ руку“, заканчиваетъ князь подробное описаніе этого пріема своего у Государя.

Легко представить послѣ сказаннаго, что долженъ былъ почувствовать князь Сергѣй Владиміровичъ, когда въ 1894 г. по всей Россіи распространилась скорбная вѣсть о тяжкомъ недугѣ Императора, которому онъ преданъ былъ не только по долгу вѣрноподданнаго, но и по влеченью своего сердца... Между тѣмъ собственное его здоровье замѣтно шло на убыль. Здоровье его вообще было непрочное. Еще во время университетской жизни его нервная система получила такое потрясеніе, которое надолго оставило по себѣ слѣды. Однажды на лекціи физики проф. Любимова, при производствѣ какихъ-то опытовъ, произошелъ взрывъ; князя, ближе другихъ стоявшаго къ аппаратамъ, далеко отбросило и обо что-то ударило настолько сильно, что онъ впалъ въ безсознательное со-

стояніе, непосредственно перешедшее въ судорожный припадокъ. Такіе припадки возобновлялись сначала часто, а затѣмъ съ теченіемъ времени все рѣже и рѣже. Самъ князь не обращалъ на нихъ почти никакого вниманія и тотчасъ-же принимался за прерванное припадкомъ дѣло или разговоръ; упругій и устойчивый организмъ его, а въ особенности рѣдкая по энергіи сила воли, казалось, брали верхъ надъ всѣми препятствіями со стороны физической природы. Впослѣдствіи, когда постоянныя заботы, и непомѣрный умственный трудъ, составлявшіе, такъ сказать, всю суть этого замѣчательнаго человѣка, постепенно ослабили организмъ, началъ обнаруживаться цѣлый рядъ новыхъ недуговъ, развившихся одинъ на почвѣ другого: явились признаки перерожденія сосудовъ и сердца, а потомъ присоединились и сердечные припадки съ характеромъ такъ называемой грудной жабы. Припадки эти разные по силѣ, слагались обычно изъ слѣдующихъ симптомовъ: жалобы на боли въ области груди, замираніе сердца, удушье, иногда дыханіе вдругъ прерывалось и, сорвавши съ себя мгновенно всѣ одежды, больной на минуту оставался бездыханнымъ и даже синѣлъ. Такъ было раза два въ теченіи перваго полугодія 1894 года; въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же года припадки эти возобновились и послѣ одного изъ нихъ князь С. В. Шаховской (12-го Октября) скончался [1], девятью днями у престола Всевышняго предваривъ своего Государя и оплакиваемый всѣми знавшими его русскими людьми, ожидавшими отъ него еще много трудовъ на пользу государства и благо родины...

Н. Л.

[1]) См Вѣнокъ на могилу Эстляндскаго Губернатора князя С. В. Шаховского. Ревель 1896 г. стрр. XXIV—XXVII.

I.

ДОКУМЕНТЫ,

относящіеся до введенія русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ и общественныхъ собраніяхъ.

№ 1. Письмо къ Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ 6 Іюня 1885 г. за № 253 по вопросу о сношеніяхъ городскихъ головъ съ правительственными учрежденіями на русскомъ языкѣ.

Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Ревель явился ко мнѣ здѣшній Городской Голова Грейфенгагенъ и между прочимъ просилъ меня сохранить существовавшій доселѣ порядокъ въ служебныхъ съ нимъ сношеніяхъ, по которому Губернаторъ писалъ ему бумаги на русскомъ языкѣ, а Голова отвѣчалъ ему на нѣмецкомъ. Въ отвѣтъ на это я развернулъ передъ г. Грейфенгагеномъ Городовое Положеніе (изданіе Майделя и Белюстина 1881 г.) и прочелъ ему помѣщенныя на стр. 482 и слѣдующихъ Высочайше утвержденныя Правила о примѣненіи Городового Положенія къ городамъ Прибалтійскихъ губерній и послѣдовавшія уже по вопросу, имъ нынѣ возбуждаемому, разъясненія Правительствующаго Сената отъ 12 Марта — 20 Іюня 1880 г. № 2360. При этомъ я добавилъ, что не считаю себя вправѣ ни на шагъ отступить отъ требованій закона и входить въ какія-либо частныя соглашенія по дѣламъ служебнымъ, вполнѣ ясно и точно закономъ опредѣленнымъ. На это Грейфенгагенъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ самъ законъ уважаетъ и всегда готовъ подчиниться его требованіямъ.

Между тѣмъ, на другой же день я получилъ отъ него бумагу на нѣмецкомъ языкѣ. Не желая съ первыхъ же дней входить съ нимъ въ пререканія и допустивъ возможность предположенія, что эта бумага была подписана имъ ранѣе нашего объясненія, я ее принялъ, не возбудивъ по сему поводу никакого вопроса.

Затѣмъ 4-го Іюня Городской Голова явился ко мнѣ снова и между прочимъ сообщилъ, что по поводу нашего перваго

объясненія онъ сносился съ Рижскимъ и Митавскимъ Городскими Головами и что нынѣ онъ радъ оказать мнѣ пріятную услугу сообщеніемъ, что на будущее время, въ виду незнанія мною нѣмецкаго языка, онъ будетъ мнѣ писать хоть и по-нѣмецки, но съ приложеніемъ засвидѣтельствованнаго переводчикомъ русскаго перевода; что-же касается до протоколовъ думскихъ засѣданій, то онъ по прежнему будетъ доставлять ихъ мнѣ по-нѣмецки, прилагая впрочемъ переводъ тѣхъ статей, которыя, по его мнѣнію, могутъ въ интересахъ города заслуживать наибольшаго моего вниманія.

Сохранивъ полное при этомъ хладнокровіе, я объяснилъ Городскому Головѣ, что въ служебныхъ отношеніяхъ не можетъ быть рѣчи ни о какихъ личныхъ услугахъ и ни о какихъ компромиссахъ, что меня весьма огорчаютъ попытки его обойти ясный и прямой законъ и я считаю долгомъ его предупредить, что всѣ его попытки, клонящіяся къ тому, чтобы закону не подчиниться, успѣхомъ не увѣнчаются и потому я ему совѣтую къ нимъ болѣе не прибѣгать.

На слѣдующій день послѣ этого разговора я получилъ отъ Городского Головы бумагу по новой формѣ, вѣроятно установленной соглашеніемъ его съ Митавскимъ и Рижскимъ Городскими Головами. Листъ бумаги раздѣленъ на двѣ части, на лѣвой написанъ нѣмецкій текстъ, подписанный Городскимъ Головой по нѣмецки-же, а на правой русскій переводъ, подписанный переводчикомъ.

Я и эту бумагу принялъ, чтобы не возбудить пререканій, результатъ которыхъ, по незнанію мною личныхъ качествъ Грейфенгагена, предвидѣть было трудно и тѣмъ болѣе, что приходилось бы основываться на словесныхъ объясненіяхъ, смыслъ которыхъ могъ легко быть Городскимъ Головой перетолкованъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы разъ на всегда прекратить возбужденіе подобнаго рода вопросовъ и заставить какъ Грейфенгагена, такъ и остальныхъ Городскихъ Головъ ввѣренной мнѣ губерніи подчиниться закону, я счелъ нужнымъ издать прилагаемый при семъ циркуляръ, который приказалъ также напечатать на общемъ основаніи въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ въ Отдѣлѣ мѣстныхъ распоряженій Губернскаго Начальства.

Если бы и послѣ сего Грейфенгагенъ или кто-либо изъ другихъ Городскихъ Головъ позволитъ себѣ снова писать ко

мнѣ не по-русски, то такія бумаги я предполагаю возвращать назадъ до тѣхъ поръ, пока означенныя должностныя лица не подчинятся требованію закона.

Объ изложенномъ имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

Съ глубокимъ почтеніемъ и проч.

№ 2. Письмо къ Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ 13 Іюня 1885 г. за № 255 о приготовленіяхъ нѣмецкой думской партіи противъ распоряженія о сношеніяхъ на русскомъ языкѣ.

Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

Въ дополненіе къ конфиденціальному письму моему отъ 6-го сего Іюня, № 253, имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, что приложенный къ упомянутому письму циркуляръ мой Городскимъ Головамъ объ употребленіи впредь (на основаніи 9-й статьи Высочайше утвержденныхъ Правилъ о примѣненіи Городового Положенія къ городамъ Прибалтійскихъ губерній и разъясняющаго сію статью рѣшенія Правительствующаго Сената 12 Марта—20 Іюня 1880 г., № 2360) въ сношеніяхъ съ Правительственными учрежденіями и лицами обязательно русскаго языка, исключительно на каковомъ представлять мнѣ протоколы думскихъ засѣданій, возбудилъ большое неудовольствіе и раздраженіе среди нѣмецкихъ представителей мѣстнаго Общественнаго Управленія. Это раздраженіе растетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, поддерживаемое и питаемое возбудительными рѣчами Городского Головы Грейфенгагена въ различныхъ частныхъ кружкахъ по преимуществу литераторовъ, собираемыхъ имъ для обсужденія вопроса, какъ слѣдуетъ поступить въ виду столь явнаго нарушенія ихъ національныхъ правъ. Вчера происходило у Грейфенгагена особенно многолюдное по этому вопросу собраніе, на которомъ впрочемъ не присутствовало ни одного русскаго и ни одного эстонца.

Какъ мнѣ удалось узнать, послѣ ряда сильныхъ рѣчей были на этомъ совѣщаніи приняты слѣдующія рѣшенія: 1) энергично отстаивать національныя права, въ ряду которыхъ главное мѣсто занимаетъ нѣмецкій языкъ; 2) сопротивляться

всѣми мѣрами попыткамъ Правительственной власти настоять на употребленіи въ сношеніяхъ съ Правительственными учрежденіями языка русскаго. Между прочимъ, однимъ изъ присутствующихъ было высказано, что въ виду реформъ, которыми Правительство угрожаетъ, не слѣдуетъ отнюдь быть уступчивыми, но твердо охранять священныя свои права. Въ частности по поводу моего циркуляра Грейфенгагенъ сообщилъ собравшимся, что мое распоряженіе тѣмъ болѣе незаконно, въ виду того, что бывшій Губернаторъ будто-бы показывалъ ему конфиденціальное распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ о томъ, чтобы не настаивать на употребленіи Городскими Головами въ сношеніяхъ съ Правительственными учрежденіями русскаго языка. Въ концѣ концовъ послѣ продолжительныхъ совѣщаній рѣшено было созвать на будущій вторникъ 18 Іюня экстренное собраніе Думы спеціально для обсужденія законности и правильности моего циркуляра. При чемъ предрѣшено было также постановить въ предположенномъ экстренномъ засѣданіи принести жалобу въ Правительствующій Сенатъ на незаконное мое распоряженіе. Что-же касается до обязательности циркуляра для Городского Головы, то рѣшили, что онъ долженъ его игнорировать и сноситься какъ со мною, такъ и съ другими Правительственными учрежденіями по прежнему.

Эти свѣдѣнія добыты мною какъ черезъ агентовъ Полиціймейстера Нотбека, такъ и сообщены мнѣ были вожакомъ гласныхъ эстонской партіи Якобсономъ.

Послѣдній, а также глава русскихъ глассныхъ Чумиковъ заявили мнѣ, что они въ предстоящемъ экстренномъ засѣданіи Думы рѣшили съ своей стороны при обсужденіи этого вопроса, во первыхъ, заявить о незаконности самаго факта обсужденія въ Думѣ распоряженій Губернатора, тѣмъ болѣе такихъ, кои не относятся до предметовъ, вѣдѣнію Думы подлежащихъ, а во вторыхъ, если-бы ихъ мнѣніе не было принято, то предъявить протестъ противъ постановленія большинства, признавая мое распоряженіе вполнѣ законнымъ и правильнымъ. При этомъ они рѣшили настоять, чтобы протестъ ихъ, какъ мнѣніе меньшинства (16 человѣкъ) было занесено въ протоколъ и препровождено въ Сенатъ вмѣстѣ съ жалобой Думы.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, имѣю честь высказать съ своей

стороны слѣдующее мнѣніе относительно дальнѣйшаго направленія этого дѣла.

Во первыхъ, можно было бы властью Вашего Высокопревосходительства изъять этотъ вопросъ отъ обсужденія Думы, какъ вопросъ, имѣющій значеніе политическое, не подходящій ни подъ одинъ изъ предметовъ, предоставленныхъ закономъ разсмотрѣнію Думы.

Во-вторыхъ, можно было бы не накладывать Правительственнаго запрещенія на обсужденіе этого вопроса, для того, чтобы дать Правительству возможность наглядно и очевидно убѣдиться, на сколько нѣмецкая часть гласныхъ, составляющихъ въ Думѣ громадное большинство, преслѣдуетъ не тѣ цѣли, кои указаны имъ закономъ, а свои національныя. Подобный фактъ былъ бы Правительству весьма важно имѣть въ виду, чтобы знать заранѣе, съ какими затрудненіями придется на мѣстѣ имѣть дѣло при предстоящемъ осуществленіи готовящихся реформъ.

Въ случаѣ принятія первой мѣры, впечатлѣніе на мѣстѣ будетъ весьма сильное и укажетъ на силу Правительства, не побоявшагося поступить рѣшительно, не справляясь при томъ, какъ эта мѣра можетъ понравиться нѣмцамъ и что затѣмъ будутъ по этому поводу говорить за границей. Но такая мѣра, какъ я упомянулъ выше, можетъ быть принята только Вашимъ Высокопревосходительствомъ, или по приказанію Вашему мною. Городовое Положеніе крайне стѣсняетъ власть Губернатора, и я не нахожу въ этомъ положеніи достаточныхъ основаній, которыя могли бы дать мнѣ право поступить въ данномъ случаѣ самостоятельно. Если-бы Ваше Высокопревосходительство признали возможнымъ уполномочить меня на принятіе этой мѣры, то результатъ получится тотъ-же самый, какъ и въ томъ случаѣ, если-бы Вы признали болѣе соотвѣтственнымъ остановиться на второй мѣрѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ послѣдуетъ жалоба на мое яко-бы незаконное распоряженіе: въ первомъ—Вашему Высокопревосходительству непосредственно отъ Городского Головы, а во второмъ—отъ того-же Городского Головы по уполномочію Думы въ Правительствующій Сенатъ, который, на основаніи даннаго имъ разъясненія отъ 26 Октября 1879 года, № 2750 этой жалобы не приметъ, такъ какъ разсмотрѣнію Сената подлежатъ жалобы лишь на неправильныя рѣшенія Губерн-

скихъ по городскимъ дѣламъ Присутствій, а не Губернаторовъ, такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ жалоба будетъ въ концѣ концовъ доставлена Вашему Высокопревосходительству. По существу-же разница между первой и второй мѣрой будетъ заключаться въ томъ, что принятіемъ первой можно будетъ избѣжать съ одной стороны крайне нежелательнаго возбужденія страстей и во-вторыхъ, не допустить прецедента въ правѣ Общественныхъ Установленій обсуждать и критиковать Правительственныя распоряженія, что весьма существенно именно теперь, въ виду предстоящихъ въ этомъ краѣ реформъ, которыя уже заранѣе, не зная ихъ сущности и предѣловъ, мѣстное нѣмецкое общество готовится встрѣтить враждебно.

Въ виду краткости времени, остающагося до предполагаемаго собранія Думы, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство снабдить меня просимыми указаніями по телеграфу. При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что оффиціальнаго извѣщенія объ упомянутомъ экстренномъ собраніи отъ Городского Головы я еще не получилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не откажите, Ваше Высокопревосходительство, въ указаніяхъ, какъ надлежитъ мнѣ поступить въ томъ случаѣ, если-бы Городской Голова Грейфенгагенъ, игнорируя циркуляръ, продолжалъ бы прежній порядокъ сношеній.

Въ заключеніе позволю себѣ доложить Вашему Высокопревосходительству, что послѣ столькихъ послабленій, которыя были столь долго въ Эстляндской губерніи допускаемы Представителемъ Правительственной власти, а также различныхъ частныхъ сдѣлокъ и соглашеній, которыми отмѣнялся законъ, мнѣ крайне трудно поставить скомпрометированную здѣсь Правительственную власть на надлежащую высоту.

Съ одной стороны, чтобы не огорчить нѣмцевъ, съ другой, чтобы получать отъ гг. мѣстныхъ дворянъ должныя субсидіи подъ предлогомъ усиленія нѣмецкаго языка въ Губернаторской Канцеляріи, бывшій Представитель Правительства Тайный Совѣтникъ Поливановъ упразднялъ по своему усмотрѣнію требованія закона, чѣмъ и пріучилъ мѣстныхъ нѣмцевъ вѣрить въ ихъ силу и значеніе и въ безсиліе власти настоять на соблюденіи закона, равно обязательнаго для всѣхъ русскихъ подданныхъ. Документальныя и притомъ вполнѣ оффиціальныя

сему доказательства я не замедлю представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

Съ глубокимъ почтеніемъ и проч.

№ 3. Письмо къ Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ 17 Іюня 1885 г. за № 258 касательно переговоровъ съ Ревельскимъ Городскимъ Головою о предметахъ и днѣ засѣданія Думы.

Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

Вчера, т. е. 16 сего Іюня мною получена была отъ Вашего Высокопревосходительства телеграмма, въ которой Вы изволили увѣдомить меня, что Вы признаете вопросъ, предложенный къ обсужденію въ экстренномъ собраніи Думы, выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства Общественнаго Управленія, указанныхъ Городовымъ Положеніемъ и Высочайшимъ повелѣніемъ 26 Марта 1877 г. При этомъ Вы изволили присовокупить, что отъ меня зависитъ принять мѣры къ недопущенію обсужденія этого вопроса.

Въ виду этихъ полученныхъ отъ Вашего Высокопревосходительства указаній и принимая во вниманіе разъясненіе Правительствующаго Сената отъ 16 Мая—8 Августа 1873 г., № 4181,—по коему если Губернаторъ находитъ, что въ засѣданіи Думы предположено разрѣшать вопросы, неподлежащіе ея разсмотрѣнію, то онъ обязанъ сообщить о семъ Присутствію по городскимъ дѣламъ, *отъ котораго одного зависитъ сдѣлать надлежащее по сему предмету распоряженіе,* я счелъ себя обязаннымъ передать это дѣло на обсужденіе упомянутаго Присутствія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я очутился въ невозможности привести это въ исполненіе. Пригласительныя повѣстки на экстренное собраніе Думы, на которое было назначено обсужденіе моего Циркуляра Городскимъ Головамъ, и еще двухъ прибавленныхъ къ нему вопросовъ, были разосланы гласнымъ 13 Іюня. Въ газетахъ объявленія о засѣданіи были напечатаны 14-го. Между тѣмъ Городской Голова меня не увѣдомилъ (какъ онъ это обязанъ мнѣ сдѣлать на основаніи 57-й ст. Городового Положенія) ни о времени засѣданія, ни о предположенныхъ въономъ предметахъ совѣщаній. У меня,

такимъ образомъ, не было въ рукахъ того оффиціальнаго документа, на основаніи котораго я могъ бы принять своевременно закономъ указанныя мѣры къ изъятію неподлежащаго обсужденію Думы вопроса. Основываться на газетныхъ сообщеніяхъ или на показанныхъ мнѣ частнымъ образомъ повѣсткахъ я себя вправѣ не считалъ. Городской Голова, вѣроятно, сознавая и самъ незаконность внесенія имъ этого вопроса на обсужденіе Думы, нарочно медлилъ извѣщать меня о назначенномъ засѣданіи, чтобы лишить возможности, принятіемъ съ моей стороны должныхъ мѣръ, предупредить тотъ общественный скандалъ, который онъ готовилъ. Послать ему оффиціальное о семъ предложеніе я не рѣшался, опасаясь получить отъ него отвѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ, который я долженъ былъ бы ему вернуть обратно и тѣмъ лишиться того оффиціальнаго основанія, которое мнѣ было необходимо для дальнѣйшаго направленія дѣла. Между тѣмъ медлить было нельзя, ибо оставалось менѣе двухъ сутокъ до думскаго засѣданія. Я командировалъ къ Городскому Головѣ, уѣхавшему по случаю воскресенья на дачу верстахъ въ 6—7 отъ города, чиновника особыхъ порученій Графа Мантейфеля, поручивъ ему показать г. Грейфенгагену номеръ газеты, въ которой напечатано было объявленіе о засѣданіи и спросить его, на сколько справедливъ этотъ сообщенный газетой слухъ и если бы онъ оказался дѣйствительно справедливымъ, то просить его прислать мнѣ немедленно на основаніи 57 ст. Городового Положенія подробное извѣщеніе о вопросахъ, кои внесены на разсмотрѣніе Думы. На это Городской Голова поручилъ мнѣ передать, что въ Городовомъ Положеніи не установлено срока, въ который онъ долженъ доставлять Губернатору установленныя 57-й статьей свѣдѣнія. По полученіи таковою отвѣта я болѣе не сомнѣвался, что Городской Голова не доставляетъ мнѣ извѣщенія съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, чтобы лишить меня времени и возможности принять мѣры къ воспрепятствованію осуществленію его цѣли. Вслѣдствіе сего я приказалъ Графу Мантейфелю предъявить отъ моего имени Городскому Головѣ категорическое требованіе, чтобы сегодня къ 11 час. утра мнѣ было доставлено упомянутое сообщеніе и обязательно изложенное на русскомъ языкѣ съ возложеніемъ на него строгой отвѣтственности за неисполненіе сего требованія. Столь категорично

поставленное требованіе привело къ желаемому результату и сегодня безъ пяти минутъ въ 11 часовъ утра я получилъ отъ Городского Головы прилагаемое при семъ въ копіи представленіе за № 854, изложенное на русскомъ языкѣ, и помѣченное 15 Іюня. Не придавая уже значенія помѣткѣ заднимъ числомъ бумаги, написанной и подписанной двумя днями позже, я не могу не остановиться на томъ крайне неприличномъ и дерзкомъ тонѣ, которымъ отличается заключеніе этого представленія. Во-первыхъ, Городской Голова оффиціально предупреждаетъ меня не безъ угрозы, что онъ только при составленіи „сей бумаги" употребилъ русскій языкъ (стало быть онъ можетъ его употреблять, но не хочетъ), вслѣдствіе моего требованія, изложеннаго въ предложеніи отъ 7 Іюня за № 1139, но что, въ виду имѣющей послѣдовать отмѣны со стороны Думы приводимаго въ немъ Высочайшаго повелѣнія 26 Марта 1877 года впредь онъ этого дѣлать не будетъ до рѣшенія сего дѣла Правительствующимъ Сенатомъ. Во-вторыхъ, Городской Голова заранѣе уже предрѣшилъ то постановленіе Думы, которое по этому дѣлу должно завтра состояться. Слѣдовательно на самое засѣданіе Думы г. Грейфенгагенъ смотритъ какъ на простую формальность, въ коей по необходимости слѣдуетъ прибѣгнуть для приданія законнаго облика вопросу, уже заранѣе рѣшенному на частныхъ совѣщаніяхъ.

Изъ этого весьма характеристичнаго оффиціальнаго документа явствуетъ, что Городской Голова уже подвергнулъ обсужденію частнымъ путемъ со стороны нѣмецкихъ гласныхъ Высочайшее повелѣніе 26 Марта 1877 года; что гг. нѣмецкіе глассные рѣшили ему не подчиняться и вмѣстѣ съ тѣмъ принести жалобу въ Сенатъ на незаконныя съ моей стороны распоряженія, направленныя къ возстановленію силы закона, ихъ Головою нарушеннаго.

Надо обладать большой долей дерзости и смѣлости, чтобы сдѣлать подобное оффиціальное сообщеніе представителю Правительственной власти въ губерніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на ряду съ этой смѣлостью замѣчается и трусость самаго Городского Головы. Онъ написалъ мнѣ „сію бумагу" исключительно на русскомъ языкѣ, чтобы показать, что лично онъ подчинился моему требованію, но что за симъ онъ этого больше дѣлать не будетъ не по своей волѣ, а по волѣ Думы, коей онъ

ослушаться не можетъ и которая, какъ онъ уже знаетъ заранѣе, запретитъ ему подчиняться закону и Высочайшей волѣ.

Вотъ къ какимъ результатамъ могутъ повести допускаемыя властью послабленія и изъятія въ примѣненіи на мѣстѣ издаваемыхъ законовъ. Чтобы лучше выяснить себѣ характеръ и причины встрѣченнаго мною организованнаго сопротивленія въ требованіяхъ исполненія закона, я обратился къ проживающему здѣсь бывшему Губернатору Тайному Совѣтнику Поливанову съ просьбой ознакомить меня съ тѣмъ, какъ вводилось въ Ревелѣ Городовое Положеніе и почему онъ сразу не потребовалъ примѣненія его въ полномъ объемѣ. На это Тайный Совѣтникъ Поливановъ объяснилъ мнѣ, что представители города были настолько огорчены рѣшеніемъ Сената по поводу жалобъ Городскихъ Головъ на употребленіе Губернаторами въ своихъ съ ними перепискахъ русскаго языка, что онъ, чтобы не огорчать ихъ еще болѣе, не настаивалъ на томъ, чтобы и они тоже отвѣчали ему по-русски и представляли на русскомъ языкѣ протоколы думскихъ засѣданій, и что онъ полагаетъ, что въ настоящемъ случаѣ они являются жертвами недоразумѣнія, принимая лишь допущенное имъ временно и изъ любезности, за должное и законное. Изъ этого объясненія я вывелъ заключеніе, что законъ не исполнялся съ вѣдома и согласія Правительственной власти и что предъявленное нынѣ, безъ всякихъ видимыхъ для нихъ къ тому поводовъ, требованіе той же Правительственной власти объ исполненіи закона вызываетъ съ ихъ стороны организованное противодѣйствіе и сопротивленіе.

Во всякомъ случаѣ въ данномъ вопросѣ Правительство, по моему мнѣнію, не должно дѣлать ни малѣйшей уступки, ни малѣйшаго послабленія. Этимъ поводомъ слѣдуетъ воспользоваться, чтобы показать силу Правительственной власти. Это необходимо, чтобы поднять въ глазахъ населенія ея авторитетъ и заставить относиться къ ней съ уваженіемъ и почтеніемъ, ей подобающими.

На завтрашній день 18 Іюня, въ 11 часовъ утра я назначилъ засѣданіе Присутствія по городскимъ дѣламъ, коему предложено будетъ воспретить обсужденіе Думой въ засѣданіи, имѣющемъ быть въ тотъ же день въ 6 часовъ вечера, вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли подчиняться Высочайшей волѣ или нѣтъ.

Я не могу съ увѣренностью сказать, какое будетъ постановленіе Присутствія и согласится ли оно съ моимъ предложеніемъ. Въ немъ русскихъ будетъ только двое —я и Вице-Губернаторъ. Остальные члены—нѣмцы, хотя и чиновники. Мало ихъ зная, я не могу поручиться, чтобы долгъ службы и присяги взялъ верхъ надъ ихъ врожденными національными симпатіями и стремленіями. Расчитываю найдти въ предложеніи по сему дѣлу, которое надѣюсь, на основаніи телеграммъ Вашего Высокопревосходительства, получить отъ Васъ завтра въ 9 час. утра, указанія для дальнѣйшаго, болѣе самостоятельнаго съ моей стороны образа дѣйствій, на случай, если-бы Присутствіе по городскимъ дѣламъ въ этомъ вопросѣ высказалось бы противъ внесеннаго мною предложенія.

Во всякомъ случаѣ я рѣшилъ ограничиться въ завтрашнемъ засѣданіи Присутствія по городскимъ дѣламъ обсужденіемъ лишь одного вопроса объ изъятіи отъ разсмотрѣнія въ Думѣ предложенія Городскихъ Головъ относительно употребленія русскаго языка. Вопросъ объ отвѣтственности самаго Городского Головы я не предполагаю вовсе возбуждать въ Городскомъ Присутствіи, такъ какъ постановленіе Присутствія по сему предмету по закону должно подлежать разсмотрѣнію Городской Думы, что неминуемо дало бы ей возможность разсудить о томъ самомъ вопросѣ, который нынѣ изъемлется отъ ея обсужденія. Городской Голова по моему мнѣнію за всю агитацію, которую онъ вызвалъ среди гласныхъ Думы, за то сопротивленіе требованіямъ закона и Высочайшей волѣ, которое онъ организовалъ и наконецъ за допущенную имъ дерзость и непочтительное отношеніе къ представителю Правительственной власти, выраженное притомъ въ оффиціальной бумагѣ, долженъ подлежать примѣрному взысканію и притомъ въ административномъ порядкѣ, чтобы всѣ видѣли ясно, что Правительство не можетъ допустить такого явнаго и дерзкаго себѣ противодѣйствія.

Считаю долгомъ при этомъ присовокупить, что вслѣдствіе циркуляра моего отъ 7 Іюня за № 1139, Городскіе Головы уѣздныхъ городовъ Вейзенберга и Балтійскаго Порта безъ малѣйшихъ возраженій приняли къ исполненію закономъ указанный порядокъ и отъ нихъ уже поступили ко мнѣ бумаги, написанныя по-русски. Если въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ русскій элементъ значительно слабѣе, чѣмъ въ г. Ревелѣ, Город-

скіе Головы нашли возможнымъ во исполненіе закона писать по-русски, то примѣненіе сего въ губернскомъ городѣ не можетъ встрѣтить ни малѣйшихъ затрудненій. Это обстоятельство еще болѣе выясняетъ истинный смыслъ и значеніе того противодѣйствія закону и Высочайшей волѣ, которое было вызвано среди нѣмецкихъ гласныхъ Городскимъ Головой Грейфенгагеномъ.

№ 4. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 18 Іюня 1885 г. за № 259 о засѣданіи Присутствія по Городскимъ дѣламъ и засѣданіи Думы 18 Іюля.

Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

Послѣ отправленія конфиденціальнаго моего письма на имя Вашего Высокопревосходительства отъ вчерашняго числа, мнѣ были доставлены издающіяся здѣсь нѣмецкія газеты „Revalsche Zeitung“ и „Revaler Beobachter“. Въ этихъ газетахъ редакціи напоминали гг. гласнымъ, что на слѣдующій день предстоитъ въ Думѣ весьма важное засѣданіе, въ которомъ будетъ обсуждаться циркуляръ Губернатора объ употребленіи русскаго языка и что въ виду важности этого вопроса желательно, чтобы всѣ гласные были на лицо.

Прочтя это воззваніе редакцій къ гг. думскимъ гласнымъ, я тотчасъ-же, не смотря на позднее время, пригласилъ къ себѣ отдѣльнаго цензора Миллера и указалъ ему на допущенную имъ безтактность въ пропускѣ къ печати подобныхъ объявленій. Я объяснилъ ему, что онъ долженъ сообразовать свою дѣятельность не со вкусами мѣстной публики, а съ видами и цѣлями Правительства, ибо иначе могутъ произойти весьма крупныя недоразумѣнія. Дѣйствительно, что можетъ подумать каждый изъ приглашенныхъ редакціями съ разрѣшенія Правительственнаго цензора на засѣданіе Думы, въ которомъ будетъ разсматриваться столь важный для національнаго мѣстнаго чувства вопросъ, когда этотъ самый вопросъ другимъ органомъ Правительственной власти признается неподлежащимъ обсужденію Думы. Я предложилъ ему во-первыхъ, не допускать вовсе въ мѣстной прессѣ обсужденія этого вопроса и во-вторыхъ, на будущее время въ тѣхъ случаяхъ, когда бы онъ встрѣтилъ какія-либо сомнѣнія относительно

возможности пропуска той или другой статьи, или какого-либо специальнаго извѣстія, предварительно обращаться ко мнѣ за совѣтомъ.

Сегодня утромъ почта не принесла мнѣ столь ожидаемаго по телеграммѣ Вашего Высокопревосходительства предложенія, въ которомъ должны содержаться указанія относительно дальнѣйшаго направленія дѣла о возникшемъ въ Городскомъ Управленіи сопротивленіи распоряженіямъ Правительства. Какъ я уже имѣлъ честь довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства во вчерашнемъ моемъ письмѣ, получивъ по телеграфу отъ Васъ общія указанія о направленіи сего дѣла, я назначилъ на 11 часовъ утра сегодня Присутствіе по городскимъ дѣламъ. Послѣ продолжительныхъ и всестороннихъ обсужденій моего словеснаго предложенія, оно рѣшило четырьмя голосами противъ двухъ: изъять этотъ вопросъ отъ обсужденія въ Думѣ. Двое не согласившихся были—Городской Голова Грейфенгагенъ и членъ отъ Крестьянской Комиссіи Баронъ Розенъ. Копію протокола Присутствія при семъ прилагаю.

Послѣ засѣданія Городской Голова просилъ меня вникнуть во всю трудность положенія, въ которомъ онъ находится. Съ одной стороны, какъ выбранный Думой, онъ не считаетъ себя вправѣ не согласоваться съ желаніемъ большинства гласныхъ, для которыхъ вопросъ объ употребленіи нѣмецкаго языка является вопросомъ первостепенной важности и значенія, а съ другой—онъ обязанъ подчиняться требованіямъ закона и власти. Онъ просилъ меня вѣрить въ добрыя свои намѣренія и отнюдь не искать въ его поведеніи какихъ-либо стремленій къ неповиновенію закону, а тѣмъ болѣе Высочайшему повелѣнію. Онъ желаетъ лишь воспользоваться нѣкоторыми неясностями и недомолвками, какъ въ упомянутомъ Высочайшемъ повелѣніи 26 Марта 1877 г., такъ и въ Указѣ Сената отъ 12 Марта 1880 г. № 2360, чтобы путемъ жалобы на мое, основанное на этихъ законахъ, распоряженіе вызвать съ одной стороны болѣе опредѣленное изложеніе закона объ употребленіи въ сношеніяхъ русскаго языка, а съ другой дать удовлетвореніе справедливымъ національнымъ стремленіямъ большинства нѣмецкихъ гласныхъ думы.

На это я ему замѣтилъ, что, вполнѣ понимая затруднительность его положенія между долгомъ и общественнымъ мнѣніемъ, я нахожу, что онъ могъ бы выйти изъ этого по-

ложенія путемъ вполнѣ законнымъ, обратившись лично отъ себя съ жалобой на мое распоряженіе къ г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, при чемъ ему нельзя было бы возбранить ходатайствовать при этомъ передъ г. Министромъ о содѣйствіи къ разъясненію указаннымъ въ законѣ порядкомъ тѣхъ недоразумѣній, которыя онъ встрѣчаетъ въ Высочайшемъ повелѣніи 1877 г. Между тѣмъ какъ, избравъ путь обсужденія Высочайшаго повелѣнія въ Городской Думѣ, онъ поставилъ себя тѣмъ еще въ болѣе затруднительное положеніе по отношенію къ общественному мнѣнію, ибо возбудилъ въ немъ такія страсти, которыя намѣченнымъ имъ путемъ удовлетворены быть не могутъ.

Повидимому Грейфенгагенъ со мной согласился и обѣщалъ не только вполнѣ подчиниться состоявшемуся постановленію Присутствія и не допустить обсужденія этого вопроса въ Думѣ, но и запретить всякія попытки со стороны отдѣльныхъ гласныхъ говорить въ Думѣ о чемъ-либо, имѣющемъ отношеніе къ этому вопросу. Между прочимъ въ этомъ разговорѣ г. Грейфенгагенъ высказалъ мнѣніе, что неполное примѣненіе закона, въ томъ смыслѣ, какъ его Правительство понимаетъ и желаетъ, при самомъ его обнародованіи, неминуемо приводитъ впослѣдствіи къ недоразумѣніямъ и непріятностямъ, въ родѣ переживаемыхъ нынѣ. Ему и остальнымъ гласнымъ непонятно, какимъ образомъ тоже самое Правительство черезъ одного изъ своихъ органовъ допускаетъ извѣстное примѣненіе закона, а черезъ другого требуетъ иного примѣненія, тогда какъ въ самомъ законѣ никакихъ измѣненій не произошло. Такой образъ дѣйствій и даетъ поводъ предполагать, что для самого Правительства изданный законъ не вполнѣ ясенъ и опредѣленъ, такъ какъ онъ допускаетъ со стороны его органовъ различное его пониманіе и примѣненіе. Такое положеніе вещей ставитъ, по его мнѣнію, гласныхъ въ полное непониманіе, чего же слѣдуетъ въ концѣ концовъ держаться и кого слушаться и поэтому онъ считаетъ стремленіе гласныхъ путемъ обсужденія самаго закона добиться его истиннаго смысла вполнѣ естественнымъ.

Къ 6 часамъ вечера зала Городской Думы наполнилась публикой, привлеченной къ присутствію на интересномъ зрѣлищѣ какъ повсемѣстными объ этомъ толками, такъ и упомянутыми выше приглашеніями мѣстной печати. Среди публики

присутствовало особенно много мѣстныхъ крупныхъ дворянъ, пріѣхавшихъ изъ своихъ имѣній по случаю имѣющей открыться на дняхъ въ Ревелѣ сельско-хозяйственной выставки. Между ними находился и Бинеманъ, получившій отъ меня сегодня заграничный паспортъ. Почти всѣ гласные были на лицо. Среди публики и гласныхъ замѣтно было, по словамъ очевидцевъ, большое возбужденіе. По открытіи засѣданія и послѣ объявленія Городскимъ Головой о состоявшемся утромъ постановленіи Присутствія по городскимъ дѣламъ объ изъятіи отъ обсужденія Думы вопроса о правильности моего распоряженія объ употребленіи русскаго языка, поднялся гласный, уѣздный депутатъ дворянства, фонъ-цуръ-Мюленъ и заявилъ, что онъ протестуетъ противъ такого опредѣленія Присутствія и требуетъ разсмотрѣнія вопроса, поставленнаго въ повѣсткѣ. Городской Голова его остановилъ и заявилъ, что онъ не имѣетъ права допустить обсужденіе этого вопроса. Затѣмъ гласный, членъ Крестьянской Комиссіи Баронъ Врангель заявилъ, что слѣдуетъ обжаловать въ Сенатъ такое противозаконное постановленіе Присутствія.

Послѣ разсмотрѣнія еще двухъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію Думы въ сегодняшнемъ засѣданіи, снова поднялся гласный фонъ-цуръ-Мюленъ съ требованіемъ возможно скорѣе созвать новое экстренное собраніе Думы, чтобы принести въ Правительствующій Сенатъ жалобу какъ на постановленіе Присутствія по городскимъ дѣламъ, такъ и лично на Губернатора за незаконныя распоряженія его, изложенныя въ циркулярѣ. Это предложеніе было поддержано и сотоварищемъ его Барономъ Врангелемъ. На это Городской Голова заявилъ, что для созыва экстреннаго собранія необходимо по закону заявленіе отъ 15 гласныхъ. Послѣ этого поднялись тотчасъ 42 нѣмецкихъ гласныхъ и объявили, что они единодушно поддерживаютъ требованіе фонъ-цуръ-Мюлена и Барона Врангеля о созывѣ новаго экстреннаго собранія для указанной цѣли и въ самомъ скоромъ времени. Ни одинъ изъ 16 русскихъ и эстонскихъ гласныхъ къ этому заявленію не присоединился.

Городской Голова заявилъ на это, что онъ съ своей стороны готовъ оказать полное содѣйствіе къ осуществленію стремленій большинства гласныхъ [1]).

[1]) Сопоставляя это заявленіе Грейфенгагена съ его разговоромъ со мной, можно вывести заключеніе, насколько можно довѣрять ему и полагаться на искренность его словъ.

Послѣ этого засѣданія возбужденіе среди всѣхъ присутствовавшихъ достигло большихъ размѣровъ.

Насколько этотъ вопросъ считается здѣсь принципіальнымъ и важнымъ въ національномъ отношеніи, видно уже изъ того, что въ протестѣ участвовали заодно дворяне съ горожанами, не смотря на то, что во многихъ другихъ отношеніяхъ интересы этихъ двухъ сословій рѣдко когда сходятся.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, имѣю честь присовокупить, что я предполагаю, въ случаѣ поступленія ко мнѣ отъ Городского Головы увѣдомленія о созывѣ новаго экстреннаго собранія для упомянутой цѣли, снова передать и этотъ вопросъ на обсужденіе Городского Присутствія для воспрепятствованія ея осуществленію. Я полагаю, что если разъ вопросъ былъ изъятъ Городскимъ Присутствіемъ отъ обсужденія въ Думѣ, то разрѣшеніе его обсужденія подъ видомъ обжалованія постановленія Присутствія допущено быть не можетъ.

Постановленіе Присутствія состоялось не по поводу рѣшенія Думы, а для пріостановленія незаконныхъ распоряженій Городского Головы и въ силу уже одного этого не можетъ подлежать обсужденію Думы, такъ какъ Дума при этомъ вынуждена была бы войти въ оцѣнку тѣхъ самыхъ распоряженій Губернатора, которыя къ ея обсужденію уже разъ допущены не были, между тѣмъ какъ безъ этой оцѣнки нельзя судить о правильности или неправильности постановленія Присутствія, касающагося при томъ Головы, а не Думы.

№ 5. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 22 Іюня 1885 г. за № 264 о засѣданіи Присутствія по Городскимъ Дѣламъ 21 Іюня.

Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

20-го Іюня были разосланы гласнымъ Ревельской Думы повѣстки, въ которыхъ Городской Голова приглашаетъ ихъ прибыть на чрезвычайное собраніе Городской Думы, назначенное на 22 Іюня въ 5 ч. пополудни, для обсужденія, между прочимъ, слѣдующихъ двухъ вопросовъ:

2. (по порядку въ повѣсткѣ). Предложеніе гласнаго фонъ-цуръ-Мюлена, поддержанное болѣе чѣмъ пятнадцатью глас-

ными относительно жалобы на запрещеніе, постановленное Губернскимъ по городскимъ дѣламъ Присутствіемъ 18 Іюня 1885 г.

3. Предложеніе того же гласнаго, поддерживаемое болѣе чѣмъ 15 гласными, относительно жалобы на циркуляръ Губернатора отъ 7-го Іюня с. г. за № 1139.

Узнавъ о семъ частнымъ путемъ, я поспѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства по телеграфу.

Между тѣмъ оффиціальнаго увѣдомленія о назначенномъ экстренномъ засѣданіи Думы отъ Городского Головы ко мнѣ не поступало. Онъ медлилъ меня увѣдомлять, чтобы не дать времени принять необходимыя съ моей стороны мѣры къ воспрепятствованію обсужденій этихъ вопросовъ. Ему было извѣстно, что 22 Іюня, т. е. въ день, назначенный для Думскаго засѣданія, я долженъ въ 9 часовъ утра участвовать въ качествѣ Предсѣдателя на конской выставкѣ, а въ 12 того же дня на открытіи другой выставки — сельско-хозяйственной. Такимъ образомъ, 22 числа, я лишенъ былъ бы возможности до 5 часовъ пополудни, т. е. до часа засѣданія принять предоставленныя Губернатору Сенатскимъ Указомъ отъ 16 Мая 1873 г. за № 4181 мѣры для изъятія вопросовъ, неподлежащихъ обсужденію Думы. И такъ всѣ старанія его были направлены къ тому, чтобы лишить меня оффиціальнаго извѣщенія на основаніи 57-й ст. Городового Положенія о чрезвычайномъ засѣданіи Думы въ теченіи 21 числа.

Для предупрежденія осуществленія этого намѣренія со стороны Городского Головы я назначилъ засѣданіе Присутствія по городскимъ дѣламъ на 7 часовъ вечера 21 числа. При этомъ я имѣлъ въ виду заявить Присутствію, что не получивъ своевременно отъ Городского Головы извѣщенія о засѣданіи Думы и потому по краткости времени, не имѣя возможности выполнить свою обязанность — расмотрѣть насколько законны и подлежатъ обсужденію Думы внесенные въ повѣстку вопросы, я предлагаю Присутствію сдѣлать, на основаніи Приложенія къ ст. 1900 Т. II Св. Зак. изд. 1876 г. постановленіе, руководствуясь пря этомъ Указомъ Сената 1873 г. № 4181, объ отложеніи экстреннаго засѣданія Думы на недѣлю. По обстоятельствамъ я считалъ принятіе такой мѣры наиболѣе цѣлесообразнымъ, чтобы во-первыхъ, дать время успокоиться возбужденнымъ страстямъ гг. Думскихъ

гласныхъ и во-вторыхъ, я хотѣлъ воспользоваться этой отсрочкой, чтобы съѣздить въ Петербургъ, на основанiи полученнаго отъ Вашего Высокопревосходительства разрѣшенiя и лично доложить Вамъ о положенiи этого дѣла и получить отъ Васъ соотвѣтствующiя указанiя для дальнѣйшаго его направленiя.

Того-же 21-го числа днемъ я пригласилъ къ себѣ для личныхъ объясненiй Городского Голову. Получивъ повѣстку на засѣданiе Присутствiя по городскимъ дѣламъ, Грейфенгагенъ увидалъ, что его попытки лишить меня возможности во время принять необходимыя мѣры не увѣнчались успѣхомъ и онъ поспѣшилъ послать мнѣ извѣщенiе объ экстренномъ засѣданiи Думы. Это извѣщенiе было подано мнѣ въ то самое время, какъ я имѣлъ объясненiе съ Городскимъ Головой. Увидавъ, что извѣщенiе написано по-нѣмецки (не смотря на то, что предыдущее, какъ извѣстно Вашему Высокопревосходительству, было написано имъ по-русски) съ приложеннымъ русскимъ переводомъ, подписаннымъ переводчикомъ, я объявилъ Городскому Головѣ, что принять этой бумаги не могу и тотчасъ же ему ее возвратилъ. Грейфенгагенъ безъ возраженiя принялъ назадъ бумагу, отказавшись дать объясненiе, почему онъ позволилъ себѣ на этотъ разъ ослушаться моего распоряженiя и требованiя закона, которому онъ уже разъ подчинился.

За полчаса до открытiя засѣданiя Присутствiя по городскимъ дѣламъ мною получена была шифрованная телеграмма Вашего Высокопревосходительства, въ которой содержались указанiя на дальнѣйшее направленiе сего дѣла. Въ виду сего я отказался отъ первоначальнаго намѣренiя отложить засѣданiе Думы на недѣлю и велъ Присутствiе въ томъ направленiи, которое было преподано мнѣ въ телеграммѣ Вашего Высокопревосходительства. Засѣданiе продолжалось почти до полночи, благодаря тому, что Грейфенгагенъ и членъ отъ Крестьянской Комиссiи Баронъ Розенъ прибѣгали ко всевозможнымъ способамъ, чтобы вызвать постановленiе Присутствiя согласное съ ихъ видами. Тѣмъ не менѣе всѣ ихъ старанiя не увѣнчались успѣхомъ и въ концѣ концовъ доведенные до истомленiя члены Присутствiя сдѣлали слѣдующее постановленiе:

1) Допустить обсужденiе 2-го вопроса (по повѣсткѣ) при томъ обязательномъ условiи, чтобы пренiя по сему вопросу

въ Думѣ, равно какъ и имѣющее состояться постановленіе, не касались оцѣнки распоряженій Губернатора по вопросу объ употребленіи русскаго языка и толкованія законовъ, на коихъ распоряженія эти основаны, были ограничены лишь предѣлами принципіальнаго вопроса, имѣетъ ли право Присутствіе устранить изъ обсужденія Думы тотъ или другой вопросъ;

2) вопросъ, значащійся въ повѣсткѣ подъ № 3, подлежитъ изъятію отъ обсужденія Думы, въ виду состоявшагося 18 Іюня постановленія по сему предмету Присутствія по городскимъ дѣламъ.

Это постановленіе было сдѣлано четырьмя голосами противъ двухъ. Баронъ Розенъ и Грейфенгагенъ подписали журналъ съ слѣдующей оговоркой: „Имѣя въ виду, что я во время „обсужденія вопросовъ, предложенныхъ Присутствію по го„родскимъ дѣламъ, заявилъ, что на основаніи 153-й ст. Горо„дового Положенія у Думы не можетъ быть отнято право „обжалованія какъ постановленія Присутствія по городскимъ „дѣламъ отъ 18 Іюня объ изъятіи 1-го пункта предметовъ „совѣщаній Думы, такъ и циркуляра Губернатора отъ 7 Іюня „сего года за № 1139, я только съ этою оговоркою подпи„сываю настоящій журналъ“.

Это постановленіе сообщено было мною сегодня для руководства и исполненія Городскому Головѣ, а на засѣданіе Думы командированы состоящіе въ моемъ распоряженіи чиновники Поливановъ и Калачовъ для наблюденій за исполненіемъ Городскимъ Головой сего постановленія Присутствія.

Чтобы не принимать участія въ засѣданіи Присутствія по городскимъ дѣламъ, И. д. Управляющаго Казенной Палатой Гринрейхъ сказался больнымъ и поручилъ за себя присутствовать Начальнику Отдѣленія Палаты Спрекельсену, который въ засѣданіи представлялся истиннымъ мученикомъ въ борьбѣ между служебнымъ долгомъ и своими мѣстными національными симпатіями и убѣжденіями. Онъ нѣсколько разъ переходилъ во время засѣданія то на ту, то на другую сторону и съ большимъ трудомъ въ концѣ концовъ удалось довести его до выраженія мнѣнія согласно долгу службы и закона.

И. д. Прокурора, дѣлопроизводитель Губернскаго Правленія Вальденъ, мѣстный уроженецъ и весьма плохо говорящій по-русски, за исполненіе своего въ этомъ дѣлѣ служебнаго

долга, подвергся сильной карѣ со стороны мѣстнаго бюргерскаго и литератскаго общества. Его обвинили въ измѣнѣ и переходѣ на сторону Правительства. Никто изъ нѣмцевъ не подаетъ ему болѣе руки; съ нимъ перестали кланяться и даже лавочники-нѣмцы отказываютъ ему въ продажѣ продуктовъ. Мнѣ передавали слухъ, что будто клубъ литератовъ собирается исключить его изъ членовъ клуба, какъ измѣнника. Я былъ бы весьма доволенъ, если бы этотъ слухъ подтвердился, ибо тогда представилось бы основаніе и поводъ закрыть этотъ клубъ, къ которому примыкаетъ все то, что враждебно русскому Правительству и всему, что носитъ русское имя.

Въ заключеніе позволю себѣ привести выдержку изъ статьи, помѣщенной въ „Allgemeine Zeitung" № 158, отъ 9 сего Іюня и помѣченной „изъ Петербурга". Эта статья написана по поводу назначенія Генерала Зиновьева на должность Лифляндскаго Губернатора.

„Новое назначеніе (говоритъ газета), является весьма зна-„менательнымъ, такъ какъ указываетъ на усиленную тенден-„цію обрусенія и такъ какъ отнынѣ Остзейскія провинціи „будутъ предоставлены еще большему произволу русскихъ „чиновниковъ, чѣмъ это было до сихъ поръ. Для Балтійскихъ „провинцій наступаетъ весьма тяжелое время и нѣмцы, если „желаютъ удержать свое прежнее положеніе, должны крѣпко „сплотиться и т. д.".

Врядъ ли съ точки зрѣнія такого mot d'ordre настоящее вполнѣ организованное и сплоченное сопротивленіе нѣмецкихъ гласныхъ Ревельской Городской Думы, при дружной поддержкѣ ихъ всѣмъ нѣмецкимъ обществомъ, можетъ казаться явленіемъ случайнымъ.

Позволю себѣ еще разъ повторить свое мнѣніе, что въ данномъ дѣлѣ Правительству необходимо твердо проявить свою силу, чтобы сразу образумить фанатиковъ и не дать начинающемуся пожару принять болѣе сильные и опасные размѣры, которые могутъ вызвать необходимость въ принятіи столь рѣшительныхъ мѣръ, которыя лучше было бы избѣгнуть.

№ 6. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 26 Іюня 1885 г. за № 266 о вмѣшательствѣ Предводителя Дворянства въ служебныя отношенія съ подчиненными Губернатору органами.

Вашему Высокопревосходительству извѣстно, что я совершенно не знаю нѣмецкаго языка. Это незнаніе, о которомъ мною было своевременно заявлено при назначеніи моемъ на должность Эстляндскаго Губернатора, не было признано къ сему препятствіемъ. Неся отвѣтственность за каждое свое распоряженіе, я естественно не могу дѣлать такихъ, коихъ смыслъ и содержаніе мнѣ самому оставались бы непонятными. Посему, вступивъ въ управленіе губерніей, я усвоилъ въ канцелярской перепискѣ съ мѣстными учрежденіями и уѣздной Полиціей такой порядокъ: на одной половинѣ листа пишется русскій текстъ, а на другой его переводъ на нѣмецкій языкъ. Такимъ образомъ я имѣю возможность знать, что я подписываю и отвѣчать за содержаніе бумаги, а получающій съ своей стороны не можетъ отговариваться непониманіемъ моихъ распоряженій, даже въ случаѣ, если бы онъ вовсе и не зналъ русскаго языка.

Между тѣмъ такой усвоенный мною порядокъ канцелярской переписки подалъ поводъ Губернскому Предводителю Дворянства вмѣшаться въ оффиціальныя мои сношенія съ подчиненными мнѣ чинами уѣздной Полиціи и Приходскими Судьями. Изъ прилагаемой при семъ копіи перевода отношенія Губернскаго Предводителя Дворянства за № 290 [1]), Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что Графъ Тизенгаузенъ обвиняетъ меня въ нарушеніи правъ мѣстнаго

---

[1]) Отношеніе Эстляндскаго Губернскаго Предводителя Дворянства Графа Тизенгаузена Эстляндскому Губернатору отъ 21 Іюня 1885 г. за № 290, въ переводѣ гласитъ такъ:

Дошло до свѣдѣнія дворянскаго представительства, что предложенія Вашего Сіятельства, послѣдовавшія къ Гакенрихтерамъ и Приходскимъ Судьямъ, написаны на русскомъ языкѣ и что къ этимъ предложеніямъ прилагаютъ переводы на нѣмецкій языкъ, тождество которыхъ съ русскимъ подлинникомъ даже не подтверждается подписомъ Вашего Сіятельства.

Представительство Дворянства усматриваетъ въ порядкѣ, который Ваше Сіятельство изволили завести для письменнаго сношенія съ Земскими учрежденіями, неправильное и намѣренное вытѣсненіе нѣмецкаго языка изъ зани-

дворянства, основанныхъ на мнѣніи неизвѣстнаго по фамиліи Королевско-Шведскаго Вице-Губернатора начала прошлаго вѣка, а также на распоряженіяхъ различныхъ Правительственныхъ лицъ какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго столѣтія.

Не замѣчая ничего противозаконнаго въ усвоенномъ мною въ силу обстоятельствъ вышеупомянутомъ порядкѣ сношеній и не считая себя въ правѣ и не желая входить по этому вопросу въ полемику съ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбой сдѣлать зависящее распоряженіе для огражденія меня на будущее время отъ вмѣшательства Губернскаго Предводителя Дворянства въ служебныя мои отношенія съ подчиненными мнѣ органами.

Столь незаконное вторженіе Губернскаго Предводителя Дворянства въ несвойственную ни его положенію, ни его обязанностямъ область, лишаетъ Правительственную власть возможности исполнять свой долгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ

маемаго имъ нынѣ положенія, такъ какъ предоставленное этому языку мѣсто не было уважено, а сверхъ того нѣмецкій языкъ былъ признанъ не имѣющимъ равнаго права, которымъ пользуется русскій языкъ.

Дворянское представительство вовсе не знало бы, что ему по долгу надлежитъ, если бы оно не исполнило своей обязанности, т. е. открыто высказать Вашему Сіятельству, какъ лицу призванному къ наблюденію за точнымъ исполненіемъ Закона—на сколько важнымъ Дворянство должно считать послѣдовавшее на самомъ дѣлѣ нарушеніе правъ.

Пунктъ XXXI условій 29 Сентября 1711 года, заключенныхъ при капитуляціи Эстляндскаго Дворянства [собраніе Законовъ 1710 года отъ 29 Сентября (2299)] гласитъ: „чтобы въ канцеляріи или сверхъ того въ нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ введенъ былъ нѣмецкій языкъ, бывшій до тѣхъ поръ въ употребленіи“. Дальше гласитъ п. 26 условій капитуляціи шведскаго гарнизона г. Ревеля отъ 29 Сентября 1710 г. [собраніе Законовъ 1710 г. Сентября 29 дня (2297)]: „такъ какъ благородное дворянство оставило за собою, то Г. Шведскимъ Генералъ-Маіоромъ и Королевскимъ Вице-Губернаторомъ, чтобы у Его Велико-Царскаго Величества исходатайствовано было учрежденіе и нѣмецкой канцеляріи для герцогства Эстляндскаго, а именно для того, чтобы избѣгаемы были всѣ недоумѣнія и неудобства, могущія происходить при употребленіи незнакомаго языка“.

Эти пункты условія были тотчасъ признаны совершенно основательными представителемъ Его Величества, а затѣмъ эти, равно и прочіе пункты условія капитуляціи были утверждены, какъ на настоящее, такъ и на будущее время Царскою Генеральною Конфирмаціею Его Величества Императора Петра I отъ 1 Марта 1712 г. и наконецъ ст. 9 договора по Ништадтскому миру отъ 30 Августа 1721 года.

духъ протеста и неповиновенія лицъ подчиненныхъ по отношенію къ ихъ Начальству, при каковыхъ условіяхъ дѣлается невозможнымъ самое исполненіе возложенныхъ на меня Монаршимъ довѣріемъ и Закономъ обязанностей.

№ 7. Представленіе Управляющему М-омъ Вн. Дѣлъ отъ 5 Іюля 1885 г. за № 272 о вмѣшательствѣ Оберъ-Ландгерихта въ дѣйствія губернатора.

Въ дополненіе къ представленію моему отъ 26 Іюня с. г. за № 266 имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства копію съ нѣмецкаго перевода отношенія ко мнѣ Эстляндскаго Оберъ-Ланд-

---

Это старинное и утвержденное право, которое было нарушено послѣдовавшими отъ Вашего Сіятельства къ Гакенрихтерамъ и Приходскимъ Судьямъ предложеніями, признавалось законодательнымъ порядкомъ и въ новѣйшее время.

Примѣчаніе 2-е къ статьѣ 121 ч. I Мѣстн. Узак. Остз. Губерній по прод. 1853 г. опредѣляетъ именно „производить переписку на русскомъ языкѣ съ тѣми присутственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ не на нѣмецкомъ, а на русскомъ языкѣ". Этимъ вмѣнено коронным учрежденіямъ въ обязанность производить, какъ и прежде, переписку съ земскими учрежденіями на нѣмецкомъ языкѣ. Самыя новѣйшія постановленія объ употребленіи русскаго и нѣмецкаго языка заключаются въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 4 Ноября 1869 г. Предложеніе Г-на Генералъ-Губернатора Прибалтійскихъ Губерній отъ 18-го Ноября 1869 г. за № 196, каковымъ предложеніемъ сообщено было означенное Высочайшее повелѣніе Эстляндскому дворянству, кончается слѣдующими словами: „Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество соизволилъ Высочайше одобрить всеподданнѣйшее мнѣніе о томъ, что вопросъ объ отмѣнѣ нѣмецкаго языка въ сношеніяхъ коронныхъ учрежденій и лицъ съ земскими учрежденіями, не долженъ быть возбужденъ и что переписка эта должна быть оставлена и на будущее время на дѣйствовавшихъ до тѣхъ поръ началахъ.

Въ полной надеждѣ, что права и интересы провинціи не будутъ лишены покровительства и защиты Вашего Сіятельства, Эстляндское дворянство позволяетъ себѣ обратиться къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшей просьбой на будущее время не отказать въ соблюденіи при изготовленіи предложеній земскимъ учрежденіямъ и властямъ того порядка, который одинъ только соотвѣтствуетъ вышеозначенному праву на употребленіе нѣмецкаго языка при оффиціальныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ учрежденіями. Подписалъ Владиміръ Тизенгаузенъ, Предводитель Дворянства. Перевелъ П. Я. Ноксъ.

герихта [1]), касательно употребленія мною въ сношеніяхъ съ симъ учрежденіемъ не исключительно одного нѣмецкаго языка, на который лишь переводится подписываемый мною русскій текстъ бумагъ, посылаемыхъ мною въ Оберъ-Ландгерихтъ на томъ-же основаніи, какъ это подробно изложено въ упомянутомъ представленіи моемъ за № 266.

---

[1]) Отношеніе Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта Эстляндскому Губернатору отъ 21 Іюня 1885 г. за № 4547, въ переводѣ гласитъ такъ:

Ваше Сіятельство требовали послѣдовавшимъ изъ Вашей Канцеляріи 18 Іюня с. г. отношеніемъ за № 1293 отъ Оберъ-Ландгерихта свѣдѣній по содержанію поданнаго крестьяниномъ имѣнія Палль Теннисомъ Куэманомъ прошенія, каковое отношеніе написано на русскомъ языкѣ съ приложеніемъ незасвидѣтельствованнаго перевода отношенія на нѣмецкій языкъ.

Помня, что Оберъ-Ландгерихтъ долженъ стараться сохранять предоставленныя ему Закономъ права совершенно такимъ же образомъ, какъ Оберъ-Ландгерихтъ обязанъ исполнять возложенныя на него обязанности, — Оберъ-Ландгерихтъ не считаетъ возможнымъ умолчать объ упомянутомъ отношеніи Вашего Сіятельства, которое, въ виду того, что оно изложено на русскомъ языкѣ, по мнѣнію Оберъ-Ландгерихта, нарушаетъ права этого Суда. Напротивъ того, руководствуясь Высочайше утвержденными или установленными и еще въ настоящее время дѣйствующими положеніями о порядкѣ письменныхъ сношеній съ коронными учрежденіями и властями, а въ особенности о порядкѣ сношенія съ Эстляндскимъ Губернаторомъ и его Канцеляріею, Оберъ-Ландгерихтъ считаетъ себя обязаннымъ указать на то, что Оберъ-Ландгерихтъ, на основаніи этихъ законоположеній можетъ получать отъ Г. Эстляндскаго Губернатора только на нѣмецкомъ языкѣ написанныя отношенія. Это именно усматривается: 1) изъ Высочайше утвержденныхъ 1-го Іюля 1845 г. Мѣстн. Узак. I ч. ст. 121 и примѣчанія, равно и изъ ст. 122, въ которыхъ изложенъ порядокъ сношеніи и дѣлопроизводства Оберъ-Ландгерихта и 2) изъ послѣдовавшихъ послѣ того распоряженій, а именно предложенія Г. Генералъ-Губернатора Прибалтійскихъ Губерній Г. Эстляндскому Губернатору отъ 26 Октября 1867 года за № 142, равно и изъ отмѣняющаго по частямъ это предложеніе таковаго же предложенія того же Генералъ-Губернатора отъ 18 Ноября 1869 года за № 174 о порядкѣ письменныхъ сношеній коронныхъ учрежденій и властей съ некоронными учрежденіями, каковыя распоряженія, не допуская никакого сомнѣнія, ясно подтверждаютъ, что и въ настоящее время Г. Эстляндскій Губернаторъ долженъ сноситься съ Эстляндскимъ Оберъ-Ландгерихтомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Высочайше утвержденное это постановленіе впослѣдствіи не было отмѣнено, а было всегда соблюдаемо Гг. Эстляндскими Губернаторами, какъ это доказываютъ послѣдовавшія въ Оберъ-Ландгерихтъ ихъ нѣмецкія отношенія.

Считая долгомъ обратить вниманіе Вашего Сіятельства на вышеизложенное, Оберъ-Ландгерихтъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство не оставить это представленіе безъ уваженія. Подписалъ именемъ Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта Ландратъ А. фонъ-цуръ-Мюленъ. Скрѣпилъ: фонъ-Нотбекъ, Архиваріусъ. Перевелъ П. Я.Ноксъ.

При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что Оберъ-Ландгерихтъ есть не болѣе какъ старая Палата уголовнаго и гражданскаго Суда и что въ Законѣ я не нашелъ никакихъ указаній, которыми могло бы быть оправдано подобнаго рода отношеніе судебной инстанціи къ представителю высшей Правительственной власти въ Губерніи. Судебныя мѣста не имѣютъ права дѣлать ни указаній, ни разъясненій власти административной, а также предъявлять въ какой-бы то ни было формѣ какихъ либо требованій, выходящихъ изъ круга ихъ прямыхъ обязанностей и относящихся до дѣятельности администраціи.

Въ случаѣ какихъ либо неправильныхъ или незаконныхъ дѣйствій со стороны Губернскаго Начальства, Законъ предоставляетъ право всѣмъ заинтересованнымъ въ этомъ, не только учрежденіямъ, но даже и частнымъ лицамъ подавать жалобы на такія неправильныя дѣйствія Правительствующему Сенату, отъ котораго одного зависитъ дать Губернатору соотвѣтствующія указанія.

—

Отношеніе Оберъ-Ландгерихта отъ 5 Іюля с. г. за № 4731 (въ переводѣ).

Его Сіятельству Г. Эстляндскому Губернатору, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру Князю Шаховскому.

Эстляндскій Оберъ-Ландгерихтъ, вслѣдствіе отношенія Вашего отъ 18 Іюля с. г. за № 1293, написаннаго на русскомъ языкѣ, имѣлъ честь 21 Іюня за № 4547 сообщить о своемъ правѣ, основанномъ на Законѣ и Высочайше утвержденныхъ Положеніяхъ, получать отъ Эстляндскаго Губернатора подлинныя — только на нѣмецкомъ языкѣ писанныя бумаги, причемъ Оберъ-Ландгерихтъ не оставилъ отношенія за № 1293 безъ всякаго уваженія только въ виду того, что онъ былъ въ полной надеждѣ получать впредь отъ Вашего Сіятельства бумаги, изложенныя на законномъ основаніи.

Не смотря на то, во время отсутствія Вашего Сіятельства Г-нъ И. д. Эстляндскаго Губернатора, Вице-Губернаторъ Тилло отнесся вновь 3-го сего Іюля за № 1476 въ Эстляндскій Оберъ-Ландгерихтъ на русскомъ языкѣ съ возвращеніемъ приговора и дѣла Виръ-Ервенскаго Мангерихта по обвиненію Михкеля Сельбаха и жены его Анны въ кражѣ.

При такихъ обстоятельствахъ Оберъ-Ландгерихтъ не можетъ признать себя въ правѣ или обязаннымъ отвѣтить на означенное отношеніе, почему онъ возвращаетъ при семъ упомянутое отношеніе, такъ какъ онъ считаетъ себя въ правѣ, въ виду своего отношенія отъ 21 Іюня с. г. за № 4547 ожидать отъ Вашего Сіятельства удовлетворенія своей просьбы, тѣмъ болѣе, что, какъ нужно полагать, возвращаемое неподписанное Вашимъ Сіятельствомъ отношеніе, было отправлено въ Оберъ-Ландгерихтъ безъ Вашего вѣдома и согласія. Подписалъ именемъ Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта, Предсѣдательствующій Ландратъ Отто фонъ-Лиліенфельдтъ. Скрѣпилъ: Старш. Секр. г. фонъ-цуръ-Мюленъ. Перевелъ колл. сов. П. Я. Ноксъ.

Имѣя же въ виду, что въ данномъ случаѣ Эстляндскій Оберъ-Ландгерихтъ принялъ по отношенію ко мнѣ, какъ Губернатору, то положеніе, которое принадлежитъ исключительно Правительствующему Сенату, считаю долгомъ представить это дѣло на дальнѣйшее распоряженіе Вашего Высокопревосходительства, причемъ имѣю честь присовокупить, что упомянутое отношеніе Оберъ-Ландгерихта отъ 21 Іюня за № 4547, я оставилъ безъ отвѣта, не считая себя въ правѣ съ одной стороны входить съ этимъ судебнымъ учрежденіемъ въ какую либо полемику по этому вопросу, не входящему въ кругъ дѣятельности этого учрежденія, а съ другой, чтобы отвѣтомъ своимъ не дать прецедента къ какому-либо новому вмѣшательству Оберъ-Ландгерихта въ дѣйствія и распоряженія Правительственной власти. Въ дальнѣйшихъ же моихъ сношеніяхъ, какъ съ этимъ, такъ и съ остальными мѣстными, некоронными учрежденіями, я буду продолжать сноситься по установленной мною формѣ, какъ единственно мнѣ доступной, вслѣдствіе незнанія мною нѣмецкаго языка и полной невозможности подписывать бумаги, изложенныя на непонятномъ мнѣ иностранномъ нарѣчіи, при отвѣтственности за ихъ содержаніе.

№ 8. Представленіе Управляющему М-омъ Вн. Дѣлъ отъ 5 Іюля 1885 г. за № 273 о дерзостномъ донесеніи Ревельскаго Городского Магистрата.

Въ дополненіе къ представленіямъ отъ 26 Іюня и 5 Іюля за №№ 266, 272, имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства копію съ нѣмецкаго перевода донесенія Ревельскаго Городского Магистрата отъ 1 сего Іюля за № 2834 [1]), касательно употребленія

[1]) Донесеніе въ переводѣ гласитъ такъ:

Ваше Сіятельство изволили обратиться въ Магистратъ г. Ревеля съ двумя предложеніями отъ 7 и 19 Іюня сего года за № 1137 и 1305, которыя написаны на русскомъ языкѣ.

Въ скоромъ времени исполнится 175 лѣтъ, что г. Ревель пользуется счастіемъ быть включеннымъ въ составъ Россійской Имперіи какъ извѣстно покореніе города Ревеля, согласно заключеннымъ при капитуляціи условіямъ, подъ скипетръ славно-царствовавшаго Императора Петра I послѣдовало

мною съ симъ мѣстнымъ установленіемъ въ перепискѣ не исключительно одного нѣмецкаго языка, а также и языка Государственнаго.

---

29 Сентября 1710 года — и въ теченіи этого времени вышеозначенныя предложенія составляютъ первыя бумаги на русскомъ языкѣ, которыя вообще когда либо были получены Магистратомъ г. Ревеля отъ Начальника Эстляндской Губерніи.

Ваше Сіятельство навѣрно найдете понятнымъ, что измѣненіе это въ отношеніе къ бывшему по настоящее время въ употребленіи и къ бывшему всегда неоспоримо употребляемымъ оффиціальному языку должно было показаться Магистрату тѣмъ болѣе страннымъ, въ виду того, что Магистратъ не знаетъ Закона, который могъ бы служить основаніемъ этой перемѣнѣ.

Какъ извѣстно Вашему Сіятельству, употребленіе оффиціальнаго языка въ перепискѣ между коронными учрежденіями и учрежденіями и властями Остзейскихъ Губерній основано на Законахъ и Высочайше утвержденныхъ предложеніяхъ, а именно на ст. 121 ч. I Мѣстн. Узак. Прибалт. Губ., на Высочайше утвержденномъ 1 Іюня 1867 г. заключеніи Комитета Гг. Министровъ (сообщенномъ Магистрату для руководства при предложеніи бывшаго въ то время Генералъ-Губернатора Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго отъ 26 Октября 1867 г. за № 142) и наконецъ, на Высочайшемъ повелѣніи отъ 4 Ноября 1869 г., на основаніи каковаго повелѣнія переписка всѣхъ коронныхъ властей съ некоронными учрежденіями и властями, какъ это до того времени бывало, должна вестись на нѣмецкомъ языкѣ.

Согласно означеннымъ законоположеніямъ Магистратъ г. Ревеля въ качествѣ сословнаго учрежденія, у котораго дѣлопроизводство происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ, имѣетъ право отъ тѣхъ коронныхъ учрежденій и властей Губерніи, которыя именно не изъяты отъ этого, получать написанныя на нѣмецкомъ языкѣ бумаги. Какъ уже выше сказано, этотъ установленный закономъ порядокъ соблюдался до самыхъ новѣйшихъ временъ и именно Гг. Эстляндскіе Губернаторы всегда соблюдали вышеуказанныя законоположенія и руководствовались ими при перепискѣ съ Ревельскимъ Магистратомъ.

Такъ какъ Ваше Сіятельство нашли себя вынужденными въ первыхъ предложеніяхъ, послѣдовавшихъ въ Ревельскій Магистратъ, отступить отъ этого законнаго порядка, а Магистрату осталось неизвѣстнымъ, на чемъ именно основано измѣненіе это касательно употребленія установленнаго Закономъ оффиціальнаго языка, то Ваше Сіятельство безъ сомнѣнія признаете справедливымъ желаніе Магистрата, чтобы ему сообщено было удовлетворительное объясненіе означенной внезапной перемѣны.

Магистратъ, стараясь, какъ само собою разумѣется, это его обязанность, всегда при всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться исключительно законами, равно и соблюдать, чтобы Законы и въ отношеніяхъ Магистрата къ другимъ учрежденіямъ и властямъ не были лишены своего значенія и силы, полагаетъ лишь исполнить свою обязанность въ другомъ отношеніи, если онъ позволяетъ себѣ обратить вниманіе Вашего Сіятельства на сказанный предметъ, въ ожиданіи, что Ваше Сіятельство изволите поставить Магистратъ

Изъ содержанія прилагаемаго документа Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что Ревельскій Магистратъ позволяетъ себѣ требовать отъ Губернатора объясненія и преподавать ему наставленія, между тѣмъ какъ на основаніи 1085 ст. (Сводъ Мѣстныхъ Узаконеній изд. 1845 г. ч. I кн. III Раз. 2, гл. VI) Ревельскій Магистратъ получаетъ отъ Губернскаго Правленія и Начальника Губерніи предложенія и предписанія и посылаетъ къ нимъ донесенія и представленія.

Такое безпримѣрное нарушеніе дисциплины и дерзкое отношеніе подчиненнаго органа къ высшему, при отсутствіи въ мѣстномъ законодательствѣ указаній на порядокъ привлеченія сего учрежденія къ отвѣтственности за такого рода преступленія, вынуждаетъ меня безпокоить Ваше Высокопревосходительство покорнѣйшей просьбой, не изволите ли признать возможнымъ оградить меня, какъ представителя высшей Правительственной власти въ Губерніи, отъ повторенія подобнаго рода неслыханныхъ дерзостей, наносимыхъ, вѣроятно, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ въ порядкѣ оффиціальныхъ сношеній.

При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что упомянутую бумагу Магистрата за № 2834 я оставилъ безъ отвѣта и впредь буду сноситься съ симъ учрежденіемъ по усвоенной мною извѣстной Вашему Высокопревосходительству изъ предыдущихъ моихъ представленій формѣ.

въ извѣстность о томъ, что существовавшій до сихъ поръ порядокъ объ употребленіи оффиціальнаго языка въ перепискѣ коронныхъ учрежденій съ некоронными учрежденіями, измѣненъ въ отношеніи къ тому объему, который установленъ былъ вышеупомянутыми Законами и въ таковомъ употреблялся до сихъ поръ означенный языкъ, въ случаѣ же настоящій вопросъ и порядокъ еще не былъ отмѣненъ законодательнымъ порядкомъ, то не отказать руководствоваться упомянутыми Законами въ перепискѣ съ Магистратомъ. Подписалъ именемъ Магистрата г. Ревеля Первенствующій Бургомистръ Р. Вейссе. Скрѣпилъ: Секретарь В. Гебауеръ. Перевелъ Н. Я. Нокс.

№ 9. Представленіе Управляющему М-омъ Вн. Дѣлъ отъ 6 Іюля 1885 г. за № 276 объ отмѣнѣ распоряженія Генералъ-Адъютанта Альбединскаго отъ 18 Ноября 1869 г. за № 174 и объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія о веденіи впредь всего дѣлопроизводства во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ исключительно на русскомъ языкѣ.

Постоянныя, почти ежедневныя, столкновенія мои съ различными мѣстными установленіями, по вопросу объ употребленіи Государственнаго языка въ оффиціальныхъ моихъ съ ними сношеніяхъ, представляютъ собой явленіе крайне ненормальное и тормозятъ дѣятельность Правительственной власти. Какъ Вашему Высокопревосходительству извѣстно, я положительно лишенъ возможности вести переписку на нѣмецкомъ языкѣ, совершенно не зная сего иностраннаго нарѣчія.

Различныя мѣстныя установленія основываютъ свои притязанія на употребленіе въ сношеніяхъ съ ними исключительно нѣмецкаго языка на 121 и 122 ст. Свода Мѣстныхъ Узаконеній (изд. 1845 г.) и на двухъ примѣчаніяхъ къ 121 ст., а также на циркулярѣ быв. Ген.-Губ. Ген.-Адъютанта Альбединскаго отъ 18 Ноября 1869 г. за № 174, въ копіи при семъ прилагаемомъ.

Дѣйствительно, ст. 121 и 122 устанавливаютъ обязательное употребленіе въ мѣстныхъ присутственныхъ мѣстахъ языка нѣмецкаго. Между тѣмъ пунктъ 4 Примѣчанія 2-го къ 121 ст. (позднѣйшее изданіе 1853 г.) гласитъ: „Когда главное мѣстное „Начальство признаетъ, что такихъ чиновниковъ (т. е. знаю- „щихъ русскій языкъ) во всѣхъ коронныхъ присутственныхъ „мѣстахъ достаточное число, то войти оному съ особымъ „представленіемъ о назначеніи положительнаго и опредѣли- „тельнаго срока для введенія всего въ нихъ дѣлопроизвод- „ства на одномъ только русскомъ языкѣ“.

Изъ упомянутаго выше Циркуляра Генералъ-Адъютанта Альбединскаго отъ 18 Ноября 1869 г. за № 174 узнаемъ, что и „Высочайше утвержденнымъ 1 Іюня 1867 г. Положеніемъ „Комитета Министровъ обращено было особенное вниманіе „Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями на „настоятельную необходимость совокупными усиліями всѣхъ „вѣдомствъ приступить къ безотлагательному, на самомъ „дѣлѣ, исполненію Монаршей воли о веденіи въ корон-

„ныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскаго Края дѣло-„производства на русскомъ языкѣ, которая выражена въ Вы-„сочайше утвержденномъ 3 Января 1850 г. Положеніи Коми-„тета Министровъ“.

Подъ видомъ исполненія столь категорично выраженной Высочайшей воли, Генералъ-Адъютантъ Альбединскій, какъ Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть изъ приложеннаго циркуляра его за № 174, вмѣсто русскаго языка, ввелъ въ дѣлопроизводство обязательное употребленіе нѣмецкаго языка. При этомъ бывшій Генералъ-Губернаторъ ссылается на Высочайшее повелѣніе отъ 4 Ноября 1869 г., каковое, однако, до сихъ поръ еще не было установленнымъ порядкомъ распубликовано во всеобщее свѣдѣніе и руководство.

Для прекращенія нынѣ существующихъ, крайне ненормальныхъ условій, въ которыя поставлена мѣстная Правительственная власть, стѣсненная въ употребленіи Государственнаго языка и въ виду упраздненія Прибалтійскаго Генералъ-Губернаторства, имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой, не изволите ли признать возможнымъ, во-первыхъ, исходатайствовать отмѣну циркулярнаго распоряженія покойнаго Генералъ-Адъютанта Альбединскаго отъ 18 Ноября 1869 г. за № 174, основаннаго на необъявленномъ въ установленномъ порядкѣ во всеобщее свѣдѣніе и руководство Высочайшемъ повелѣніи 4 Ноября 1869 г. и

во-вторыхъ, на основаніи пункта 4 Примѣчанія 2-го къ ст. 121, испросить Высочайшее повелѣніе о веденіи впредь всего дѣлопроизводства и безъ всякихъ изъятій во всѣхъ Правительственныхъ Учрежденіяхъ, а также для сношеній съ ними всѣхъ мѣстныхъ установленій исключительно на русскомъ языкѣ.

На практикѣ не встрѣтится для обязательнаго употребленія въ оффиціальной перепискѣ Государственнаго языка никакихъ затрудненій, ибо лицъ, основательно знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, имѣется здѣсь болѣе, чѣмъ мѣстъ въ Правительственныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, которыя могли бы быть имъ предоставлены. При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что просимая мною мѣра основана на точномъ смыслѣ Высочайше утвержденныхъ 3 Января 1850 г. и 17 Іюня 1867 г. Положеніяхъ Комитета Министровъ.

№ 10. Представленіе Управляющему М-омъ Вн. Дѣлъ отъ 10 Іюля 1885 г. за № 279.

Въ дополненіе къ представленіямъ моимъ отъ 26 Іюня, 5 и 6 Іюля с. г., за №№ 266, 272, 273, 276, имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства переводъ копіи донесенія Гальяльскаго Приходскаго Судьи отъ 30 Іюня 1885 г. за № 180 [1]).

Такое отношеніе низшей Полицейско-Судебной инстанціи къ Представителю Высшей Правительственной власти въ Губерніи указываетъ на полнѣйшую дезорганизацію, отсутствіе дисциплины и упадокъ авторитета Правительственной власти въ Губерніи.

Мѣстные Законы не даютъ права Губернскому Начальству самостоятельно привлечь виновнаго въ данномъ случаѣ къ отвѣтственности и Правительственная власть обрекается на роль пассивнаго зрителя того издѣвательства, которое безнаказанно позволяютъ себѣ дѣлать выборныя мѣстныя учрежденія, руководимыя въ своихъ поступкахъ нѣмецкими національными тенденціями. Преслѣдованіе Приходскаго Судьи зависитъ отъ Оберъ-Ландгерихта, того самаго учрежденія, которое первое подало примѣръ подобнаго отношенія къ Правительственной власти, какъ извѣстно Вашему Высокопревосходительству изъ моихъ представленій отъ 5 и 10 Іюля с. г. за №№ 272, 278. Посему я лишенъ возможности привлечь Судью Врангеля къ отвѣтственности, ибо нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ будетъ отъ этой отвѣтственности Оберъ-Ландгерихтомъ торжественно освобожденъ и этотъ случай еще разъ наглядно докажетъ населенію все безсиліе Правительственной власти и, наоборотъ, силу и значеніе противящейся ей мѣстныхъ нѣмецкихъ учрежденій.

---

[1]) Донесеніе гласитъ такъ:

Такъ какъ въ послѣдовавшихъ ко мнѣ предложеніяхъ Вашего Сіятельства кромѣ обычнаго нѣмецкаго изложенія предложенія прилагалось къ нему въ послѣднее время еще изложеніе на русскомъ языкѣ, то имѣю честь донести для предупрежденія всякихъ могущихъ быть недоразумѣній, что для меня только единственно имѣетъ значеніе подписанное Вашимъ Сіятельствомъ изложеніе предложенія на нѣмецкомъ языкѣ. Подписалъ: А. Врангель, Гальяльскій Приходскій Судья. Перевелъ П. Я. Ноксъ.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что Приходскій Судья Врангель недавно вышелъ въ отставку изъ Морской службы чиномъ Капитана и прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ.

№ 11. Представленіе Управляющему М-омъ Вн. Дѣлъ отъ 10 Іюля 1885 г. за № 278 о противодѣйствіи правительству всѣхъ мѣстныхъ нѣмецкихъ учрежденій.

Въ дополненіе къ представленію моему отъ 5 Іюля № 272, имѣю честь представить при семъ копію перевода съ нѣмецкаго языка отношенія Оберъ-Ландгерихта отъ 5 сего Іюля № 4731, приложеннаго къ нему (и возвращеннаго мнѣ) подлиннаго отношенія И. д. Губернатора, Вице-Губернатора Тилло, отъ 3 Іюля с. г. за № 1476 и отвѣтнаго моего отношенія Оберъ-Ландгерихту отъ 10 сего Іюля за № 280.

Какъ Вы изволите усмотрѣть изъ этой переписки, Оберъ-Ландгерихтъ дерзнулъ возвратить Губернскому Начальству посланное къ нему оффиціальное отношеніе и тѣмъ учинилъ не только неслыханную дерзость по отношенію къ Представителю высшей Правительственной власти въ Губерніи, но и прервалъ этимъ фактомъ сношенія съ Правительствомъ. На мѣстѣ придаютъ данному случаю именно такое значеніе, — „значеніе разрыва сношеній“.

Имѣя въ виду съ одной стороны, что Эстляндская Губернія входитъ въ составъ Россійской Имперіи и что по должности я, Губернаторъ русскаго Правительства, а не дипломатическій агентъ при иностранной Державѣ, каковыми мнятъ себя мѣстныя нѣмецкія учрежденія, съ другой, руководствуясь Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, распубликованнымъ Указомъ Правительствующаго Сената отъ 7 Марта 1883 г., имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой, не изволите-ли признать возможнымъ принять мѣры, чтобы образумить мѣстныя нѣмецкія учрежденія, и возстановить въ этой русской Губерніи утраченные Правительствомъ Его Императорскаго Величества авторитетъ и значеніе...

Дабы не подать съ своей стороны повода мѣстному нѣмецкому населенію, жадно слѣдящему за исходомъ этого

столкновенія нѣмецкихъ учрежденій съ русскою Правительственною властью, оставаться въ убѣжденіи, что провозглашенный сими иностранными учрежденіями разрывъ сношеній съ Правительствомъ, дѣйствительно можетъ имѣть мѣсто, я послалъ Оберъ-Ландгерихту прилагаемый отвѣтъ за № 280 и вновь повторилъ возвращенное мнѣ отношеніе.

Въ виду того, что въ противодѣйствіи Правительству участвуютъ всѣ мѣстныя нѣмецкія учрежденія, съ высшаго и до низшаго (Оберъ-Ландгерихтъ, Губернскій Предводитель Дворянства, Магистратъ, Дума, Приходскій Судья), дѣйствуя вполнѣ солидарно и въ одномъ и томъ-же направленіи, и что пока это противодѣйствіе не будетъ сломлено, Правительственная власть на мѣстѣ лишена возможности безпрепятственно исполнять свою обязанность, осмѣливаюсь безпокоить Ваше Высокопревосходительство покорнѣйшей просьбой не изволите-ли признать возможнымъ принять самыя рѣшительныя мѣры и притомъ въ возможно скоромъ времени, чтобы положить предѣлъ столь ненормальному положенію, которое приняли мѣстныя нѣмецкія учрежденія по отношенію къ Правительству.

Въ заключеніе считаю долгомъ привести Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта (7-го Марта 1883 г.), о которомъ я упомянулъ выше:

„Судебныя и другія присутственныя мѣста Губерній Остзейскихъ не исключая и тѣхъ, которыя производятъ дѣла „на нѣмецкомъ языкѣ, обязаны принимать прошенія и другія „бумаги, писанныя на русскомъ языкѣ или на одномъ изъ „мѣстныхъ (эстонскомъ и латышскомъ) нарѣчій. Прошеніямъ „и инымъ бумагамъ, составленнымъ на означенномъ языкѣ „или нарѣчіяхъ, дѣлается, въ случаѣ необходимости, по рас„поряженію присутственнаго мѣста, точный переводъ на нѣ„мецкій языкъ для дальнѣйшаго производства“.

№ 12. Представленіе Управляющему М-омъ Вн. Дѣлъ отъ 15 Іюля 1885 г. за № 1578.

Въ дополненіе къ представленію отъ 10 Іюля с. г. за № 279, имѣю честь донести Вашему Высокопревосходительству, что Гальяльскій Приходскій Судья отставной капитанъ

2-го ранга Баронъ Врангель, сынъ бывшаго Министра Адмирала Барона Врангеля, воспитывался въ Морскомъ училищѣ, много лѣтъ служилъ и жилъ въ Россіи и уволенъ въ отставку 26 Мая 1885 г. Пенсія ему еще не назначена.

Изъ этихъ свѣдѣній не трудно усмотрѣть, что Барону Врангелю достаточно было лишь возвратиться на родину, вращаться нѣсколько дней среди Остзейскихъ нѣмецкихъ дворянъ и, сдѣлавшись Приходскимъ Судьей, не признаватъ тотъ языкъ, которому онъ съ дѣтства обучался въ Морскомъ училищѣ и на которомъ онъ много лѣтъ говорилъ, состоя на службѣ Его Императорскаго Величества.

(Подпись).

№ 13. Письмо къ Управляющему М-омъ Вн. Дѣлъ отъ 29 Іюля 1885 г. за № 293 объ отказѣ губернатора подписывать бумаги Крестьянской Комиссіи на нѣмецкомъ языкѣ и о послѣдствіяхъ сего.

Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

23-го сего Іюля происходило первое при мнѣ засѣданіе Крестьянской Комиссіи. На основаніи 1306 ст. Положенія о крестьянахъ Эстляндской Губерніи 1856 г. въ Комиссіи этой дѣла производятся на нѣмецкомъ языкѣ. По сему въ засѣданіи мною допущены были пренія на семъ иностранномъ діалектѣ. Но такъ какъ я нѣмецкаго языка не понимаю, то, чтобы руководить преніями и знать о чемъ идетъ рѣчь и въ какомъ смыслѣ высказываются члены, я просилъ Секретаря Комиссіи (онъ-же Секретарь дворянства) Барона Энгельгардта, прекрасно владѣющаго русскимъ языкомъ, переводить мнѣ на русскій языкъ все, что излагалось членами по нѣмецки.

Къ этой, вполнѣ законной съ моей стороны, просьбѣ Г. Баронъ отнесся съ негодованіемъ и, съ шумомъ отодвинувъ стулъ, воскликнулъ: je ne connais pas cette langue. Не смотря на этотъ эпизодъ, засѣданіе продолжалось, при чемъ роль переводчика взялъ на себя членъ Комиссіи Баронъ Врангель. Никакихъ споровъ по существу разсматривавшихся вопросовъ не возникало, и всѣ дѣла были разрѣшены единогласно.

На слѣдующій день Баронъ Энгельгардтъ принесъ мнѣ къ подписи исходящія бумаги, служившія исполненіемъ не-

подписаннаго еще членами и неутвержденнаго журнала Комиссіи. Эти бумаги были изложены на нѣмецкомъ языкѣ.

Сомнѣваясь, съ одной стороны, чтобы исполненіе предложенныхъ къ моей подписи бумагъ могло послѣдовать столь быстро за рѣшеніемъ дѣлъ и, предполагая посему, что эти бумаги были заготовлены ранѣе засѣданія Комиссіи, и съ другой, не довѣряя содержанію бумагъ, смыслъ которыхъ, по незнанію моему нѣмецкаго языка, былъ мнѣ неизвѣстенъ, относиться же съ довѣріемъ къ объясненіямъ дворянскаго Секретаря я не имѣлъ никакихъ основаній, — въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я отказался отъ подписи бумагъ. При этомъ я предложилъ Барону Энгельгардту, чтобы не задерживать исполненія, представить мнѣ къ подписи эти бумаги, изложивъ ихъ на двухъ языкахъ, по-русски и по-нѣмецки, подобно тому, какъ это дѣлается по моей Канцеляріи. На это Баронъ-Секретарь отвѣтилъ мнѣ, что онъ считаетъ мое требованіе незаконнымъ и его не исполнитъ.

На другой день послѣ этого объясненія снова явился ко мнѣ Секретарь Комиссіи съ предложеніемъ одуматься и лучше согласиться исполнить его желаніе и желаніе Губернскаго Предводителя. На это я ему еще разъ замѣтилъ, что, отвѣчая за содержаніе бумаги, мною подписанной, я не могу подписывать того, чего не понимаю. Въ такомъ случаѣ, сказалъ Секретарь, я считаю себя вынужденнымъ воспользоваться статьей 100 т. II ч. I Св. Зак. изд. 1876 г. и принести на Васъ жалобу Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, — при этомъ, предупреждаю Васъ, что то же самое будетъ сдѣлано и со стороны Губернскаго Предводителя Дворянства.

Вслѣдъ за тѣмъ получаю я отъ Губернскаго Предводителя Дворянства прилагаемое при семъ въ переводѣ съ нѣмецкаго отношеніе отъ 26 Іюля, за № 395 [1]. Въ этой оффиціальной бумагѣ, какъ Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, Губернскій Предводитель Дворянства пред-

---

[1]) Переводъ отношенія:

Его Сіятельству Г. Эстляндскому Губернатору Князю Шаховскому.

Секретарь Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ Баронъ Энгельгардтъ заявилъ мнѣ, что состоявшіяся 23 числа сего мѣсяца постановленія Комиссіи, не могли быть исполнены, такъ какъ Ваше Сіятельство не хотѣли подписать

лагаетъ Губернатору одуматься и взять назадъ свое распоряженіе, увѣдомить его объ этомъ въ скоромъ времени, ибо иначе онъ донесетъ объ этомъ Г. Управляющему Министерствомъ, руководствуясь § 1294 Положенія о крестьянахъ Эстляндской Губерніи.

Врядъ ли возможно предположить большую дерзость, какъ нынѣ нанесенная и при томъ оффиціально Предводителемъ Дворянства Представителю Правительственной власти въ Губерніи.

Помимо того, Графъ Тизенгаузенъ позволилъ себѣ въ данномъ случаѣ вновь вмѣшиваться въ отношенія Губернатора къ лицу, ему вполнѣ подчиненному, какимъ является Баронъ Энгельгардтъ по должности Секретаря крестьянской Комиссіи. Пытаясь оправдать такое вмѣшательство, Губернскій Предводитель ссылается на ст. 1294 Положенія о крестьянахъ. Эта статья говоритъ слѣдующее: „Предсѣдатель Комиссіи въ „правѣ пріостановить исполненіе принятаго по большинству „голосовъ рѣшенія, если оно противно его мнѣнію. Онъ представляетъ о спорномъ предметѣ, съ своимъ заключеніемъ „Министру Внутреннихъ Дѣлъ, къ которому поступаютъ донесенія о семъ же отъ Губернскихъ Предводителей Дворянства и отъ котораго зависѣть будетъ дать дѣлу разрѣшеніе „и предписать вторичный пересмотръ онаго“. Статья эта къ данному случаю вовсе не относится и имѣетъ въ виду такія рѣшенія Крестьянской Комиссіи, которыя, хотя и состоялись по большинству голосовъ, но съ которыми не согласенъ Губернаторъ и потому пріостанавливаетъ ихъ исполненіе, впредь до полученія указаній отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ настоящемъ случаѣ Губернаторъ не пріостановилъ рѣшенія Комиссіи, вслѣдствіе своего съ ней несогласія, а лишь за-

---

составленныя по этимъ постановленіямъ по ясному смыслу Закона на нѣмецкомъ языкѣ исполненныя бумаги. Руководствуясь § 1294 Положенія о крестьянахъ Эстляндской Губерніи по новой редакціи, нахожусь вынужденнымъ донести о настоящемъ дѣлѣ Его Высокопревосходительству Г-ну Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Считаю долгомъ лояльности объ этомъ поставить Ваше Сіятельство въ извѣстность съ просьбою, въ случаѣ, чтобы Ваше Сіятельство можетъ быть, вслѣдствіе объясненій и заявленій Секретаря Г-на Барона Энгельгардтъ согласились подписать вышеозначенныя бумаги, увѣдомить меня объ этомъ въ скоромъ времени. Подписалъ Вольдемаръ Тизенгаузенъ, Предводитель Дворянства. Перевелъ Коллежскій Совѣтникъ П. Я. Ноксъ.

труднился подписать поданныя ему бумаги на неизвѣстномъ ему языкѣ и сдѣлалъ распоряженіе по подчиненной ему одному Канцеляріи предсѣдательствуемой имъ Комиссіи о приданіи бумагамъ такой формы, которая сдѣлала бы ему доступнымъ пониманіе имъ подписываемаго.

Губернскій Предводитель Дворянства въ качествѣ члена Крестьянской Комиссіи имѣетъ право голоса только во время засѣданій Комиссіи. Внѣ засѣданій онъ утрачиваетъ всякое право вмѣшательства въ дѣла Комиссіи и тѣмъ болѣе въ распоряженія Губернатора по Канцеляріи. Такое вмѣшательство въ распоряженіе Правительственной власти, которое, какъ извѣстно Вашему Высокопревосходительству, уже неоднократно дозволялъ себѣ Графъ Тизенгаузенъ, не можетъ найти никакихъ оправданій не только въ Сводѣ Общихъ и мѣстныхъ Узаконеній, но даже и въ тѣхъ миѳическихъ привиллегіяхъ различныхъ шведскихъ и польскихъ королей прошлаго вѣка и всякаго рода, утопающихъ въ неизвѣстности, магнатовъ, на которыя, за отсутствіемъ закона, оправдывающаго различнаго рода своевольныя дѣйствія, мѣстныя должностныя лица и учрежденія такъ любятъ ссылаться, расчитывая, что въ этомъ случаѣ имъ повѣрятъ на слово.

Сообщая вышеизложенное, позволю себѣ еще разъ обезпокоить Ваше Высокопревосходительство покорнѣйшей просьбой, не изволите ли признать возможнымъ принять противъ мѣстныхъ нѣмецкихъ учрежденій, позволяющихъ себѣ столь грубо вмѣшиваться въ распоряженія Правительственной власти и наносить ей оскорбленія, возможно строгія мѣры, чтобы разъ навсегда ихъ образумить и заставить почувствовать, что они подданные и слуги русскаго Правительства, а не члены мѣстной олигархической республики, при которой русское Правительство лишь имѣетъ акредитованнаго своего Представителя.

Что же касается до порядка моихъ сношеній съ мѣстными учрежденіями, то тѣмъ изъ нихъ, которымъ, по не утратившимъ еще свою силу законоположеніямъ, я долженъ писать по-нѣмецки, я буду и впредь писать по усвоенной мною формѣ, т. е. подписывать только тѣ бумаги, которыя изложены на двухъ языкахъ—русскомъ и нѣмецкомъ. Этимъ я не нарушаю никакого Закона, ибо такая форма закономъ не предусмотрѣна и потому нарушать его не можетъ.

Устанавливая форму сношеній, законъ упоминаетъ о нѣмецкомъ языкѣ, причемъ вовсе не исключаетъ Государственнаго языка, такъ какъ въ противномъ случаѣ было бы въ законѣ сказано „исключительно“ на нѣмецкомъ языкѣ, чего однако нѣтъ. Законъ установилъ употребленіе нѣмецкаго языка въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми мѣстными учрежденіями, не для того, чтобы замѣнить имъ языкъ Государственный, а во вниманіе къ тому, что при введеніи учрежденій въ Прибалтійскомъ Краѣ, среди мѣстныхъ лицъ было немного такихъ, которыя свободно могли понимать и пользоваться языкомъ Государственнымъ. Эта временная уступка, сдѣланная Правительствомъ части русскихъ подданныхъ по снисхожденію къ ихъ невѣжеству въ Государственномъ языкѣ, понималась и понимается мѣстными Балтами, какъ неотъемлемое право, присущее ихъ „культурной“ національности. Нынѣ Балты почти всѣ умѣютъ говорить и писать по-русски. Дальнѣйшее продолженіе употребленія Правительствомъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ ними нѣмецкаго языка, могло бы только утвердить ихъ заблужденіе въ автономическихъ ихъ правахъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаетъ нѣмецкій языкъ, какъ языкъ будто признанный оффиціальнымъ.

Имѣя въ виду, что такого признанія никогда не было и что временное употребленіе нѣмецкаго языка было допущено въ виду исключительно мѣстныхъ лишь условій для облегченія сношеній, я продолжаю употреблять его въ своей перепискѣ, но лишь въ качествѣ языка вспомогательнаго, дабы исходящія отъ меня и изложенныя на русскомъ языкѣ бумаги могли быть поняты тѣми учрежденіями и лицами, коимъ они адресованы, или вѣрнѣе, чтобы упомянутыя учрежденія и лица не могли отговориться непониманіемъ изложеннаго.

Если допущеніемъ нѣмецкаго языка въ оффиціальной перепискѣ Правительство имѣло въ виду сдѣлать понятными свои распоряженія, то немыслимо было бы предположить, чтобы нынѣ Правительство могло преслѣдовать цѣль обратную, т. е. требовать отъ своего Представителя на мѣстѣ, чтобы онъ, въ угоду Балтамъ, самъ не понималъ тѣхъ распоряженій, которыя онъ именемъ Правительства дѣлаетъ. Такое именно значеніе имѣло бы мѣсто въ томъ случаѣ, если бы меня могли заставить подписывать бумаги, изложенныя на иностранномъ языкѣ, котораго я не знаю.

№ 14. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 1 Августа 1885 г. за № 294 о направленіи дѣла Ревельскаго Городского Головы въ административномъ порядкѣ.

Ревельскій Городской Голова Грейфенгагенъ, вопреки циркулярнаго моего предложенія, отъ 7 Іюня № 1139, продолжаетъ и по сіе время сноситься со мной на нѣмецкомъ языкѣ. Всѣ подобнаго рода бумаги возвращаются ему обратно чрезъ мою Канцелярію. Къ этой именно мѣрѣ я счелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть, чтобы не допустить фактическаго упраздненія сдѣланнаго распоряженія и не дать повода предположить, что Правительственная власть могла бы стать на почву уступокъ или компромиссовъ, въ виду встрѣченнаго ею систематическаго сопротивленія въ исполненіи законныхъ ея требованій. Принятіе же мною отъ Городского Головы хотя бы одной только бумаги на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ изданія упомянутаго циркуляра за № 1139, было бы равносильно фактическому упраздненію сдѣланнаго распоряженія и притомъ самой же властью, распоряженіе сдѣлавшей.

Между тѣмъ такой порядокъ вещей, продолжающійся болѣе полутора мѣсяца, привелъ къ совершенному прекращенію сношеній моихъ съ городомъ. На всѣ адресуемыя мною Городскому Головѣ бумаги получаются отъ него отвѣты на нѣмецкомъ языкѣ, которые возвращаются ему обратно. Такое положеніе дѣлъ долѣе не можетъ быть терпимо, какъ въ интересахъ Правительства, такъ и обывателей г. Ревеля, нужды которыхъ остаются неудовлетворенными, вслѣдствіе противодѣйствія Городского Головы Правительству и нежеланія его подчиниться закону.

Въ предложеніи отъ 21 Іюня за № 4575 Ваше Высокопревосходительство, признавая законными и правильными требованія, изложенныя въ циркулярномъ моемъ предложеніи отъ 7 Іюня за № 1139, изволили мнѣ указать, что въ случаѣ дальнѣйшаго со стороны Городского Головы противодѣйствія къ исполненію распоряженій Правительственной власти, слѣдуетъ обстоятельства этого дѣла передать, на основаніи ст. 2105 Т. II ч. I, на обсужденіе Губернскаго по городскимъ дѣламъ Присутствія, для привлеченія виновнаго въ неисполненіи требованій подлежащаго Начальства, къ законной отвѣтственности.

По обстоятельствамъ въ данномъ случаѣ не представляется ни желательнымъ, ни возможнымъ дать этому дѣлу именно такое направленіе.

Ст. 2105 гласитъ: „Губернаторъ или Градоначальникъ, если „усмотритъ противозаконныя дѣйствія должностныхъ лицъ „Городского Общественнаго Управленія, передаютъ таковыя „на обсужденіе Присутствія по городскимъ дѣламъ. Опредѣ„леніе сего присутствія о преданіи суду должностныхъ лицъ „общественнаго Управленія, предварительно приведенія онаго „въ исполненіе, сообщается подлежащей Городской Думѣ, „которая, въ случаѣ несогласія съ опредѣленіемъ Присутствія, „можетъ, въ шестинедѣльный, со дня полученія опредѣленія „срокъ, принести жалобу Правительствующему Сенату“.

Эта статья имѣетъ въ виду противозаконныя дѣйствія, совершаемыя Городскими Головами. Она предусматриваетъ фактъ совершившійся и предоставляетъ Городской Думѣ право оцѣнки сдѣланной Присутствіемъ квалификаціи этого факта. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ закононарушеніемъ, которое этой статьей не предусмотрѣно.

1. Нарушеніе Городскимъ Головой закона не представляется фактомъ совершившимся по какому-либо отдѣльному виду его дѣятельности, сопряженной съ занимаемой имъ должностью, а представляется явленіемъ, непрерывно продолжающимся и имѣющимъ продолжаться пока это лицо, т. е. Грейфенгагенъ, будетъ занимать нынѣшнюю свою должность. Привлеченіе его къ отвѣтственности въ порядкѣ, установленномъ ст. 2105, не прекратитъ его противодѣйствія.

2. Упомянутый, незаконный образъ дѣйствій Городского Головы не относится къ числу такихъ предметовъ, которые по закону подлежатъ обсужденію Думы.

3. Присутствіе по городскимъ дѣламъ, въ виду сдѣланныхъ имъ постановленій 18 и 22 Іюня объ изъятіи отъ разсмотрѣнія Думой циркулярнаго моего предложенія, отъ 7 Іюня № 1139, не сочтетъ себя въ правѣ сдѣлать постановленіе о привлеченіи къ отвѣтственности Городского Головы, въ порядкѣ 2105 ст., ибо такимъ постановленіемъ Присутствіе признало бы недѣйствительными прежнія свои постановленія и само предложило бы Думѣ обсудить тотъ вопросъ, который былъ имъ изъятъ, какъ неподлежащій ея обсужденію.

4. Если бы тѣмъ не менѣе представлялось возможнымъ допустить примѣненіе къ данному случаю 2105 ст., то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Дума не только не согласилась бы съ постановленіемъ Присутствія, а, напротивъ того, признала бы дѣйствія Городского Головы вполнѣ правильными и не приминула бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать Грейфенгагену овацію и протестъ требованіямъ Правительственной власти.

Въ результатѣ, направляя дѣло въ такомъ порядкѣ, мы не только ничего бы не выиграли, но утратили бы и ту почву, которая въ этомъ дѣлѣ была съ такимъ трудомъ удержана. Въ самомъ началѣ столкновенія Городской Голова стремился перенести вопросъ на почву столкновенія со всей Думой и свое личное противодѣйствіе сдѣлать противодѣйствіемъ всего городского общества. Какъ извѣстно Вашему Высокопревосходительству, принятыми мною мѣрами не было допущено осуществленіе такой политики Грейфенгагена.

Продолжая сопротивленіе, Городской Голова не теряетъ надежды въ концѣ концовъ добиться такимъ путемъ своей цѣли. Такъ на дняхъ въ разговорѣ со мной по настоящему предмету онъ высказался совершенно категорично, что не перестанетъ писать мнѣ по-нѣмецки, пока будетъ занимать должность Головы. Когда я указалъ ему на то, что онъ подвергается за такое противодѣйствіе распоряженіямъ Правительства строгой отвѣтственности, то онъ съ усмѣшкой сказалъ мнѣ, что этого не боится. Дѣйствительно, Грейфенгагенъ ничѣмъ не рискуетъ, въ случаѣ привлеченія его къ отвѣтственности въ порядкѣ 2105 ст., такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Дума выскажется въ его пользу. Затѣмъ дѣло перейдетъ въ Сенатъ, который утвердитъ постановленіе Городского Присутствія и наконецъ, Грейфенгагенъ будетъ преданъ суду... Оберландгерихта, т. е. того самаго учрежденія, которое въ вопросѣ употребленія Государственнаго языка держится, какъ извѣстно Вашему Высокопревосходительству, одинаковаго съ Грейфенгагеномъ взгляда. Между тѣмъ выигрышъ Грейфенгагена, при такомъ направленіи дѣла, несомнѣненъ, ибо съ одной стороны онъ заручится публичнымъ изъявленіемъ сочувствія какъ Думы, такъ и остальныхъ мѣстныхъ учрежденій, что ему весьма выгодно, въ виду предстоящихъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ сего года выбо-

ровъ и съ другой добиться этимъ путемъ обсужденія Думой вопроса, признаннаго Присутствіемъ неподлежащимъ ея обсужденію, т. е. поставитъ на своемъ и тѣмъ докажетъ, что только упрямствомъ и сопротивленіемъ можно одержать надъ Правительствомъ побѣду.

Въ виду изложенныхъ соображеній я нахожу, что примѣненіе къ данному дѣлу 2105 ст. Т. II ч. I, цѣли бы не достигло, и повело бы къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ, поставивъ Правительственную власть въ гораздо болѣе затруднительное положеніе, чѣмъ она нынѣ находится.

Я полагаю, что это дѣло надлежитъ направить и разрѣшить въ административномъ порядкѣ и притомъ въ виду слѣдующихъ еще соображеній.

1. Грейфенгагенъ виновенъ не въ нарушеніи того или другого законоположенія, относящагося до ввѣренныхъ ему по должности Городского Головы хозяйственныхъ интересовъ Городского Общества, а въ упорномъ сопротивленіи распоряженіямъ Правительственной власти.

2. Такое сопротивленіе основано съ его стороны исключительно на одномъ нежеланіи подчиниться закону. Что онъ знаетъ русскій языкъ и можетъ на немъ не тольло говорить, но и писать, служитъ доказательствомъ во-первыхъ, участіе его въ производившихся на русскомъ языкѣ преніяхъ въ Присутствіи по городскимъ дѣламъ, и во-вторыхъ, представленные имъ мнѣ по необходимости двѣ бумаги на русскомъ языкѣ, отъ 15 Іюня, № 854 и 18 Іюня жалобу въ Правительствующій Сенатъ на опредѣленіе Присутствія по городскимъ дѣламъ.

3. Это нежеланіе подчиниться закону обусловливается причинами исключительно политическаго свойства, ибо нѣмецкому языку, какъ я уже неоднократно докладывалъ Вашему Высокопревосходительству, мѣстныя учрежденія придаютъ значеніе языка оффиціальнаго. На замѣну этого, по ихъ понятіямъ, языка оффиціальнаго государственнымъ, они смотрятъ, какъ на незаконное посягательство Правительства на ихъ національныя права, которымъ на мѣстѣ придается автономное значеніе, въ виду цѣлаго ряда извѣстныхъ и неизвѣстныхъ привиллегій, дарованныхъ имъ польскими и шведскими королями и, по ихъ словамъ, уважавшихся всегда нашимъ Правительствомъ.

Въ виду всего изложеннаго имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія на удаленіе Грейфенгагена, какъ лица, противодѣйствующаго Правительству, отъ занимаемыхъ имъ должностей Городского Головы и Синдика Магистрата, гдѣ вліяніе его оказалось, какъ извѣстно Вашему Высокопревосходительству изъ моего представленія отъ 5 Іюля за № 273, столь же вреднымъ. Возможно скорое удаленіе Грейфенгагена отъ должности представляется необходимымъ въ виду приближенія срока новыхъ выборовъ. Прекращеніе сношеній съ Городскимъ Головой, пока въ этой должности находится Грейфенгагенъ, лишаетъ меня возможности слѣдить за правильностью предстоящихъ выборовъ и принимать необходимыя мѣры, чѣмъ, конечно, не преминетъ воспользоваться Грейфенгагенъ въ видахъ своей, враждебной Правительству, политики.

При этомъ по бывшимъ уже примѣрамъ на мѣсто Грейфенгагена желательно было бы назначеніе по Высочайшему повелѣнію, на полный предстоящій выборный срокъ Городского Головы отъ Правительства, съ назначеніемъ ему изъ городскихъ суммъ того же жалованья въ размѣрѣ 5,000 рублей, каковое нынѣ получаетъ Грейфенгагенъ. Конечно желательно было бы, чтобы выборъ такого лица палъ на одного изъ служащихъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, но если бы встрѣтилось къ тому затрудненіе, то я позволилъ бы себѣ рекомендовать для этого назначенія мѣстнаго домовладѣльца, книгопродавца Якобсона, который хорошо знакомъ съ хозяйственными дѣлами г. Ревеля, состоя гласнымъ Думы, со времени введенія здѣсь новаго Городового Положенія и исполняя въ 1881 г. обязанности члена Городской Управы.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Якобсонѣ я буду имѣть честь вслѣдъ за этимъ представить.

№ 15. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 3 Августа 1885 г. за № 297 о возвращеніи секретаремъ дворянства секретнаго отношенія Губернатора безъ исполненія по его содержанію.

Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

Въ дополненіе къ представленіямъ моимъ и конфиденціальнымъ письмамъ отъ 26 Іюня за № 266, 5 Іюля за №№ 272 и 273, 6-го Іюля № 276, 10 Іюля за №№ 278 и 279, 15 Іюля № 1578, 29 Іюля № 293 и 1 Августа за № 294, имѣю честь препроводить при семъ отношеніе Канцеляріи Эстляндскаго Дворянства отъ 31 Іюля за № 407 [1]).

Какъ Ваше Высокопревосходительство изволили усмотрѣть, одинъ изъ Секретарей Дворянства Баронъ Толь позволилъ себѣ не только задержать секретное отношеніе Губернатора къ Губернскому Предводителю Дворянства, но и сдѣлать Губернатору черезъ его Канцелярію указанія относительно незаконности составленія бумагъ.

Теперь мнѣ остается только ожидать, что сторожа и разсыльные, служащіе при Канцеляріяхъ различныхъ мѣстныхъ учрежденій будутъ возвращать мнѣ посылаемые мною пакеты, находя, что адресы на нихъ написаны съ нарушеніемъ привиллегій и достоинства тѣхъ учрежденій, при которыхъ они имѣютъ счастье состоять на службѣ.

Находя невыносимымъ и постыднымъ для Правительственной власти дальнѣйшее продолженіе такого къ ней отношенія со стороны привиллегированныхъ иностранныхъ мѣстныхъ учрежденій, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство принять во вниманіе всю трудность моего положенія и почтить меня увѣдомленіемъ объ имѣющемъ послѣдовать по вышеупомянутымъ моимъ предствленіямъ.

[1]) Отношеніе Секретаря Дворянства Барона Толя въ Канцелярію Эстляндскаго Губернатора отъ 31 Іюля 1885 г. № 407 (въ переводѣ).

На имя Г. Предводителя Дворянства изъ Губернаторской Канцеляріи сего числа получено отношеніе Его Сіятельства Г. Губернатора отъ 29 Іюля сего года за № 239, каковое отношеніе на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ.

Въ виду того, что отношеніе Его Сіятельства Г. Губернатора можетъ быть доложено Канцеляріею Дворянства Г. Предводителю Дворянства только тогда, когда отношеніе это составлено будетъ въ формѣ, которая лишь одна соотвѣтствуетъ праву земскихъ учрежденій и должностныхъ лицъ по оффиціальной перепискѣ на нѣмецкомъ языкѣ, Канцелярія Дворянства объ этомъ имѣетъ честь увѣдомить Канцелярію Его Сіятельства Г-на Губернатора.

№ 16. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 5 Августа 1885 г. за № 299 о необходимости скорѣйшаго удаленія Грейфенгагена отъ должности.

Какъ я уже имѣлъ честь довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, послѣ изданія циркуляра моего отъ 7 Іюня—всѣ Городскіе Головы подчинились изложеннымъ въ немъ требованіямъ, кромѣ Грейфенгагена.

Нынѣ я получилъ отъ Гапсальскаго Городского Головы Мерзалиса, писавшаго мнѣ до сего по-русски, бумагу написанную по той же незаконной формѣ, которая усвоена Ревельскимъ Городскимъ Головой. По добытымъ мною негласнымъ путемъ свѣдѣніямъ оказалось, что Гапсальскій Городской Голова дозволилъ себѣ внезапное отступленіе отъ принятой и употреблявшейся имъ ранѣе законной формы сношеній подъ вліяніемъ Грейфенгагена. Мнѣ передавали также будто Грейфенгагенъ вошелъ уже въ частныя сношенія и съ остальными Городскими Головами уѣздныхъ городовъ Эстляндской губерніи съ просьбой поддержать его въ общемъ національномъ дѣлѣ. Такое обращеніе къ нѣмецкому патріотическому чувству, если оно увѣнчается успѣхомъ, чего можно ожидать, основываясь на примѣрѣ Гапсальскаго Городского Головы, можетъ повести къ большимъ затрудненіямъ.

Политика, преслѣдуемая въ этомъ отношеніи Грейфенгагеномъ, очевидна. Какъ въ началѣ, онъ стремился свой личный протестъ и противодѣйствіе исполненію закона сдѣлать протестомъ всей Думы, такъ нынѣ, видя себя въ проявленіи упорнаго Правительству сопротивленія одинокимъ, онъ стремится вызвать такое же сопротивленіе со стороны и остальныхъ Городскихъ Головъ, безпрекословно подчинившихся закону. Этимъ способомъ онъ полагаетъ замаскировать свою игру и поставить Правительство въ затруднительное положеніе въ виду того общаго сопротивленія, организаціей котораго онъ нынѣ занятъ.

Осмѣлюсь въ виду изложеннаго доложить Вашему Высокопревосходительству, что по моему мнѣнію представляется настоятельно необходимымъ возможно скорое удаленіе Грейфенгагена отъ должности. Эта мѣра не только возстановитъ правильное отношеніе Городскихъ Общественныхъ учрежденій

къ Правительству, но и повліяетъ благотворно и отрезвляющимъ образомъ на прочія мѣстныя учрежденія, мнящія путемъ протестовъ и противодѣйствій вынудить Правительство на уступки въ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе до воображаемыхъ ими національныхъ ихъ правъ

При семъ въ дополненіе къ конфиденціальному представленію моему отъ 1 Августа за № 294, имѣю честь приложить свѣдѣнія о Якобсонѣ, котораго крайне желательно было бы въ интересахъ Правительства имѣть на должности Ревельскаго Городского Головы, если по обстоятельствамъ, Вы не изволили бы признать болѣе соотвѣтственнымъ командированіе для исправленія этой должности кого-либо изъ служащихъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

№ 17. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ И. Н. Дурново отъ 9 Августа 1885 г. за № 301 по поводу возвращенія Приходскимъ Судьею Якобійскаго прихода предложенія губернатора.

Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

Имѣю честь представить при семъ копію перевода донесенія Якобійскаго Приходскаго Судьи Штакельберга отъ 5 сего Августа № 500 [1]).

По ознакомленіи съ этимъ интереснымъ документомъ, Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, до какихъ предѣловъ дерзости, забвенія служебной дисциплины и беззаконія могутъ доходить мѣстныя учрежденія, при одномъ видѣ въ оффиціальной бумагѣ, столь ненавистнаго имъ, Государственнаго языка.

[1]) Переводъ донесенія:

Получено отношеніе Вашего Сіятельства за № 1651, адресованное на имя Приходскаго Судьи Якобійскаго прихода.

Имѣю честь донести Вашему Сіятельству, что я не могъ исполнить этого предписанія, потому что оно составлено въ формѣ, не соотвѣтствующей требованію ст. 121 т. I Мѣстныхъ Узаконеній Остзейскихъ Губерній и Примѣчанію къ оной.

Имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство распорядиться, чтобы упомянутое отношеніе доставлено было Приходскому Судьѣ Якобійскаго прихода, согласно вышеуказанному законоположенію для того, чтобы я былъ въ состояніи исполнить предписаніе это. Подлинное за надлежащею подписью.

Въ служебной перепискѣ дальше этой дерзости идти уже некуда. Между тѣмъ Губернаторъ долженъ ихъ переносить молча, безсильный и безпомощный въ оказаніи хотя бы слабаго протеста этимъ, бьющимъ черезъ край, проявленіямъ національной нѣмецкой нетерпимости.

Выказавши въ лицѣ моемъ свое презрѣніе къ Правительству и его языку, Штакельбергъ безспорно можетъ считать себя героемъ и безнаказанно продолжать свою полезную, на поприщѣ отстаиванія національныхъ правъ, дѣятельность, подавая своимъ коллегамъ тотъ благодѣтельный примѣръ, который съ успѣхомъ примѣнялся доселѣ въ отношеніи къ русской власти.

Русской же власти въ этой нѣмецкой странѣ средневѣковой окаменѣлости выпадаетъ хотя высокая въ христіанскомъ значеніи этого слова, но, съ точки зрѣнія могущественной всероссійской державы, жалкая доля несчастной безпомощной жертвы, на которую сыплются со всѣхъ сторонъ удары. Ей остается лишь одно утѣшеніе —наблюдать, кто нанесъ ударъ, съ какой стороны и затѣмъ подводить итоги нанесеннымъ оскорбленіямъ въ ожиданіи новыхъ, неизбѣжно грядущихъ.

Пора покончить здѣсь съ этимъ, болѣе чѣмъ ненормальнымъ, положеніемъ вещей, столь удачно прикрывавшимся доселѣ грубой лестью балтовъ передъ высшимъ Правительствомъ и притворнымъ увѣреніемъ въ преданности. Во всякой другой внутренней губерніи Россіи такія явленія признавались бы за бунтъ и за признаки анархіи. Здѣсь же это представляется естественнымъ, какимъ-то правомъ, посягнуть на которое Правительство до сихъ поръ не рѣшалось, какъ бы признавая эту Губернію своею лишь съ точки зрѣнія географической, а не политической.

Не сомнѣваясь, что настоящій, изъ ряду выходящій по своей дерзости, случай не послѣдній, прошу разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства доводить о послѣдующихъ до свѣдѣнія Вашего, лишь кратко въ качествѣ статистическаго матеріала, и не о каждомъ особо, а заразъ по мѣрѣ ихъ накопленія, чтобы не утруждать вниманія Вашего Высокопревосходительства столь частыми непріятными сообщеніями; меня же это избавило бы отъ печальной необходимости подробно описывать тѣ оскорбленія, которыя я, какъ Представитель Правительства, здѣсь чуть не ежедневно получаю.

Примите и т. д.

№ 18. Хозяйственный Департаментъ М-ва Вн. Дѣлъ Эстляндскому Губернатору отъ 9 Августа 1885 г. за № 5551 объ удаленіи Грейфенгагена отъ должности.

Получивъ представленныя мнѣ Вашимъ Сіятельствомъ за №№ 294 и 299 данныя по поводу неисполненія Ревельскимъ Городскимъ Головою основанныхъ на дѣйствующихъ постановленіяхъ требованій установленныхъ мѣстныхъ властей объ употребленіи единственно русскаго языка въ сношеніяхъ Головы съ Губернскимъ Начальствомъ, я почелъ своимъ долгомъ, по совершенной исключительности настоящаго дѣла, представить обо всѣхъ обстоятельствахъ онаго на Высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества съ приложеніемъ при этомъ надлежащей выписки изъ послѣдняго представленія Вашего за № 299.

Государю Императору благоугодно было обратить на это дѣло особенное Свое вниманіе. Въ виду же допущенныхъ Ревельскимъ Городскимъ Головою въ означенномъ дѣлѣ крайне неблаговидныхъ поступковъ, неприличныхъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ выраженій и явно противозаконныхъ дѣйствій, Государь Императоръ, въ 8-й день сего Августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: удалить нынѣ же, для пользы дѣла, Титулярнаго Совѣтника Грейфенгагена отъ должности Городского Головы, съ тѣмъ, чтобы, независимо отъ сего, за противодѣйствіе Городского Головы законнымъ распоряженіямъ установленныхъ правительственныхъ властей, Губернскому Начальству было предоставлено сдѣлать, въ надлежащемъ порядкѣ, распоряженіе о преданіи суду, на общемъ основаніи.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи долгомъ считаю увѣдомить Ваше Сіятельство для зависящихъ отъ Васъ, Милостивый Государь, въ чемъ будетъ слѣдовать, распоряженій въ установленномъ порядкѣ. Подписалъ Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, Статсъ-Секретарь Дурново. Скрѣпилъ Директоръ Вишняковъ.

№ 19. Изъ представленія Управляющаго М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 10 Августа 1885 г. за № 15183 въ Комитетъ Министровъ о веденіи въ учрежденіяхъ Прибалтійскихъ губерній дѣлопроизводства и переписки на русскомъ языкѣ.

Эстляндскій Губернаторъ, въ представленіи отъ 26 Іюня сего года за № 266, сообщилъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, что, по незнанію нѣмецкаго языка, онъ вынужденъ былъ усвоить въ канцелярской перепискѣ съ мѣстными учрежденіями и уѣздной полиціей порядокъ, состоящій въ томъ, что на одной половинѣ листа пишется русскій текстъ, а на другой—его переводъ на нѣмецкій языкъ.

Такой порядокъ переписки, не заключающій въ себѣ ничего противозаконнаго, подалъ Эстляндскому Губернскому Предводителю Дворянства поводъ вмѣшаться въ оффиціальныя сношенія Эстляндскаго Губернатора съ подчиненными сему послѣднему чинами уѣздной полиціи и приходскими судьями.

Тотъ же порядокъ канцелярской переписки въ сношеніяхъ Эстляндскаго Губернатора съ мѣстнымъ Оберъ-Ландгерихтомъ вызвалъ, какъ видно изъ представленія Дѣйств. Ст. Сов. князя Шаховского, отъ 5 Іюля сего года за № 272, протестъ со стороны Оберъ-Ландгерихта, который, отстаивая неприкосновенность права получать бумаги исключительно на нѣмецкомъ языкѣ и доказывая необходимость употребленія одного нѣмецкаго языка въ письменныхъ съ нимъ сношеніяхъ, указываетъ Губернатору, что, на основаніи существующихъ законоположеній (свод. мѣстн. узак. губ. остз., ч. I, ст. 121 и 122, предложеніе Прибалтійскаго Генералъ-Губернатора Эстляндскому Губернатору, отъ 26 Октября 1867 г. за № 142 и 18 Ноября 1869 г. за № 174) [1]), Оберъ-Ландгерихтъ можетъ получать отъ Эстляндскаго Губернатора отношенія, писанныя только на нѣмецкомъ языкѣ.

Употребленіе не одного только нѣмецкаго языка, а также и языка государственнаго въ письменныхъ сношеніяхъ Эстляндскаго Губернатора съ Ревельскимъ Городскимъ Маги-

[1]) Высочайшее повелѣніе 4 Ноября 1869 г.

стратомъ дало основаніе послѣднему сдѣлать указаніе Губернатору, что подобный порядокъ письменныхъ сношеній представляетъ собою уклоненіе отъ давно установившейся (со временъ Петра I-го) оффиціальной переписки только на нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ Ревельскій Магистратъ нашелъ возможнымъ *просить объясненія* Губернатора о причинахъ означенной перемѣны въ отношеніи употребленія оффиціальнаго (нѣмецкаго) языка въ перепискѣ коронныхъ учрежденій съ некоронными мѣстами.

Затѣмъ принятый Эстляндскимъ Губернаторомъ порядокъ сношеній съ мѣстными некоронными учрежденіями вновь вызвалъ протестъ со стороны Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта, выразившійся въ томъ, что послѣдній „призналъ себя въ правѣ“ возвратить Губернатору посланное къ нему оффиціальное отношеніе, не исполнивъ его.

За симъ Эстляндскій Губернаторъ, въ представленіи отъ 10 минувшаго Іюля за № 279, довелъ до свѣдѣнія Министерства, что, по поводу употребленія въ перепискѣ не исключительно одного нѣмецкаго языка, Гальяльскій Приходскій Судья, въ донесеніи отъ 30 Іюня сего года за № 180, позволилъ себѣ заявить Губернатору „для предупрежденія всякихъ могущихъ быть недоразумѣній“, что для него имѣетъ значеніе только такое предложеніе Губернатора, которое изложено на нѣмецкомъ языкѣ. При этомъ Князь Шаховской присовокупилъ, что такое отношеніе низшей полицейско-судебной инстанціи къ представителю Правительственной власти въ губерніи свидѣтельствуетъ о полнѣйшей дезорганизаціи и упадкѣ авторитета Правительственной власти.

Въ представленіи отъ 21 минувшаго іюля за № 293, Эстляндскій Губернаторъ увѣдомилъ Министерство, что въ состоявшемся засѣданіи Крестьянской Комиссіи, въ которой, на основаніи ст. 1306 положенія о крестьянахъ Эстляндской губерніи, дѣла производятся на нѣмецкомъ языкѣ Секретарь Комиссіи, прекрасно владѣющій русскимъ языкомъ, отнесся съ негодованіемъ къ просьбѣ Губернатора переводить ему на русскій языкъ излагавшіяся членами Комиссіи мнѣнія по различнымъ вопросамъ, бывшимъ на разсмотрѣніи Комиссіи, и не только не исполнилъ требованія Губернатора изготовить исполнительныя по постановленіямъ Комиссіи бумаги какъ на нѣмецкомъ, такъ и на русскомъ языкѣ, но позволилъ себѣ

предложить Губернатору одуматься и согласиться исполнить желаніе его и Губернскаго Предводителя Дворянства относительно изложенія означенныхъ бумагъ на нѣмецкомъ языкѣ, грозя въ противномъ случаѣ принести жалобу на такое требованіе Губернатора Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

По поводу того же требованія Губернатора относительно изложенія исполнительныхъ по Крестьянской Комиссіи бумагъ, Губернскій Предводитель Дворянства, въ оффиціальномъ отношеніи, предложилъ Губернатору одуматься и взять назадъ свое распоряженіе.

Когда Губернаторъ настаивалъ на исполненіи его распоряженія, то Секретарь Крестьянской Комиссіи и Губернскій Предводитель Дворянства принесли жалобы на означенное выше требованіе Губернатора, относительно изложенія бумагъ на русскомъ языкѣ, Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Наконецъ, одинъ изъ секретарей дворянства, какъ видно изъ представленія Князя Шаховского отъ 4 сего Августа за № 297, позволилъ себѣ не только задержать секретное отношеніе Губернатора къ Губернскому Предводителю Дворянства, но и сдѣлать Губернатору, чрезъ его канцелярію, указаніе относительно незаконности составленія бумагъ на русскомъ языкѣ.

Постоянныя столкновенія Эстляндскаго Губернатора съ мѣстными установленіями по вопросу объ употребленіи Государственнаго языка въ оффиціальныхъ съ ними сношеніяхъ, представляя собою крайне ненормальное явленіе, по отзыву Дѣйств. Ст. Сов. Князя Шаховского, ставятъ значительныя препятствія представителю Правительственной власти въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей.

Къ этому Эстляндскій Губернаторъ присовокупилъ, что для обязательнаго употребленія въ оффиціальной перепискѣ Государственнаго языка на практикѣ не встрѣтится никакихъ затрудненій, ибо лицъ, основательно знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, имѣется нынѣ тамъ болѣе, нежели мѣстъ въ правительственныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, которыя могли бы быть имъ предоставлены...

(Историческій обзоръ законодательства по вопросу о русскомъ языкѣ пропускается).

Все вышеизложенное ясно показываетъ, какія затрудненія и противодѣйствія встрѣчала въ теченіе болѣе 30 лѣтъ забота Правительства о постепенномъ введеніи въ дѣлопроизводство учрежденій Прибалтійскихъ губерній русскаго Государственного языка. Хоть каждый разъ, когда дѣло доходило до высшихъ государственныхъ учрежденій (каковы: Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ, Правительствующій Сенатъ), вопросъ ставился сими учрежденіями вполнѣ опредѣлительно, а способъ его рѣшенія и самая мотивировка сего послѣдняго не оставляли никакого сомнѣнія въ признаваемой Правительствомъ необходимости положить конецъ исключительному господству въ дѣлопроизводствѣ Правительственныхъ учрежденій языка нѣмецкаго и установить должное употребленіе языка общегосударственнаго, тѣмъ не менѣе всѣ предписываемыя мѣры приводились въ исполненіе до того слабо и уклончиво, что дѣйствительное введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство и до настоящаго времени не получило сколько-нибудь серьезнаго осуществленія. Упорная оппозиція этимъ мѣрамъ принимала, смотря по времени и обстоятельствамъ, различныя формы, являясь то въ видѣ протестовъ, когда предъявлялись властями и Правительствомъ положительныя требованія, то въ видѣ молчаливаго продолженія старыхъ порядковъ, когда мѣстные представители высшей власти не прибѣгали къ настояніямъ.

Произведенное въ настоящемъ году измѣненіе въ личномъ составѣ Губернаторской власти въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ дало поводъ къ проявленію вновь мѣстной оппозиціи. Губернаторами предъявлены были требованія дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ въ давно забытой категорической формѣ, въ особенности по губерніи Эстляндской, и результатомъ такихъ требованій является острое противодѣйствіе, доходящее до явнаго нарушенія тѣхъ границъ, въ которыхъ должны заключаться служебныя отношенія къ представителю высшей Правительственной власти въ губерніи. Въ губерніи Лифляндской, гдѣ, благодаря опытной осторожности Генералъ-Маіора Зиновьева, вопросъ не коснулся еще такъ называемыхъ мѣстныхъ учрежденій, дѣло ограничивается пока неосновательнымъ притязаніемъ Рижскаго Городского Головы, выразившимся въ упорномъ неисполненіи разъяснительнаго указа Правительствующаго Сената. Какъ ни ярко

рисуетъ этотъ эпизодъ степень готовности мѣстныхъ учрежденій подчиниться требованіямъ Правительства, тѣмъ не менѣе Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, имѣющему въ виду прямое указаніе закона, не трудно будетъ устранить возникшее противодѣйствіе. Не таково настоящее положеніе вопроса въ губерніи Эстляндской. Вновь назначенный Губернаторомъ, Дѣйств. Ст. Сов. Князь Шаховской, недостаточно знакомый съ нѣмецкимъ языкомъ, сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы въ перепискѣ его съ мѣстными учрежденіями и уѣздной полиціей на одной сторонѣ бумаги помѣщался русскій текстъ, а на другой—текстъ нѣмецкій. Распоряженіе это имѣло своимъ послѣдствіемъ обращенный къ Губернатору протестъ Губернскаго Предводителя Дворянства, позволившаго себѣ вмѣшаться въ оффиціальныя сношенія Губернатора съ подчиненными сему послѣднему чинами полиціи и съ приходскими судьями. Какъ ни естественно кажется желаніе Губернатора, при помощи всѣмъ понятнаго общегосударственнаго языка, провѣрять вѣрность изложенія на бумагѣ отдаваемыхъ имъ приказаній, желаніе, ненарушающее ничьихъ дѣйствительныхъ правъ, но, къ сожалѣнію, дѣйствія его не могутъ быть подводимы подъ прямое требованіе закона. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ можетъ указать Губернскому Предводителю Дворянства на нарушеніе имъ законныхъ отношеній къ представителю Правительственной власти въ губерніи, но оно не имѣетъ достаточныхъ основаній подтвердить собственною властію распоряженіе Губернатора, ибо, по ст. 121 свод. мѣстн. узакон., мѣстныя учрежденія ведутъ переписку на нѣмецкомъ языкѣ, и въ числѣ тѣхъ властей и учрежденій, въ сношеніяхъ съ которыми мѣстныя учрежденія должны прилагать переводы текста бумагъ на русскій языкъ, должность Губернатора не поименована.

Протестъ по Эстляндской губерніи со стороны Губернскаго Предводителя Дворянства не былъ единичнымъ. Примѣру Графа Тизенгаузена послѣдовали: мѣстный Оберъ-Ландгерихтъ, разъясняющій и указывающій Губернатору на права свои получать отъ Губернатора отношенія, писанныя только на нѣмецкомъ языкѣ, и возвратившій даже Губернатору отношеніе безъ исполненія по его содержанію; Ревельскій Городской Магистратъ, указывающій на такія же права свои и просящій у Губернатора объясненій о причинахъ допущенной

перемѣны въ употребленіи оффиціальнаго нѣмецкаго языка въ перепискѣ коронныхъ учрежденій съ некоронными; Гальяльскій приходскій судья, заявившій Губернатору въ оффиціальной бумагѣ, что для него имѣетъ значеніе только такое предложеніе Губернатора, которое изложено на нѣмецкомъ языкѣ; одинъ изъ секретарей дворянства, позволившій не только задержать секретное отношеніе Губернатора къ Губернскому Предводителю Дворянства, но и сдѣлать Губернатору, чрезъ его Канцелярію, указаніе относительно незаконнаго на русскомъ языкѣ составленія бумагъ. Наконецъ, секретаремъ Крестьянской Комиссіи и Губернскимъ Предводителемъ Дворянства присланы Министерству Внутреннихъ Дѣлъ жалобы на Губернатора, Князя Шаховского, за отказъ въ подписаніи поданныхъ ему на нѣмецкомъ языкѣ исполнительныхъ по постановленіямъ Комиссіи бумагъ и за требованіе исполнить эти бумаги какъ на нѣмецкомъ, такъ и на русскомъ языкѣ. Жалобамъ этимъ предшествовали притязательныя личныя съ Губернаторомъ объясненія упомянутыхъ лицъ съ предложеніемъ Губернатору одуматься и выполнить требованіе ст. 1306 полож. о крест. Эстл. губ.

Указанія закона и спеціальныхъ правилъ о производствѣ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ дѣлопроизводства на нѣмецкомъ языкѣ имѣли, безъ сомнѣнія, въ виду дать должностнымъ лицамъ, невладѣющимъ еще русскимъ языкомъ, возможность выражать свои мысли на языкѣ доступномъ ихъ пониманію, но нисколько не воспрещать употребленіе общегосударственнаго русскаго языка, когда это представляется возможнымъ. Такая цѣль закона, вполнѣ понятная сама по себѣ, доказывается еще Именнымъ Высочайшимъ указомъ 1783 г., по коему мѣстамъ суднымъ *дозволяется* производить дѣла на нѣмецкомъ языкѣ. Указъ этотъ, между прочимъ, послужилъ источникомъ для кодификаціи ст. 121 свод. мѣстн. узакон.

Съ теченіемъ времени знаніе русскаго языка въ остзейскихъ губерніяхъ, несомнѣнно, получило большое распространеніе. Помимо свидѣтельства Губернаторовъ, въ этомъ убѣждается всякій, посѣтившій Ригу, Ревель, Митаву, Дерптъ и другія мѣста Прибалтійскихъ губерній. Отсюда очевидно, что предъявляемыя мѣстными властями и учрежденіями противодѣйствія къ употребленію въ дѣлопроизводствѣ языка русскаго основываются не на практической потребности понима-

нія той или другой рѣчи, а на систематическомъ отстаиваніи оффиціальнаго характера мѣстнаго нѣмецкаго языка и нежеланіи признать такой характеръ за языкомъ общегосударственнымъ. Къ тому же интересъ пониманія оффиціальной бумаги не можетъ играть никакой роли въ предъявленныхъ Эстляндскимъ Губернаторомъ требованіяхъ, такъ какъ это требованіе заключалось не въ упраздненіи при сношеніяхъ языка нѣмецкаго, не въ исключительномъ употребленіи языка русскаго, иногда для кого-либо изъ отдѣльныхъ лицъ, служащихъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, не вполнѣ понятнаго, а въ параллельномъ лишь изложеніи, при сношеніяхъ Губернатора и съ Губернаторомъ двухъ текстовъ—нѣмецкаго и русскаго.

Всѣ столкновенія и пререканія по вопросу о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство властей и учрежденій имѣютъ по моему мнѣнію, главнымъ образомъ, своимъ источникомъ: 1) неточность и уклончивость правилъ, которыя издавались по этому предмету и 2) регрессивный характеръ распоряженій, изложенныхъ въ циркулярѣ Генералъ-Адъютанта Альбединскаго 1869 года.

Высочайше одобренныя правила 1867 г., установляя дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ для губернскихъ правленій и канцелярій Губернаторовъ, въ сношеніяхъ съ высшими и общими Государственными установленіями и властями, съ властями и присутственными мѣстами внѣ остзейскихъ губерній, а также съ тѣми коронными присутственными мѣстами и правительственными мѣстами и лицами остзейскихъ губерній, которыя сами производятъ дѣла на русскомъ языкѣ (п. 1 правилъ 1867 г.), создали особую категорію такъ называемыхъ смѣшанныхъ губернскихъ учрежденій вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, къ числу которыхъ отнесены: приказъ общественнаго призрѣнія, губернскій комитетъ народнаго продовольствія, комитетъ и особое присутствіе о земскихъ повинностяхъ (въ Курляндіи), комитеты: статистическій еврейскій (въ Курляндіи), попечительный о тюрьмахъ, общественнаго здравія, комиссія крестьянскихъ дѣлъ и друг., состоящія подъ предсѣдательствомъ Начальника губерніи, изъ членовъ отъ Короны и мѣстныхъ сословій (п. 3 правилъ 1867 г.). Въ учрежденіяхъ этихъ дѣлопроизводство оставлено на прежнихъ основаніяхъ, т. е. на языкѣ нѣмецкомъ. Не говоря уже о томъ,

что нѣкоторыя изъ указанныхъ выше учрежденій, какъ напр. приказы общественнаго призрѣнія, по своду мѣстныхъ узаконеній (ст. 7), отнесены прямо къ учрежденіямъ общимъ, правительственнымъ, образованнымъ на основаніи постановленій, вошедшихъ въ общій сводъ законовъ въ Имперіи и, слѣдовательно, причисленіе ихъ къ учрежденіямъ смѣшаннымъ не оправдывается указаніями закона, необходимо замѣтить, что въ засѣданіяхъ означенныхъ учрежденій участвуютъ большею частію должностныя лица учрежденій чисто Правительственныхъ (Вице-Губернаторъ, Управляющій Казенною Палатою, Управляющій Государственными Имуществами, Совѣтники Губернскихъ Правленій и т. п.) и лишь въ небольшомъ сравнительно числѣ выборные отъ сословій члены.

Такъ какъ отъ избирательныхъ сословій вполнѣ зависитъ при избраніи такихъ членовъ принимать въ соображеніе степень знакомства кандидатовъ съ русскимъ языкомъ, что, по значительному числу лицъ, владѣющихъ этимъ языкомъ, не можетъ представить серьезныхъ затрудненій, то, очевидно, установленіемъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій обязательнаго употребленія языка нѣмецкаго—сомнительнымъ интересамъ языкознанія меньшинства принесены въ жертву и удобства, и свобода преній коронныхъ должностныхъ лицъ, въ числѣ коихъ находится предсѣдательствующій—Губернаторъ, и интересы языка общегосударственнаго. Казалось бы, что всю неправильно созданную категорію смѣшанныхъ учрежденій слѣдуетъ отмѣнить, довольствуясь законнымъ и вполнѣ понятнымъ дѣленіемъ учрежденій на общія и мѣстныя, во всѣхъ же засѣданіяхъ учрежденій, непоименованныхъ въ ст. 9 свод. мѣстн. узак., ввести пренія и дѣлопроизводство на языкѣ русскомъ. Что же касается правилъ 1869 г., то выше указано было, до какой степени циркулярное распоряженіе по этому предмету бывшаго Генералъ-Губернатора служитъ интересамъ господства языка нѣмецкаго, въ ущербъ интересамъ языка общегосударственнаго.

За симъ за мѣстными учрежденіями, поименованными въ ст. 9 свод. мѣстн. узак., можетъ быть оставлено право дѣлопроизводства на нѣмецкомъ языкѣ, но при этомъ необходимо установить обязательность сообщенія мѣстными учрежденіями при сношеніяхъ ихъ съ учрежденіями коронными, точнаго перевода бумагъ на языкѣ русскомъ. Это послѣднее условіе,

вполнѣ удобоисполнимое, вызывается какъ требованіемъ справедливости, въ видахъ содѣйствія Правительственнымъ властямъ и учрежденіямъ, къ точному пониманію того, что сообщается имъ мѣстными учрежденіями, такъ и вообще настоятельными интересами языка общегосударственнаго.

№ 20. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 16 Августа 1885 г. за № 308 о невозможности дальнѣйшихъ сношеній съ гр. Тизенгаузеномъ.

Имѣю честь представить при семъ копію подлинника и русскаго перевода отношенія ко мнѣ Губернскаго Предводителя Дворянства Гр. Тизенгаузена отъ 16 сего Августа, № 432 [1]). Это отношеніе превосходитъ всякія границы по неприличію и дерзости, допущенныхъ, какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ оффиціальныхъ сношеній.

Считая излишнимъ входить въ оцѣнку такого, полагаю, небывалаго еще въ оффиціальныхъ сношеніяхъ документа, имѣю честь присовокупить, что послѣ удаленія Городского Головы Грейфенгагена отъ должности, по Высочайшему повелѣнію, распространился слухъ, будто нѣкоторые изъ мѣстныхъ дворянъ говорили по этому поводу, что Правительство поступило такъ круто съ Грейфенгагеномъ потому, что онъ принадлежитъ къ партіи литератовъ, и что будто Правительство не рискнуло бы принять такую же мѣру противъ дворянина и что теперь на обязанности одного дворянства лежитъ стойкое и твердое отстаиваніе своихъ національныхъ правъ и привиллегій до послѣдней крайности. Не имѣя еще возможности провѣрить справедливость этого слуха, я не рѣшался

---

[1]) Переводъ отношенія:

Въ виду того, что Канцелярія Дворянства мнѣ сообщила, что 31 Іюля 1885 г. за № 239 получено было будто бы отношеніе Вашего Сіятельства, адресованное на мое имя, каковое отношеніе, по причинѣ изложенія онаго въ противозаконной формѣ (см. мое отношеніе, послѣдовавшее 21 Іюня сего года за № 290 къ Вашему Сіятельству), не могло быть ни пріобщено къ дѣлу, ни доложено мнѣ,- имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству для избѣжанія недоразумѣній, что всѣ бумаги, которыя еще будутъ поступать въ означенной противозаконной формѣ, будутъ оставлены прямо безъ всякаго вниманія, равно и не будутъ ни записаны въ книгу входящихъ бумагъ и тѣмъ менѣе мнѣ доложены. Подлинное за надлежащей подписью.

сообщить его Вашему Высокопревосходительству, но нынѣ считаю долгомъ это сдѣлать въ виду полученнаго мною прилагаемаго отношенія Графа Тизенгаузена, указывающаго на его правдоподобность и на ту программу, которую приняла нынѣ крайняя партія дворянства для осуществленія своего намѣренія путемъ дерзости и противодѣйствія отстаивать національныя свои права и привиллегіи отъ угрожаемыхъ имъ яко бы покушеній со стороны Правительства.

Упоминаемое въ отношеніи Губернскаго Предводителя отъ 16 сего Августа за № 432 отношеніе его отъ 21 Іюня за № 290 приложено къ представленію моему отъ 26 Іюня за № 266; копія отношенія моего къ Гр. Тизенгаузену отъ 31 Іюля за № 239 при семъ прилагается.

Вышеизложенное• считаю долгомъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства въ дополненіе къ представленіямъ моимъ и конфиденціальнымъ письмамъ отъ 26 Іюня за № 266, 5 Іюля за № 272, 5 Іюля за № 273, 6 Іюля за № 276, 10 Іюля за № 280, 10 Іюля за № 278, 10 Іюля за № 279, 29 Іюля за № 293, 3 Августа за № 297 и 9 Августа за № 301 и присовокупить, что, при настоящихъ условіяхъ, дальнѣйшія мои сношенія съ Гр. Тизенгаузеномъ становятся невозможными.

№ 21. Письмо къ Товарищу Министра Вн. Дѣлъ отъ 17 Августа 1885 г. за № 310 по поводу отношенія гр. Тизенгаузена отъ 16 Августа с. г. за № 432.

Милостивый Государь, Петръ Васильевичъ.

Предложеніе Вашего Превосходительства за № 1897 до сихъ поръ не было передано мною для исполненія Губернскому Предводителю Дворянства вслѣдствіе отсутствія изъ города какъ его, такъ и лица его замѣняющаго.

Вчерашняго числа я получилъ отъ Графа Тизенгаузена за № 432 отношеніе слѣдующаго въ дословномъ переводѣ содержанія:

„Въ виду того, что Канцелярія Дворянства мнѣ сообщила, „что 31 Іюля 1885 г. за № 239 получено было будто бы отно„шеніе Вашего Сіятельства, адресованное на мое имя, каковое „отношеніе, по причинѣ изложенія онаго въ противозаконной

„формѣ“ (см. мое отношеніе послѣдовавшее 21 Іюня с. г. за № 290 къ Вашему Сіятельству) „не могло быть ни пріобщено „къ дѣлу, ни доложено мнѣ,—имѣю честь сообщить Вашему „Сіятельству, для избѣжанія недоразумѣній, что всѣ бумаги, „которыя еще будутъ поступать въ означенной противозакон-„ной формѣ, будутъ оставлены прямо безъ всякаго вниманія, „равно не будутъ ни записаны въ книгу входящихъ бумагъ „и тѣмъ менѣе мнѣ доложены“.

Упоминаемая въ этомъ отношеніи „противозаконная“ форма заключается въ томъ, что я, по незнанію мною нѣмецкаго языка, сношусь со всѣми мѣстными учрежденіями, употребляя въ бумагѣ оба языка, какъ Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго отношенія моего отъ 31 Іюля № 239, послужившаго поводомъ къ полученію мною столь оскорбительной и дерзкой бумаги отъ Губернскаго Предводителя. Прибѣгая къ такой формѣ сношеній по необходимости, ибо я не могу и не считаю себя въ правѣ подписывать бумаги, не понимая ихъ содержанія и вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя возможности придать иностранной ихъ редакціи нужный и желанный смыслъ, я тѣмъ не менѣе не вижу въ такомъ способѣ сношеній чего-либо противозаконнаго. Во-первыхъ, такая форма закономъ вовсе не предусмотрѣна; во-вторыхъ, хотя въ законѣ и говорится объ употребленіи нѣмецкаго языка въ сношеніяхъ съ мѣстными учрежденіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ въ законѣ не встрѣчается запрещенія употреблять языкъ Государственный; въ третьихъ, устанавливая, или вѣрнѣе, допуская употребленіе въ сношеніяхъ Правительственной власти съ мѣстными учрежденіями иностраннаго, нѣмецкаго, языка, законъ допускалъ тѣмъ снисхожденіе къ невѣжеству должностныхъ лицъ въ Государственномъ языкѣ, но отнюдь не допускалъ замѣну Государственнаго языка иностраннымъ, въ качествѣ языка оффиціальнаго и, наконецъ, прибѣгая къ такой именно формѣ сношеній, я получалъ возможность понимать, что я подписываю и нести отвѣтственность за содержаніе и значеніе оффиціальнаго документа, скрѣпленнаго моею подписью, а мѣстныя учрежденія, вмѣстѣ съ тѣмъ, тоже имѣли возможность понимать имъ мною адресованное. Во всякомъ случаѣ, если Губернскій Предводитель и другія мѣстныя учрежденія усматривали въ употребляемой мною формѣ сношеній что-либо противозаконное, то они всегда имѣютъ воз-

можность обжаловать мои незаконныя дѣйствія, но врядъ-ли можно чѣмъ-либо оправдать и извинить тѣ дерзости, которыя они позволяли и позволяютъ себѣ по этому поводу наносить въ оффиціальной формѣ Представителю Высшей Правительственной власти въ Губерніи. Обо всѣхъ полученныхъ мною оскорбленіяхъ по должности со стороны мѣстныхъ нѣмецкихъ учрежденій я подробно доносилъ Г. Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Этимъ я пока и ограничивался, ни разу, не отвѣчая никому изъ наносившихъ оскорбленія и не вступая съ ними по сему поводу ни въ частную, ни въ служебную полемику, чтобы не подать повода къ обостренію отношеній и этотъ чисто служебный вопросъ не свести съ оффиціальной почвы на почву личныхъ пререканій. На настоящее дерзкое и крайне неприличное отношеніе Губернскаго Предводителя я также ничего не отвѣтилъ, доведя его лишь до свѣдѣнія Управляющаго Министерствомъ въ надеждѣ найти ту поддержку и заступничество, на которыя я въ правѣ расчитывать въ дѣлахъ служебныхъ, какъ Представитель здѣсь Правительственной власти. Я готовъ безропотно и твердо выдерживать настоящее невыносимо трудное положеніе, если мое поведеніе при этихъ обстоятельствахъ совпадаетъ съ видами Правительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое положеніе ставитъ меня часто въ затрудненіе исполнять распоряженія Правительства.

Такъ въ данномъ случаѣ предложеніе Вашего Превосходительства за № 1897 по вопросу о преобразованіи Полиціи остается неисполненнымъ, и я весьма затрудняюсь выбрать ту внѣшнюю форму, которая, въ виду сдѣланной мнѣ Графомъ Тизенгаузеномъ угрозы, дала бы мнѣ возможность выполнить срочное предписаніе Ваше.

Ваше Превосходительство разрѣшили мнѣ въ затруднительныхъ случаяхъ обращаться къ Вамъ за совѣтомъ и указаніями. Не лишите меня въ данномъ случаѣ Вашихъ указаній и не откажите въ содѣйствіи Вашемъ и поддержкѣ въ столь затруднительномъ положеніи, въ которомъ я, какъ Представитель Правительства, нынѣ здѣсь нахожусь.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью и проч.

№ 22. Предложеніе Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Эстляндскому Губернскому Предводителю Дворянства отъ 10 Сентября 1885 года за № 17750.

Эстляндскій Губернаторъ сообщилъ мнѣ копію отношенія къ нему Вашего Сіятельства, отъ 26 минувшаго Августа за № 432, въ которомъ Вы увѣдомляете Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Князя Шаховского, что всѣ бумаги, кои еще поступятъ не на одномъ лишь нѣмецкомъ языкѣ, будутъ оставляемы Вами просто безъ всякаго вниманія, равно не будутъ ни записаны въ книгу входящихъ бумагъ, ни тѣмъ менѣе Вамъ доложены.

Вслѣдствіе сего, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, долгомъ считаю разъяснить Вашему Сіятельству, что редакція отношенія Вашего къ Губернатору не соотвѣтствуетъ ни значенію Губернаторской власти, ни даже достоинству занимаемой Вами должности и что ко всѣмъ сообщеніямъ Губернатора Вы обязаны относиться съ должнымъ вниманіемъ.

№ 23. Правила о производствѣ дѣлъ и веденіи переписки на русскомъ языкѣ присутственными мѣстами и должностными лицами Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній, Высочайше утвержденныя 14 Сентября 1885 г.

1) Губернаторы и всѣ правительственныя установленія и власти Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній, за исключеніемъ поименованныхъ въ нижеслѣдующемъ пунктѣ 3-мъ, производятъ дѣла и ведутъ переписку исключительно на языкѣ русскомъ. Изъ правила сего не изъемлются и тѣ случаи, когда въ упомянутыхъ установленіяхъ участвуютъ должностныя лица изъ числа принадлежащихъ къ мѣстной выборной службѣ.

2) Указанному въ предыдущемъ пунктѣ правилу о производствѣ дѣлъ и веденіи переписки на языкѣ русскомъ подчиняются и учрежденныя въ каждой изъ помянутыхъ губерній Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, а равно и всѣ тѣ образованныя на основаніи особыхъ мѣстныхъ узаконеній Прави-

тельственныя установленія Прибалтійскихъ губерній, которыя состоятъ изъ лицъ, назначаемыхъ частію по выборамъ, частію по опредѣленію отъ Правительства.

3) Мѣста и власти, поименованныя въ ст. 9 ч. I Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, равно образованныя на основаніи законоположеній, вошедшихъ въ ч. II означеннаго свода, а также установленія и власти, учрежденныя мѣстными крестьянскими и другими положеніями (кромѣ упомянутыхъ въ п. 2 настоящихъ правилъ установленій), ведя дѣлопроизводство и внутреннюю свою переписку на языкѣ нѣмецкомъ или на нарѣчіяхъ латышскомъ и эстонскомъ, на существующихъ нынѣ основаніяхъ, должны производить сношенія свои какъ съ высшими государственными или вообще находящимися за предѣлами Прибалтійскихъ губерній установленіями и властями, такъ и съ тѣми изъ находящихся въ предѣлахъ сихъ губерній мѣстами и лицами, которыя указаны въ пунктахъ 1 и 2 настоящихъ правилъ на языкѣ русскомъ, а равно принимать всѣ поступающія къ нимъ бумаги, изложенныя на русскомъ языкѣ; но при сношеніи съ мѣстами и лицами, указанными въ пунктахъ 1 и 2 настоящихъ правилъ, могутъ къ отправляемымъ симъ мѣстамъ и лицамъ подлиннымъ бумагамъ, написаннымъ на русскомъ языкѣ, прилагать переводъ на нѣмецкомъ языкѣ или на латышскомъ или эстонскомъ нарѣчіяхъ.

Примѣчаніе. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для мѣстъ, установленій и лицъ, упомянутыхъ въ настоящемъ п. 3, окажется необходимымъ препровождать общимъ правительственнымъ установленіямъ и мѣстамъ какія-либо бумаги внутренняго дѣлопроизводства мѣстныхъ установленій или переписки ихъ между собою, въ подлинникахъ или копіяхъ, написанныя на нѣмецкомъ языкѣ или на эстонскомъ и латышскомъ нарѣчіяхъ, всѣ подобныя приложенія (за исключеніемъ книгъ и отчетныхъ вѣдомостей) должны сопровождаться точнымъ и надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованнымъ русскимъ переводомъ.

и 4) Во всѣхъ засѣданіяхъ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній сужденія происходятъ на томъ языкѣ, на которомъ ведется дѣлопроизводство оныхъ.

№ 24. Донесеніе Вице-Губернатора Тилло Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 21 Сентября 1885 г. за № 325 о манифестаціи въ честь Грейфенгагена въ засѣданіи Думы 18 Сентября.

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

Послѣ удаленія по Высочайшему повелѣнію Городского Головы Грейфенгагена отъ должности Головы 18 Сентября, должно было состояться первое засѣданіе Думы подъ предсѣдательствомъ Исправляющаго должность Головы Барона Майделя.

Вслѣдствіе дошедшихъ до меня слуховъ, что въ этомъ засѣданіи Думы гласные собираются сдѣлать овацію уволенному Головѣ Грейфенгагену, я пригласилъ къ себѣ Барона Майделя и просилъ его не допускать ничего подобнаго, такъ какъ было бы крайне неблаговидно демонстрировать въ пользу лица, удаленнаго отъ должности по Высочайшему повелѣнію.

Баронъ Майдель обѣщалъ мнѣ сдѣлать все отъ него зависящее къ недопущенію скандала, но при этомъ сказалъ, что ему ничего неизвѣстно о предполагаемой затѣѣ и что не желая допускать скандала, онъ въ то же время считаетъ себя не въ правѣ запрещать гласнымъ выразить Грейфенгагену благодарность за его прежнюю службу.

Затѣмъ Баронъ Майдель обѣщалъ употребить всѣ мѣры, чтобы гласные вели себя въ Думѣ въ примѣрномъ духѣ.

Засѣданіе въ Думѣ началось чтеніемъ оффиціальныхъ сообщеній; между этими сообщеніями было сообщеніе объ увольненіи Грейфенгагена; подъ предлогомъ этого сообщенія Секретарь Думы Бенеке прочелъ записку, въ которой излагалась исторія постигшей Грейфенгагена катастрофы съ ясной тенденціей оправдать поведеніе этого лица и заподозрить законность дѣйствій администраціи. Вслѣдъ за симъ гласный Баронъ Врангель-Тойсъ началъ восхвалять дѣятельность Грейфенгагена и предложилъ гласнымъ принести бывшему Головѣ благодарность за его полезную и добросовѣстную дѣятельность. Большинство гласныхъ отнеслось весьма сочувственно къ рѣчи Врангеля и въ знакъ манифестаціи встали. Когда же

за рѣчью Врангеля и манифестаціей, посредствомъ вставанія, гласный Розенталь началъ протестовать, говоря, что считаетъ предложеніе Врангеля неумѣстнымъ и безтактнымъ въ виду того, что Грейфенгагенъ подвергся Высочайшей немилости, то среди гласныхъ начали кричать: „призвать его къ порядку“ и пр. Гласный Чумиковъ и другіе ему сочувствующіе гласные встали съ цѣлью заявить свое сочувствіе Розенталю и потребовали, чтобы протестъ его былъ внесенъ въ протоколъ, но Баронъ Майдель воспротивился этому, выразивъ, что пренія по этому дѣлу уже прекращены.

Изъ вышеизложеннаго видно, что Баронъ Майдель, по своей неспособности или изъ желанія помирволить враждебной администраци нѣмецкой партіи, допустилъ въ Думѣ антиправительственную демонстрацію. Такимъ образомъ, не смотря на урокъ, данный Городскому Управленію въ лицѣ его предсѣдателя г. Грейфенгагена, нѣмецкая партія не отрезвилась и считаетъ себя въ правѣ бравировать даже противъ такихъ распоряженій Правительства, которыя идутъ съ высоты престола. Скандалъ, происшедшій въ Ревельской Думѣ, есть повтореніе того же скандала, который былъ недавно въ Рижской Думѣ, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что все это было сдѣлано по заранѣе обдуманному плану съ цѣлью, фрондируя Правительство, не отстать отъ Риги. Какъ извѣстно, въ борьбѣ съ Правительствомъ солидарны между собой не только всѣ сословія каждой Губерніи въ отдѣльности, но и всѣ Остзейскія Губерніи въ совокупности.

Я запретилъ въ мѣстныхъ газетахъ печатать что-либо касающееся Думскаго скандала, но въ нѣмецкихъ Петербургскихъ газетахъ, читаемыхъ здѣсь на расхватъ, конечно, постараются этому скандалу придать ту окраску, которая болѣе нравится здѣшнимъ нѣмцамъ, а, слѣдовательно, населеніе будетъ слѣдить и судить по послѣдствіямъ, какъ само Правительство относится къ наглымъ выходкамъ нѣмцевъ, направленнымъ явно противъ него. Зачинщики этого дѣла — гласные Думы изъ дворянъ и литераторовъ; оставить это дѣло безъ послѣдствій неудобно и было бы полезно привлечь къ отвѣтственности главныхъ коноводовъ скандала. Если одного урока для нѣмцевъ было мало и они не облагоразумились, то надо урокъ повторить и показать, что Правительство шутить не намѣрено.

Доводя о семъ до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, я имѣю честь почтительнѣйше просить о послѣдующемъ не отказать дать мнѣ знать. Подписалъ Тилло.

№ 25. Циркуляръ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ Эстляндской губерніи отъ 4 Октября 1885 г. за № 345 объ употребленіи русскаго языка.

Въ №№ 102 и 103 Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей отъ 1 и 4 Октября с. г. напечатаны Высочайше утвержденныя 14 Сентября с. г. Правила о производствѣ дѣлъ и веденіи переписки на русскомъ языкѣ присутственными мѣстами и должностными лицами Лифляндской, Эстляндской и Курляндской Губерній.

Во исполненіе Указа Правительствующаго Сената отъ 30 Сентября с. г. за № 11353 (по 1 Департаменту) предлагаю всѣмъ подчиненнымъ мнѣ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ Эстляндской Губерніи, принять означенныя правила къ точному руководству и исполненію, при чемъ присовокупляю, что для присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, имѣющихъ пребываніе въ г. Ревелѣ, срокъ исполненія вышеозначенныхъ правилъ наступаетъ со дня публикаціи новаго закона въ № 103 Губернскихъ Вѣдомостей, т. е. съ 4 Октября с. г., а для находящихся въ уѣздахъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ—съ 10-го Октября, такъ какъ къ сему сроку всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ и въ уѣздахъ долженъ быть извѣстенъ дважды опубликованный новый законъ. Подписалъ: И. д. Губернатора, Вице-Губернаторъ Тилло. Скрѣпилъ Секретарь Андерсонъ.

№ 26. Отношеніе къ И. д. Эстляндскаго Губернскаго Предводителя Дворянства отъ 15 Октября 1885 г. за № 2219.

Получивъ отношеніе Губернскаго Предводителя Дворянства отъ 10 Октября сего года за №№ 556, 557, 558 и 559, имѣю честь обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшей просьбой не отказать мнѣ въ содѣйствіи Вашемъ къ точному и дѣйствительному исполненію Высочай-

шей воли, вполнѣ опредѣлительно и категорично выраженной въ законѣ 14 Сентября сего года.

На основанiи пункта 3 упомянутаго закона, мѣста и власти поименованныя въ ст. 9 ч. I Свода Мѣстн. Узак. Губ. Остзейскихъ, должны производить сношенiя свои съ мѣстами и лицами, которыя указаны въ пунктахъ 1 и 2 Высочайше утвержденныхъ Правилъ, на языкѣ русскомъ, т. е. какъ объяснено ниже въ томъ же пунктѣ 3-мъ, подлинныя бумаги должны быть излагаемы на русскомъ языкѣ, а не на двухъ— русскомъ и нѣмецкомъ, какъ были изложены упомянутыя выше отношенiя Губернскаго Предводителя Дворянства за №№ 556, 557, 558 и 559. Хотя въ томъ же 3-мъ пунктѣ и допускается приложенiе къ подлиннымъ бумагамъ, написаннымъ на русскомъ языкѣ, переводовъ на нѣмецкомъ языкѣ или на латышскомъ и эстонскомъ нарѣчiяхъ, но, принимая во вниманiе то понятiе, которое связано съ значенiемъ словъ— подлинная бумага и приложенiе, нельзя допустить возможности какого-либо сомнѣнiя въ томъ, что приложенiемъ именуется та именно бумага, которая прилагается къ подлинной, а не составляетъ часть послѣдней. Посему изложенiе бумагъ на двухъ языкахъ—русскомъ и нѣмецкомъ, хотя бы нѣмецкiй текстъ и былъ снабженъ помѣткой „переводъ“, не можетъ быть признано согласнымъ съ пунктомъ 3-мъ закона 14 Сентября, такъ какъ, если бы такой порядокъ сношенiй этимъ закономъ былъ допущенъ, то и въ редакцiи его было бы несомнѣнно упомянуто, что подлинныя бумаги пишутся на двухъ языкахъ, изъ которыхъ русскiй считается текстомъ, а нѣмецкiй— его переводомъ, чего, однако же, упомянутымъ закономъ не только не установлено, а напротивъ вполнѣ категорично и опредѣленно указано, что подлинная бумага должна быть написана на русскомъ языкѣ. При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что равнымъ образомъ я не имѣю въ виду закона, который устанавливалъ бы изображенiе бланокъ на иномъ языкѣ, чѣмъ текстъ подлинныхъ бумагъ, изложенныхъ на этихъ бланкахъ. Высшее мѣстное Судебное учрежденiе Эстляндскiй Оберъ-Ландгерихтъ первый показалъ примѣръ вполнѣ точнаго выполненiя закона 14 Сентября и нынѣ, обращаясь къ Вашему Превосходительству съ настоящей моей покорнѣйшей просьбой, я позволяю себѣ расчитывать на просвѣщенное содѣйствiе Ваше къ точному осуществленiю Высочайшей воли.

№ 27. Циркуляръ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ Эстляндской губерніи отъ 18 Октября 1885 г. за № 407 объ употребленіи русскаго языка.

Изъ поступающихъ ко мнѣ и въ Эстляндское Губернское Правленіе отъ различныхъ мѣстныхъ учрежденій оффиціальныхъ бумагъ, я усматриваю, что большая часть изъ нихъ написана съ нарушеніемъ требованій, изложенныхъ въ Высочайше утвержденныхъ 14 Сентября с. г. Правилахъ о производствѣ дѣлъ и веденіи переписки на русскомъ языкѣ присутственными мѣстами и должностными лицами Лифляндской, Эстляндской и Курляндской Губерній.

Такъ напр. на подлинныхъ бумагахъ, которыя по пункту 3-му упомянутыхъ Правилъ должны содержать въ себѣ лишь изложеніе русскаго текста, помѣщается параллельно и текстъ нѣмецкій, который допущенъ закономъ лишь какъ *приложеніе*, т. е. на отдѣльной отъ подлинника бумагѣ. Бланки подлинныхъ бумагъ и адресъ на конвертахъ изображаются на нѣмецкомъ языкѣ, а наименованіе должности и фамиліи должностного лица пишутся на подлинныхъ бумагахъ по-нѣмецки. Независимо сего, нѣкоторыя присутственныя мѣста и должностныя лица продолжаютъ даже писать свои бумаги исключительно на нѣмецкомъ языкѣ.

Усматривая изъ сихъ дѣйствій явное нарушеніе закона 14 Сентября с. г., предлагаю всѣмъ подчиненнымъ мнѣ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ, принять вышеизложенныя разъясненія къ точному руководству и исполненію, причемъ присовокупляю, что всѣ бумаги, написанныя съ нарушеніемъ правилъ, изложенныхъ въ законѣ 14 Сентября с. г., будутъ возвращаемы и виновные въ нарушеніи привлекаемы къ законной отвѣтственности. Подписалъ: Губернаторъ Князь Шаховской.

№ 28. Отношеніе къ И. д. Предводителя Дворянства отъ 21 Октября 1885 г. за № 2266 съ разъясненіемъ о формѣ бумагъ.

Вслѣдствіе отношенія Вашего Превосходительства отъ 19 Октября с. г. № 571, имѣю честь сообщить Вамъ, что указываемое Вами неудобство, могущее проистечь для отправителя бумаги отъ помѣщенія нѣмецкаго перевода не на подлинной бумагѣ, а въ отдѣльномъ къ ней приложеніи, можетъ, по моему мнѣнію, быть на практикѣ легко устранимо упоминаніемъ въ текстѣ подлинной бумаги, что къ ней прилагается переводъ. Такой порядокъ, вполнѣ отвѣчающій обычаямъ, установленнымъ повсемѣстно канцелярской практикой, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить несомнѣнной гарантіей для отправителя съ одной стороны въ томъ, что приложеніе, о которомъ упомянуто въ подлинной бумагѣ, утрачено быть не можетъ и если бы было утрачено, то не по его винѣ, и съ другой—что, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, могущихъ встрѣтиться въ подлинномъ текстѣ, отправитель всегда будетъ имѣть возможность, для отвращенія недоразумѣній, сослаться на приложеніе, если изложеніе послѣдняго способно это недоразумѣніе объяснить. Наконецъ, если бы отправитель случайно могъ позабыть присоединить къ подлинной бумагѣ то приложеніе, о которомъ упомянуто въ бумагѣ, то отъ получателя, въ случаѣ надобности, зависитъ поставить въ извѣстность отправителя о сдѣланномъ имъ недосмотрѣ, и послѣдній всегда имѣетъ возможность, не неся за то никакой отвѣтственности, исправить невольное упущеніе.

Я полагаю необходимымъ подѣлиться съ Вашимъ Превосходительствомъ излагаемымъ мнѣніемъ въ томъ предположеніи, что оно могло бы содѣйствовать разъясненію тѣхъ недоразумѣній, которыя Ваше Превосходительство изволили встрѣтить въ отношеніи моемъ отъ 15 Октября за № 2219.

Сообщая вышеизложенное, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство почтить меня увѣдомленіемъ, полагаете ли Вы и послѣ сего необходимымъ представленіе на разрѣшеніе Высшаго Правительства о встрѣченныхъ Вами въ моемъ отношеніи за № 2219 недоразумѣніяхъ.

№ 29. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 21 Октября 1885 г. за № 389 о затрудненіяхъ, встрѣчающихся на практикѣ при примѣненіи закона 14 Сентября.

Примѣненіе закона 14 Сентября встрѣтило на практикѣ затрудненія. Эти затрудненія не имѣютъ характера дѣйствительной невозможности его исполнить въ полномъ объемѣ, а носятъ слѣды попытокъ сохранить за нѣмецкимъ языкомъ хотя бы и малой доли оффиціальнаго значенія въ надеждѣ, что обстоятельства могутъ измѣниться и эта нынѣ малая доля получитъ снова прежнее, преобладающее значеніе.

Для такого взгляда mot d'ordre данъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства Графомъ Тизенгаузеномъ, показавшимъ въ этомъ отношеніи первый примѣръ.

Сначала отъ него, а затѣмъ отъ Гакенрихтеровъ, Приходскихъ Судей и др. поступили ко мнѣ бумаги, изложенныя на двухъ текстахъ—русскомъ и нѣмецкомъ, помѣщенныхъ параллельно на одной и той же страницѣ. На нѣкоторыхъ бумагахъ нѣмецкій текстъ снабженъ надписью „translat", на другихъ этой надписи не сдѣлано. Бумаги написаны на нѣмецкихъ бланкахъ и подпись отправителя распространяется чрезъ весь листъ на оба текста.

Такой порядокъ противорѣчитъ пункту 3 закона 14 Сентября, на основаніи котораго необязательный нѣмецкій переводъ подлинной русской бумаги можетъ быть только приложенъ къ этой бумагѣ, а не составлять неотъемлемую ея часть и излагаться на самой бумагѣ въ видѣ особаго нѣмецкаго текста. Допущеніе такого второго текста очевидно нарушало бы требованія 3-го пункта объ изложеніи подлинныхъ бумагъ на одномъ русскомъ языкѣ и на практикѣ закрѣпляло бы за нѣмецкимъ языкомъ значеніе языка оффиціальнаго, равноправнаго языку Государственному. Такимъ образомъ законъ 14 Сентября, при допущеніи такого его примѣненія, сводился бы къ установленію двухъ оффиціальныхъ языковъ.

Имѣя въ виду печальный опытъ не одного десятка лѣтъ, не оставляющій никакого сомнѣнія, что благія начинанія Правительства по принятію, казавшихся по обстоятельствамъ необходимыми, мѣръ относительно Прибалтійскихъ Губерній, не только не увѣнчивались желаемымъ успѣхомъ, но и зачастую

приводили къ обратнымъ результатамъ, съ одной стороны, вслѣдствіе различныхъ уступокъ и послабленій, допускавшихся исполнительными органами на мѣстѣ, съ другой—вслѣдствіе различныхъ временныхъ льготъ въ примѣненіи, разрѣшавшихся самимъ Правительствомъ, я считалъ въ виду сего совершенно невозможнымъ допустить съ своей стороны какое-либо послабленіе или отступленіе въ примѣненіи закона 14 Сентября. Какъ я уже докладывалъ Вашему Высокопревосходительству, не можетъ на практикѣ встрѣтиться никакихъ препятствій къ выполненію закона 14 Сентября, если Правительственная власть твердо рѣшила, разъ издавъ этотъ законъ, требовать его осуществленія. Лицъ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, здѣсь болѣе чѣмъ мѣстъ, которыя могутъ быть имъ предоставлены. Если бы 2—3 Приходскіе Судьи и затруднялись бы писать по-русски, то они имѣютъ возможность пригласить переводчиковъ, или уступить свои мѣста другимъ лицамъ, владѣющимъ Государственнымъ языкомъ. Охотниковъ на занятіе этихъ должностей найдется здѣсь не мало, если только ими будетъ руководить добрая воля, а не стремленіе доказать Правительству несуществующую въ дѣйствительности невозможность безусловно подчиниться его требованіямъ. Только одна надежда на послабленіе можетъ вызвать со стороны различныхъ органовъ выборной мѣстной службы попытки не выполнять законъ въ полномъ его объемѣ. Проявленная въ послѣднее время Правительствомъ твердость въ дѣлахъ, касавшихся Прибалтійскаго Края, достаточно доказала практическому нѣмецкому элементу, что всякое сопротивленіе въ исполненіи Правительственныхъ распоряженій не можетъ пройти безнаказаннымъ. Посему нѣмцы избѣгаютъ теперь вступать открыто на путь сопротивленія, а, показывая, что они подчиняются закону и распоряженіямъ Правительства, пытаются не исполнять законъ въ полномъ его объемѣ, оставляя для себя такія лазейки, которыми они расчитываютъ воспользоваться при перемѣнѣ обстоятельствъ въ будущемъ, на которое, не скрывая, они возлагаютъ большія для себя надежды. Большое значеніе въ этомъ отношеніи придается здѣсь двумъ разговорамъ, которые будто бы имѣлъ съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ Графъ Тизенгаузенъ. Одинъ изъ нихъ былъ, какъ разсказываютъ, вѣроятно со словъ Тизенгаузена, въ первыхъ числахъ этого мѣсяца, а второй — на сихъ

дняхъ. Передаютъ будто бы Вы изволили сказать Губернскому Предводителю, что мнѣ будетъ предложено не требовать полнаго примѣненія закона 14 Сентября и дѣлать въ этомъ отношеніи возможныя уступки. Этотъ разговоръ, въ существованіи котораго мѣстные нѣмцы не сомнѣваются, окрылилъ упавшій ихъ духъ и они не теряютъ нынѣ надежды, что законъ 14 Сентября въ своемъ примѣненіи можетъ получить иное значеніе, чѣмъ это казалось при его обнародованіи. Дѣйствительно, послѣ перваго разговора съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, Графъ Тизенгаузенъ пріѣзжалъ въ Ревель на 2 дня, чтобы дать нужный тонъ и отправить Губернатору 4 бумаги по незаконной вышеупомянутой мною формѣ съ двумя текстами на подлинной бумагѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, настаивая на точномъ примѣненіи закона 14 Сентября, я счелъ бы себя, не только въ правѣ, но и обязаннымъ принимать во вниманіе тѣ затрудненія, которыя могли бы встрѣтиться для отдѣльныхъ должностныхъ лицъ при усвоеніи новой формы сношеній и конечно принялъ бы зависящія отъ меня мѣры къ возможному облегченію имъ этого перехода. Но разъ для меня стало очевидно, что отступленіе отъ закона имѣетъ значеніе расчитаннаго политическаго маневра, прикрываемаго съ одной стороны будто недоразумѣніемъ, съ другой—не существующей въ дѣйствительности невозможностью, я счелъ себя обязаннымъ принять немедленно, на первыхъ же порахъ, мѣры къ точному выполненію закона. Съ этою цѣлью я издалъ прилагаемый при семъ циркуляръ, основанный на постановленіи Общаго Присутствія Губернскаго Правленія и неукоснительно буду настаивать на его выполненіи.

Независимо отъ сего я, обратился къ И. д. Предводителя Дворянства Барону Майдель-Пастиферу въ прилагаемомъ при семъ въ копіи отношеніи съ просьбой оказать мнѣ содѣйствіе къ точному выполненію закона 14 Сентября. Какъ Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть изъ этого отношенія, я разъяснилъ Предводителю съ недопускающей возраженій ясностью разницу въ понятіяхъ, связанныхъ съ словами „приложеніе“ и „подлинный текстъ“. Баронъ Майдель въ своемъ отвѣтномъ отношеніи, въ копіи прилагаемомъ, не могъ возразить мнѣ по существу и, изложивъ, согласно моему требованію, всю бумагу на одномъ только русскомъ языкѣ, могъ

только для поддержки Графа Тизенгаузена сослаться на неудобство приложенiй нѣмецкихъ переводовъ, въ виду возможности ихъ утраты. При этомъ, что всего характеристичнѣе, Баронъ Майдель просилъ меня представить Высшему Правительству его ходатайство о разрѣшенiи употреблять въ сношенiяхъ ту форму, которая была установлена Графомъ Тизенгаузеномъ. Слѣдовательно Баронъ Майдель самъ сознаетъ, что употребленная Предводителемъ форма—незаконна, иначе не было мѣста для ходатайства. Изъ моего отвѣта за № 2266 Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что мною окончательно разбиты и эти доводы. Если допустить толкованiе пункта 3-го закона 14 Сентября въ желаемомъ Тизенгаузеномъ смыслѣ, то нѣтъ основанiя не дозволять писать бумаги не только на двухъ, но и на трехъ и четырехъ языкахъ заразъ, ибо упомянутый законъ не дѣлаетъ въ этомъ отношенiи разницы между нѣмецкимъ языкомъ и латышскимъ и эстонскимъ нарѣчiями, разрѣшая дѣлать приложенiя къ подлиннымъ бумагамъ, изложенныя на каждомъ изъ нихъ.

Я полагалъ, что принятыя мною мѣры, въ которыхъ ясно выражена была твердость въ дѣйствительномъ примѣненiи закона 14 Сентября, увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ, но я долженъ былъ въ этомъ разочароваться послѣ происходившей сегодня бесѣды съ Барономъ Майделемъ.

Баронъ сообщилъ мнѣ, что получилъ вчера отъ Графа Тизенгаузена изъ Петербурга письмо, въ которомъ онъ его увѣдомляетъ, что являлся къ Вашему Высокопревосходительству съ цѣлью выяснить вопросъ объ установленной имъ формѣ переписки и что будто Ваше Высокопревосходительство изволили сказать ему, что Вы вполнѣ раздѣляете его взглядъ и не допускаете возможности иного толкованiя закона и что при этомъ Вы изволили обѣщать дать мнѣ надлежащiя указанiя въ желаемомъ Тизенгаузеномъ смыслѣ.

Я сомнѣваюсь въ вѣрности передаваемаго Графомъ Тизенгаузеномъ разговора съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, если бы и дѣйствительно объ этомъ была рѣчь при его представленiи.

Принять желаемую Графомъ Тизенгаузеномъ мѣру я уже больше не могу, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что это лишило бы меня возможности привести въ исполненiе законъ 14 Сентября, вмѣстѣ съ тѣмъ я не считалъ бы себя въ правѣ

отмѣнить собственною властью сдѣланное циркулярное распоряженіе, какъ основанное на Журнальномъ Постановленіи Общаго Присутствія Губернскаго Правленія. Между тѣмъ вѣсти о приписываемомъ Графомъ Тизенгаузеномъ Вашему Высокопревосходительству взглядѣ на примѣненіе закона 14 Сентября быстро облетятъ всѣхъ заинтересованныхъ лицъ и они, несомнѣнно, откажутся исполнять требованія циркуляра Губернскаго Правленія, въ надеждѣ на поддержку въ этомъ со стороны Вашего Высокопревосходительства; за неисполненіе же упомянутаго циркуляра, я вынужденъ буду привлекать виновныхъ къ отвѣтственности.

Въ виду изложеннаго имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой поддержать сдѣланное мною, на точномъ смыслѣ закона, распоряженіе и поручить мнѣ объявить о томъ Губернскому Предводителю Дворянства, для прекращенія уже возникшихъ по сему вопросу недоразумѣній, грозящихъ породить серьезныя на мѣстѣ послѣдствія.

Въ виду спѣшности дѣла и для предупрежденія возможныхъ непріятныхъ и нежелательныхъ по сему поводу столкновеній съ дворянствомъ, ходатайствую предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ о скорѣйшемъ, по возможности, увѣдомленіи меня о послѣдующемъ по настоящему моему представленію.

№ 30. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 24 Октября 1885 г. за № 340.

Въ дополненіе къ совершенно конфиденціальному представленію моему отъ 21 сего Октября за № 389, имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства копію полученнаго мною сегодня отношенія И. д. Губернскаго Предводителя Дворянства Барона Майделя, за № 583 [1]).

---

[1]) Переводъ отношенія:

На отношеніе Вашего Сіятельства отъ 21 Октября за № 2226, имѣю честь сообщить Вамъ, что я никакъ не могу согласиться съ возраженіями Вашего Сіятельства по вопросу о формѣ нѣмецкаго перевода, приложеннаго къ русскимъ бумагамъ и долгомъ считаю заступаться за служащихъ по выборамъ дворянства должностныхъ лицъ, не владѣющихъ русскимъ языкомъ.

Въ оффиціальной формѣ Губернскій Предводитель Дворянства передаетъ мнѣ по уполномочію Г. Управляющаго Министерствомъ распоряженіе Высшаго Правительства о способѣ примѣненія закона 14 Сентября с. г. Сомнѣваясь, съ одной стороны, чтобы Г. Статсъ-Секретарь Дурново могъ дать такое порученіе Графу Тизенгаузену и, имѣя въ виду, съ другой, что закономъ не предусмотрѣно посредничество Губернскаго Предводителя въ сношеніяхъ Высшаго Правительства съ его Губернскими органами, я не считаю себя въ правѣ, впредь до полученія прямыхъ указаній отъ Вашего Сіятельства, сдѣлать какія-либо съ своей стороны по сему распоряженія и тѣмъ болѣе, что переданное мнѣ черезъ посредство Графа Тизенгаузена приказаніе представляется несоотвѣтствующимъ требованіямъ закона 14 Сентября, о чемъ я имѣлъ честь подробно изложить въ упомянутомъ выше моемъ представленіи.

О послѣдующемъ имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство почтить меня увѣдомленіемъ.

№ 31. Представленіе Министру Юстиціи отъ 27 Октября 1885 г. за № 402 о представленіи приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ безъ препроводительныхъ бумагъ.

Эстляндскій Оберъ-Ландгерихтъ и Ревельскій Магистратъ представляютъ мнѣ на утвержденіе приговоры свои по уголовнымъ дѣламъ безъ препроводительныхъ къ нимъ бумагъ.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что отношеніе Вашего Сіятельства отъ 15 Октября с. г. № 2219 мною препровождено было въ С.-Петербургъ къ Г-ну Эстляндскому Губернскому Предводителю Дворянства, который съ своей стороны лично представилъ оное Г. Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Нынѣ Графъ Тизенгаузенъ увѣдомляетъ меня, что Статсъ-Секретарь Дурново вполнѣ одобрилъ принятый мѣстными должностными лицами и присутственными мѣстами порядокъ приложенія нѣмецкаго перевода на томъ же листѣ, на которомъ писанъ русскій текстъ. При этомъ Г. Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ уполномочилъ Г. Предводителя Дворянства сообщить Вашему Сіятельству о таковомъ его рѣшеніи вопроса.

Считая долгомъ, во исполненіе сего, поставить Васъ, Милостивый Государь, о семъ въ извѣстность, не могу не выразить надежду, что Вы не откажете въ зависящихъ отъ Васъ распоряженіяхъ для прекращенія возникшихъ по сему дѣлу недоразумѣній. Подлинное за надлежащею подписью.

Такая неустановленная закономъ форма сношеній сводится на практикѣ къ передачѣ тюковъ и посылокъ, содержащихъ въ себѣ приговоры съ относящимися къ нимъ дѣлами, разсыльнымъ одного учрежденія сторожу другого. Этотъ порядокъ лишаетъ меня возможности контролировать, дѣйствительно-ли мнѣ доставляются всѣ отправляемые упомянутыми судебными мѣстами дѣла и послѣднихъ въ свою очередь быть увѣренными, что они получили всѣ тѣ приговоры, которые мною посланы. Въ дѣлахъ столь серьезной важности, какъ дѣла уголовныя, казалось, слѣдовало бы принимать всѣ мѣры предосторожности противъ возможности ихъ утраты. Между тѣмъ существующій порядокъ ихъ препровожденія нисколько не гаранитруетъ не только отъ возможности ихъ случайной утраты, но и отъ намѣреннаго похищенія лицами, заинтересованными въ судьбѣ преступниковъ, такъ какъ ни я, ни, безъ сомнѣнія, съ своей стороны, и судебныя мѣста, не могутъ принять на себя ручательства за неподкупность и безупречныя нравственныя качества вольнонаемныхъ сторожей, которымъ безконтрольно вручается судьба этихъ драгоцѣнныхъ для провосудія посылокъ. При существованіи такого порядка и самая утрата того или другого дѣла можетъ долгое время остаться необнаруженной и обнаружиться лишь тогда, когда исчезнетъ всякая возможность открыть слѣды похищенія. Отсутствіе препроводительныхъ бумагъ, въ которыхъ упоминалось бы, что прилагается столько-то дѣлъ и за такими-то №№, лишаетъ возможности судебныя мѣста съ одной стороны знать, всѣ ли препровожденныя мнѣ дѣла мною возвращены и съ другой предполагать, что дѣло утраченное или похищенное, на самомъ дѣлѣ находится еще въ моемъ разсмотрѣніи.

Во избѣжаніе такого ненормальнаго порядка сношеній, я обратился 11 сего Октября за № 2203 въ Оберъ-Ландгерихтъ съ просьбой о доставленіи мнѣ на будущее время своихъ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ при препроводительныхъ бумагахъ. Но, къ сожалѣнію, Оберъ-Ландгерихтъ не изъявилъ согласія удовлетворить мою просьбу, ссылаясь на то, что установленіе такого порядка потребовало бы присоединенія, на основаніи закона 14 Сентября с. г., къ приговорамъ, составленнымъ на нѣмецкомъ языкѣ русскихъ переводовъ, чего Оберъ-Ландгерихтъ, своеобразно толкуя упомянутый законъ,

полагалъ избѣжать, посылая мнѣ приговоры безъ препроводительныхъ бумагъ, какъ дѣла своего внутренняго дѣлопроизводства.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такой взглядъ Оберъ-Ландгерихта совершенно ошибоченъ. Законъ 14 Сентября, упразднивъ всякое дѣлопроизводство и переписку на иностранныхъ діалектахъ въ Правительственныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскихъ Губерній, не допускаетъ даже и возможности полученія Губернаторомъ бумагъ или дѣлъ на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ, для веденія сихъ дѣлъ, было бы, хотя отчасти, сохранено нѣмецкое дѣлопроизводство, или хотя бы учреждена должность переводчика, чего, однако, упомянутымъ закономъ не установлено. Поэтому я не считаю себя болѣе въ правѣ принимать ни отъ одного учрежденія, въ томъ числѣ и отъ Оберъ-Ландгерихта и Магистрата, бумагъ, изложенныхъ не на русскомъ языкѣ. Слѣдовательно эти учрежденія обязаны препровождать мнѣ свои приговоры на русскомъ языкѣ безразлично отъ того, будутъ ли они сопровождаться препроводительными бумагами или нѣтъ.

Приводимыя сими судебными установленіями различныя затрудненія для оправданія своего желанія сохранить за собой исключительное право продолжать, вопреки закону 14 Сентября, пользоваться однимъ только нѣмецкимъ языкомъ и ссылка на то, что употребленіе ими Государственнаго языка при представленіи мнѣ и Губернскому Прокурору своихъ приговоровъ, можетъ отразиться на медленности дѣлопроизводства и на судьбѣ арестантовъ, какъ показалъ уже опытъ, лишены всякаго основанія. Медленность дѣлопроизводства въ мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ дѣйствительно велика и существуетъ искони, коренясь въ самомъ устройствѣ сихъ установленій, и Государственный языкъ въ этомъ отношеніи совершенно не при чемъ. Что-же касается того, что, вслѣдствіе переводовъ приговоровъ на русскій языкъ, арестанты будутъ отсиживать лишнее время въ заключеніи, то это замѣчаніе совершенно неосновательно, такъ какъ предъявленное Губернскимъ Прокуроромъ требованіе о доставленіи ему приговоровъ на русскомъ языкѣ, было безпрепятственно исполнено какъ Оберъ-Ландгерихтомъ, такъ и Магистратомъ, при чемъ это не вызвало никакихъ затрудненій въ исполненіи, и

протоколы были доставлены безъ всякаго промедленія въ обычный срокъ.

Сообщая вышеизложенное на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, имѣю честь покорнѣйше просить, не признаете ли Вы возможнымъ, въ интересахъ дѣла, предложить Эстляндскому Оберъ-Ландгерихту и Ревельскому Магистрату представлять мнѣ впредь свои приговоры по уголовнымъ дѣламъ при препроводительныхъ бумагахъ и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.

№ 32. Письмо Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Эстляндскому Губернатору отъ 28 Октября 1885 г. № 21270.

На представленія Вашего Сіятельства отъ 21 и 24 Октября с. г. за №№ 389 и 340 имѣю честь увѣдомить, что въ разговорѣ съ Графомъ Тизенгаузеномъ я дѣйствительно высказалъ мысль, что съ своей стороны не придаю особаго значенія формѣ приложенія перевода бумагъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ русскій текстъ, по изданному закону, долженъ считаться подлиннымъ и разрѣшилъ ему лично передать Вамъ это мое мнѣніе, но я вовсе не имѣлъ въ виду уполномачивать Графа Тизенгаузена дѣлать по этому предмету оффиціальное Вамъ сообщеніе, долженствующее имѣть характеръ распоряженія или рѣшенія. Это послѣднее, если бы оно признавалось мною нужнымъ, обращено было-бы, конечно, къ Вамъ непосредственно.

Вслѣдствіе сего и въ виду оффиціальной постановки вопроса и сообщеннаго Вами мнѣ постановленія Губернскаго Правленія, основаннаго на точномъ указаніи закона, считаю нужнымъ разъяснить, что сдѣланное Вами циркулярное распоряженіе подлежитъ точному исполненію.

Къ сему считаю не лишнимъ присовокупить, что слухамъ и частнымъ увѣреніямъ въ томъ, будто-бы предполагалось мною предложить Вашему Сіятельству не требовать полнаго примѣненія закона 14 Сентября, невозможно было предавать какую либо вѣроятность. Ваше Сіятельство въ бытность Вашу въ Петербургѣ выразили мнѣ вполнѣ правильное соображеніе о томъ, что, настаивая, на точномъ примѣненіи закона 14 Сентября, Вы сочтете необходимымъ на первое время принимать

во вниманіе тѣ затрудненія, которыя могли бы встрѣтиться для должностныхъ лицъ при усвоеніи новой формы сношеній и принимать зависящія отъ Васъ мѣры къ возможному облегченію имъ этого перехода. Объ этомъ мною и сказано Графу Тизенгаузену въ отвѣтъ на сѣтованіе по поводу встрѣчаемыхъ на мѣстѣ затрудненій.

Вмѣстѣ съ симъ мною дано надлежащее указаніе Эстляндскому Губернскому Предводителю Дворянства о необходимости точнаго исполненія сдѣланнаго Вами циркулярнаго распоряженія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Подлинное за надлежащею подписью.

№ 33. Отношеніе къ И. д. Эстляндскаго Губернскаго Предводителя Дворянства отъ 30 Октября 1885 г. за № 430 о признаніи Министромъ Вн. Дѣлъ правильнымъ толкованія Губернатора закона 14 Сентября.

Въ отношеніи отъ 24 сего Октября за № 583 Ваше Превосходительство изволили сообщить мнѣ, что Г. Губернскій Предводитель Дворянства Графъ Тизенгаузенъ увѣдомилъ Васъ, что Статсъ-Секретарь Дурново вполнѣ одобрилъ принятый мѣстными должностными лицами и присутственными мѣстами порядокъ приложенія перевода на томъ же листѣ, на которомъ писанъ русскій текстъ и что при этомъ Г-нъ Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ уполномочилъ Г. Предводителя Дворянства сообщить мнѣ о таковомъ его рѣшеніи вопроса.

Вслѣдствіе сего считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, что предложеніемъ отъ 28-го сего Октября за № 21270 Статсъ-Секретарь Дурново далъ мнѣ разъясненіе, что сдѣланное мною отъ 18 Октября за № 408, циркулярное распоряженіе, основанное на постановленіи Губернскаго Правленія, какъ вполнѣ законное, подлежитъ точному исполненію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Г. Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ меня, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду уполномачивать Графа Тизенгаузена дѣлать мнѣ по этому предмету оффиціальное сообщеніе, долженствующее имѣть характеръ

распоряженія или рѣшенія, такъ какъ, если бы въ такихъ указаніяхъ встрѣтилась надобность, то таковыя были бы мнѣ преподаны непосредственно самимъ Управлявшимъ Министерствомъ.

Сообщая вышеизложенное, льщу себя надеждой, что за послѣдовавшими нынѣ отъ Г. Статсъ-Секретаря Дурново указаніями и разъясненіями всѣ возникшія по данному вопросу недоразумѣнія могутъ считаться прекращенными.

№ 34. Циркуляръ Гакенрихтерамъ Эстляндской Губерніи отъ 4 Января 1886 г. за № 3.

На основаніи п. 3 Высочайшаго повелѣнія 14 Сентября 1885 г., установленія и власти, учрежденныя мѣстными крестьянскими и другими положеніями должны производить сношенія свои съ Правительственными учрежденіями и властями, поименованными въ п. 1 и 2 упомянутаго закона, на русскомъ языкѣ.

Принимая во вниманіе, что вотчинная полиція установлена въ Эстляндской Губерніи Высочайше утвержденнымъ 19 Февраля 1866 года Положеніемъ о волостномъ общественномъ управленіи въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ, предлагаю Вашему Высокоблагородію объявить лицамъ, завѣдующимъ вотчинной полиціей во ввѣренномъ Вамъ дистриктѣ, что, на основаніи п. 3 закона 14 Сентября 1885 г., они обязаны впредь производить переписку съ Правительственными учрежденіями и властями на языкѣ русскомъ, причемъ имъ не возбраняется, согласно того же пункта, къ оффиціальной перепискѣ прилагать нѣмецкіе переводы, руководствуясь при этомъ разъясненіями, данными мною въ циркулярномъ предложеніи отъ 18 Октября 1885 г. за № 407.

Объ исполненіи сего Вы имѣете мнѣ донести. Подписалъ: Губернаторъ Князь Шаховской.

№ 35. Циркуляръ Приходскимъ Судьямъ Эстляндской Губерніи отъ 11 Января 1886 г. за № 5.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія 14 Сентября 1885 г. сношенія волостныхъ правленій съ учрежденіями и властями Правительственными должны производиться на языкѣ русскомъ.

Для осуществленія сего закона необходимо, чтобы волостныя Правленія были снабжены писарями, въ достаточной мѣрѣ владѣющими русскимъ языкомъ.

Принимая во вниманіе, съ одной стороны, что упомянутый законъ долженъ быть въ точности осуществленъ, и съ другой, что немедленное повсемѣстное его примѣненіе могло бы поставить нѣкоторыя бѣднѣйшія волостныя Правленія въ крайне затруднительное положеніе по пріисканію писарей, удовлетворяющихъ указаннымъ выше требованіямъ. Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ виду предоставленнаго ему Журналомъ Комитета Министровъ 3 и 10 Сентября минувшаго года права давать надлежащія указанія по примѣненію новаго порядка къ низшимъ мѣстнымъ установленіямъ Прибалтійскихъ Губерній, нынѣ разрѣшилъ мнѣ отсрочивать для нѣкоторыхъ волостныхъ Правленій на непродолжительное, однакожъ, время примѣненіе закона 14 Сентября 1885 г., дозволяя имъ писать свои представленія на мѣстномъ нарѣчіи, но не распространяя такого изъятія на языкъ нѣмецкій, употребленіе котораго означенными Правленіями, не вызываясь никакими соображеніями практическаго свойства, не можетъ быть допущено.

Въ виду вышеизложеннаго, предлагаю Вашему Высокоблагородію, на основаніи параграфа 26 Волостного Положенія 19 Февраля 1866 г., немедленно принять слѣдующія мѣры:

1) предложить всѣмъ волостнымъ Правленіямъ ввѣреннаго Вамъ прихода въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня полученія настоящаго распоряженія озаботиться избраніемъ или назначеніемъ по найму волостныхъ писарей, владѣющихъ русскимъ языкомъ;

2) наблюсти, чтобы отнынѣ же волостными Правленіями была прекращена вовсе переписка на нѣмецкомъ языкѣ, т. е. чтобы помянутыя Правленія не только сами не отправляли, но и не принимали бы болѣе бумагъ, написанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ;

3) представить мнѣ свѣдѣнія о тѣхъ бѣднѣйшихъ волостныхъ Правленіяхъ, которыя, паче чаянія, очутились бы въ дѣйствительной невозможности исполнить въ указанный срокъ настоящее распоряженіе, съ подробнымъ изложеніемъ причинъ встрѣченныхъ затрудненій и затѣмъ ожидать относительно сихъ Правленій дальнѣйшихъ моихъ распоряженій.

Объ исполненіи сего имѣете мнѣ донести. Подписалъ: Губернаторъ Князь Шаховской.

№ 36. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 6 Октября 1887 г. за № 347 по вопросу о введеніи русскаго языка во внутреннее дѣлопроизводство мѣстныхъ учрежденій (дворянскихъ, городскихъ и др.).

Вслѣдствіе предложенія отъ 11 Іюля с. г. за № 1573 имѣю честь сообщить, что я вполнѣ раздѣляю мнѣніе, высказанное г. Курляндскимъ Губернаторомъ Д. С. С. Пащенко о необходимости распространить дѣйствіе закона 14-го Сентября 1885 г. и на тѣ мѣстныя учрежденія, для которыхъ въ немъ сдѣланы изъятія, въ силу коихъ они продолжаютъ и понынѣ, сносясь съ Правительственными учрежденіями на русскомъ языкѣ, вести внутреннее свое дѣлопроизводство, а равно и сношенія между собою на языкѣ нѣмецкомъ.

Трудно было бы найти хотя какое-нибудь серьезное основаніе къ тому, чтобы съ точки зрѣнія принципіальной оправдать возможность веденія оффиціальнаго дѣлопроизводства въ русскихъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи русскихъ государственныхъ законовъ, на какомъ-либо иномъ языкѣ, какъ на русскомъ, государственномъ. Если доселѣ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскаго края, дѣятельность которыхъ установлена законами Имперіи, и были допущены изъятія изъ этого основного государственнаго принципа, то эти изъятія не могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ временныя, вызванныя соображеніями чисто практическаго свойства. Для того, чтобы рѣшить, насколько нынѣ практически осуществимы соображенія, высказанныя г. Курляндскимъ Губернаторомъ, слѣдуетъ, выяснить прежде всего, могутъ ли теперь же считаться устраненными тѣ мѣстныя затрудненія, которыми могли быть оправданы упомянутыя изъятія изъ общаго государственнаго принципа.

Во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ различныя должности занимались и занимаются исключительно уроженцами Прибалтійскаго края, получившими образованіе въ здѣшнихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и Дерптскомъ университетѣ, въ которыхъ все преподаваніе производилось на нѣмецкомъ языкѣ. Послѣ изданія закона 14 Сентября 1885 года сказалась настоятельная необходимость въ немедленномъ преобразованіи учебныхъ заведеній края. Министерство Народнаго

Просвѣщенія уже приняло соотвѣтствующія этой цѣли мѣры и съ нынѣшняго года началось преобразованіе низшихъ и среднихъ нѣмецкихъ учебныхъ заведеній въ русскія. Не подлежитъ сомнѣнію, что вслѣдъ за реформой средне-учебныхъ заведеній послѣдуетъ и преобразованіе Дерптскаго университета. Но какъ бы успѣшно не осуществлялась эта реформа, во всякомъ случаѣ пройдетъ не менѣе 12—15 лѣтъ, пока преобразованныя мѣстныя учебныя заведенія не подготовятъ дѣятелей, соотвѣтствующихъ вполнѣ тѣмъ дѣятелямъ, которые получаютъ подготовку въ учебныхъ заведеніяхъ внутреннихъ губерній Имперіи. Если въ направленіи Правительственной политики по отношенію къ Прибалтійскому краю не произойдетъ никакихъ измѣненій или колебаній, то можно надѣяться, что черезъ 15—20 лѣтъ, возбуждаемый нынѣ Д. С. С. Пащенко вопросъ, разрѣшится самъ собой вполнѣ естественно, ибо къ тому времени воспитанники преобразованныхъ учебныхъ заведеній края будутъ владѣть русскимъ языкомъ не хуже, если не лучше, чѣмъ нѣмецкимъ. Но дѣло въ томъ, слѣдуетъ ли ожидать этого естественнаго хода вещей или же представляется возможность, разрѣшить этотъ вопросъ ранѣе.

Законъ 14 Сентября 1885 г. былъ изданъ до начала преобразованія учебныхъ заведеній края. Между тѣмъ примѣненіе сего закона не вызвало на практикѣ никакихъ существенныхъ затрудненій. Полицейская и Судебная реформы ожидаются въ самомъ непродолжительномъ времени и, я увѣренъ, что осуществленіе ихъ совершится тоже безъ затрудненій, не смотря на то, что дѣлопроизводство въ преобразованныхъ полицейскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ будетъ производиться исключительно на русскомъ языкѣ. Какъ законъ 14 Сентября 1885 г. не былъ поставленъ въ зависимость отъ языка преподаванія въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ равно и остальныя ожидаемыя въ Краѣ реформы не могли бы зависѣть отъ времени окончанія начатыхъ уже въ учебномъ вѣдомствѣ преобразованій. Какъ законъ 14 Сентября 1885 г. послужилъ толчкомъ для начатія учебной реформы, такъ преобразованіе полиціи и суда естественно послужатъ съ своей стороны толчкомъ для болѣе скораго, чѣмъ предполагается, ея довершенія. Иной связи между этими преобразованіями установить нельзя.

Отставъ по времени отъ остальныхъ реформъ въ Краѣ, учебная реформа должна будетъ закрѣпить направленіе предшествовавшихъ реформъ, установивъ болѣе тѣсную по языку связь между русскими подданными различныхъ національностей. Такимъ образомъ прежде всего усматривается, что нѣтъ никакой необходимости требованіе о веденіи мѣстными учрежденіями дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ ставить въ зависимость отъ окончательнаго осуществленія учебной реформы въ Краѣ, что естественно повело бы къ отсроченію нынѣ же настоятельно необходимыхъ реформъ полиціи и суда, по крайней мѣрѣ еще на 15—20 лѣтъ. Слѣдовательно, остается разсмотрѣть, возможно ли нынѣ предъявить къ мѣстнымъ учрежденіямъ требованіе о веденіи дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ.

Приступая къ сему, я полагаю раздѣлить мѣстныя учрежденія, по ихъ составу, на двѣ группы: къ первой, обладающей вполнѣ однороднымъ составомъ, относятся всѣ дворянскія учрежденія; ко второй—городскія общественныя, составленныя изъ весьма разнообразныхъ и разнородныхъ элементовъ.

На всѣ дворянскія учрежденія законъ 14 Сентября 1885 г. можетъ быть, по моему мнѣнію распространенъ нынѣ же, безъ особенныхъ практическихъ затрудненій. Дѣйствительно, нынѣ во всѣхъ дворянскихъ учрежденіяхъ русскому языку уже отведено мѣсто, хотя на ряду съ нимъ сохраненъ и нѣмецкій. Внутреннее дѣлопроизводство въ сихъ учрежденіяхъ оставлено на прежнемъ основаніи и исключительно ради переписки этихъ учрежденій между собою. Но если каждое изъ этихъ учрежденій въ отдѣльности вполнѣ удовлетворительно и безпрепятственно сносится на русскомъ языкѣ съ Правительственными учрежденіями, то, казалось бы, не могло бы встрѣтиться никакихъ препятствій къ сношенію ихъ и между собою на томъ же, русскомъ языкѣ. Установленіе же такого, вполнѣ осуществимаго, однообразнаго порядка сношеній между всѣми дворянскими учрежденіями Края, вызвало бы упраздненіе особаго нѣмецкаго въ нихъ дѣлопроизводства, что въ свою очередь могло бы только способствовать сокращенію расходовъ на содержаніе этого отдѣльнаго дѣлопроизводства. Я не усматриваю также никакихъ препятствій къ тому, чтобы и дѣлопроизводство на дворянскихъ Ландтагахъ производилось исключительно на русскомъ языкѣ. Ландтагъ состоитъ изъ

дворянъ-землевладѣльцевъ. Каждый изъ такихъ дворянъ есть начальникъ мызной или вотчинной полиціи въ своемъ имѣніи. Начальники же вотчинныхъ полицій обязаны сноситься и сносятся съ Правительственными учрежденіями (Губернаторъ, Губернское Правленіе, Казенная Палата, Управленіе Госуд. Имуществъ, Акцизное Управленіе, Таможня, Пограничная стража и др.) исключительно на русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, если каждый изъ дворянъ, исполняя возложенную на него закономъ обязанность начальника мѣстной полиціи, не встрѣчаетъ препятствій сноситься съ Прав. учрежденіями на русскомъ языкѣ, то чѣмъ же могли бы быть оправданы препятствія въ сношеніи ихъ между собой по-русски, когда они собраны на Ландтагѣ для исполненія тоже возложенныхъ закономъ и притомъ на всѣхъ ихъ вмѣстѣ обязанностей. Вышеизложенное приводитъ къ несомнѣнному заключенію не только о возможности, но и необходимости одновременно съ реформами полиціи и суда ввести все дѣлопроизводство во всѣхъ остающихся непреобразованными мѣстныхъ дворянскихъ учрежденіяхъ, безъ всякихъ изъятій, на русскомъ языкѣ. Но если бы, паче чаянія, реформы полиціи и суда не могли бы почему либо получить скораго примѣненія въ Краѣ, то, по моему мнѣнію, слѣдовало бы, не ожидая ихъ осуществленія, распространить законъ 14 Сентября 1885 г. на всѣ безъ исключенія мѣстныя, непреобразованныя учрежденія.

Нѣсколько въ иномъ положеніи находятся городскія общественныя управленія, составленныя изъ случайныхъ и весьма разнообразныхъ элементовъ и притомъ такихъ, которые подвержены измѣненіямъ черезъ каждые четыре года. По этому къ нимъ и не можетъ быть примѣнена та точка зрѣнія, которая оправдывается вполнѣ однороднымъ и постояннымъ составомъ дворянскихъ учрежденій. Если по отношенію къ послѣднимъ, вслѣдствіе упомянутаго ихъ свойства, представляется совершенно безразличнымъ съ точки зрѣнія удобоисполнимости, когда именно предъявить къ нимъ требованіе о веденіи дѣлопроизводства исключительно на русскомъ языкѣ, сейчасъ-ли или черезъ 3, 5, или 10 лѣтъ, то по отношенію къ городскимъ общественнымъ учрежденіямъ тоже самое требованіе находится въ связи со степенью знакомства наличнаго состава гласныхъ съ русскимъ языкомъ, при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что данный составъ гласныхъ не можетъ быть

измѣненъ ранѣе окончанія срока, на который гласные избраны. По сему, для правильнаго разрѣшенія вопроса — можетъ ли быть нынѣ же введенъ въ дѣлопроизводство городскихъ думъ русскій языкъ, слѣдуетъ прежде всего выяснить, на сколько каждый изъ гласныхъ наличнаго состава владѣетъ этимъ языкомъ. Съ этою цѣлью мною составленъ прилагаемый при семъ списокъ наличнаго состава гласныхъ всѣхъ городскихъ общественныхъ учрежденій Эстляндской губерніи. Въ этомъ спискѣ противъ фамиліи каждаго гласнаго обозначено: въ 1-й графѣ— которое четырехлѣтіе онъ состоитъ гласнымъ; во 2-й—исповѣданіе, въ 3-й, 4-й и 5-й—степень знанія языковъ русскаго, нѣмецкаго и эстонскаго; въ 6-й направленіе; въ 7-й—родъ занятій и другія свѣдѣнія, характеризующіе гласнаго. Хорошее знаніе языка изображено отмѣткой 1; слабое знаніе -2; отсутствіе знанія—3. Изъ этого списка явствуетъ, что:

	знаютъ русскій языкъ хорошо	слабо	не знаютъ
въ Ревельской Городской Думѣ . . .	47	12	11
„ Гапсальской „ „ . . .	15	12	1
„ Везенбергской „ „ . . .	18	10	2
„ Вейссенштейнской „ „ . . .	7	14	9
„ Балтійско-Портской „ „ . . .	9	9	9

Съ перваго взгляда эта таблица, казалось бы, должна привести къ отрицательному заключенію, т. е. что въ настоящее время, при наличномъ составѣ гласныхъ Городскихъ Думъ Эстляндской губерніи, ни въ одной изъ нихъ нельзя вести дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ, ибо въ составѣ каждой изъ нихъ находится большее или меньшее количество гласныхъ, вовсе незнающихъ русскаго языка. Но если стать на такую точку зрѣнія, то оказалось бы, что за исключеніемъ г. Вейссенштейна, ни въ одномъ изъ общественныхъ учрежденій остальныхъ городовъ Эстляндіи, не могло бы быть допущено производство дѣлъ и на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ въ составѣ гласныхъ встрѣчаются лица, вовсе незнающія этого языка. Такъ, въ Ревельской Городской Думѣ такихъ гласныхъ 9, въ Балтійско-Портской—8, въ Гапсальской и Везенбергской по одному. Если прибавить къ этому, что въ числѣ гласныхъ Ревельской Городской Думы находятся 6 человѣкъ незнающихъ эстонскаго языка, то естественно придти къ за-

ключенію, что въ общественныхъ учрежденіяхъ городовъ со смѣшаннымъ населеніемъ, незнаніе частью гласныхъ какого-либо изъ употребительныхъ на мѣстѣ языковъ, есть явленіе обычное и при томъ не препятствующее дѣятельности учрежденія. Относясь по этому къ данному явленію, какъ къ неизбѣжному факту, надлежитъ разрѣшить вопросъ, какому именно изъ двухъ языковъ (объ эстонскомъ разумѣется и рѣчи быть не можетъ) слѣдуетъ въ каждомъ изъ городскихъ общественныхъ учрежденій отдать въ данную минуту предпочтеніе, принимая при этомъ, главнымъ образомъ, во вниманіе, чтобы отъ способа разрѣшенія этого вопроса не произошло ущерба для дѣла.

Такъ какъ большая часть вопросовъ въ думахъ разрѣшается абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, и лишь для нѣкоторыхъ требуется большинство $^2/_3$ голосовъ наличнаго состава гласныхъ, то казалось бы, вполнѣ справедливымъ установить, чтобы дѣлопроизводство на государственномъ языкѣ велось въ тѣхъ городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ, въ составѣ которыхъ болѣе половины всѣхъ гласныхъ хорошо знаютъ русскій языкъ и болѣе $^3/_4$ всѣхъ гласныхъ этимъ языкомъ вообще могутъ владѣть.

Съ этой точки зрѣнія все дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ можетъ быть нынѣ же введено въ городскихъ общественныхъ управленіяхъ Ревельскомъ, Гапсальскомъ и Везенбергскомъ. Что же касается до Вейссенштейнской и Балтійско-Портской городскихъ Думъ, то я полагалъ бы преждевременнымъ, нынѣ же предъявить къ нимъ подобное требованіе. Но, чтобы не дѣлать для нихъ исключенія, я находилъ бы возможнымъ нынѣ же потребовать, чтобы протоколы засѣданій сихъ Думъ, а равно и доклады Управѣ излагались бы не только на нѣмецкомъ языкѣ, но и на русскомъ и чтобы гласнымъ было разрѣшено произносить въ засѣданіяхъ рѣчи не на одномъ только нѣмецкомъ языкѣ, какъ это установлено нынѣ, но также и на русскомъ, кому изъ нихъ какъ удобнѣе. При этомъ такой порядокъ слѣдовало бы сохранить только на текущее четырехлѣтіе, предупредивъ, что при новомъ составѣ гласныхъ все дѣлопроизводство должно вестись исключительно на одномъ русскомъ языкѣ. Такое предупрежденіе дастъ возможность при новыхъ выборахъ составить эти Думы изъ лицъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ.

Итакъ, ввиду всего вышеизложеннаго я прихожу къ слѣдующему заключенію:

1. Во всѣхъ дворянскихъ учрежденіяхъ въ губерніи надлежитъ вести дѣлопроизводство исключительно на одномъ русскомъ языкѣ одновременно съ реформами полиціи и суда, если эти реформы послѣдуютъ въ будущемъ году. Если же эти реформы будутъ вновь отложены и при томъ на неопредѣленное время, то, ввиду вполнѣ основательныхъ соображеній, высказанныхъ г. Курляндскимъ Губернаторомъ, слѣдовало бы распространить законъ 14 Сентября 1885 г. на все дѣлопроизводство всѣхъ безъ исключенія дворянскихъ учрежденій въ губерніи съ 1 Января будущаго года.

2. Равнымъ образомъ слѣдовало бы ввести, безъ всякихъ изъятій, дѣлопроизводство исключительно на русскомъ языкѣ и съ того же срока въ слѣдующихъ городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ: Ревельскомъ, Гапсальскомъ и Везенбергскомъ.

3. Въ городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ Вейссенштейнскомъ и Балтійско-Портскомъ ввести дѣлопроизводство на изложенныхъ въ пунктѣ 2 основаніяхъ, начиная со слѣдующаго выборнаго четырехлѣтняго періода, обязавъ вмѣстѣ съ тѣмъ эти учрежденія нынѣ же составлять доклады Управы и протоколы Думы не на одномъ только нѣмецкомъ языкѣ, но и на русскомъ, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ гласнымъ излагать въ засѣданіяхъ свои мнѣнія не только по-нѣмецки, но и по-русски, кому какой языкъ болѣе извѣстенъ.

Въ заключеніе долгомъ считаю доложить В. С-ву, что проектируемое Правительственное мѣропріятіе безъ всякаго сомнѣнія вызоветъ на мѣстѣ въ малочисленной, но вліятельной нѣмецкой группѣ дѣятелей большой ропотъ и раздраженіе. Но этимъ, казалось бы, смущаться не слѣдовало, такъ какъ подобная участь предстоитъ каждому Правительственному мѣропріятію, не соотвѣтствующему цѣлямъ и идеаламъ нѣмецкой части населенія Края. Изданіе закона 14 Сентября 1885 г. вызвало небывалое еще въ Краѣ по своей силѣ раздраженіе среди нѣмецкихъ группъ. Но это раздраженіе разбилось весьма скоро о ту непоколебимую твердость и послѣдовательность, съ которой этотъ законъ былъ приведенъ въ дѣйствительное на этотъ разъ исполненіе. Спасительное дѣйствіе проявленной Правительствомъ силы и твердости въ

осуществленіи предпринятой имъ въ законѣ 14 Сентября 1885 г. мѣры, указываетъ тотъ единственно дѣйствительный путь, которымъ съ успѣхомъ могли бы быть осуществимы въ Краѣ всѣ дальнѣйшія Правительственныя мѣропріятія.

№ 37. Письмо къ Товарищу Министра Вн. Дѣлъ Н. И. Шебеко отъ 17 Августа 1888 г. за № 214 по вопросу о языкѣ сношеній Правительственной и мызной полицій.

Милостивый Государь, Николай Игнатьевичъ.

Вслѣдствіе конфиденціальнаго письма отъ 13 сего Августа за № 2129, имѣю честь обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшей просьбой разрѣшить мнѣ не помѣщать въ циркулярномъ предписаніи новымъ чинамъ Полиціи слѣдующихъ указаній, заключающихся въ упомянутомъ письмѣ за № 2129: „принимать же сообщенія отъ представи-„телей мызной Полиціи они могутъ и на нѣмецкомъ языкѣ „и на мѣстныхъ нарѣчіяхъ“. Эти слова могли бы породить на мѣстѣ новыя сомнѣнія въ устойчивости правительственныхъ мѣропріятій въ краѣ и окрылить надежды здѣшнихъ сепаратистовъ, кои усмотрѣли бы въ этомъ крупную свою побѣду и притомъ въ такомъ вопросѣ, который только что былъ Правительствомъ проведенъ въ жизнь съ большою твердостью и настойчивостью, не смотря на дружное противодѣйствіе всѣхъ мѣстныхъ нѣмецкихъ элементовъ.

Рядомъ циркулярныхъ разъясненій и распоряженій по отдѣльнымъ случаямъ удалось, наконецъ, добиться того, что Волостныя Правленія и Мызныя Полиціи сносятся съ Правительственными учрежденіями не иначе, какъ на государственномъ языкѣ. Губернское Правленіе, Губернскій Прокуроръ, Казенная Палата, Акцизное Управленіе, Воинскія Присутствія и др. Учрежденія не принимаютъ отъ упомянутыхъ низшихъ органовъ донесеній и сообщеній иначе, какъ на русскомъ языкѣ. Всѣ бумаги, поступавшія по изданіи Закона 14 Сентября 1885 года на нѣмецкомъ языкѣ или на мѣстномъ нарѣчіи Губернскими и Уѣздными Правительственными учрежденіями возвращались отправителямъ и я привлекалъ ихъ къ отвѣтственности за нарушеніе Закона. Со введеніемъ съ 1-го Сентября въ уѣздахъ Эстляндской Губерніи Правительственной Полиціи прибавится

только еще одно Правительственное учрежденіе, съ которымъ Волостная и Мызная Полиція должны будутъ сноситься на Государственномъ языкѣ. Полицейская реформа имѣетъ цѣлью расширить сферу Правительственнаго вліянія и усилить государственныя начала въ краѣ, въ ряду которыхъ по мѣстнымъ условіямъ, Государственный языкъ имѣетъ первенствующее значеніе.

Въ отчетѣ о положеніи дѣлъ въ краѣ за 1884—1886 г.г., прочитанномъ на минувшемъ Эстляндскомъ Ландтагѣ бывшимъ Предводителемъ отъ Дворянства, Гр. Тизенгаузенъ заявилъ, что дворянство считаетъ Законъ 14 Сентября 1885 г. „вторгательствомъ Правительства въ существующій правовой „порядокъ, которое должно во всѣхъ отношеніяхъ видоизмѣ„нить управленіе сословій и корпорацій, приходовъ и общинъ „въ Эстляндіи". Неужели-же и само Правительство признало нынѣ нужнымъ присоединиться къ такому взгляду Эстляндскаго Предводителя Дворянства и принять мѣры къ тому, чтобы оберечь „приходы и общины" Эстляндіи отъ „вторгательства" Государственнаго языка и притомъ въ такую минуту, когда вводится Правительственная Полиція, долженствующая усилить Правительственное вліяніе и укрѣпить государственныя начала въ этихъ же самыхъ „приходахъ и общинахъ".

Изъ прилагаемыхъ циркулярныхъ предложеній моихъ Гакенрихтерамъ и Приходскимъ Судьямъ Эстляндской Губерніи отъ 4 и 11 Января 1886 г. за №№ 3 и 5, Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, что предлагаемое Вами изданіе новаго циркулярнаго распоряженія, въ которомъ давалось бы разрѣшеніе мызной и волостной Полиціямъ сноситься съ чинами Правительственной Полиціи на нѣмецкомъ языкѣ и мѣстномъ нарѣчіи, повело бы къ отмѣнѣ ранѣе изданныхъ мною по сему предмету распоряженій и имѣло бы значеніе крупнаго попятнаго движенія въ томъ направленіи, которое съ такимъ трудомъ, съ тяжелой борьбой удалось наконецъ поставить здѣсь на твердыхъ началахъ.

Въ виду всего изложеннаго, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство вовсе не публиковать циркуляра о языкѣ сношеній чиновъ Правительственной Полиціи съ другими учрежденіями. Этотъ вопросъ поставленъ здѣсь твердо и никакихъ сомнѣній болѣе не возбуждаетъ. Опубли-

кованіе же подобнаго циркуляра можетъ повести къ прискорбнымъ для успѣха Правител. политики послѣдствіямъ и вновь возбудить только что улегшуюся по этому вопросу борьбу. Мызная и Волостная Полиціи обязаны сноситься со всѣми безъ изъятія Правительственными учрежденіями исключительно на Государственномъ языкѣ, что и исполняютъ теперь безъ затрудненій, и въ будущемъ я не предвижу въ этомъ отношеніи никакихъ затрудненій. Что же касается до частныхъ лицъ, то имъ и нынѣ не возбраняется и впредь не будетъ запрещено подавать прошенія и жалобы на какомъ угодно языкѣ, не исключая и нѣмецкаго.

Съ глубокимъ почтеніемъ и т. д.

№ 38. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 22 Февраля 1889 г. за № 45 о своевременности введенія русскаго языка въ общественное собраніе и дѣлопроизводство Ревельской Городской Думы.

На основаніи п. 9 Высочайше утвержденныхъ 26 Марта 1877 г. Правилъ, о примѣненіи Городового Положенія къ городамъ Прибалтійскихъ Губерній *допущено впредь до особыхъ распоряженій* употребленіе въ общественныхъ собраніяхъ и дѣлопроизводствѣ учрежденій Городского Общественнаго Управленія (ст. 15 Гор. Пол.), независимо отъ русскаго, также и нѣмецкаго языка.

Принимая во вниманіе, что среди обывателей города Ревеля знаніе Государственнаго языка нынѣ достаточно распространено, я признавалъ бы вполнѣ своевременнымъ изданіе тѣхъ, упоминаемыхъ въ п. 9 закона 26 Марта 1877 года, *особыхъ распоряженій*, которыя прекратили бы на будущее время употребленіе нѣмецкаго языка, какъ въ Ревельскомъ Городскомъ Общественномъ Собраніи, такъ и въ дѣлопроизводствѣ Городской Управы и другихъ органовъ Городского Управленія.

Предстоящіе осенью сего года выборы новыхъ гласныхъ въ Ревельскую Городскую Думу представляютъ вполнѣ удобный для сего поводъ.

Эта мѣра не только не встрѣтитъ на практикѣ никакихъ затрудненій, но и дастъ возможность избавить будущій со-

ставъ Думы отъ такихъ дѣятелей, которые обращаютъ снисходительность закона къ ихъ слабому знанію русскаго языка въ особое политическое право, якобы присвоенное закономъ мѣстному населенію для огражденія его обособленности отъ остальныхъ частей Имперіи.

Считая излишнимъ доказывать саму по себѣ очевидную для Государственныхъ цѣлей въ мѣстномъ краѣ необходимость въ возможно болѣе широкомъ распространеніи среди населенія знанія русскаго, Государственнаго языка, а тѣмъ паче въ Высочайше дарованныхъ населенію учрежденіяхъ я считаю въ настоящемъ представленіи лишь долгомъ своимъ доложить Вашему Сіятельству, что для введенія русскаго языка въ Общественное Собраніе и дѣлопроизводство Ревельской Городской Думы наступилъ нынѣ весьма благопріятный моментъ, которымъ необходимо было бы воспользоваться въ интересахъ дальнѣйшихъ успѣховъ Правительственныхъ мѣропріятій на здѣшней окраинѣ.

№ 39. Отношеніе въ Департаментъ Общихъ Дѣлъ М-ва Вн. Дѣлъ отъ 27 Іюня 1890 г. за № 207 о введеніи русскаго языка во внутреннее дѣлопроизводство и сношенія обществъ, существующихъ на основаніи утвержденныхъ Правительствомъ Уставовъ.

Вслѣдствіе отношенія отъ 13 сего Іюля за № 10096, имѣю честь сообщить Департаменту, что, ввиду послѣдовавшихъ въ Краѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ преобразованій, нынѣ представляется особенная настоятельность въ возможно скорѣйшемъ принятіи мѣръ къ окончательному установленію за русскимъ языкомъ значенія языка оффиціальнаго.

Поддерживая и нынѣ мнѣніе, высказанное мною въ представленіи Г. Министру отъ 6 Октября 1887 г. за № 347, считаю долгомъ къ изложенному въ немъ присовокупить во-первыхъ, что закономъ 9 Ноября 1889 года вполнѣ обезпеченъ порядокъ постепеннаго введенія русскаго языка въ дѣлопроизводство и сужденіе мѣстныхъ городскихъ общественныхъ управленій, и во-вторыхъ, что безотлагательное введеніе русскаго языка: а) во внутреннее дѣлопроизводство дворянскихъ учрежденій (Ландтагъ, Уѣздныя дворянскія Собранія, Дворян-

скій Комитетъ, Кредитная Дворянская касса, Эстляндская Евангелическо-Лютеранская Консисторія, Главныя Церковныя Попечительства, Конвенты и др.); б) въ сношеніи ихъ между собою и в) въ сужденія, происходящія въ публичныхъ засѣданіяхъ сихъ учрежденій, явилось бы мѣрою не только болѣе чѣмъ своевременною, но и крайне полезною для сихъ учрежденій, въ смыслѣ послѣдовательной, переходной ступени къ ихъ преобразованію, проектированному Особымъ Совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ Т. С. Сенатора Плеве, обсуждавшимъ этотъ вопросъ въ минувшемъ году въ С.-Петербургѣ.

Такъ какъ требованія Государственной необходимости заставляютъ желать, чтобы принимаемыя Правительствомъ въ здѣшнемъ Краѣ мѣропріятія не останавливались на полпути и не скользили по поверхности, затрагивая лишь случайно выдвинувшіяся по той или другой причинѣ стороны мѣстной жизни, а напротивъ того, развивались бы по строго опредѣленной программѣ, то и въ данномъ вопросѣ, какъ и въ прочихъ, необходимо Правительству идти къ намѣченной цѣли послѣдовательно, неуклонно-твердо и при томъ не только не теряя связи съ тѣми принципами, которые были положены въ основаніе даннаго вопроса пять лѣтъ тому назадъ, но развивая эти принципы въ томъ же направленіи. Считая настоящее время наиболѣе благопріятнымъ для распространенія употребленія государственнаго языка въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, я позволю себѣ указать на благовременность и необходимость испрошенія Высочайшаго соизволенія на введеніе обязательнаго употребленія государственнаго языка въ дѣлопроизводствѣ, сужденіяхъ и сношеніяхъ учрежденій и обществъ, существующихъ на основаніи утвержденныхъ Правительствомъ уставовъ. Къ числу такихъ обществъ и учрежденій, между проч. относятся: Мѣстное Управленіе Россійскаго Общества Краснаго Креста, Отдѣленіе Общества Спасанія на водахъ, Попечительство о слѣпыхъ, Морской Яхтъ-Клубъ, Сельско-Хозяйственное Общество, Общество Исторіи и Древностей, Литературное Общество, Биржевой Комитетъ, Собранія Гильдій Св. Канута и Черноголовыхъ и проч., существующія на основаніи особыхъ уставовъ, утвержденныхъ Правительствомъ. Не слѣдуетъ при этомъ терять изъ виду, что первые три изъ упомянутыхъ обществъ состоятъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы и по-

тому сохраненіе въ нихъ доселѣ оффиціальнаго употребленія нѣмецкаго языка послѣ вполнѣ опредѣленно выраженной въ законѣ 14 Сентября 1885 г. Высочайшей воли о предоставленіи государственному языку въ Приб. Краѣ значенія языка оффиціальнаго, представляется явленіемъ болѣе чѣмъ неестественнымъ, являя примѣръ нарушенія Высочайшей воли учрежденіями, которыя должны бы считать себя особо счастливыми тѣмъ, что состоятъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ, что, казалось, должно было бы налагать на нихъ особенную заботу сообразоваться съ волею Государя Императора.

Въ заключеніе считаю долгомъ присовокупить, что я не предвижу никакихъ затрудненій въ примѣненіи этой Правительственной мѣры. Во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и обществахъ, возникшихъ послѣ 1885 года, государственный языкъ получилъ уже значеніе языка оффиціальнаго и обязательнаго и примѣненіе его не вызвало ни протестовъ, ни затрудненій.

№ 40. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 13 Февраля 1891 г. за № 54 о своевременности введенія обязательнаго употребленія русскаго языка во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ общественныхъ управленій г.г. Везенберга, Гапсаля и Балтійскаго Порта.

Руководствуясь п. 2 Именнаго Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату отъ 9 Ноября 1889 года, имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбой, не изволите ли признать благовременнымъ и возможнымъ распространить дѣйствіе п. 1 упомянутаго Указа относительно обязательнаго употребленія исключительно русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ и сужденіяхъ Городскихъ Общественныхъ Управленій слѣдующихъ уѣздныхъ городовъ ввѣренной мнѣ Губерніи: Везенберга, Гапсаля и Балтійскаго Порта. Въ г. Везенбергѣ изъ 27 гласныхъ только двое эстонцевъ не владѣютъ русскимъ языкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не понимаютъ и по-нѣмецки. Въ Гапсалѣ всѣ 29 гласныхъ знаютъ русскій языкъ, но 7 изъ нихъ владѣютъ Государственнымъ языкомъ менѣе свободно, вслѣдствіе малой практики

въ разговорномъ его употребленіи. Въ Балтійскомъ Портѣ изъ 21 гласнаго—16 хорошо знаютъ русскій языкъ и только 5 его не знаютъ.

Что же касается до г. Вейссенштейна, въ которомъ изъ 26 гласныхъ только 8 владѣютъ русскимъ языкомъ, то я затруднился бы ходатайствовать о распространеніи на него нынѣ же постановленій, содержащихся въ п. 1 Высочайшаго Указа отъ 9 Ноября 1889 г. Но, принимая во вниманіе, что въ Маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года должны состояться выборы гласныхъ въ Вейссенштейнскую Думу на новое четырехлѣтіе, я полагалъ бы необходимымъ примѣнить упомянутое Высочайшее повелѣніе къ новому составу гласныхъ, о чемъ своевременно, до начала выборовъ и объявить Вейссенштейнскому Городскому Общественному Управленію, отъ котораго будетъ зависѣть принятіе надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы въ новый составъ Думы были избраны гласные, владѣющіе русскимъ языкомъ.

II.

ДОКУМЕНТЫ,

относящіеся до дворянства.

№ 41. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 17 Мая 1886 г. за № 287 о попыткѣ Эстляндскаго дворянства вызвать среди крестьянъ искусственнымъ путемъ замѣшательства и о необходимости не откладывать введеніе полицейской реформы.

Въ теченіи весеннихъ мѣсяцевъ настоящаго года со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ и выборныхъ дворянскихъ чиновниковъ поступили ко мнѣ столь необычайныя заявленія, что я въ настоящее время затрудняюсь опредѣлить истинную ихъ цѣль. Телеграммами, частными письмами, личными сообщеніями означенныя лица пытались меня увѣрить, что на мѣстахъ среди крестьянскаго населенія проявляются знаки тревожнаго настроенія умовъ, выражающіеся въ попыткахъ къ самоуправству, къ коллективнымъ отказамъ въ принятіи отъ помѣщиковъ арендныхъ условій, въ неповиновеніи властямъ и даже въ оскорбленіи должностныхъ лицъ. При этомъ виновниками затрудненій выставлялись ими то чины корпуса жандармовъ, то Губернское Правленіе, то Православные Священники. Для усмиренія непокорныхъ помѣщики въ настойчивыхъ выраженіяхъ требовали то личнаго моего прибытія на мѣсто, то немедленнаго вызова въ Губернское Правленіе волостныхъ должностныхъ лицъ, то присылки на мѣсто воинской команды. По тщательному разслѣдованію этихъ тревожныхъ сообщеній Губернскимъ Жандармскимъ Начальствомъ, однако, въ принятіи сколько нибудь энергичныхъ мѣръ не встрѣтилось никакой необходимости; свидѣтельство помѣщиковъ и выборныхъ дворянскихъ чиновниковъ о безпокойномъ состояніи крестьянскаго населенія не оправдались. Сообщенныя мнѣ заявленія оказались сильно преувеличенными и заключали въ себѣ очевидную попытку меня напугать и вынудить къ спѣшному принятію чрезвычайныхъ мѣръ. Для чего

употреблялась эта попытка, какая задняя мысль таилась въ этомъ фальшивомъ, преувеличенномъ и ложномъ освѣщенiи происходившихъ случаевъ, я буду имѣть честь представить ниже послѣ обозрѣнiя самыхъ фактовъ, подавшихъ поводъ представителямъ мѣстнаго дворянства къ лжетолкованiямъ.

1. 28 Марта текущаго года Эстляндскiй Предводитель Дворянства въ присутствiи Начальника Жандармскаго Управленiя словесно заявилъ мнѣ, что въ имѣнiи Сомпе, арендуемомъ сыномъ Ландрата Беромъ, жандармскiе унтеръ-офицеры встрѣчаются на каждомъ шагу. Они, будто, снуютъ между крестьянскимъ населенiемъ, распрашивая его о количествѣ платимыхъ имъ повинностей и въ томъ числѣ фуражнаго на почтовыя станцiи довольствiя, объясняютъ крестьянамъ, что съ нихъ не вправѣ требовать этого довольствiя. По мнѣнiю Предводителя, такiе распросы и объясненiя, исходя отъ должностныхъ лицъ, легко могутъ повести къ тому послѣдствiю, что крестьяне вообще откажутся отъ платежа повинностей. По разслѣдованiю, произведенному на мѣстѣ Начальникомъ Жандармскаго Управленiя, оказалось, что заявленiе Предводителя Дворянства не имѣло не только основанiя, но и тѣни вѣроятiя. Когда отъ Графа Тизенгаузена были затребованы свѣдѣнiя о томъ, какiя именно данныя онъ имѣлъ для своего заявленiя объ агитацiи, производимой среди населенiя жандармскими унтеръ-офицерами, Предводитель Дворянства сослался на общiе слухи и извѣстiя, полученныя частнымъ путемъ.

Оффицiальное, въ присутствiи Начальника Жандармскаго Управленiя, заявленiе Губернатору со стороны представителя дворянства завѣдомо ложнаго извѣстiя, заявленiе, сдѣланное до его разслѣдованiя на мѣстѣ въ категорической формѣ, не можетъ быть объяснено простою наивностью или желанiемъ подѣлиться съ Губернскимъ Начальствомъ „общимъ слухомъ". Графъ Тизенгаузенъ, сообщая объ извѣстной ему агитацiи чиновъ корпуса жандармовъ среди крестьянскаго населенiя, поспѣшилъ выводомъ изъ заявленнаго имъ факта и этимъ обнаружилъ свою цѣль. Дворянство недовольно тѣмъ, что дознанiя о фактахъ сколько нибудь выдающихся поручаются на мѣстахъ чинамъ корпуса жандармовъ, а не Гакенрихтерамъ. Существованiе этого недовольства слишкомъ хорошо мнѣ извѣстно, чтобы не видѣть въ этихъ комментарiяхъ Графа Ти-

зенгаузена стремленія поставить правительству на видъ, что болѣе частое, чѣмъ прежде появленіе на мѣстахъ правительственныхъ агентовъ уже вноситъ смуту въ населеніе и возбуждаетъ его противъ существующихъ порядковъ.

2. Ландвикскій Гакенрихтеръ Бременъ, явившись ко мнѣ, доложилъ, что когда онъ хотѣлъ арестовать крестьянина Лутса, подъ предлогомъ будто бы составленія крестьянамъ подложныхъ свидѣтельствъ на переселеніе во внутреннія губерніи Россіи, въ его канцелярію ворвалась толпа народу, оказавшая открытое сопротивленіе осуществленію его намѣренія. При этомъ Гакенрихтеръ заявилъ мнѣ, что онъ не имѣетъ возможности приступить къ дальнѣйшимъ мѣропріятіямъ по этому дѣлу, такъ какъ ему лично оказано толпою противодѣйствіе, и онъ считаетъ свое значеніе, какъ полицейскаго чиновника, дискредитированнымъ въ глазахъ населенія. Въ виду особаго значенія, придаваемаго этому дѣлу Гакенрихтеромъ, я просилъ Начальника Жандармскаго Управленія лично разслѣдовать это дѣло при участіи Товарища Прокурора. По тщательномъ же разслѣдованіи упомянутыми лицами, заявленіе Гакенрихтера оказалось неосновательнымъ и несогласнымъ съ истиннымъ положеніемъ вещей. Выяснилось, что Лутсъ, составивъ увольнительныя свидѣтельства на имя лицъ, желающихъ переселиться въ другія губерніи, вовсе не выдавалъ ихъ за документы, утвержденные подлежащею властью, а передалъ ихъ крестьянамъ, какъ образецъ, по которому акты этого рода переселяющимся предстояло испросить отъ волостного правленія; что въ квартиру Гакенрихтера хотя дѣйствительно явилось съ Лутсомъ нѣсколько крестьянъ, но это были лица или вызванныя самимъ же Гакенрихтеромъ, или явившіяся къ нему по своимъ дѣламъ. Крестьяне, въ присутствіи которыхъ состоялось распоряженіе Гакенрихтера объ арестѣ Лутса, къ тому же неповиннаго въ взведенномъ на него обвиненіи, съ своей стороны лишь заявили Гакенрихтеру, что имъ извѣстно, что Лутсомъ никакого подлога учинено не было, и просили отпустить Лутса, такъ какъ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ нуженъ, какъ ходокъ и повѣренный ихъ по дѣлу переселенія. Это заявленіе крестьянъ, видимо, выставлено было фонъ-Бременомъ за открытое сопротивленіе толпы распоряженіямъ начальства и за фактъ, дискредитировавшій значеніе полицейскаго начальника въ глазахъ населенія. Что же касается

до самого Лутса, то онъ выразилъ нежеланіе идти въ арестантскую камеру и въ корридорѣ, соединяющемъ эту послѣднюю съ канцеляріею Гакенрихтера, ухватился руками за стоявшихъ тутъ двухъ крестьянъ, ища въ нихъ опоры отъ увлекавшихъ его двухъ гакенрихтерскихъ служителей. Впрочемъ Гакенрихтеръ тутъ же и отмѣнилъ свое распоряженіе объ арестѣ Лутса, приказавъ служителямъ не вести его насильно, и присовокупилъ при этомъ: „это дѣло разберется выше".

3. Тотъ же Гакенрихтеръ ранѣе сего обратился ко мнѣ съ просьбой о предоставленіи въ его распоряженіе военной силы въ виду отказа со стороны Волостного Старшины и крестьянъ имѣнія Финнъ исполнить основанное на рѣшеніи Приходскаго Суда приказаніе Гакенрихтера о выселеніи 9 семействъ бобылей. При разслѣдованіи этого дѣла командированнымъ для того Совѣтникомъ Губернскаго Правленія оказалось, однако, что никакого сопротивленія со стороны крестьянъ распоряженію Гакенрихтера оказано не было, что въ спѣшныхъ мѣрахъ къ выселенію бобылей надобности не предстояло и что означенные бобыли безъ особаго затрудненія могли быть устроены на той же мызной землѣ, послѣ спокойнаго и разумнаго объясненія имъ ихъ правъ и обязанностей и при нѣкоторомъ участіи къ ихъ положенію со стороны мѣстныхъ властей. Достойно замѣчанія, что Гакенрихтеръ, требуя военной экзекуціи, не потрудился ни разу лично прибыть на мѣсто, чтобы по крайней мѣрѣ удостовѣриться въ истинномъ положеніи дѣла.

Гакенрихтеръ, дважды рискующій мелкіе факты раздувать въ чрезвычайныя событія, не стѣсняющійся просить у Губернатора военной силы для усмиренія мнимой непокорности крестьянъ, каковой онъ самъ даже не былъ свидѣтелемъ, выставляющій мирное населеніе въ возбужденномъ состояніи, — конечно, не безъ намѣренія рѣшается смущать и безпокоить Губернское Начальство. Я, конечно, затрудняюсь представить дѣйствительную подкладку такого поведенія Гакенрихтера, но если сопоставить его сѣтованія на подорванный якобы въ глазахъ населенія авторитетъ власти Гакенрихтера съ заявленіемъ Предводителя Дворянства объ агитаторской дѣятельности на мѣстахъ правительственныхъ агентовъ, то, казалось бы, не слишкомъ далекъ отъ истины будетъ слѣдующій выводъ. Правительственныя мѣропріятія послѣдняго

времени подрываютъ въ глазахъ населенія значеніе нынѣ существующихъ властей, а между тѣмъ органы самаго правительства лишь смущаютъ населеніе; по сему нужны чрезвычайныя мѣры для возстановленія авторитета существующихъ мѣстныхъ установленій.

4. Вызывающее поведеніе помѣщика на островѣ Даго Графа Унгернъ-Штернберга заслуживаетъ особаго вниманія, какъ по несдержанности своего проявленія, такъ и по силѣ выраженныхъ въ немъ презрѣнія и недовѣрія къ правительству. Дѣло въ томъ, что 31 Января текущаго года Преосвященный Донатъ сообщилъ мнѣ о незаконномъ взиманіи съ православныхъ крестьянъ на островѣ Даго повинностей въ пользу Евангелическо-Лютеранской церкви помѣщикомъ Графомъ Унгернъ-Штернбергомъ, который въ обходъ закона причислилъ ихъ къ арендной платѣ за землю—платѣ, и безъ того чрезмѣрно высокой. Для разъясненія этого обстоятельства Губернскимъ Правленіемъ были затребованы въ Мартѣ мѣсяцѣ относящіяся къ сему свѣдѣнія отъ мѣстныхъ Гакенрихтера, Приходскаго Суда, Волостного Старшины Паата и Помощника Старшины Ару. Вслѣдъ затѣмъ 19 Апрѣля я получилъ отъ Графа Унгернъ-Штернберга телеграмму слѣдующаго содержанія: „*вслѣдствіе полученнаго крестьянами Паатъ и* „*Ару отношенія Губернскаго Правленія* отъ 11 Марта за „№ 451 [1]), арендаторы моего имѣнія отказываются отъ при„нятія предписанныхъ мною контрактовъ; Ару вмѣстѣ съ 18 „крестьянами сосѣдняго общества, сломавъ 470 саженей по„граничнаго забора между мызнымъ и крестьянскимъ паст„бищами насильно завладѣли мызнымъ пастбищемъ. *Крестьяне* „*полагаютъ дѣйствовать въ согласіи съ намѣреніями Губерн*„*скаго Правленія,* такъ какъ Мадисъ Паатъ, состоящій за „сопротивленіе, подъ судомъ *удостоенъ чести отношенія* „*Губернскаго Правленія.* Прошу приказать это недоразумѣніе „разъяснить и въ возможно непродолжительномъ времени „принять надлежащія мѣры для возвращенія силою отнятой „у меня земли".

Между тѣмъ по доставленнымъ должностными лицами Волостного Управленія свѣдѣніямъ, сообщеніе Преосвящен-

[1]) Это и былъ приведенный выше запросъ Губернскаго Правленія къ названнымъ должностнымъ лицамъ Волостного Управленія.

наго подтвердилось, и тогда Губернское Правленіе, сдѣлавъ соотвѣтствующее распоряженіе на просьбу, выраженную въ донесеніи Ару и Паата отъ имени всѣхъ крестьянъ ихъ волостей, черезъ мѣстнаго приходскаго судью послало крестьянамъ Гроссенгофской и Сооклепской волостей объявленіе за № 660 по формѣ, приложенной къ ст. 188 Т. II Ч. I Св. Зак.

Вслѣдъ за симъ мѣстный Приходскій Судья Баронъ Тизенгаузенъ въ свою очередь прислалъ Губернскому Начальству телеграмму, въ которой сообщаетъ, что при исполненіи предписанія за № 660 крестьяне Гроссенгофской и Сооклепской волостей выразили сомнѣніе въ достовѣрности присланнаго имъ объявленія, а крестьянинъ Паатъ публично въ собраніи обвинилъ его, Судью, *въ обманѣ.* Сообщая о томъ же происшествіи подробнымъ донесеніемъ; Приходскій Судья жалуется, что онъ при исполненіи предписанія Губернскаго Правленія былъ обвиненъ *въ поддѣлкѣ и подлогѣ,* почему проситъ оградить его отъ клеветы и оскорбленій при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Графъ Унгернъ-Штернбергъ въ свою очередь не замедлилъ оповѣстить Губернское Начальство, что волненіе и безпорядки крестьянъ на островѣ Даго увеличились вслѣдъ за полученіемъ объявленія за № 660. По удаленіи Приходскаго Судьи, обвиненнаго крестьяниномъ Паатомъ въ обманѣ во время чтенія имъ названнаго объявленія Губернскаго Правленія — сообщаетъ далѣе Графъ — мѣстные крестьяне въ числѣ до 500 человѣкъ вновь собрались въ домъ Волостного Правленія, также признали вышеупомянутое объявленіе подложнымъ и постановили единогласно арендной платы вовсе не платить, угрожая уничтоженіемъ имуществъ всѣхъ тѣхъ, кто не подчинится этому рѣшенію схода.

Тревожное сообщеніе помѣщика и Приходскаго Судьи, указывавшія на все болѣе и болѣе разрастающіяся безпокойства и своеволіе крестьянъ, вынудили меня обратиться за содѣйствіемъ къ Жандармскому Полковнику фонъ-Мерклину, который и командировалъ для разслѣдованія обстоятельствъ настоящаго дѣла жандармскаго офицера Сафонова. Вслѣдъ за прибытіемъ на островъ Даго Сафонова, мною было получено отъ Графа Унгернъ-Штернберга слѣдующее сообщеніе по телеграфу: „крестьяне, не смотря на распоряженія Помощ- „ника Начальника Жандармскаго Управленія Сафонова и

„Приходскаго Судьи продолжаютъ сопротивляться и волне-„нie между населенieмъ усиливается“—въ виду этого Графъ просилъ: „въ видѣ послѣдняго опыта призвать Гроссенгоф-„ское и Гогенгольмское Волостныя Правленія *съ ихъ русскими* „*писарями* въ Губернское Правленіе для принятія тамъ моихъ „приказаній“.—Прошу, добавляетъ онъ,—Приходскому Судьѣ „телеграммою предписать Гроссенгофское и Гогенгольмское „Волостныя Правленія послать въ Ревель“. Чѣмъ долѣе пребываетъ штабсъ-ротмистръ Сафоновъ во владѣніяхъ Графа Унгернъ-Штернберга, тѣмъ сильнѣе становятся тревога и безпокойства Графа, тѣмъ болѣе усматриваетъ онъ безпорядковъ и волненій среди крестьянскаго населенія. Письмомъ отъ 1 Мая онъ увѣдомилъ меня, что Сафоновъ пытался убѣдить крестьянъ въ ихъ заблужденіяхъ и, посѣтивъ мызный выгонъ, самовольно ими занятый, приказалъ его очистить и возстановить первоначальные плетни, но, къ сожалѣнію, напрасно, такъ какъ его не послушались. Съ тѣхъ поръ безпорядки и отдѣльные акты самовластія, по словамъ Графа, еще болѣе увеличились Не перечисляя всѣхъ такихъ случаевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что такое перечисленіе потребовало бы слишкомъ долгаго времени, онъ указалъ только на слѣдующій фактъ: 507 крестьянъ Гроссенгофской волости завладѣли уже усадьбами, но внести соотвѣтствующую аренду отказались; изъ 391 крестьянъ Гогенгольмской волости внесли аренду только 112 человѣкъ, но при этомъ отказались отъ принятія закономъ установленныхъ контрактовъ.

Въ такомъ освѣщеніи представлялись событія на островѣ Даго, по свидѣтельству Начальника мызной полиціи и помѣщика Графа Унгернъ-Штернберга и Приходскаго Судьи Барона Тизенгаузена. На основаніи этихъ данныхъ, т. е. по сообщенію оффиціальныхъ лицъ, Губернскому Начальству нельзя было прійти къ иному заключенію, что на островѣ царитъ полное возмущеніе крестьянъ и открытое сопротивленіе ихъ установленнымъ закономъ властямъ, т. е. бунтъ во всѣхъ его проявленіяхъ—въ оскорбленіи должностныхъ лицъ и попраніи правъ собственности.

Между тѣмъ вотъ въ какомъ видѣ представляются происшедшія на островѣ Даго недоразумѣнія по разслѣдованію штабсъ-ротмистра Сафонова. Фактъ самовольнаго разбора крестьянами плетня, отдѣляющаго пастбища крестьянъ отъ

луговъ Графа Унгернъ-Штернберга, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто. По сообщенію Сафонова плетень, длиною въ двѣ версты, нынѣ частью сваленный, былъ поставленъ 6 лѣтъ тому назадъ крестьянами по приказанію мызнаго управленія. Этимъ заборомъ общее пастбище раздѣлено пополамъ: лучшая часть отошла къ мызѣ, а худшая, непроизводительная, покрытая лишь однимъ можжевельникомъ, оставлена въ пользованіи крестьянъ. Никакой формальности при этомъ раздѣлѣ соблюдено не было и неизвѣстно, къ какой категоріи земель относится въ дѣйствительности отдѣленная заборомъ часть— къ мызной или крестьянской арендной и, если къ послѣдней, то съ чьего разрѣшенія владѣльцемъ было произведено присоединеніе ея къ землѣ мызной. Подлежитъ поэтому еще выясненію, не совершено ли самимъ Графомъ Унгернъ-Штернбергомъ то самоуправство, въ которомъ онъ нынѣ обвиняетъ крестьянъ. Въ Мартѣ мѣсяцѣ сего года, послѣ того, какъ крестьяне на кормъ скота употребили уже солому съ крышъ своихъ домовъ и наступила полная безкормица, они сочли себя вынужденными пустить свой скотъ на сосѣдній съ своимъ пастбищемъ участокъ, которымъ къ тому же они всегда прежде пользовались и который теперь стоялъ огороженнымъ, не принося никому пользы. 26 Марта днемъ нѣсколько крестьянъ сломали мѣстами заборъ, причемъ помощника Волостного Старшины Ару, котораго Графъ Унгернъ-Штернбергъ выставляетъ главнымъ виновникомъ этого самоуправства крестьянъ и ихъ вожакомъ, тутъ вовсе не было; кстати замѣтить, что протоколъ объ этомъ самоуправствѣ, по требованію мызы, составленъ лишь 18 Апрѣля, т. е. болѣе чѣмъ три недѣли спустя и наканунѣ посылки мнѣ упомянутыхъ телеграммъ Графомъ Унгернъ-Штернбергомъ и Приходскимъ Судьею. Дѣла, подобныя вышеизложенному, не заключая въ себѣ никакихъ признаковъ возмущенія или неповиновенія властямъ— представляютъ собою одинъ изъ видовъ покушенія на чужую собственность и посему подлежатъ въ порядкѣ исковомъ разбирательству Приходскаго Суда. Но въ цѣли Графа Унгернъ-Штернберга, очевидно, входило раздуть его въ крупное событіе, примѣшавъ къ нему почему-то Губернское Правленіе.

Параллельно съ этимъ, Графъ Унгернъ-Штернбергъ выразилъ безпокойство относительно того, что крестьяне скопомъ не принимаютъ арендныхъ условій, а между тѣмъ завладѣ-

ваютъ арендными участками, проявляя при этомъ возрастающее своеволіе и непокорность. Онъ телеграммою на мое имя просилъ вызвать волостныя правленія въ Ревель „для принятія тамъ приказаній,—т. е. онъ хотѣлъ, чтобы Губернская администрація понудила крестьянъ принять во что бы то ни стало его арендныя условія.

Между тѣмъ, по разслѣдованію Сафонова, условія эти такого рода, что почти равносильны отказу крестьянамъ въ участкахъ земли. Принявъ на себя уплату церковной повинности и чтобы съ избыткомъ выручить ея стоимость, Графъ Унгернъ-Штернбергъ послѣ 25 Іюля прошлаго года объявилъ непомѣрно возвышенную арендную плату за крестьянскіе участки, при чемъ повышенная аренда равно падаетъ и на православныхъ, какъ и на лютеранъ. Крестьяне въ виду физической, по ихъ заявленію, невозможности выполнить предложенныя Графомъ арендныя условія, отказались отъ нихъ еще въ Августѣ минувшаго года, но онъ нигдѣ не заявляетъ, чтобы хотя противъ одного изъ арендаторовъ предпринялъ своевременно какія-либо мѣры для предстоящаго его удаленія послѣ Георгіева дня, а также ни въ чемъ не усматривается, чтобы со стороны Графа состоялось воспрещеніе обрабатывать поля для посѣва озимыхъ хлѣбовъ. Сафоновъ высказываетъ предположеніе, что Графа Унгернъ-Штернберга удержалъ отъ перваго предстоявшій расходъ на вознагражденіе удаляемыхъ; напротивъ, предоставляя крестьянамъ полную свободу обрабатывать осенью поля, онъ расчитывалъ, что весною, при безвыходномъ положеніи, они будутъ вынуждены согласиться на предложенныя условія.

Странною является эта запоздалая тревога Графа Унгернъ-Штернберга, въ особенности одновременно съ раздающимися съ разныхъ сторонъ опасеніями и безпокойствомъ другихъ представителей рыцарскаго сословія по одному и тому же поводу—по поводу дурного настроенія крестьянскаго населенія. Обращеніе за содѣйствіемъ къ Губернскому Начальству для понужденія крестьянъ принять условія аренды, именуемыя въ законѣ *добровольными,* т. е. неподлежащими ничьему извнѣ давленію, тоже не можетъ быть объяснено простымъ незнаніемъ законовъ. Стремленіе вынудить правительство къ принятію чрезвычайныхъ мѣръ противъ крестьянскаго населенія въ интересахъ помѣщика видно еще изъ совершенно ложнаго

сообщенія Графомъ Унгернъ-Штернбергомъ мнѣ свѣдѣнія о томъ, что будто 500 человѣкъ „*вновь собравшись* послѣ удаленія Приходскаго Судьи въ домѣ Волостного Правленія“ чинили самоуправство и составляли противъ Графа родъ заговора съ цѣлью не принимать контрактовъ. По дознанію оказалось, что всѣхъ крестьянъ-арендаторовъ, *созванныхъ Приходскимъ Судьею* для врученія объявленія Губернскаго Правленія, собралось до *140* человѣкъ (а не 500) *и этихъ же крестьянъ,* а не вновь собравшихся. *Приходскій Судья спросилъ:* согласны ли они принять контракты на аренду участковъ, на что крестьяне отвѣтили, что контракты они принять согласны, но не на такихъ тяжелыхъ условіяхъ, какъ это было имъ объявлено въ прошломъ году, такъ какъ арендная земля такого качества, что они находятся въ полной невозможности изъ получаемыхъ доходовъ выплатить аренду и прокормить себя съ семействами. Объ этомъ отказѣ тогда же былъ составленъ протоколъ и записанъ въ книгу Волостного Правленія, *по приказанію Приходскаго Судьи.* Затѣмъ никакихъ иныхъ крестьянскихъ сходокъ и сборищъ не было. Къ этому Сафоновъ прибавляетъ въ своемъ донесеніи: „хотя Графу, „какъ видно, извѣстно, что я командированъ былъ только „для разслѣдованія, но онъ мнѣ также приписалъ цѣлый „рядъ дѣйствій по обязанностямъ исполнительной полиціи; „увлеченіе Графа дошло даже до переименованія несущество-„вавшихъ моихъ дѣяній, но съ точнымъ опредѣленіемъ ихъ „времени“.

Къ числу такихъ измышленій Графа Унгернъ-Штернберга относится приписанное имъ Сафонову приказаніе крестьянамъ возстановить плетень, при чемъ Графъ выразилъ сожалѣніе, что крестьяне не послушались приказанія, которое имъ никогда Сафоновымъ сообщено не было. Что касается до заявленія Приходскаго Судьи Барона Тизенгаузена объ оскорбленіи его Мадисомъ Паатомъ при отправленіи имъ служебныхъ обязанностей, то по разслѣдованію дѣло это представляется въ слѣдующемъ видѣ. Крестьяне Гроссенгофской и Сооклепской волостей были созваны въ Гроссенгофскомъ Волостномъ Правленіи 19 Апрѣля для врученія имъ объявленія Губернскаго Правленія за № 660, по приказанію Приходскаго Судьи Барона Тизенгаузена, который вмѣсто того, чтобы выдать объявленіе представителямъ волостей, какъ это указано

въ 188 ст. II Т. I ч. Св. Зак. и какъ было писано въ самомъ объявленiи, явился къ нимъ лично и сначала прочелъ его по-русски, а потомъ уже передалъ волостнымъ старшинамъ. Старшина Паатъ, стоявшiй близко къ Приходскому Судьѣ во время чтенiя, не понявъ прочитаннаго вслѣдствiе незнанiя имъ русскаго языка, выразилъ дѣйствительно сомнѣнiе въ томъ, что это объявленiе отъ Губернскаго Правленiя, „такъ какъ на немъ нѣтъ печати". Но вслѣдъ затѣмъ тутъ же волостной писарь разъяснилъ, что высшiя правительственныя учрежденiя губернiи къ исходящимъ бумагамъ печатей не прикладываютъ—и всѣ присутствовавшiе и въ ихъ числѣ Паатъ этимъ объясненiемъ вполнѣ убѣдились. Самъ Баронъ Тизенгаузенъ въ объясненiи съ Штабсъ-Ротмистромъ Сафоновымъ не призналъ въ словахъ Паата проступка или преступленiя и вообще дѣянiя для Приходскаго Судьи оскорбительнаго, тогда какъ мнѣ донесъ о публичномъ обвиненiи этимъ крестьяниномъ его въ обманѣ и подлогѣ и просилъ у правительства огражденiя отъ клеветы и оскорбленiя. Наконецъ дознанiемъ обнаружено, что волостной старшина Мадисъ Паатъ, „состоящiй—по выраженiю Графа Унгернъ-Штернберга въ телеграммѣ ко мнѣ—за сопротивленiе подъ судомъ и удостоенный чести отношенiя Губернскаго Правленiя",—на самомъ дѣлѣ подъ судомъ *не состоитъ и не состоялъ,* напротивъ, ему передъ самымъ прiѣздомъ Штабсъ-Ротмистра Сафонова на островъ Даго, былъ выданъ подлежащими властями свободный паспортъ на рыбную ловлю, въ каковомъ минувшимъ лѣтомъ ему было отказано за переходъ его въ православiе. Такимъ образомъ жандармскiй офицеръ не имѣлъ даже возможности допросить его въ качествѣ обвиняемаго по статьямъ 318 и 982 Улож. о Нак. Затѣмъ никакихъ признаковъ волненiя или сопротивленiя властямъ Штабсъ-Ротмистромъ Сафоновымъ на островѣ Даго не замѣчено.

Я позволилъ себѣ утрудить Ваше Сiятельство столь подробнымъ изложенiемъ настоящаго дѣла въ виду того, что въ немъ съ особенною ясностью выступаютъ прiемъ и образъ дѣйствiй мѣстныхъ представителей рыцарскаго сословiя. Въ данномъ случаѣ—что ни сообщенiе—то ложь или преувеличенiе. Графъ Унгернъ-Штернбергъ не задумывается продолжать сообщенiе мнѣ фактовъ въ извращенномъ видѣ и фальшивомъ освѣщенiи даже въ то время, когда на мѣстѣ про-

изводило разслѣдованіе командированное Губернскимъ Начальствомъ должностное лицо. Представитель мызной полиціи и за одно съ нимъ Приходскій Судья пытаются въ телеграммахъ и оффиціальныхъ сообщеніяхъ представить правительству положеніе дѣла въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Они усматриваютъ и оскорбленіе должностного лица при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, и заговоръ крестьянъ противъ помѣщика, по почину Губернскаго Правленія, и возрастающее среди населенія волненіе, при безсиліи прибывшаго правительственнаго агента справиться съ безпорядкомъ. Въ результатѣ же всѣхъ этихъ тревожныхъ явленій оказалось лишь незначительное гражданское дѣло, подлежащее разбору Приходскаго Суда. Что созданіе искусственными способами аграрныхъ безпорядковъ входитъ въ планъ Графа Унгернъ-Штернберга, убѣждаетъ меня полученное мною отъ его родственника Флигель-Адъютанта Барона Унгернъ-Штернберга письмо отъ 15 Мая 1886 года, въ которомъ онъ, между прочимъ, говорилъ, что „порожденіе большихъ аграрныхъ затрудненій повидимому „и вѣроятно требуется моему однофамильцу (Графу Унгернъ-„Штернбергу) для достиженія своихъ личныхъ цѣлей“.

5. Въ имѣніи Неве, принадлежащемъ помѣщицѣ Багговутъ, крестьяне-арендаторы до настоящаго времени владѣли землею по словесному съ каждымъ изъ нихъ договору, въ условія котораго, кромѣ денежной платы, всегда входило, какъ арендное вознагражденіе, барщина или работа натурою. Нынѣ помѣщица предъявила крестьянамъ (вопреки закону, лишь за двѣ недѣли до начала арендного срока) письменные контракты, въ которыхъ, не отмѣняя барщины, увеличила денежную аренду.

Признавая такія условія невозможными, крестьяне отказались отъ принятія ихъ. Тогда г-жа Багговутъ обратилась ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ, указавъ на крайне раздраженное, граничащее съ бунтомъ состояніе крестьянъ своего имѣнія и на то, что они положительно отказались какъ отъ принятія контрактовъ, такъ и отъ несенія какихъ бы то ни было обязанностей за пользованіе землею, — настаивала на личномъ моемъ прибытіи на мѣсто для оказанія ей законнаго содѣйствія къ возстановленію нарушеннаго порядка. По разслѣдованію этого дѣла на мѣстѣ Начальникомъ Жандармскаго Управленія и состоящимъ при мнѣ Чиновникомъ особыхъ порученій оказалось, что крестьяне вовсе не отказываются отъ

контрактовъ, а лишь отъ тѣхъ условій, на которыхъ предложена имъ аренда, и желаютъ, что-бы барщина была переложена на денежную плату. Насколько нелегки условія, на которыя нынѣ жалуются арендаторы имѣнія госпожи Багговутъ, видно изъ слѣдующаго, записаннаго при дознаніи, словеснаго договора между крестьяниномъ Яномъ Аммъ и помѣщицею. За участокъ земли, на коемъ высѣвается около 13 пуркъ ржи, Аммъ платилъ въ прошломъ году деньгами 40 руб. и затѣмъ былъ обязанъ отработать: 4 дня въ недѣлю съ 23 Апрѣля, по одному дню съ 29 Сентября, 15 дней жать хлѣбъ, 30 дней молотить, 2 раза одною лошадью возить кладь въ г. Ревель (за 75 верстъ въ одинъ конецъ), 6 дней возить навозъ, 3 дня мять ленъ, 3 дня его прясть, 2 дня рѣзать тростникъ, 3 дня косить сѣно, полторы недѣли пасти мызный скотъ, три дня въ году мыть бѣлье. На такихъ же условіяхъ арендовали землю и другіе крестьяне, такъ что нѣкоторые вынуждены были нанимать работника исключительно для замѣщенія своего труда по работѣ на мызѣ.

Какъ на причину отказа крестьянъ въ принятіи арендныхъ условій госпожи Багговутъ и замѣченныхъ ею среди нихъ волненій и безпорядковъ, она указала на переходъ нѣкоторыхъ крестьянъ въ православіе и на подстрекательство Священника Бѣжаницкаго, который будто бы увѣрялъ населеніе, что съ принятіемъ православія оно будетъ освобождено отъ платежа повинностей въ пользу помѣщиковъ.

Между тѣмъ возникшія между помѣщицей и крестьянами несогласія въ условіи пользованія землею ранѣе полутора недѣль улеглись сами собою, благодаря обоюднымъ уступкамъ договаривающихся сторонъ, при чемъ Священникъ Бѣжаницкій принималъ дѣятельное участіе въ приведеніи крестьянъ въ соглашеніе съ помѣщицей. Ссылка госпожи Багговутъ на православіе и православнаго Священника, какъ на корень смутъ, такимъ образомъ падаетъ сама собою, но она знаменательна въ виду изложенныхъ выше попытокъ объяснить мнимыя волненія и безпорядки въ населеніи развращающимъ народъ вліяніемъ правительственныхъ учрежденій и правительственныхъ должностныхъ лицъ.

Не рѣшаясь долѣе утруждать вниманіе Вашего Сіятельства перечисленіемъ подобнаго рода дѣлъ, коихъ нѣсколько находится нынѣ въ производствѣ,—я считаю своимъ долгомъ до-

ложить, что мною принимаются энергическія мѣры для прекращенія возникающихъ недоразумѣній и раскрытія по возможности истинныхъ обстоятельствъ такихъ явленій. Въ каждомъ данномъ случаѣ мною немедленно принимаются мѣры для разслѣдованія недоразумѣній на мѣстахъ—посылкою чиновъ корпуса жандармовъ и состоящихъ въ моемъ распоряженіи должностныхъ лицъ. Быть можетъ мнѣ такимъ образомъ и удастся остановить искусственное возбужденіе недоразумѣній. Но одновременная послѣдовательность въ возникновеніи этихъ недоразумѣній и то фальшивое, преувеличенное освѣщеніе, которое пытаются имъ дать мѣстные власти и помѣщики, приводятъ меня къ убѣжденію, что на дѣла подобнаго рода нельзя смотрѣть, какъ на единичные случаи. Систематическая ложь, проявляемая одними лицами, ненужные крики о помощи и недобросовѣстные навѣты, раздающіеся съ разныхъ сторонъ — свидѣтельствуютъ о томъ, что такими пріемами видимо лица заинтересованныя желаютъ добиться какой-нибудь опредѣленной цѣли.

Осмѣлюсь указать на эту цѣль, какъ я ее понимаю. Всякому нововведенію въ здѣшнемъ краѣ мѣстные элементы противопоставляютъ энергическій отпоръ. Минувшимъ лѣтомъ всѣми должностными лицами мѣстныхъ учрежденій ставились всевозможные тормаза мѣропріятіямъ правительства по введеніи оффиціальной переписки на языкѣ государственномъ. Нынѣ въ виду предстоящаго введенія реформы полиціи вполнѣ согласно со всегдашнею тактикою представителей нѣмецкаго дворянства — усилія его направлены къ возможному воспрепятствованію скорѣйшему осуществленію этой реформы. Отсюда вполнѣ ясными представляются эти попытки выставить дѣятельность правительственныхъ учрежденій и лицъ, какъ источникъ смутъ и волненій умовъ въ населеніи. Жандармскіе офицеры распространяютъ, по отзыву Предводителя Дворянства, ложные слухи и возбуждаютъ народъ къ неплатежу повинностей, Губернское Правленіе, по утвержденію Графа Унгернъ-Штернберга, непосредственнымъ обращеніемъ своимъ къ должностнымъ лицамъ Волостного Управленія [1]) подстрекаетъ крестьянъ къ коллективному отказу въ принятіи арендныхъ контрактовъ помѣщиковъ и къ проявленію своеволія и

[1]) На каковое оно имѣетъ не только право, но и обязанность по закону.

безпорядковъ. Въ томъ же обвиняются православные священники и православная вѣра. Иными словами — вліяніе на мѣстахъ всего того, что не принадлежитъ къ мѣстному управленію, къ мѣстной церкви—возбуждаетъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и существующихъ властей, вноситъ смуту въ мирное теченіе жизни. Мнѣ извѣстны раздраженія помѣщиковъ по поводу того, что я лично принимаю просителей изъ крестьянъ и обстоятельно разбираю поданныя мнѣ жалобы и претензіи. На ряду съ этимъ раздающіяся жалобы на мнимое колебаніе правительственною властью значенія мѣстныхъ властей и требованія въ принятіи мною чрезвычайныхъ мѣръ для поддержанія подорваннаго будто бы авторитета дворянскихъ выборныхъ чиновниковъ достаточно досказываютъ заднюю мысль, преслѣдуемую иновѣрческою группою представителей рыцарскаго класса. Я опасаюсь, чтобы явленія подобныя изложеннымъ выше не приняли хроническаго характера, какъ это уже было при возбужденіи правительствомъ вопроса о введеніи русскаго языка. Пріемы остались тѣ же, но мѣсто дѣйствія и матеріалъ измѣнились сообразно съ свойствами предположенной правительствомъ новой мѣры.

Уже теперь пускаются слухи, что вліятельнымъ представителямъ здѣшняго рыцарства удалось добиться отложенія на неопредѣленное время введенія полиціи, что въ нынѣшнюю сессію Государственнаго Совѣта она разсмотрѣна не будетъ, не смотря на Высочайшую волю о скорѣйшемъ разрѣшеніи этого вопроса. Между тѣмъ искусственная тревога, создаваемая на мѣстахъ, взываніе къ чрезвычайнымъ мѣропріятіямъ со стороны правительства въ пользу помѣщиковъ и дворянъ-чиновниковъ клонятся къ принятію со стороны правительства мѣръ къ усиленію авторитета мѣстныхъ властей, къ большему усиленію вліянія и значенія тѣхъ учрежденій, которыя самимъ правительствомъ признаны неудовлетворительными и подлежащими отмѣнѣ.

Въ виду приведенныхъ соображеній и принимая во вниманіе, что населеніе, во всей своей массѣ грамотное, знаетъ изъ эстонскихъ газетъ и иными доступными ему путями о готовящихся преобразованіяхъ и предположенномъ времени ихъ осуществленія—я опасаюсь, что политика мѣстнаго дворянства можетъ въ концѣ концовъ вызвать затрудненія, которыя не легко будетъ устранить.

Въ виду сего, въ интересахъ дѣла и въ видахъ сохраненія полнаго спокойствія среди населенія, я полагалъ бы вполнѣ необходимымъ не откладывать примѣненіе въ Эстляндской губерніи общей полицейской реформы. Эту реформу необходимо ввести неотложно, въ нынѣшнемъ же году, ибо я имѣю основаніе опасаться, что въ противномъ случаѣ найдутся среди рыцарскаго класса лица, которыя съумѣютъ убѣдить населеніе, что отсрочка реформы хотя бы въ дѣйствительности только до будущаго года означаетъ измѣненіе намѣреній правительства, и возбуждаемое несбывшимися надеждами населеніе можетъ быть эксплоатируемо въ дурномъ направленіи. Такимъ образомъ нѣкоторая группа мѣстныхъ дворянъ осуществила бы свою программу. Буде изложенными пріемами имъ удалось бы вызвать проявленіе отдѣльныхъ признаковъ неудовольствія въ крестьянскомъ населеніи—это въ свою очередь дало бы имъ возможность склонить правительство къ мысли, что не время думать о введеніи реформы, когда страна объята якобы „революціоннымъ“ движеніемъ, когда подорванъ авторитетъ власти. При такомъ положеніи вещей—указали бы агитаторы существующаго порядка—слѣдуетъ заботиться о подавленіи смутъ и укрѣпленіи расшатаннаго авторитета мѣстныхъ властей, т. е. другими словами—тѣхъ же учрежденій, которыхъ предположено упразднить.

Считаю долгомъ о всемъ вышеизложенномъ довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства и присовокупить еще разъ ходатайство о введеніи полицейской реформы въ теченіи нынѣшняго года, что избавило бы населеніе отъ лишнихъ попытокъ искусственнымъ путемъ вызвать въ его средѣ замѣшательства.

№ 42. Копія съ отчета объ общемъ положеніи дѣла въ губерніи, прочитаннаго Губернскимъ Предводителемъ Дворянства на очередномъ Ландтагѣ Эстляндскаго Рыцарства и Земства въ Декабрѣ 1886 года (переводъ сдѣланъ въ канцеляріи Губернатора). [1])

Милостивые Государи! Истекшее трехлѣтіе отмѣчено несомнѣннымъ характеромъ упадка всѣхъ наиболѣе дорогихъ стяжаній прежняго времени и всего того, что принадлежитъ къ высшимъ благамъ нашего существованія.

Всему своеобразному строю нашего края грозитъ уничтоженіе, и тамъ, гдѣ сѣкира еще не лежитъ у корней нашего общественнаго строя, намъ приходится находить лишь слабое утѣшеніе въ томъ, что вопросъ остается еще открытымъ въ ожиданіи своего разрѣшенія.

Протоколы послѣдняго трехлѣтія краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ нападенія и неудачахъ обороны; они доказываютъ, что мы, въ сознаніи нашего несомнѣннаго права, постоянно возвращались къ одному и тому же источнику—къ договорному слову одного изъ величайшихъ властелиновъ всѣхъ временъ, но что такая ссылка на наше правовое основаніе, какъ пустой звукъ, оставалась безъ всякаго дѣйствія. Предпринятыя моимъ предмѣстникомъ, вмѣстѣ съ представителями прочихъ рыцарствъ, усилія къ достиженію Высочайшаго утвержденія мѣстныхъ привиллегій, какъ извѣстно, разбились объ излюбленное высшими правительственными органами медлительное отношеніе къ этому чрезвычайной важности мѣстному дѣлу. Эта послѣдовательно примѣняемая въ Министерствахъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи система затяжекъ создавала мнѣ и моимъ сотоварищамъ съ каждымъ днемъ все большія и большія затрудненія къ возобновленію нашихъ стремленій и угрожала окончательно парализовать наши усилія. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ мѣстное представительство вынуждено было зрѣло взвѣсить шансы на успѣхъ ходатайства, непосредственно обращеннаго къ Его Императорскому Величеству. Какъ на

---

[1]) Этотъ отчетъ, въ числѣ другихъ бумагъ, былъ представленъ Губернатору лишь послѣ пяти другъ за другомъ слѣдовавшихъ указовъ Сената и подъ угрозой привлеченія къ отвѣтственности. *Прим. редакціи.*

одну изъ причинъ, по коимъ Дворянскій Комитетъ призналъ этотъ шагъ нецѣлесообразнымъ, я особенно указываю на то соображеніе, что отклоненіе таковаго ходатайства было бы совершенно равносильно непризнанію нашего права. Такимъ образомъ этотъ вопросъ и по сіе время остается открытымъ, хотя онъ давно уже долженъ почитаться разрѣшеннымъ.

Милостивые Государи! Мы встрѣчаемся съ нарушеніемъ основъ нашей провинціальной жизни какъ въ области церкви, такъ и школы, какъ въ области языка, такъ и права. Позвольте мнѣ начать съ описанія мѣропріятій, направленныхъ противъ нашей мѣстной церкви.

Начавшееся въ 1883 году среди сельскаго населенія религіозное броженіе не пріостановилось, но, напротивъ того, проявилось и въ дальнѣйшемъ рядѣ массовыхъ переходовъ къ православію. Установленіе для переходящихъ въ православіе предѣльнаго срока испытанія не было разрѣшено, а освобожденіе присоединившихся къ православію отъ всѣхъ повинностей въ пользу лютеранской церкви, объявленное лишь административными распоряженіями и Сенатскими указами, должно было возымѣть значеніе преміи, поощряющей перемѣну вѣры. Въ этомъ отношеніи я позволяю себѣ прежде всего обратить вниманіе на циркуляръ бывшаго Эстляндскаго Губернатора Тайнаго Совѣтника Поливанова, отъ 16 Августа 1884 года ко всѣмъ Приходскимъ Судамъ и Гакенрихтерамъ, изданный согласно предложенію Управлявшаго въ то время Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Сенатора Дурново. Это Министерское распоряженіе, воспроизведенное въ означенномъ циркулярѣ, гласило, что „примѣненіе общаго законо„положенія, по коему всѣ православные освобождены отъ „повинностей въ пользу лютеранской церкви, обязательно и „для Эстляндіи“, и въ подтвержденіи такого взгляда были сдѣланы ссылки на два, только въ одной Лифляндіи дѣйствующія, распоряженія 1845 и 1846 г.г. и на извѣстное примѣчаніе къ 608 ст. Уст. Евангелическо-Лютеранской церкви въ Россіи, которое распространяетъ это изъятіе вообще на всѣхъ лицъ, непринадлежащихъ къ протестантской церкви.

Центръ тяжести этого Министерскаго разъясненія лежалъ не столько въ непризнаніи за церковными повинностями свойства реальныхъ повинностей, сколько въ явно выраженномъ пренебреженіи къ правовому положенію, упроченному за Еван-

гелическою церковью въ Эстляндіи и вообще въ Остзейскихъ губерніяхъ. Бумага эта оканчивалась словами: „предоставле-„ніе [1]) повинностей въ пользу лютеранскихъ пасторовъ въ „томъ же размѣрѣ, въ какомъ онѣ причитаются православ-„ному духовенству, было бы равносильно умаленію правъ гос-„подствующей церкви въ пользу только терпимаго исповѣ-„данія".

Такимъ образомъ въ оффиціальной Министерской бумагѣ Евангелическо-Лютеранская церковь, распространенная по всей Эстляндіи, получила наименованіе только терпимаго исповѣданія по отношенію къ господствующей православной церкви и тѣмъ самымъ низводилась на степень одной изъ многочисленныхъ незаконныхъ сектъ, терпимыхъ лишь въ силу фактическаго ихъ существованія. Важность затронутаго предмета вызывала необходимость въ исправленіи смысла вышеозначеннаго распоряженія Управлявшаго Министерствомъ.

Въ виду этого Дворянскій Комитетъ поручилъ мнѣ обратиться къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Графу Толстому съ просьбой дать дѣлу такой оборотъ, чтобы вышеозначенная бумага была взята назадъ.

Въ представленіи моемъ Министру я заявилъ отъ имени Эстляндскаго дворянства рѣшительный протестъ противъ того, что Лютеранской церкви въ Эстляндіи, равноправность которой съ православной достаточно основывается на договорахъ, имѣющихъ значеніе международныхъ актовъ,—присвоивается значеніе лишь терпимаго исповѣданія и представилъ доказательства тому, что по всѣмъ правовымъ установленіямъ, спеціальнымъ привиллегіямъ, общимъ и спеціальнымъ распоряженіямъ, повинности въ пользу лютеранской церкви и ея духовенства должны почитаться повинностями реальными.

Но прежде, чѣмъ доложить о дальнѣйшемъ теченіи этого дѣла, я долженъ замѣтить, что Губернаторъ въ дополненіе къ Министерскому распоряженію далъ Приходскимъ Судьямъ предложеніе утверждать на будущее время только такія аренд-

---

[1]) Въ предложеніи Управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Эстляндскому Губернатору отъ 25 Іюня 1884 г. за № 2668, это мѣсто изложено такъ: „3) что предоставленіе пасторамъ той доли повинности, которая причитается православнымъ священникамъ, составляло бы нарушеніе права первенствующей и господствующей церкви въ пользу терпимаго исповѣданія."

ные контракты, которые вполнѣ согласны съ предписаніемъ Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, иными словами—Приходскимъ Судьямъ было предписано, на основаніи совершенно невѣрнаго толкованія примѣчанія къ 608 ст., отказывать въ корроборацiи такихъ арендныхъ контрактовъ, въ которыхъ на арендаторовъ, согласно ст.ст. 73 и 271 Крестьянскаго Положенія, возлагаются повинности въ пользу Лютеранской церкви и ея духовенства, если арендаторы принадлежатъ къ православному исповѣданію.

Переговоры, происходившіе у меня по этому поводу съ Г. Министромъ и его Товарищемъ, не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что на исправленіе Министерскаго предписанія въ смыслѣ, желаемомъ Дворянскимъ Комитетомъ, нѣтъ никакихъ надеждъ, въ виду того, что содержаніе этого распоряженія было основано на предложеніи Комитета Министровъ, ближайшимъ поводомъ къ которому послужили Высочайшія отмѣтки на отчетѣ Эстляндскаго Губернатора по вопросу о движеніи въ Православіе. Насколько неблагопріятными оказались шансы на удовлетворительное разрѣшеніе принципіальнаго вопроса, настолько мнѣ были сдѣланы самыя обязательныя увѣренія по отношенію къ практической сторонѣ вопроса, причемъ особенно было подчеркиваемо, что циркуляръ Губернатора отнюдь не имѣетъ обязательной силы для тѣхъ православныхъ арендаторовъ, которые *добровольно* [1]) приняли на себя исполненіе повинностей въ пользу лютеранской церкви,—почему въ этомъ отношеніи вовсе не исключается возможности исправленія циркуляра. Хотя Губернаторъ и призналъ такіе мотивы достаточными для соотвѣтствующаго истолкованія циркуляра, но тѣмъ не менѣе предполагавшагося разъясненія не послѣдовало, такъ какъ тѣмъ временемъ послѣдовали иныя указанія изъ Петербурга.

---

[1]) Трудно представить себѣ мотивы и чувства, могущіе побудить бѣднаго православнаго арендатора, находящагося въ полной экономической зависимости отъ помѣщика и почитающаго свою вѣру лучше лютеранской, „добровольно“ принять на себя платежи въ пользу „церковнаго барина“ (такъ именуется у эстонцевъ пасторъ). Непонятно также, зачѣмъ понадобится вносить въ контрактъ долгъ, который охотно исполняется. Если же дѣйствительно существуютъ такіе мотивы и чувства, то эстонецъ представлялъ бы единственный примѣръ въ исторіи, когда вѣрующій поселянинъ добровольно содержитъ чужую церковь. *Прим. редакціи.*

Послѣ того, какъ путемъ административныхъ распоряженій были установлены противорѣчащія закону опредѣленія, исполненіе коихъ должно было воздѣйствовать разрушающимъ образомъ на все положеніе лютеранской церкви, 27 Февраля 1885 г. послѣдовало рѣшеніе I Департамента Правительствующаго Сената по жалобѣ Тургельскихъ церковныхъ попечителей на опредѣленіе Губернскаго Правленія объ освобожденіи православнаго крестьянина Тениса Кютта отъ уплаты повинностей въ пользу Тургельской лютеранской церкви. Сенатъ опредѣлилъ: оставить ходатайство церковныхъ попечителей безъ послѣдствій, основывая такое свое опредѣленіе на примѣчаніи къ ст. 608 Уст. Ев.-Лютер. Церкви.

Въ уклоненіе отъ установленнаго порядка этому Сенатскому опредѣленію, никоимъ образомъ не имѣющему силы закона, была предоставлена возможно большая огласка путемъ опубликованія его въ Собраніи Узаконеній (Собр. Узак. № 75 и Правительственный Вѣстникъ № 150). Чтобы дать дѣлу дальнѣйшій ходъ, оставался единственный способъ, а именно—переносъ его въ Общее Собраніе Сената, для чего однако же представлялось необходимымъ обратиться съ особенной просьбой въ Комиссію Прошеній. Это ходатайство Тургельскихъ церковныхъ попечителей, поданное въ Августѣ 1885 г. въ Комиссію Прошеній, не достигло разсмотрѣнія Общаго Собранія Сената, но поступило по Высочайшему повелѣнію въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы наконецъ лѣтомъ сего года раздѣлить участь жалобы, представленной I-му Департаменту Правительствующаго Сената.

Тѣмъ временемъ мнѣніе высшихъ административныхъ учрежденій о томъ, что переходъ земельнаго участка, обложеннаго реальными повинностями [1]), во владѣніе православнаго само

---

[1]) По ученію балтійскихъ юристовъ, повинности въ пользу пастора и лютеранской церкви суть реальныя (поземельныя) повинности, которыя, по мѣстнымъ узаконеніямъ, обязана нести земля, безъ различія ея владѣльцевъ, какъ ипотечное гражданское обязательство въ пользу третьяго лица. Въ обоснованіе реальнаго характера этихъ повинностей ссылаются и на законъ Моисея о десятинѣ. Правда, въ Лифляндіи, какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ католичество было распространено огнемъ и мечомъ, на покоренныхъ язычниковъ была возлагаема десятина, которую они обязывались ежегодно, но не на вѣчныя времена, платить на содержаніе католической церкви и духовенства. Десятина была натуральная повинность, имѣвшая лишь ту связь съ землею, что состояла изъ плодовъ земныхъ. Поземельный или реальный ха-

собою является основаніемъ къ прекращенію, или по крайней мѣрѣ къ пріостановленію отбыванія реальной повинности въ пользу лютеранской церкви, настолько воздѣйствовало на мѣстную административную власть, что Губернское Правленіе не стѣснялось пріостанавливать приведеніе въ исполненіе такихъ, вошедшихъ въ законную силу приговоровъ Приходскихъ Судовъ, коими православные владѣльцы арендныхъ участковъ были обязываемы къ исполненію повинностей въ пользу лютеранской церкви.

Особенно характеристичны въ дѣятельности администраціи въ этомъ направленіи слѣдующіе два случая. Въ одномъ изъ нихъ С.-Юргенскій Приходскій Судъ пригрозилъ мѣрами принудительнаго взысканія нѣкоторымъ Аррокюльскимъ православнымъ собственникамъ и арендаторамъ, которые отказывались исполнять повинности, не взирая на вошедшій въ законную силу приговоръ Приходскаго Суда. Прежде чѣмъ это рѣшеніе было приведено въ исполненіе, послѣдовало по телеграфу приказаніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ на имя Губернатора о пріостановленіи приведенія сказаннаго приговора въ исполненіе. Однако же С.-Юргенскій Приходскій Судья, которому Министерское распоряженіе немедленно было объявлено, счелъ нужнымъ дать дѣлу дальнѣйшее законное теченіе и привелъ означенный приговоръ Приходскаго Суда въ исполненіе. По возвращеніи, вслѣдствіе приказанія Губерн-

рактеръ пріобрѣла она уже въ новѣйшее время, когда съ освобожденіемъ крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ эти повинности стали перелагать на землю и въ томъ числѣ, въ соотвѣтственныхъ доляхъ на крестьянскую и такимъ образомъ фактически создали изъ личныхъ повинностей повинности земскія и, провозгласивъ ихъ реальными, требовали отбыванія всею землею, безъ различія вѣроисповѣданія владѣльцевъ и арендаторовъ оной. Единственное право, которое могло бы унаслѣдовать отъ среднихъ вѣковъ духовное лицо, это право господства надъ обитателями рыцарскаго имѣнія, пріобрѣтенное чрезъ владѣніе землею по праву завоевателя, иными словами, такъ называемое вотчинное право суда и полиціи, которое, по ученію германскихъ юристовъ, составляетъ реальное имущество (Realbesitz) помѣстнаго владѣльца и какъ таковое, можетъ быть оцѣнено на деньги, а въ случаѣ отмѣны онаго, должно подлежать особому выкупу. Отсюда вытекалъ дальнѣйшій выводъ, что упраздненіе крѣпостного права не влечетъ за собою непремѣнно и прекращеніе вотчинно-полицейской власти помѣщика. Фактически такъ и было въ странахъ германской культуры.

Прим. редакціи.

скаго Правленія, подлежащимъ крестьянамъ взысканныхъ съ нихъ повинностей, дѣло это пока остановилось на преданіи суду и удаленіи отъ должности Приходскаго Судьи по приказанію Министерства. Во второмъ случаѣ—по распоряженію временно исправлявшаго должность Губернатора въ Костиферъ были командированы жандармы съ порученіемъ воспрепятствовать приведенію въ исполненіе вошедшаго въ законную силу рѣшенія Іеглехтскаго Приходскаго Суда, коимъ православные Костиферскіе крестьяне были присуждены къ исполненію пасторской повинности, срокъ отбытія которой наступилъ. Жалоба на такое вмѣшательство администраціи въ область суда, поданная Іеглехтскими церковными попечителями въ I Департаментъ Правительствующаго Сената, рѣшеніемъ, объявленнымъ недавно, оставлена безъ послѣдствій и притомъ потому, что, по мнѣнію Сената, обжалованное распоряженіе и. д. Губернатора никоимъ образомъ не отмѣняло и не измѣняло рѣшенія Приходскаго Суда, а лишь пріостанавливала приведеніе онаго въ исполненіе и что потому подобное распоряженіе находитъ себѣ полное основаніе въ предѣлахъ законной власти, предоставленной Губернаторамъ.

Въ Высочайше утвержденномъ 14 Мая 1886 года положеніи Комитета Министровъ было проведено то же самое юридическое воззрѣніе, которое впервые было высказано въ Сенатскомъ указѣ отъ 27 Февраля 1885 г. Означеннымъ распоряженіемъ категорически воспрещается, на точномъ основаніи примѣчанія къ 608 ст. Уст. Ев.-Лютер. Церкви, взысканіе всякаго рода податей и повинностей съ лицъ православнаго исповѣданія въ пользу протестантской церкви и ея духовенства, впредь до разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ общаго вопроса о способѣ матеріальнаго обезпеченія какъ протестантской такъ и православной церкви и ихъ духовенства въ Остзейскихъ губерніяхъ. При возрастающихъ успѣхахъ перехода въ православіе во многихъ мѣстностяхъ Эстляндіи можно было опасаться, что подобными распоряженіями административныхъ властей въ принципѣ будутъ подорваны условія существованія лютеранской церкви и что тѣмъ самымъ вскорѣ будетъ сломлено то пассивное сопротивленіе со стороны церкви, которое она должна противопоставить врывающейся пропагандѣ, являясь не только сильною духомъ, но и матеріально обезпеченною.

При такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Эстляндская Консисторія обратилась къ Дворянскому Комитету съ ходатайствомъ о принятии надлежащихъ мѣръ къ единообразному урегулированію тягостнаго положенія вещей, вызваннаго переходомъ въ православіе многихъ арендаторовъ и крестьянъ-собственниковъ. По мнѣнію Дворянскаго Комитета, возможность принятія какихъ-либо общихъ мѣръ исключалась внутреннею логикою событий, такъ какъ еще не было возможности опредѣлить, что слѣдуетъ считать окончательно потеряннымъ и что можетъ быть еще сохранено, и такъ какъ оставалась надежда, что въ ближайшемъ будущемъ законодательнымъ путемъ послѣдуетъ согласованіе интересовъ различныхъ вѣроисповѣданій. Дворянскій Комитетъ былъ поэтому того мнѣнія, что при настоящихъ обстоятельствахъ принятіе общихъ обязательныхъ мѣръ противъ разразившихся невзгодъ было бы по меньшей мѣрѣ несвоевременно и что не представляется никакой возможности принять на себя обязательства на покрытіе безусловно всѣхъ недоборовъ по выполненію церковныхъ повинностей, причиненныхъ православными арендаторами и крестьянами-собственниками. Такая точка зрѣнія нисколько не исключаетъ, однако, увѣренности въ томъ, что дворянство, въ полномъ сознаніи своей солидарности съ лютеранскою церковью, изыщетъ средства и пути къ поданію посильной помощи въ случаяхъ дѣйствительной нужды.

Въ самомъ ближайшемъ будущемъ, повидимому, предстоитъ окончательное разрѣшеніе вопроса о томъ, — будетъ ли временное пріостановленіе платежей церковныхъ реальныхъ повинностей утверждено закономъ, какъ полное освобожденіе лицъ, перешедшихъ въ православіе, отъ всѣхъ повинностей въ пользу лютеранской церкви или же, наоборотъ, будетъ признано право лютеранской церкви на безпрепятственное пользованіе сими повинностями. Такъ какъ по крайнему моему разумѣнію, единственнымъ средствомъ къ обезпеченію матеріальнаго положенія нашей церкви можетъ быть признанъ выкупъ церковныхъ повинностей, то я признавалъ крайне необходимымъ сдѣлать по этому поводу надлежащее представленіе Высшему Правительству. Дворянскій Комитетъ, по большинству голосовъ, присоединился къ этому воззрѣнію и постановилъ учредить Комиссію для выработки законопроекта о выкупѣ реальныхъ повинностей въ пользу служителей

церкви. Не входя въ частности этого проекта, я позволяю себѣ сообщить, что, согласно оному, поземельныя повинности, изъ коихъ составляются доходы лютеранскихъ пасторовъ и другихъ служителей церкви, исчислены на деньги въ размѣрѣ, оставшемся безъ измѣненія съ 28 Декабря 1832 года. Ежегодно платимыя поземельныя повинности въ пользу церковныхъ служителей по исчисленіи ихъ въ отдѣльности для каждой лютеранской церкви принимаются за обязательный нормальный доходъ въ пользу церковнослужителей, а помноженіемъ этой цифры дохода на 25 получается цифра основного капитала для каждой церкви; сей капиталъ обезпечивается Эстляндской Кредитной Кассой подъ поручительствомъ дворянства, состоитъ подъ ежегоднымъ контролемъ и ревизіей главныхъ церковныхъ попечительствъ и приноситъ 4% дохода. Части церковнаго дохода и капитала, упадающія на отдѣльныя имѣнія и участки, вносятся въ особые акты въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ, послѣ чего Кредитная Касса принимаетъ на себя взиманіе капитальной ренты, проценты погашенія и издержекъ по управленію этою операціею; за каждый обремененный частью этого основного капитала земельный участокъ собственникъ онаго уплачиваетъ ежегодно Кредитной Кассѣ 5%. Установленный доходъ предоставляется пополугодно Кредитною Кассою въ распоряженіе мѣстнаго проповѣдника. По уплатѣ основного капитала всѣ претензіи на реальныя повинности въ пользу проповѣдниковъ и церковныхъ служителей прекращаются.

Но прежде чѣмъ этотъ, сообщенный въ основныхъ своихъ положеніяхъ, законопроектъ былъ доведенъ до свѣдѣнія Дворянскаго Комитета, положеніе нашей мѣстной церкви было совершенно измѣнено однимъ ударомъ. Его Величество Государь Императоръ 26 Іюля 1885 года Высочайше приказать соизволилъ, отмѣнить Высочайшее повелѣніе отъ 19 Марта 1865 года и распространить дѣйствіе 67-й ст. I-й части X Т. Св. Зак. на Остзейскія губерніи. Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ было вновь введено принудительное отобраніе предбрачныхъ подписокъ. Дворянское представительство уполномочило меня 9 Сентября того же года „на „принятіе всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могли бы содѣйствовать „къ возстановленію попранныхъ правъ церкви или послужить „къ выраженію оскорбленнаго правового чувства дворянства“.

26-го Октября я передалъ Предсѣдателю Комиссіи Прошеній, Генералъ-Адъютанту фонъ-Рихтеру Всеподданнѣйшее прошеніе, которое дословно гласило такъ:

„Всемилостивѣйшій Государь Императоръ!

„Угнетенное положеніе мѣстной церкви преисполняетъ „вѣрное Вашему Императорскому Величеству Эстляндское дворянство чувствами глубочайшаго безпокойства и „скорби. Поэтому вѣрноподданническія чувства и лояльность „требуютъ того, чтобы открыто высказать передъ Вашимъ „Императорскимъ Величествомъ о бѣдствіяхъ, удручающихъ свободу совѣсти въ краѣ.

„Вѣнчанный славою предокъ Вашего Императорскаго „Величества Императоръ Петръ Великій торжественно обез„печилъ спеціальными привиллегіями и мирными договорами „за себя и за своихъ высокихъ преемниковъ равноправность „евангелическо-лютеранской церкви въ Эстляндіи съ грече„ско-православною. Вплоть до 30-хъ годовъ настоящаго сто„лѣтія политика Всероссійскихъ Властителей, слѣдуя примѣру „Петра Великаго, поддерживала начало сохраненія за тузем„ною лютеранскою церковью въ Эстляндіи и остальныхъ „Остзейскихъ провинціяхъ присвоенныхъ ей правъ. До этого „періода времени не существовало въ Остзейскихъ про„винціяхъ изданнаго свѣтскою властью закона о смѣшан„ныхъ бракахъ, стѣсняющаго свободу совѣсти въ пользу „православной церкви. Послѣ того, какъ въ Эстляндіи и „остальныхъ Остзейскихъ губерніяхъ подъ вліяніемъ об„щаго законодательства и въ противорѣчіе съ еще дѣй„ствующими въ этой губерніи правооснованіями воспріяли „силу законы, приведшіе къ стѣсненію существовавшей до„толѣ свободы совѣсти и предписывавшіе въ частности, что „дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ „съ протестантами должны быть крещены по обряду право„славной церкви и воспитаны въ правилахъ оной, въ Бозѣ „почивающему Императору Александру II благоугодно было „допустить въ семъ отношеніи болѣе снисходительное на „практикѣ примѣненіе этого закона.

„Вашему Императорскому Величеству благоугодно „было 27-го Іюля сего года Высочайше повелѣть, чтобы по „отмѣнѣ Высочайшаго повелѣнія 19 Марта 1865 г. дѣйствіе 67 ст. „Т. X. Св. Зак. было распространено на Остзейскія губерніи.

„Подъ вліяніемъ этого Высочайшаго повелѣнія, уничто„жившаго священное и драгоцѣнное право евангелическо-люте„ранскаго населенія Эстляндіи, настроеніе послѣдователей про„тестантской церкви въ Эстляндіи нынѣ болѣзненно угнетено. „Наша мѣстная церковь, болѣе чѣмъ въ теченіе трехъ сто„лѣтій неразрывно связанная со всею культурной жизнью „края, низводится посредствомъ предоставленныхъ православ„ной церкви преимуществъ на степень лишь терпимыхъ церк„вей. Во всѣхъ случаяхъ смѣшанныхъ браковъ наступитъ самое „жестокое насиліе совѣсти, которое и будетъ господствовать „въ семейныхъ отношеніяхъ и въ отношеніяхъ родителей къ „дѣтямъ. Вѣра и религія въ семьѣ не будутъ болѣе зависѣть „отъ внутренняго убѣжденія, но будутъ поставлены въ зави„симость отъ постановленій гражданскаго и уголовнаго закона. „Тамъ гдѣ должны бы господствовать только миръ и согла„сіе, насиліе совѣсти посѣеваетъ сѣмена неизлѣчимаго раз„дора между членами одной и той же семьи. Евангелическо„Лютеранскіе пасторы подвергаются опасности подпасть подъ „дѣйствіе самыхъ суровыхъ законовъ за совершеніе духов„ныхъ требъ надъ дѣтьми, рожденными въ смѣшанныхъ „бракахъ. Основанныя на духѣ христіанской любви истинно „мирныя отношенія между православнымъ и евангелическо„лютеранскимъ вѣроисповѣданіями были бы отнынѣ нарушены „и обѣ церкви были бы ввергнуты въ неравную борьбу, ведо„мую свѣтскою десницею и насиліемъ надъ совѣстью.

„Ваше Императорское Величество!

„Въ виду утѣсненій, коимъ подвергается наше естествен„ное, драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, наше Евангелическо-Лютеран„ская церковь, которая укрѣпила насъ въ нашей вѣрности къ „Государю и къ Государству, мы почитаемъ священнѣйшею „своею обязанностью въ несокрушимой надеждѣ на доброту, „державную мудрость и любовь къ справедливости Вашего „Величества всеподданнѣйше просить возлюбленнаго Отца „нашей страны, да благосклонно соблаговолите Ваше Вели„чество оставить въ силѣ права Евангелическо-Лютеранской „церкви, въ Эстляндіи. Именемъ Эстляндскаго дворянства Пред„водитель Дворянства".

Къ прошенію была приложена пространная записка, касающаяся равноправности евангелическо-лютеранской церкви съ православною въ Эстляндской губерніи. 20 Ноября 1885 года

я получилъ частное письмо отъ Генералъ-Адъютанта Рихтера, въ коемъ сообщалось, „что Государю Императору благо-„угодно было выразиться, что подобныя жалобы дворянства „не могутъ быть Имъ принимаемы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было возвращено прошеніе съ объяснительною запискою.

Въ виду такого положенія вещей Дворянскій Комитетъ отклонилъ предложеніе Комиссіи, касающееся выкупа церковныхъ реальныхъ повинностей, при чемъ онъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что протестантская церковь, какъ церковь угнетенная, не можетъ спокойно и безъ опасеній обратить въ деньги и капитализировать свои доходы, не можетъ обременять своихъ прихожанъ чрезвычайными платежами по выкупу и не можетъ перейти къ устройству, хотя и болѣе приспособленному къ современному положенію, но въ то же время лишенному той устойчивости, которая присуща только установленнымъ вѣками обычаямъ.

Какъ дальнѣйшее проявленіе обнаруживаемаго за послѣднее время домогательства православной церкви на положеніе господствующей церкви, заслуживаетъ быть упомянутымъ слѣдующій случай. Снисходя къ церковнымъ нуждамъ мѣстнаго населенія, Дворянскій Комитетъ выразилъ готовность пожертвовать 2.500 р. на постройку лютеранской часовни въ имѣніи Иллукъ съ тѣмъ, чтобы прихожане приходовъ Исаакъ и Іеве приняли на себя безплатно поставку и подвозъ необходимаго матеріала. Послѣ того какъ, благодаря этому пособію и усердію прихожанъ, постройка въ теченіи лѣта 1885 года настолько подвинулась впередъ, что была подведена подъ крышу, она въ Августѣ мѣсяцѣ была внезапно пріостановлена по распоряженію Губернскаго Начальства подъ тѣмъ предлогомъ, что своевременно не было на эту постройку испрошено надлежащаго разрѣшенія. Жалобы Эстляндской Консисторіи, принесенныя на это распоряженіе въ подлежащія мѣста, остались безуспѣшными, такъ какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, вслѣдствіе отзыва по этому вопросу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, не счелъ возможнымъ разрѣшить постройку Иллукской часовни.

Вслѣдъ за симъ, а именно въ началѣ Декабря 1885 г., состоялось новое распоряженіе, касающееся вообще порядка разрѣшенія построекъ лютеранскихъ церквей, согласно которому, узаконеніе, заключавшееся въ Общемъ Сводѣ Зако-

новъ (ст. 247 XII Т. Ч. I изд. 1857 г.) и отмѣненное въ Январѣ 1862 г., вновь воспріяло силу. По этому закону Губернское Начальство, предварительно представленія Министру Внутреннихъ Дѣлъ подлежащихъ плановъ о постройкѣ неправославныхъ церквей, обязано снестись съ мѣстнымъ православнымъ Епископомъ о томъ, не встрѣчается ли съ его стороны препятствій къ разрѣшенію постройки новой неправославной церкви.

Постоянно возрастающее число православнаго населенія Остзейскихъ губерній и вытекающая отсюда потребность соотвѣтствующаго умноженія православныхъ приходовъ и школъ побудило Министерство Внутреннихъ Дѣлъ принять мѣры къ изданію закона, коимъ бы опредѣлялись условія отчужденія потребныхъ для нуждъ православныхъ церквей и школъ земельныхъ участковъ. Дворянскій Комитетъ въ данномъ случаѣ полагалъ въ особенности необходимымъ воспользоваться правомъ иниціативы по предварительной разработкѣ закона, такъ какъ для него не могло подлежать никакому сомнѣнію, что вырабатываемый въ Петербургѣ законъ будетъ гораздо менѣе сообразованъ съ интересами всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, чѣмъ съ нуждами православной пропаганды; въ виду этого Дворянскій Комитетъ рѣшилъ выработать соотвѣтствующій законопроектъ и представить его чрезъ Губернатора на дальнѣйшую разработку въ законодательномъ порядкѣ. Такой законопроектъ долженъ былъ установить трояжаго рода правила для удовлетворенія вызвавшей его потребности. Прежде всего предполагалось допустить возможность принудительнаго осуществленія требованій православной церкви. Далѣе имѣлось въ виду установить особый распорядительный органъ власти и опредѣлить порядокъ его дѣйствій взамѣнъ обыкновенной медлительной судебной процедуры. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало однако несвоевременнымъ дать дальнѣйшее движеніе Эстляндскому проекту, такъ какъ само Министерство, по соглашенію съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, уже выработало свой собственный проектъ, который и осуществился въ Высочайше утвержденныхъ 10 Февраля 1886 г. правилахъ о порядкѣ отчужденія и занятія частныхъ недвижимыхъ имуществъ для надобностей православныхъ церквей, молитвенныхъ домовъ, кладбищъ, причтовъ и школъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Всѣ законодательные акты, которые 1885 годъ подарилъ Остзейскимъ губерніямъ, были проникнуты одною основною мыслью—обезпечить преобладаніе за православной церковью и русскимъ языкомъ. Впрочемъ нѣкоторыя событія въ нашей губерніи указывали на то, что съ происшедшей въ Маѣ 1885 г. перемѣной въ личномъ составѣ высшей губернской администраціи самое стремленіе къ принципіальному утѣсненію нѣмецкаго языка проявлялось уже въ то время, когда закономъ установленное положеніе его еще не было измѣнено.

Въ явное противорѣчіе съ существовавшимъ въ Эстляндіи законнымъ порядкомъ объ употребленіи исключительно нѣмецкаго языка въ оффиціальной перепискѣ Губернскаго Начальства съ мѣстными учрежденіями и властями, со времени вступленія въ должность нынѣшняго Губернатора, всѣ предписанія Губернскаго Начальства къ Гакенрихтерамъ и Приходскимъ Судьямъ въ Эстляндіи стали составляться на русскомъ языкѣ, съ приложеніемъ переводовъ на языкѣ нѣмецкомъ. Такое полное пренебреженіе къ соотвѣтствующимъ законамъ и Высочайшимъ повелѣніямъ со стороны лица, призваннаго быть блюстителемъ и стражемъ закона, возлагало на дворянское представительство непремѣнную обязанность обратиться къ г. Губернатору съ просьбой облекать на будущее время письменныя его сношенія съ мѣстными учрежденіями и властями въ форму, единственно соотвѣтствующую ихъ праву вести оффиціальную переписку на нѣмецкомъ языкѣ. Сдѣланное въ такомъ смыслѣ Дворянскимъ Комитетомъ возраженіе отъ 21 Іюня 1885 г. осталось безъ отвѣта и переписка съ упомянутыми учрежденіями продолжала вестись въ прежней противузаконной формѣ. Вступленіе на путь явнаго нарушенія еще существующихъ законовъ имѣло своимъ послѣдствіемъ одно правонарушеніе за другимъ. Занимавшій въ то время должность Секретаря Крестьянской Комиссіи получилъ приказаніе подавать къ подписи обращенныя къ разнымъ Приходскимъ Судамъ и помѣщикамъ бумаги Крестьянской Комиссіи, составленныя на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Такъ какъ Секретарь не могъ подчиниться этому приказанію г. Председателя, не впадая въ противорѣчіе съ существующими законами, то слѣдовало ожидать, что наступитъ полное разстройство въ теченіи дѣлъ Крестьянской Комиссіи. Въ виду этого я не преминулъ обратиться къ Гу-

бернатору съ соотвѣтствующимъ представленіемъ и, послѣ того какъ оно осталось безъ послѣдствій, я обратилъ вниманіе Г. Управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ на противузаконный образъ дѣйствій Губернатора и просилъ объ отмѣнѣ его распоряженій. Это представленіе также осталось безъ послѣдствій. Вскорѣ послѣ этого Губернаторъ зашелъ такъ далеко, что, посылая 29 Іюля 1885 г. написанную на русскомъ языкѣ бумагу съ приложеніемъ нѣмецкаго перевода самому Предводителю Дворянства, т. е. тому дворянскому представителю, всѣ обязанности коего сводятся къ охраненію мѣстнаго правового порядка, допускалъ мысль, что эта бумага будетъ принята Предводителемъ. Во исполненіе подлежащаго постановленія Дворянскаго Комитета отъ 21 Іюня, коимъ подобная случайность была предусмотрѣна и мнѣ были даны указанія моего поведенія въ подобномъ случаѣ, Канцелярія Дворянства сообщила Канцеляріи Губернатора, что отношеніе Губернатора, написанное въ незаконной формѣ, не можетъ быть доложено Предводителю Дворянства до тѣхъ поръ, пока не будутъ соблюдены надлежащія требованія закона. 5 Августа Канцелярія Дворянства получила сообщеніе Канцеляріи Губернатора о томъ, что послѣдняя не считаетъ себя вправѣ давать Его Сіятельству Г. Губернатору указанія относительно формы его переписки. Тогда я отъ 16 Августа сообщилъ Губернатору, что поступающія на имя представителя дворянства бумаги, составленныя въ такой же противузаконной формѣ, какъ и отношеніе отъ 29 Іюля, не могутъ быть приняты къ производству. Ни на это отношеніе, ни на прежнее отъ 21 Іюня отвѣта отъ Губернатора не послѣдовало, но, напротивъ того, ко мнѣ поступили еще двѣ бумаги, составленныя по вышеупомянутой формѣ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло къ тому времени, когда 7 Сентября Дворянскій Комитетъ собрался на очередное засѣданіе. При такого рода обстоятельствахъ оффиціальныя мѣропріятія Губернатора требовали неотложнаго введенія ихъ въ законныя рамки, такъ какъ иначе задержалось бы разрѣшеніе наиважнѣйшихъ вопросовъ. Проникнутый убѣжденіемъ, что на обязанности дворянскаго представительства лежитъ испытать всѣ средства къ возстановленію права, всегда остававшагося ненарушимымъ, Дворянскій Комитетъ уполномочилъ меня принести Управлявшему Министерствомъ Вну-

треннихъ Дѣлъ (Министръ находился въ то время въ продолжительномъ отсутствіи) жалобу на противузаконный образъ дѣйствій Губернатора и обратиться къ нему съ настоятельною просьбою о томъ, чтобы незаконныя домогательства Губернатора были отклонены и сила закона была вновь возстановлена. Соотвѣтствующая сему жалоба, въ которой со ссылкою на древнее писанное право и на законъ защищалась наша правовая точка зрѣнія, была отправлена 11 Сентября. 12 Сентября мною было получено отношеніе Стасъ-Секретаря Дурново, содержавшее въ себѣ увѣдомленіе о Высочайше выраженномъ неудовольствіи по поводу редакціи бумаги моей отъ 16 Августа на имя Губернатора. 18 Сентября Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ меня, что онъ не усматриваетъ ничего противузаконнаго въ посылкѣ Эстляндскимъ Губернаторомъ Губернскому Предводителю Дворянства бумагъ, составленныхъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и что потому онъ не можетъ дать дальнѣйшаго движенія жалобѣ дворянства. По полученіи этого отношенія, я не преминулъ немедленно же приступить къ изготовленію новаго представленія, въ которомъ, независимо отъ правовой стороны вопроса, обращалось вниманіе и на возникающія съ практической стороны сомнѣнія въ правильности образа дѣйствій Губернатора. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ представить эту жалубу Стасъ-Секретарю Дурново, она потеряла всякое значеніе вслѣдствіе распубликованнаго 1-го Октября 1885 года Именного Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату, даннаго 14 Сентября въ Фреденсборгѣ, въ Даніи, и вслѣдствіе вышедшихъ во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія при Указѣ Сената 30 Сентября за № 11353 правилъ о порядкѣ дѣлопроизводства и веденія переписки на русскомъ языкѣ съ присутственными мѣстами и должностными лицами Остзейскихъ губерній. Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе этого закона, глубоко и со всѣхъ сторонъ проникающаго въ управленіе сословій и корпорацій, церковныхъ приходовъ и сельскихъ обществъ Эстляндіи, упоминаю лишь о томъ, что я, по порученію Дворянскаго Комитета, представилъ въ концѣ Декабря 1885 г., Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, основанное на близкомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями, изложеніе всего того, что, во исполненіе Царской Воли, можетъ быть сдѣлано существующими мѣстными уч-

режденіями и что превышаетъ ихъ силы. По сколько до сихъ поръ вліяніе дворянства, чрезъ посредство его органовъ, всегда имѣло преобладающее значеніе въ дѣлѣ духовнаго и матеріальнаго развитія края, по столько на немъ же лежала обязанность откровенно и чистосердечно представить о тѣхъ серьезныхъ препятствіяхъ, которыя, не смотря на ревность въ исполненіи долга и покорность мѣстныхъ учрежденій и властей, преграждали путь къ точному исполненію закона 14 Сентября. Въ представленіи указывалось на то, что хотя знаніе русскаго языка и сдѣлало въ Эстляндіи значительные успѣхи, но что тѣмъ не менѣе знаніе его еще не настолько распространено, чтобы удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ требованіямъ новаго указа о языкѣ и что собственный интересъ благожелательнаго Правительства долженъ побудить его настолько считаться съ фактическими условіями быта Эстляндіи, насколько сіе не противорѣчитъ неотложнымъ потребностямъ самаго Государства. Казалось бы вполнѣ возможнымъ удовлетворить какъ интересамъ Государства, такъ и интересамъ подданыхъ, если бы было разрѣшено примѣнять законъ въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ мѣстныя учрежденія и власти, за исключеніемъ чисто крестьянскихъ, присоединяли къ нѣмецкому тексту своихъ бумагъ на имя губернскихъ правительственныхъ учрежденій русскій переводъ оныхъ, чтобы, затѣмъ, переписка правительственныхъ установленій съ Эстляндскими волостными судами и волостными старшинами велась исключительно на эстонскомъ языкѣ и чтобы, наконецъ, за выборными членами правительственныхъ и смѣшанныхъ учрежденій было признано право употреблять при преніяхъ нѣмецкій языкъ, въ случаѣ явнаго незнанія русскаго языка; въ противномъ случаѣ дворянство было бы поставлено въ необходимость избирать исключительно такихъ лицъ, которыя вполнѣ владѣютъ русскимъ языкомъ, нисколько, притомъ, не справляясь съ тѣмъ, насколько они въ остальномъ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Независимо отъ того соображенія, что осуществленіе предоставленнаго всѣмъ членамъ дворянства права быть избираемыми на общественныя должности было бы тѣмъ самымъ значительно стѣснено, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что безпрепятственное содѣйствіе сословныхъ представителей имѣетъ рѣшающее значеніе при обсужденіи всѣхъ практическихъ вопросовъ, потому

что мѣстныя условія именно имъ болѣе всего извѣстны. Это послѣднее соображеніе въ особенности имѣетъ значеніе относительно уѣздныхъ депутатовъ, на коихъ возложено предсѣдательство въ уѣздныхъ по воинской повинности Присутствіяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ сіи Присутствія обязаны вести дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ, дворянство, при замѣщеніи сихъ должностей, поставлено въ такое стѣснительное положеніе, которое затрудняетъ его въ исполненіи въ этомъ отношеніи лежащихъ на немъ государственныхъ обязанностей, а, подчасъ, даже дѣлаетъ таковое исполненіе совершенно невозможнымъ. Въ отвѣтѣ своемъ на это представленіе Графъ Толстой ограничился сообщеніемъ мнѣ, „что постановленія „закона 14 Сентября подлежатъ точному исполненію, но что „возникшія на практикѣ сомнѣнія относительно примѣненія „упомянутаго закона были подвергнуты обсужденію на совѣ„щаніи, состоявшемся 15 Ноября 1885 года въ С.-Петербургѣ, „и что въ этомъ отношеніи Губернаторамъ были даны необ„ходимыя указанія". Какъ извѣстно, Губернаторы не замедлили изданіемъ неоднократныхъ разъясненій указа о языкѣ, взаимно конкурирующихъ въ стремленіи къ безпощадному примѣненію закона.

Наши земскія полицейскія учрежденія въ настоящее время стоятъ, такъ сказать, у поворотнаго пункта, такъ какъ въ не столь отдаленномъ времени предстоитъ замѣна нынѣ дѣйствующихъ полицейскихъ органовъ—государственными. Высшее государственное правительство стремится, очевидно, вывести весь строй общественной жизни края изъ колеи органическаго развитія и весь центръ тяжести предоставленныхъ дворянству правомочій перенести изъ рукъ законныхъ представителей дворянства въ руки стоящихъ внѣ его административныхъ властей. Вопросъ о преобразованіи Прибалтійскихъ полицейскихъ учрежденій выступилъ на первый планъ уже въ 1884 году, послѣ того, какъ въ ревизіонномъ отчетѣ Сенатора Манасеина было указано на особенную настоятельность такого преобразованія. 27 Февраля Государь Императоръ Высочайше соизволилъ выразить свое согласіе на то, чтобы было приступлено къ разработкѣ проекта преобразованія балтійскихъ полицейскихъ учрежденій по образцу таковыхъ же учрежденій прочихъ губерній. Въ видахъ осуществленія этой проектированной вслѣдствіе сего Высочайшаго

повелѣнія реформы, Министерство затребовало отъ Губернатора отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ; въ началѣ Апрѣля 1885 года Губернаторъ препроводилъ мнѣ для отвѣта нѣкоторые вопросы, касающіеся Эстляндской земской полиціи и входящіе вслѣдствіе того въ предѣлы вѣдомства дворянства. Изъ дошедшихъ до свѣдѣнія Дворянскаго Комитета мотивовъ Министерства вытекало, что, съ одной стороны, Министерство опасалось несовмѣстимости самаго начала сословныхъ выборовъ, на коемъ основываются учрежденія балтійской полиціи, съ желательною независимостью полицейскихъ чиновъ и съ надлежащимъ отношеніемъ ихъ къ Губернскому Начальству и что, съ другой стороны, оно не находило въ современной организаціи полиціи достаточнаго обезпеченія къ сохраненію государственнаго порядка и общественной безопасности. На основаніи такихъ-то соображеній подлежало отмѣнѣ исторически пріобрѣтенное и въ теченіи столѣтій принадлежавшее дворянству право производства выборовъ—*право, обезпеченное за нимъ трактатами* и неоднократно Высочайше ему подтвержденное. Чѣмъ болѣе дворянство было убѣждено въ томъ, что одно только избирательное право служитъ ему достаточнымъ обезпеченіемъ сохраненія и впредь неопороченныхъ и образованныхъ полицейскихъ органовъ, тѣмъ болѣе оно было заинтересовано въ принятіи всѣхъ мѣръ къ сохраненію за собою этого своего важнѣйшаго и преимущественнаго права. Въ виду этого Дворянскій Комитетъ уполномочилъ меня, исходя изъ этой точки зрѣнія, войти къ Губернатору и Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ обстоятельными представленіями и, въ случаѣ безуспѣшности таковыхъ, подать непосредственно Его Величеству всеподданнѣйшее прошеніе о сохраненіи на будущее время предоставленнаго дворянству избирательнаго права. Въ заявленіи на имя Губернатора, копія съ коего была мною препровождена Товарищу Министра Генералу Оржевскому, обращалось преимущественное вниманіе на то, что дворянство всегда серьезно и обдуманно пользовалось избирательнымъ правомъ и что результаты такого способа пользованія симъ правомъ доказали, что оно въ лицѣ Гакенрихтеровъ пользуется такимъ учрежденіемъ, которое, хотя и не удовлетворяетъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ къ предъявляемымъ къ нему требованіямъ, но тѣмъ не менѣе даровало странѣ благо безпристрастнаго и неподкупнаго от-

правленія полицейскихъ обязанностей. Далѣе указывалось на то, что въ основаніи утвержденія Министерства о зависимости полицейскихъ чиновъ отъ избирающаго его сословія лежитъ явно ошибочное предположеніе о томъ, будто бы отношенія чиновниковъ къ ихъ избирателямъ обусловливаются соображеніями денежнаго свойства. Несостоятельность этого предположенія явствуетъ изъ того факта, что Гакенрихтеры, какъ чиновники, не получающіе никакого жалованья, не имѣютъ ни малѣйшаго интереса въ томъ, чтобы оставаться въ этой, соединенной со многими жертвами, должности болѣе предписаннаго закономъ времени. Если принять во вниманіе, какъ мало сочувствія снискала себѣ въ остальныхъ губерніяхъ дѣятельность назначаемыхъ отъ правительства полицейскихъ органовъ, поистинѣ, трудно понять, чѣмъ именно вызывается необходимость пожертвовать оправдавшимъ себя на мѣстѣ учрежденіемъ для введенія, взамѣнъ его, новаго порядка, обѣщающаго весьма сомнительный успѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не опасаться, что при предоставленіи права назначенія правительственнымъ органамъ, нравственныя качества тѣхъ, на кого падетъ выборъ, будутъ менѣе гарантированы, чѣмъ при условіи замѣщенія сихъ должностей по выбору отъ дворянства. Далѣе, въ представленіи упоминалось о томъ, что именно въ Остзейскихъ губерніяхъ сѣмена нивеллирующихъ тенденцій пали на безплодную почву, тогда какъ въ другихъ губерніяхъ стремленія эти получали распространеніе и что для Эстляндіи не представляется никакой необходимости въ „особыхъ мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности“, такъ какъ возбужденныя въ этомъ отношеніи противъ мѣстной полиціи обвиненія представляются лишенными всякаго основанія. Что же касается до расходовъ по всему преобразованію, то были представлены доказательства, что на покрытіе расходовъ, сопряженныхъ съ введеніемъ новаго учрежденія, потребуется ежегодно ихъ увеличеніе на 40 т. рублей. Далѣе доказывалось, что было бы въ высшей степени несправедливо требовать новыя жертвы отъ Эстляндскаго поземельнаго обложенія, на которомъ въ настоящее время лежитъ вся тяжесть по содержанію суда и по покрытію всѣхъ остальныхъ государственныхъ и губернскихъ потребностей. Поэтому и въ виду отсутствія другихъ источниковъ, изъ которыхъ могли бы быть почерпнуты по-

требныя средства, казалось бы, что соотвѣтствующее обремененіе Государственнаго казначейства представляется единственнымъ къ осуществленію реформы средствомъ.

Представители Лифляндскаго и Курляндскаго дворянства въ то время предпочли ходатайствовать чрезъ Комиссію Прошеній о томъ, чтобы дворянствамъ была предоставлена возможность выразить свои мнѣнія по поводу проектированной реформы. Въ связи съ такимъ образомъ дѣйствія моихъ сотоварищей стояло обращенное ко мнѣ предложеніе Эстляндскаго Губернатора истребовать заключеніе дворянства о тѣхъ мѣрахъ, которыя, по мнѣнію его, представляются соотвѣтствующими для приведенія въ исполненіе Высочайшей воли. Дворянскій Комитетъ уполномочилъ меня отвѣтить Губернатору, что его предшественнику уже было передано обстоятельное изложеніе мнѣнія Эстляндскаго дворянства, къ коему нынѣ Дворянскій Комитетъ ничего не имѣетъ добавить. Такъ какъ въ Петербургѣ мнѣ было разъяснено съ компетентной стороны, что преобразованіе полиціи въ государственную составляетъ неотложную потребность времени и такъ какъ представлялось вполнѣ несомнѣннымъ, что на наше представленіе не будетъ обращено вниманія, то я, 4 Октября 1885 г., подалъ Управлявшему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, для представленія Его Величеству Государю Императору, слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

„Всемилостивѣйшій Государь Императоръ!

„Вѣрное Вашему Императорскому Величеству Эст-„ляндское дворянство осмѣливается съ полнымъ довѣріемъ „обратиться къ своему Государю и Императору съ прось-„бою по дѣлу, которое можетъ возымѣть роковое для про-„винціи значеніе, ибо только отъ Вашего Величества, кромѣ „Бога, мы можемъ ожидать помощи и защиты.

„Ваше Императорское Величество 27 Февраля сего „года Высочайше соизволили изъявить согласіе на то, чтобы „въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ былъ разработанъ „проектъ реорганизаціи Прибалтійскихъ полицейскихъ учре-„жденій, который по возможности соотвѣтствовалъ бы общему „положенію объ уѣздной и городской полиціи.

„Основной принципъ этого положенія заключается въ за-„мѣщеніи полицейскихъ должностей по опредѣленію отъ пра-„вительства, между тѣмъ какъ Эстляндскому дворянству въ

„теченіи вѣковъ было предоставлено право самому избирать „мѣстные полицейскіе органы—Гакенрихтеровъ. Примѣненіе „къ Эстляндіи началъ, установленныхъ во всѣхъ остальныхъ „губерніяхъ, отмѣнило бы права, предоставленныя ей на осно- „ваніи капитуляціи 1710 года и неоднократныхъ Высочай- „шихъ подтвержденій и въ особенности отмѣнило бы орга- „низацію Эстляндской земской полиціи, установленную сводомъ „мѣстныхъ узаконеній въ 1845 году.

„При установившейся тѣсной и взаимной связи матеріаль- „наго процвѣтанія нашего края съ правовыми особенностями „его населенія, единственное и исключительное ручательство „за дальнѣйшее правильное теченіе общественной жизни и „государственнаго развитія можетъ быть найдено только въ „сохраненіи начала сословныхъ выборовъ. Эстляндское ры- „царство полагаетъ, что оно всегда съ честью пользовалось „признаннымъ за нимъ правомъ выборовъ. Поскольку чело- „вѣческія учрежденія могутъ вообще быть совершенны, по- „стольку добрая слава Эстляндскихъ судебныхъ и полицей- „скихъ учрежденій свидѣтельствуетъ о томъ, что дворянство „въ полной мѣрѣ съумѣло оцѣнить выпавшее на его долю „высокое благо пользоваться правомъ замѣщенія должност- „ныхъ лицъ по своему выбору. Мѣстные полицейскіе чины „съ немалыми личными жертвами несутъ свою тяжелую по- „четную службу, и въ краѣ царствуютъ тишина и порядокъ. „Населеніе въ высшей степени заинтересовано въ томъ, чтобы „полицейская власть, обезпечивающая ему порядокъ и закон- „ную свободу, была въ рукахъ такихъ лицъ, кои заслужи- „ваютъ его полное довѣріе. Наилучшія же ручательства къ „такому довѣрію даютъ, несомнѣнно, помѣщики, въ силу сво- „его независимаго положенія, своего образованія и образа „мыслей. Наоборотъ, если правительственнымъ органамъ бу- „дутъ предоставлены назначенія, то встрѣтятся большія за- „трудненія къ испытанію способности и достоинства назна- „ченныхъ полицейскихъ чиновниковъ и къ полученію необхо- „димѣйшаго ручательства за ихъ нравственныя свойства. Если „къ одной отрасли мѣстнаго общественнаго устройства, орга- „низація котораго доселѣ приносила только лучшіе плоды, „будетъ примѣнена система, основы которой покоятся на „совершенно иныхъ условіяхъ и отношеніяхъ, то надлежитъ „опасаться, что весь доселѣ опредѣленно признанный, свое-

„образный мѣстный строй и его самостоятельное развитіе „будутъ подвергнуты критикѣ. Въ виду такихъ угрожающихъ „признаковъ, Эстляндское дворянство чувствуетъ себя вы„нужденнымъ испросить и впредь милостивое покровитель„ство Вашего Императорскаго Величества для мѣстнаго „права, которое доселѣ давало ему возможность служить „благу края и всего Государства въ формахъ ему привычныхъ „и имъ излюбленныхъ. Въ нашихъ сердцахъ еще живо вос„поминаніе о томъ высокомъ счастіи, которое выпало на долю „нашего края въ весьма еще недавнее время, когда Ваше „Императорское Величество съ Августѣйшей Семьей „изволили пребывать въ Гапсалѣ, и о томъ Высочайшемъ „вниманіи и одобреніи, съ которыми Ваше Императорское „Величество изволили относиться къ порядку и способамъ, „коими удовлетворяются у насъ мѣстныя, государственныя „потребности.

„Ваше Императорское Величество! во всѣ времена „тяжкихъ опасеній за будущность края, когда Эстляндское „дворянство осмѣливалось молить своего Монарха о защитѣ, „то оно постоянно находило въ своемъ Государѣ заступ„ника своихъ правъ. Такъ и нынѣ оно осмѣливается взывать „къ чувствамъ справедливости и благости, отголосокъ коихъ „оно несомнѣнно чаетъ найти въ отеческомъ сердцѣ Вашего „Императорскаго Величества.

„Въ неограниченномъ довѣріи къ милости своего Госу„даря, Вашего Императорскаго Величества вѣрное „Эстляндское рыцарство откровенно высказало свои опасенія „и проситъ, да благоволите Ваше Императорское Вели„чество и впредь сохранить за дворянствомъ его важнѣйшее „право—право выборовъ“.

1-го Ноября Губернаторъ сообщилъ мнѣ, что Его Величество, ознакомившись со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ Эстляндскаго дворянства по предмету полицейской реформы, изволилъ приказать объявить дворянству, „что Высочай„шая воля относительно возбужденнаго вопроса уже выра„жена въ Высочайшемъ указѣ отъ 27-го Февраля“.

Съ тѣхъ поръ дѣло это перешло на обсужденіе въ Государственный Совѣтъ. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ расходъ на содержаніе Уѣздныхъ Полицейскихъ Управленій, Становыхъ Приставовъ и Урядниковъ предполагается отнести

на казенный счетъ, тогда какъ расходъ по найму помѣщеній уѣздныхъ управленій и прочихъ полицейскихъ чиновниковъ, равно какъ и расходы на ихъ разъѣзды по дѣламъ службы, должны быть отнесены на земскія средства. По предположенному штату, который значительно превышаетъ тотъ, который предложенъ Дворянскимъ Комитетомъ, смѣтныя суммы исчислены въ размѣрѣ 8.500 руб. на каждое уѣздное полицейское управленіе, коихъ предполагается въ Эстляндской губерніи 4; изъ этой суммы Исправнику полагается 2.500 р.; его Помощнику—1.500 р.; его Секретарю—1.200 р.; 2-мъ Столоначальникамъ—каждому по 600 р.; Регистратору—600 р. и на канцелярскіе расходы—1.500 р.; содержаніе 13 Становыхъ Приставовъ на Эстляндію исчислено въ 2.000 р. на станъ, считая въ томъ числѣ канцелярскій расходъ, а каждому изъ 30 Урядниковъ предполагается ежегодное содержаніе въ 350 р. с. Такимъ образомъ вновь проектированный штатъ полицейскихъ учрежденій достигаетъ въ общей сложности 72.600 р. ежегодно; причемъ сюда не причислена еще та сумма, которая отнесена на земскій счетъ. Въ эту смѣту также не вошли расходы по устройству и содержанію мѣстъ заключенія.

Въ послѣднее время компетенція прибалтійскихъ полицейскихъ учрежденій потерпѣла значительное ограниченіе на основаніи Сенатскаго указа 28 Августа 1885 г., въ силу коего всѣ незаконченныя производствомъ дѣла о проступкахъ, за которые по Уложенію о Наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями, опредѣлено наказаніе, превышающее денежный штрафъ въ 15 руб., должны быть изъяты изъ производства полицейскихъ учрежденій и переданы подлежащимъ судебнымъ мѣстамъ. Тѣмъ же указомъ отмѣнено право полицейскихъ учрежденій присуждать къ аресту отъ одного до трехъ мѣсяцевъ и къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Тѣмъ самымъ предѣлы власти существующихъ въ Остзейскихъ губерніяхъ судебно-полицейскихъ учрежденій согласованы во всемъ ихъ объемѣ съ соотвѣтствующими имъ уѣздными полицейскими учрежденіями остальныхъ губерній.

Далѣе не могу не упомянуть, что Эстляндское Губернское Правленіе циркулярнымъ предписаніемъ отъ 29 Января 1886 г. сообщило Гакенрихтерамъ, что всѣ гражданскіе иски, предметъ коихъ превышаетъ стоимость въ 15 р., въ томъ числѣ и спорныя дѣла между помѣщиками и арендаторами ихъ

мызной земли, должны быть изъяты изъ компетенціи Гакенрихтерскихъ судовъ. Ограниченіе компетенціи Гакенрихтеровъ въ уголовныхъ дѣлахъ имѣло своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ крайне обременительное увеличеніе дѣлопроизводства Мангерихтовъ; но кромѣ того вліяніе новаго порядка выразилось также въ несомнѣнномъ потрясеніи авторитета Гакенрихтерской власти и въ обусловленномъ тѣмъ самымъ уменьшеніи общественной безопасности. Введеніе новыхъ полицейскихъ учрежденій не будетъ и не можетъ имѣть средствъ къ устраненію этого бѣдствія, ибо ихъ судебно-полицейскія функціи ограничиваются кругомъ дѣятельности, предоставленнымъ Гакенрихтерамъ.

Обращаюсь теперь къ многознаменательной реформѣ нашей народной школы, которая изъята изъ вѣдавшаго ею доселѣ управленія и Высочайшимъ повелѣніемъ 28 Ноября 1885 г. передана въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Это Высочайшее повелѣніе, которое ставитъ цѣлью „равномѣрный контроль какъ надъ учебными заведеніями, такъ и надъ преподаваніемъ", обусловливаетъ соотвѣтствующія измѣненія Высочайше 25 Апрѣля 1875 г. утвержденныхъ правилъ для евангелическо-лютеранскихъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій Эстляндіи. Въ виду сего Попечителю Дерптскаго Учебнаго Округа, вѣдѣнію коего народныя школы и семинаріи отнынѣ подлежатъ, было поручено Министерствомъ выработать проектъ и представить его на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ. На этотъ конецъ Попечитель прежде всего пожелалъ узнать мнѣніе дворянства — согласно ли оно впредь содержать Кудаскую учительскую семинарію на основаніи общихъ правительственныхъ постановленій касательно утвержденія учителей и учебной программы. Дворянскій Комитетъ заявилъ, что дворянство согласно и впредь содержать одну эстонскую семинарію для образованія учителей для народныхъ школъ подъ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы въ новомъ школьномъ уставѣ было совершенно ясно оговорено, что дворянство принимаетъ на себя этотъ расходъ вполнѣ добровольно, причемъ оно сохраняетъ за собой право сказанную семинарію распустить, представивъ объ этомъ Попечителю за годъ впередъ письменное заявленіе. Отъ вполнѣ опредѣленнаго согласія на это условіе дворянство ставило въ зависимость дальнѣйшее существованіе Ку-

даской семинаріи, причемъ оно указывало на необходимость отмѣнить существующія нынѣ относительно этого вопроса постановленія въ Крестьянскомъ Положеніи и въ правилахъ для учительскихъ семинарій и замѣнить ихъ новыми, выработка коихъ для представленія на утвержденіе законодательнымъ порядкомъ будетъ зависѣть отъ Попечителя Учебнаго Округа. Относительно народныхъ школъ Попечитель предложилъ на мое соображеніе нѣкоторыя предположенія, сущность коихъ сводилась къ тому, чтобы передать наблюденіе за преподаваніемъ по всѣмъ предметамъ, исключая Закона Божьяго, Попечителю Дерптскаго Учебнаго Округа, который присвоиваетъ себѣ также право увольнять учителей и учительницъ за неспособность по своему усмотрѣнію, а равно разрѣшать дѣла по представляемымъ ему жалобамъ на уѣздные училищные совѣты. Эти послѣдніе, по предположенію Попечителя, должны подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства состоять изъ одного члена по выбору отъ дворянства, одного духовнаго лица по выбору Консисторіи, двухъ волостныхъ старшинъ по выбору всѣхъ прочихъ волостныхъ старшинъ, одного члена по назначенію отъ Губернатора и двухъ отъ Попечителя Учебнаго Округа. Въ составъ Губернскаго Училищнаго Совѣта должны войти Губернскій Предводитель Дворянства въ качествѣ Предсѣдательствующаго, одинъ дворянинъ по выбору отъ дворянства, Генералъ-Суперинтендентъ, по одному члену по назначенію отъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія и Инспекторъ Народныхъ Училищъ, онъ же исполняетъ обязанности дѣлопроизводителя Совѣта и за его отсутствіемъ ни одно засѣданіе состояться не можетъ. Министерскому утвержденію подлежатъ какъ выборъ учебныхъ предметовъ и программъ ихъ преподаванія, такъ и выборъ учебныхъ книгъ. Далѣе, всѣ школы, курсъ преподаванія коихъ превышаетъ курсъ народныхъ училищъ, подчиняются непосредственному управленію Инспектора Народныхъ Училищъ. Крестьянскимъ обществамъ проектъ предоставляетъ право, съ согласія Попечителя, открывать министерскія школы на общихъ основаніяхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Дворянскій Комитетъ, ознакомившись съ этими предположеніями, пришелъ къ убѣжденію, что они имѣютъ цѣлью полную реформу нынѣ существующаго строя народной школы,

при чемъ однако вовсе не усматривается, почему при переходѣ школъ изъ одного вѣдомства въ другое потребовалась такая полная реорганизація порядка вещей, доселѣ служившаго только къ благу и процвѣтанію края. Сохраненіе за народной школой ея вѣроисповѣднаго характера — вотъ гдѣ лежитъ центръ тяжести всего вопроса для Дворянскаго Комитета. Наша евангелическо-лютеранская народная школа носитъ характеръ, — нынѣ особенно рѣзко запечатлѣнный, — церковной школы и потому она измѣнится въ существѣ своемъ, когда нынѣшнее управленіе ея, которое преимущественно сосредоточивается въ рукахъ духовенства, замѣнится инымъ. Лишь только установится порядокъ, при которомъ программа народной школы, которая естественно нынѣ зиждется на религіозномъ развитіи, можетъ ежеминутно быть измѣнена въ иномъ направленіи, возникнетъ, по моему мнѣнію, опасеніе, что этотъ нынѣ главный предметъ преподаванія будетъ оттѣсненъ на задній планъ. Наша церковная школа подвергается опасности лишиться своего вѣроисповѣднаго характера. Правила 1875 года, доселѣ регулировавшія нашъ народный школьный строй, принципіально обезпечивали за ними вѣроисповѣдный ихъ характеръ самымъ наименованіемъ своимъ: „Правила для *Евангелическо-Лютеранскихъ* народныхъ школъ и учительскихъ семинарій". Такъ какъ однако предположенія г. Попечителя вовсе не давали подобнаго обезпеченія въ будущемъ, то Дворянскій Комитетъ не счелъ возможнымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе предположеній Попечителя, прежде чѣмъ онъ не получитъ отъ него полнаго ручательства, что основной принципъ останется въ силѣ, т. е. народной школѣ будетъ сохраненъ ея вѣроисповѣдный характеръ. Только увѣрившись предварительно, что это условіе будетъ уважено, дворянство будетъ имѣть возможность войти въ дальнѣйшія соглашенія съ Попечителемъ. Съ тѣхъ поръ какъ Дворянскій Комитетъ высказалъ такую точку зрѣнія на вопросъ, прошло болѣе 5 мѣсяцевъ, но никакого отвѣта отъ г. Попечителя не воспослѣдовало доселѣ. Равно я не получилъ прямого отвѣта о томъ, — принято ли во вниманіе законопроектомъ Попечителя условное согласіе дворянства на продолженіе содержанія учительской семинаріи на счетъ дворянства, или же нѣтъ. Но съ другой стороны на дняхъ Попечитель сдѣлалъ мнѣ запросъ о томъ, намѣревается ли дво-

рянство содержать, какъ доселѣ, существующія нынѣ лютеранскія семинаріи, при чемъ въ этомъ запросѣ указывается, что въ учебной программѣ ихъ должно быть обращено вниманіе на то, чтобы по окончаніи семинарскаго курса воспитанники были бы въ состояніи преподавать въ народныхъ школахъ на русскомъ языкѣ. Предполагая, что этотъ запросъ Попечителя будетъ включенъ въ число очередныхъ вопросовъ на предстоящемъ Ландтагѣ, я позволю себѣ замѣтить, что по мнѣнію Дворянскаго Комитета, нынѣ существующіе органы училищнаго управленія должны продолжать свою дѣятельность и фактически и въ силу права впредь до разрѣшенія законодательнымъ путемъ вопроса относительно ихъ.

Разрѣшите мнѣ теперь доложить о ходѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, возбужденныхъ на послѣднемъ очередномъ Ландтагѣ.

Ландтагъ поручилъ мнѣ 1) ходатайствовать предъ Правительствомъ, чтобы при обложеніи земли подесятинно, въ случаяхъ перемѣнъ владѣнія посредствомъ покупки или по наслѣдству,—неудобная земля не входила бы въ счетъ. Вслѣдствіе сего я вошелъ съ представленіемъ къ Губернатору касательно утвержденія въ подлежащихъ законодательныхъ инстанціяхъ предложеннаго Ландтагомъ измѣненія въ законѣ 19 Мая 1883 г. Я мотивировалъ предложеніе тѣмъ, что нормировка по уѣздно-средней стоимости десятины земли въ Эстляндіи не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительному положенію вещей, ибо разница въ качествѣ земли вовсе не соотвѣтствуетъ границамъ уѣздовъ и обложеніе сдѣлалось бы весьма неравномѣрнымъ относительно дѣйствительной стоимости земли даже въ томъ случаѣ, если бы оно распространялось только на удобныя земли и лѣса. Но эта неравномѣрность была бы особенно чувствительна, если бы согласно буквѣ закона, неудобныя земли подлежали бы также обложенію и такимъ образомъ поземельный участокъ, состоящій преимущественно изъ неудобныхъ земель, былъ бы обложенъ одинаково съ участкомъ, состоящимъ преимущественно или исключительно изъ земли удобной. Въ Сентябрѣ 1885 г. Губернское Правленіе увѣдомило меня, что, согласно полученному изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отношенію, Министерство Финансовъ сообщило: „что установленная мнѣ„ніемъ Государственнаго Совѣта 19 Мая 1883 г. оцѣнка зе„мельныхъ участковъ, незаложенныхъ въ кредитныхъ учре-

„жденіяхъ, не распространяется на тѣ земли, кои по меже-„вымъ законамъ отнесены къ разряду неудобныхъ, если тако-„выя дѣйствительно не даютъ никакого дохода". Министерство Финансовъ присовокупляло, что Высочайше утвержденная оцѣночная таблица, по которой стоимость десятины земли въ уѣздахъ Эстляндской губерніи исчислена въ предѣлахъ отъ 55 до 30 рублей, была послана имъ на разсмотрѣніе Предсѣдателю Эстляндскаго селько-хозяйственнаго общества и Управляющаго Эстляндскою Казенною Палатою, которые однакожъ не признали себя компетентными предложить какія либо особыя правила земельной оцѣнки соотвѣтственно мѣстнымъ экономическимъ условіямъ. Вслѣдствіе этого Министерство Финансовъ имѣетъ въ виду содѣйствіе Эстляндскаго Ландтага, чтобы добыть для предстоящаго вторичнаго пересмотра дѣйствующихъ нынѣ оцѣночныхъ правилъ, самыя точныя данныя касательно дѣйствительной стоимости земельныхъ участковъ, подлежащихъ обложенію; далѣе Министерство указываетъ, что заинтересованныя стороны, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта отъ 19 Мая 1883 г., не лишаются права ходатайствовать объ уменьшеніи установленной по закону оцѣнки въ случаѣ несоотвѣтствія ея съ дѣйствительной стоимостью земли. Хотя доселѣ запроса къ Ландтагу относительно его мнѣнія по сему предмету не воспослѣдовало и установленная въ 1883 году оцѣнка незаложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ земельныхъ участковъ еще донынѣ дѣйствуетъ, но ходатайство Ландтага уважено уже въ томъ смыслѣ, что при исчисленіи пошлинъ за право наслѣдства неудобныя земли не принимаются въ расчетъ. Правда, это постановленіе относится исключительно къ налогу на наслѣдства, а не къ крѣпостнымъ пошлинамъ.

По поводу внесеннаго на Ландтагъ ходатайства объ устройствѣ измѣрителя горизонта водъ при каждой водяной мельницѣ мнѣ было поручено исходатайствовать утвержденіе представленнаго Правительству въ 1881 г. законопроекта объ осушеніи и орошеніи почвы, или, по крайней мѣрѣ, лишь тѣхъ его статей, которыя касаются измѣрителей высоты воды.

Прежде чѣмъ изложить передъ Вами, Милостивые Государи, дальнѣйшій ходъ этого дѣла, я позволю себѣ напомнить Вамъ изъ отчета моего предмѣстника, что въ 1883 г. на обсужденіе Государственнаго Совѣта былъ представленъ

Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ проектъ закона объ осушенiи и орошенiи почвы, касающiйся всей Европейской Россiи, за исключенiемъ губернiй Царства Польскаго, Крыма и Кавказа. Такъ какъ этотъ правительственный проектъ по обнародованiи своемъ долженъ былъ быть распространенъ и на Остзейскiя губернiи, то обсужденiе его было тѣмъ болѣе необходимо, что въ проектѣ имѣлось въ виду намѣтить только общiя, повсемѣстно примѣнимыя указанiя, отлагая на будущее время дальнѣйшее развитiе этихъ правилъ согласно мѣстнымъ условiямъ и указанiямъ опыта. При такомъ положенiи дѣла было главнымъ образомъ необходимо размотрѣть, насколько Эстляндское гражданское право можетъ быть согласовано съ основными положенiями Министерскаго проекта. Сводъ законовъ, за исключенiемъ нѣсколькихъ недостаточныхъ постановленiй о плотинахъ и ихъ поднятiи, не содержитъ въ себѣ никакихъ указанiй относительно правъ пользованiя водою смежныхъ владѣльцевъ; законопроектъ также не содержитъ никакихъ основныхъ правилъ относнтельно обоюдныхъ правъ сосѣдей на пользованiе водою, вслѣдствiе чего въ совокупности производитъ впечатлѣнiе чего-то отрывочнаго. Между тѣмъ, какъ извѣстно, сводъ гражданскаго права Остзейскихъ губернiй содержитъ въ себѣ многочисленныя постановленiя касательно пользованiя водою на смежныхъ земельныхъ участкахъ, касательно пользованiя рѣками и вообще водами для устройства мельницъ и водопроводовъ, а также и общiя объясненiй о различныхъ видахъ права пользованiя водами. Министерскiй проектъ во всѣхъ своихъ частяхъ постоянно возвращается къ порядку принудительнаго отчужденiя и поэтому составленъ примѣнительно къ постановленiямъ свода законовъ, дѣйствующимъ въ случаѣ необходимости отчужденiя для нуждъ государственныхъ и общественныхъ. По Эстляндскому же провинцiальному праву во всѣхъ случаяхъ, предусматриваемыхъ проектомъ, мы имѣемъ дѣло съ сервитутами. Такая разительная противуположность Министерскаго проекта и Эстляндскаго гражданскаго права объясняется, очевидно, тѣмъ, что сервитутное право, повидимому, вообще чуждо русскимъ гражданскимъ законамъ. Такъ какъ коренное различiе гражданскихъ законовъ обусловливаетъ и совершенно различное отношенiе къ предмету, то примѣненiе Министерскаго

проекта къ Эстляндіи шло бы въ разрѣзъ съ содержаніемъ и системою дѣйствующаго въ Эстляндіи гражданскаго права и введенію въ Эстляндію столь несродныхъ ей постановленій Министерскаго проекта должны бы были предшествовать коренныя законодательныя измѣненія мѣстныхъ гражданскихъ законовъ. Если Министерство Государственныхъ Имуществъ полагало, не простирая дѣйствія этого закона на Польшу на томъ основаніи, что тамошнія имущественныя отношенія опредѣляются не сводомъ законовъ, а Наполеоновскимъ гражданскимъ кодексомъ, а для Крыма и Кавказа предполагается изданіе соотвѣтствующихъ мѣстнымъ обычаямъ правилъ, то мотивъ, имѣющій значеніе для Польши, еще гораздо болѣе приложимъ къ Эстляндіи, такъ какъ въ сервитутномъ правѣ Наполеонова кодекса можно скорѣе найти точки соприкосновенія съ русскимъ правомъ, чѣмъ въ сервитутномъ правѣ, совершенно иначе изложенномъ въ III Томѣ Мѣстныхъ Узаконеній.

Таковы были соображенія, которыя по ознакомленіи съ правительственнымъ законопроектомъ привели Дворянскій Комитетъ къ убѣжденію, что при измѣнившихся обстоятельствахъ первѣе всего надлежитъ настоять на изъятіи Эстляндіи отъ распространенія на нее этого проектированнаго закона въ виду присущихъ ей особенностей; при этомъ Дворянскій Комитетъ полагалъ, что для успѣшнаго осуществленія этой принципіальной точки зрѣнія не слѣдуетъ упоминать въ имѣющемъ быть по этому вопросу поданнымъ правительству представленіи объ изготовленномъ Эстляндскимъ Ландтагомъ особомъ законопроектѣ. Когда обстоятельства приняли такой оборотъ, я долженъ былъ пріостановиться пока исполненіемъ возложеннаго на меня Ландтагомъ порученія. На поданное въ Сентябрѣ 1884 года правительству прошеніе отвѣта доселѣ не воспослѣдовало.

Во исполненіе заключенія Ландтага Эстляндскому Статистическому Комитету дана субсидія въ 500 руб. для обработки данныхъ, добытыхъ народною переписью и уплочено 1.000 руб. на расходы по напечатанію. Въ теченіе послѣдняго трехлѣтія были напечатаны три выпуска отчета о народной переписи сельскаго населенія Эстляндіи. Патріотическое предпріятіе это, начатое и выполненное безъ всякаго правительственнаго содѣйствія, однимъ только частнымъ доброволь-

нымъ трудомъ—завершено на дняхъ изданіемъ „Результатовъ Эстляндской народной переписи“.

Изъ отчета моего предмѣстника почтенное собраніе помнитъ, вѣроятно, что починъ Лифляндскаго дворянскаго представительства побудилъ Дворянскій Комитетъ и съ своей стороны предложить измѣненіе статьи 382-й III Части Мѣстныхъ Узаконеній, ограничивающей продажу крестьянской земли въ томъ смыслѣ, чтобы продажа сиротскихъ крестьянскихъ участковъ, равно какъ и недвижимаго имущества подъ опекой находящихся лицъ, была всегда допустима и именно съ разрѣшенія Сиротскаго Суда въ случаяхъ, когда цѣнность недвижимаго имущества не превышаетъ 300 руб., а въ противномъ случаѣ—съ разрѣшенія только судебныхъ мѣстъ второй инстанціи. По Высочайше утвержденному 31 Января 1884 года мнѣнію Государственнаго Совѣта въ дополненіе къ статьямъ 382 и 493 III Части Мѣстныхъ Узаконеній постановлено, что „исключая случаевъ, поименованныхъ въ „статьѣ 382, изъ состава имущества сиротскаго и подъ опе„кой находящихся лицъ, способомъ, указаннымъ въ означен„ной статьѣ, могутъ быть проданы также отдѣльные кресть„янскіе участки, предоставленные въ пользованіе крестья„намъ, если таковые будутъ куплены крестьнами же“. Ограничительное условіе, выраженное заключительными словами, стоитъ въ противорѣчіи съ Эстляндскимъ Крестьянскимъ Положеніемъ, которое, какъ извѣстно, пріобрѣтеніе крестьянской земли въ собственность вовсе не ставитъ въ зависимость отъ принадлежности къ крестьянскому сословію.

Собранное на Ландтагѣ дворянство постановило повергнуть къ стопамъ Государя Императора адресъ съ изъявленіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ и признательности за милостивыя слова, съ которыми Государь Императоръ благоволилъ обратиться къ дворянству въ Москвѣ по поводу торжественнаго коронованія. За это выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ Его Величество 9 Февраля 1884 года изволилъ приказать благодарить рыцарство. Не хочу обойти молчаніемъ по этому случаю, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ „счелъ полезнымъ“, чтобы изготовленное въ Петербургѣ изображеніе момента, когда Его Величество изволилъ обратиться съ рѣчью къ волостнымъ старшинамъ, собраннымъ въ Москвѣ, было пріобрѣтено всѣми волостными правленіями

и что Дворянскій Комитетъ поручилъ мнѣ распорядиться, дабы рядомъ съ русскимъ первоначальнымъ текстомъ Императорской рѣчи былъ-бы напечатанъ на картинѣ и эстонскій ея переводъ. Когда чрезъ посредство Губернатора я просилъ согласія Министра на прибавленіе эстонскаго перевода къ русскому тексту, я былъ весьма удивленъ сообщеніемъ, что Г. Министръ находитъ такой переводъ излишнимъ. Въ виду выраженнаго въ такой формѣ мнѣнія, Дворянскій Комитетъ предпочелъ оставить дѣло безъ послѣдствія.

По случаю торжества коронованія рыцарство и земство пожертвовало Ревельскому Убѣжищу для слѣпыхъ 10.000 руб. и ходатайствовало о разрѣшеніи на принятіе этого капитала съ присвоеніемъ ему имени Его Императорскаго Величества. Согласно сообщенію Предсѣдателя Совѣта состоящаго подъ Августѣйшимъ Государыни Императрицы покровительствомъ Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, 19 Мая 1884 года воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе принять пожертвованный капиталъ, при чемъ Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ благодарить дворянство за это даръ. На эту пожертвованную сумму Ревельское Убѣжище для слѣпыхъ пріобрѣло въ собственность домъ, торжественное освященіе котораго состоялось прошлою осенью.

Послѣдній Ландтагъ, по примѣру чрезвычайнаго Ландтага 1882 года, отложилъ составленіе заключенія, истребованнаго высшимъ правительствомъ, по вопросу о порядкѣ примѣненія земскихъ учрежденій и ограничился по вопросу о самомъ установленіи земскихъ учрежденій порученіемъ особой комиссіи выработать положеніе о приходахъ, проектъ коего долженъ былъ быть представленъ на разсмотрѣніе и заключеніе Ландтага. При существовавшемъ среди членовъ Комиссіи принципіальномъ разногласіи о представительствѣ тѣхъ группъ, которыя доселѣ не имѣли участія на церковномъ конвентѣ, не представилась возможность придти къ соглашенію и отыскать общее основаніе къ разработкѣ положенія о приходахъ. Въ теченіе предстоящихъ засѣданій Вамъ, Милостивые Государи, еще разъ представится случай возвратиться къ этому, столь часто обсуждавшемуся, предмету.

При семъ позволяю себѣ сообщить, что Дворянскій Комитетъ воздержался отъ участія въ происходившихъ въ Ок-

тябрѣ 1884 г. совѣщаніяхъ прочихъ балтійскихъ дворянскихъ обществъ, такъ какъ Эстляндскій Ландтагъ не предусмотрѣлъ возможности возобновленія совѣщаній балтійской конференціи, а назначеніе депутатовъ на такое совѣщаніе могло исходить только отъ Ландтага.

Согласно порученію Ландтага, Дворянскій Комитетъ передалъ на дальнѣйшее обсужденіе Комиссіи внесенный Графомъ Стенбокомъ-Кولькъ проектъ новаго положенія о наслѣдственной арендѣ. Эта образованная подъ моимъ предсѣдательствомъ Комиссія, состоявшая изъ г.г. Ландратовъ фонъ-цуръ-Мюлена, Барона Майделя-Пастиферъ и внесшаго предложеніе Графа Стенбока, окончила возложенную на нее задачу, причемъ она сочла цѣлесообразнымъ истребовать мнѣніе Управленія Кредитной Кассы относительно интересовъ кассы, затрагиваемыхъ по вопросу о наслѣдственной арендѣ; труды Комиссіи и заключеніе Управленія Кредитной Кассы будутъ Вамъ представлены.

Равнымъ образомъ Ландтагу будетъ доложено заключеніе учрежденной имъ Комиссіи, которая, во исполненіе даннаго ей порученія, вошла въ ближайшее обсужденіе вопроса о выдѣленіи чисто дворянскихъ доходовъ и расходовъ изъ бюджета дворянства и земства.

Послѣ того какъ я представилъ Вамъ отчетъ о порученіяхъ, данныхъ мнѣ очереднымъ Ландтагомъ, мнѣ остается доложить о нѣкоторыхъ неупомянутыхъ еще дѣлахъ, веденныхъ Дворянскимъ Комитетомъ.

Въ началѣ 1884 года Министерство Внутреннихъ Дѣлъ по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ и Государственнымъ Контролемъ проектировало преобразованіе Приказовъ Общественнаго Призрѣнія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ еще не введены земскія учрежденія. Предположенное преобразованіе имѣло цѣлью упразднить нынѣшнія управленія мѣстныхъ Приказовъ, содержаніе этихъ учрежденій отнести на счетъ земскихъ средствъ и сосредоточить управленіе или въ уѣздныхъ и губернскихъ административныхъ совѣтахъ или иныхъ соотвѣтсвующихъ имъ учрежденіяхъ. Запрошенный чрезъ посредство Губернатора на счетъ предположенной Министерствомъ передачѣ дворянству и земству Эстляндскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, Дворянскій Комитетъ подалъ свое заключеніе въ томъ смыслѣ, что установленное въ Эстляндіи

обложенiе на покрытiе всѣхъ мѣстныхъ земскихъ потребностей какъ государственныхъ, такъ и губернскихъ и при томъ безъ всякаго подушнаго обложенiя податныхъ сословiй, падаетъ настолько чувствительнымъ бременемъ на земельную собственность, что большее отягощенiе платежныхъ силъ земли должно быть признано вреднымъ. Сопоставленiе расходовъ Приказа съ его приходомъ приводитъ къ заключенiю, что получаемые имъ доходы никоимъ образомъ не могутъ покрыть стоимости его содержанiя и что существованiе этого учрежденiя явится совершенно необезпеченнымъ, лишь только у него будутъ отняты значительныя пособiя, отпускаемыя доселѣ ежегодно изъ средствъ Министерства. При такомъ положенiи вещей слѣдуетъ безошибочно предположить, что принятiе на себя содержанiя Приказа дворянствомъ и земствомъ вызоветъ несоразмѣрное увеличенiе поземельнаго обложенiя, а слѣдовательно не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительнымъ потребностямъ края. Руководствуясь сими соображенiями, Дворянскiй Комитетъ далъ свое заключенiе въ томъ смыслѣ, что въ интересахъ земства представляется нежелательнымъ принять на себя содержанiе Приказа Общественнаго Призрѣнiя.

Доселѣ дворянство не имѣло новаго повода высказать свое мнѣнiе по этому еще не разрѣшенному вопросу.

Согласно Высочайше 17 Января 1884 года утвержденному мнѣнiю Государственнаго Совѣта, обложенiе удобной земли и лѣса въ Эстляндiи увеличено до $1^1/_4$ коп. съ десятины. Касательно распредѣленiя государственнаго земельнаго налога на удобную землю и лѣсъ — Дворянскiй Комитетъ постановилъ, соразмѣрно общему увеличенiю государственнаго земельнаго налога съ 0,55 коп. до 1,25 коп., повысить и налогъ съ лѣса подесятинно съ $^1/_4$ до $^1/_2$ коп. На семъ основанiи установленный Министерствомъ Финансовъ для Эстляндiи поземельный налогъ въ размѣрѣ 17.583 руб. взимается слѣдующимъ порядкомъ: съ 319.531 дес. лѣса по $^1/_2$ к. за десятину—1.597 р. 66 к., остальная же часть общей суммы въ размѣрѣ 15.985 р. 34 к. распредѣляется на 9.204,96 податныхъ гакеновъ губернiи, такъ что на одинъ приходится 1 р. 73,66 к.

Указомъ Сенату отъ 8 Iюля 1883 года было обнародовано Высочайше утвержденное мнѣнiе Государственнаго Совѣта, коимъ устанавливается, что выморочное имущество дворянъ,

заключающееся въ недвижимой собственности, переходитъ къ дворянству той губерніи, въ коей имущество это находится; имущество же, заключающееся въ движимой собственности, представляется дворянству той губерніи, къ коему умершій былъ приписанъ. Нѣкоторыя собранія дворянства ходатайствовали о дополненіи этого опредѣленія закона въ томъ смыслѣ, чтобы оно было распространено и на имущество тѣхъ потомственныхъ дворянъ, кои не были занесены въ родословныя книги, и просили меня присоединиться къ такому ходатайству. Но такъ какъ ст. 1970 мѣстн. узак. въ противоположность вышеприведенному мнѣнію Государственнаго Совѣта, которое заключаетъ въ себѣ измѣненіе и дополненіе соотвѣтствующихъ статей свода законовъ Имперіи, устанавливаетъ, чтобы выморочное имущество дворянъ поступало въ пользу казны, то я, на основаніи постановленія Дворянскаго Комитета, прежде всего чрезъ посредство Губернатора ходатайствовалъ объ отмѣнѣ законодательнымъ путемъ ст. 1970 м. у. и замѣнѣ ея закономъ, изданнымъ для остальныхъ губерній Имперіи. Какъ скоро представленіе это будетъ уважено, дворянское представительство присоединится къ ходатайству, возбужденному нѣкоторыми дворянскими собраніями. Я позволяю себѣ однако замѣтить, что случая выморочности, имѣющаго значеніе для Эстляндскаго дворянства, до сего времени еще не послѣдовало.

Умершій Титулярный Совѣтникъ Павелъ-Іоганъ-Бернгардъ фонъ-Бартоломей, владѣлецъ находящагося на островѣ Эзелѣ имѣнія Оррикюль, по духовному завѣщанію предоставилъ прибалтійскимъ дворянскимъ обществамъ имѣніе Оррикюль и капиталъ въ размѣрѣ 60.000 р., съ тѣмъ, чтобы въ имѣніи этомъ было устроено убѣжище для 12 дѣвицъ изъ матрикулованнаго прибалтійскаго дворянства. Послѣ того какъ по опредѣленію Лифляндскаго Гофгерихта, отъ 6 Іюня 1885 г. имѣніе Оррикюль и имѣющій храниться въ банкѣ Лифляндскаго дворянства капиталъ въ 61.800 руб. признаны собственностью прибалтійскихъ дворянскихъ обществъ на устройство убѣжища для благородныхъ дѣвицъ, Дворянскій Комитетъ уполномочилъ Эзельскую Ландратскую Коллегію озаботиться записью имѣнія Оррикюль въ крѣпостныя книги согласно состоявшемуся судебному опредѣленію, истребовать вводъ во владѣнія и принять на себя управленіе имѣніемъ и выше-

указаннымъ капиталомъ. Вмѣстѣ съ симъ я заявляю, что уставъ убѣжища въ имѣніиОррикюль можетъ быть просмотрѣнъ желающими въ Канцеляріи Дворянства.

Не имѣя въ виду тѣмъ предупреждать отчета Домскаго Училищнаго Попечительства, который имѣетъ быть доложенъ дворянскому собранію, я однако позволяю себѣ сообщить, что согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта отъ 27-го Ноября 1884 года Рыцарское и Домское училище причислены къ училищамъ 2 разряда по отношенію къ отбыванію воинской повинности, такъ что ученики Домскаго училища, кончившіе курсъ 2-го класса, пользуются тѣми же правами, какъ и воспитанники гимназій. Чрезъ посредство Домскаго Училищнаго Попечительства до свѣдѣнія Дворянскаго Комитета дошло, что Попечитель Дерптскаго Учебнаго Округа получилъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія предписаніе сдѣлать распоряженіе о разработкѣ устава для Домскаго Училища. Но такъ какъ Домское Училище имѣетъ утвержденный 1831 г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія уставъ, содержаніе коего вошло въ собраніе распоряженій сего Министерства, то я и обратилъ вниманіе Г. Министра на это обстоятельство, указавъ при этомъ, что дворянство желаетъ сохраненія этого устава, что всѣ позднѣйшія измѣненія этого устава, признанныя необходимыми, не вызвали возраженій и что, въ случаѣ желательности какихъ-либо новыхъ измѣненій, дворянство надѣется, что подлежащіе проекты будутъ присланы на его разсмотрѣніе. На это представленіе Министръ отвѣтилъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о введеніи новаго устава, но объ утвержденіи учебной программы и что для приравненія Домскаго Училища съ прочими гимназіями округа представляется необходимымъ исходатайствовать утвержденіе устава законодательнымъ путемъ. Дворянскій Комитетъ въ виду сего и просилъ Домское Училищное Попечительство составить проектъ устава для представленія его на разсмотрѣніе настоящаго Ландтага.

Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ Попечителю Дерптскаго Учебнаго Округа, что содержащіяся на мѣстныя средства среднія учебныя заведенія обязаны вносить на содержаніе Ученаго Комитета Министерства установленные Высочайше утвержденнымъ 8 Марта 1856 г. всеподданнѣйшимъ

отчетомъ Министра Народнаго Просвѣщенія 2°/o вычета изъ платы, поступающей за ученіе и содержаніе живущихъ въ въ заведеніи воспитанниковъ. Въ виду сего Попечитель счелъ нужнымъ распространить введеніе 2°/o налога и на Домское училище и предложилъ Попечительству взимать помянутый налогъ съ 1 Января 1886 года. Высочайшее повелѣніе отъ 8 Марта 1856 г. до сего времени примѣнялось лишь къ тѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, которыя содержатся на счетъ казны, и расширительное толкованіе закона о вычетахъ въ пользу Ученаго Комитета могло бы послѣдовать только путемъ законодательнымъ. Посему, по мнѣнію Дворянскаго Комитета, требовалось изданіе спеціальнаго законодательнаго акта для того, чтобы можно было распространить дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія, въ коемъ вовсе и не упоминается объ учебныхъ заведеніяхъ, содержащихся на мѣстныя средства, и на такія учебныя заведенія. Это совершенно законная и мотивированная вполнѣ основательными финансовыми соображеніями просьба объ освобожденіи Домскаго Училища отъ 2°/o налога была оставлена безъ послѣдствій и по той именно причинѣ, что, по мнѣнію Министра, было бы несправедливымъ допустить въ пользу Домскаго Училища, получающаго отъ казны ежегодную субсидію въ размѣрѣ 1.500 руб., исключеніе, которое не распространялось бы на учебныя заведенія, вовсе не получающія казенной субсидіи или получающія таковую въ меньшемъ размѣрѣ.

Правила, изданныя 18 Мая 1884 года Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго Округа для экзаменовъ по русскому языку и русской исторіи въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, ставили столь высокія требованія, что выполненіе ихъ, по свидѣтельству всѣхъ свѣдущихъ лицъ, оказывалось вполнѣ невозможнымъ. Правила эти требуютъ, чтобы испытуемый по меньшей мѣрѣ былъ въ состояніи представить переводъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ *безъ ошибокъ* и чтобы исторія Россіи была главнымъ предметомъ преподаванія. Такъ какъ изданіемъ неисполнимыхъ постановленій, подобныхъ помянутымъ правиламъ, можетъ быть достигнуто лишь пониженіе общаго уровня образованія въ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ не представляется даже возможнымъ, чтобы ученики достигли требуемаго этими правилами знанія русскаго языка, то товарищи мои по Лифляндіи и Курляндіи

и я сочли своей непремѣнной обязанностью обратиться къ Министру Народнаго Просвѣщенія съ коллективнымъ представленіемъ объ отмѣнѣ этихъ правилъ. Министръ оставилъ просьбу эту безъ послѣдствій и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что, Ученый Комитетъ, коему проектъ этихъ правилъ былъ представленъ на разсмотрѣніе, нашелъ ихъ вполнѣ соотвѣтствующими своей цѣли, и что такой взглядъ Комитета оправдывается опытомъ, такъ какъ на экзаменахъ произведенныхъ послѣ изданія новыхъ правилъ, испытуемые безъ особаго труда удовлетворяли предъявленнымъ къ нимъ требованіямъ.

Къ представленію коллективнаго представленія всѣхъ представителей Прибалтійскаго дворянства Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ подали поводъ появившіяся въ русской печати въ началѣ 1885 года инсинуаціи, обращенныя противъ нѣмецкаго населенія въ особенности же противъ дворянства Прибалтійскихъ губерній, въ коихъ нахальство нѣкоторыхъ органовъ этой печати доходило до того, что они осмѣливались обвинять дворянство въ сочувствіи поджогу Якобштадтской православной церкви. Хотя нѣмецкое населеніе справедливо находило унизительнымъ для себя обращать какое-либо вниманіе на клевету русской печати и отнеслось къ ней съ заслуженнымъ презрѣніемъ, тѣмъ не менѣе въ данномъ случаѣ взысканіе съ виновныхъ являлось вполнѣ умѣстнымъ, такъ какъ безнаказанность печати давала бы мѣсто предположенію, что Прибалтійское дворянство утратило довѣріе правительства, котораго оно по своему убѣжденію всегда заслуживало. Мои товарищи и я обратились посему къ Графу Толстому съ просьбой о защитѣ отъ дерзкихъ нападокъ чисто-русской печати. Единственнымъ послѣдствіемъ этого ходатайства было воспрещеніе дальнѣйшей газетной полемики о Якобштадтскомъ поджогѣ, но оффиціальнаго удовлетворенія нѣмецкое населеніе Прибалтійскихъ губерній не удостоилось.

Отчетъ объ издержкахъ изданія газетъ „Kündja“ и „Arajs“ за 1883 г. привелъ Прибалтійское дворянство къ убѣжденію, что эти газеты въ теченіе двухлѣтняго существованія не могли противустать напору неблагопріятныхъ обстоятельствъ и что даже при условіи дальнѣйшей выдачи субсидій со стороны дворянства, нельзя надѣяться на ихъ улучшеніе. Такъ какъ успѣхъ ни въ какомъ отношеніи не соотвѣтствовалъ поне-

сеннымъ издержкамъ, то всѣ дворянства, по инициативѣ Лифляндскаго, постановили прекратить изданіе этихъ газетъ съ 1 Іюля 1884 года.

Благоразумное направленіе, коимъ такъ выгодно для себя отличалась издаваемая Г. Эйхгорномъ газета „Tallina-Sõber“ отъ другихъ эстонскихъ повременныхъ изданій, дѣлало желательнымъ обезпечить дальнѣйшее существованіе этой газеты. Такъ какъ упомянутая газета не только въ Эстляндіи, но и въ Лифляндіи встрѣтила сочувствіе, то Лифляндскій дворянскій конвентъ, согласно предложенію Дворянскаго Комитета, разрѣшилъ выдачу этой газетѣ субсидіи въ размѣрѣ 500 руб. Независимо отъ назначенной Эстляндскимъ дворянствомъ для поддержки этой газеты ежегодной субсидіи въ размѣрѣ 600 руб., оно ассигновало лично редактору Эйхгорну ежегодную сумму въ 400 руб., обязавъ его при этомъ періодически представлять выдержки изъ заслуживающихъ вниманія статей эстонскихъ газетъ.

30 Іюня 1884 года истекалъ срокъ второго шестилѣтія, на которое ассигнована была ежегодная субсидія отъ сословій, оказывающихъ денежную поддержку продолженію изданія собранія грамотъ Бунге. Трудъ, столь важный для изученія нашей исторіи, никоимъ образомъ не могъ быть доведенъ до конца къ этому сроку, такъ какъ на лицо имѣлся столь богатый матеріалъ для цѣлаго ряда послѣдующихъ томовъ, что выдача дальнѣйшихъ пособій на третье шестилѣтіе для довершенія этого труда представлялась вполнѣ необходимою. По ходатайству Ревельскаго Магистрата, руководству коего предоставлено изданіе этого труда сословіями нашихъ губерній, Дворянскій Комитетъ разрѣшилъ выдачу пособія въ прежнемъ размѣрѣ по 390 р. ежегодно на слѣдующее шестилѣтіе съ 1 Іюля 1884 г. по 1 Іюля 1890 г. Возбужденный въ то же время Ревельскимъ Магистратомъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли продолжать изданіе по прежней системѣ или же, соотвѣтственно болѣе употребительной формѣ при кодификаціи законовъ, слѣдуетъ ввести какія-либо измѣненія, Дворянскій Комитетъ, согласно съ большинствомъ участвующихъ въ дѣлѣ сословій, рѣшилъ въ смыслѣ перваго изъ сихъ предположеній.

Въ теченіе послѣдняго трехлѣтія дворянское представительство было вынуждено обременять дворянскую кассу значительными чрезвычайными расходами. Поводомъ къ сему

послужила вызванная указомъ объ языкахъ необходимость въ переводахъ не только для собственно дворянскихъ учрежденій и мангерихтовъ, но и для находящихся въ уѣздахъ должностныхъ лицъ и учрежденій, а кромѣ того и недостаточность существующаго личнаго состава мангерихтовъ въ виду состоявшихся измѣненій въ предѣлахъ подсудности и порядкѣ дѣлопроизводства этихъ судовъ. Послѣ того какъ Дворянскій Комитетъ, во вниманіе къ тому, что жалованье въ 1.000 руб., получаемое Секретарями Мангерихтовъ, совершенно не соотвѣтствуетъ количеству возлагаемой на нихъ работы, увеличилъ это жалованье на 500 руб. и кромѣ того ассигновалъ 1.000 р. ежегодно на вознагражденіе сверхштатнаго чиновника при Мангерихтахъ, Дворянскій Комитетъ въ послѣднее время былъ вынужденъ ассигновать сверхъ того ежегодно сумму въ 1.000 руб. для вознагражденія второго сверхштатнаго чиновника, 600 руб. на усиленіе состава канцелярскихъ служителей Мангерихтовъ и увеличить выдачу денегъ на канцелярскіе расходы съ 180 на 350 руб.

Основанное въ 1876 году въ Балтійскомъ Портѣ мореходное училище, первое и въ то время единственное училище такого рода въ Эстляндіи, имѣетъ цѣлью подготовлять знающихъ моряковъ для дальняго и каботажнаго плаванія и такимъ образомъ открываетъ для приморскаго населенія доступъ къ выгодной профессіи. Уже нѣсколько лѣтъ Попечительство этого училища хлопотало о пріобрѣтеніи средствъ на постройку школьнаго дома и съ помощью города Ревеля и Ревельскаго Биржевого Комитета ему удалось собрать на этотъ предметъ 2.500 руб. Но такъ какъ на такую постройку требуется не менѣе 8—10 тысячъ рублей, то Попечительство обратилось къ дворянскому представительству съ ходатайствомъ объ ассигнованіи ежегоднаго взноса на увеличеніе строительнаго капитала. Въ виду общеполезнаго назначенія училища, Дворянскій Комитетъ охотно удовлетворилъ эту просьбу и ассигновалъ впредь до очередного Ландтага ежегодное пособіе въ размѣрѣ 300 рублей. На благоусмотрѣніе настоящаго Ландтага будетъ представлено ходатайство Попечительства Балтійско-Портскаго Мореходнаго училища объ ассигнованіи этого пособія на предстоящее трехлѣтіе.

По примѣру произведенной уѣздными депутатами 1881 г. ревизіи контрактовъ, заключенныхъ на сдачу крестьянскихъ

усадебъ, такая ревизія была повторена и въ послѣднее трехлѣтіе, такъ какъ Дворянскій Комитетъ призналъ необходимымъ періодически возобновлять эту ревизію и назначилъ для сего трехлѣтній срокъ. Ревизія имѣла цѣлью выяснить законность арендныхъ контрактовъ и провѣрить, имѣются ли въ Приходскихъ Судахъ необходимые документы объ отграниченіи крестьянскихъ земель. Результаты разслѣдованія были сообщены г.г. Приходскимъ Судьямъ, при чемъ имъ было предложено въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ арендные контракты вовсе не имѣются, или составлены не согласно съ закономъ, приложить стараніе къ тому, чтобы контракты были заключены согласно требованіямъ закона. Въ связи съ результатомъ этой ревизіи находились принятыя по иниціативѣ дворянскаго представительства со стороны крестьянской Комиссіи извѣстныя мѣры, коими устанавливался срокъ для заключенія контрактовъ съ предвареніемъ, что по истеченіи его на счетъ неисправнаго помѣщика существующіе между имъ и крестьянами устные договоры, по сколько они законны, будутъ облечены въ форму контракта. На случай отказа одной изъ договаривающихся сторонъ отъ подписи, имѣлись въ виду дальнѣйшія принудительныя мѣры, коими обезпечивалось точное исполненіе закона.

При этомъ я упоминаю еще и о томъ, что по иниціативѣ Дворянскаго Комитета была предпринята ревизія нѣкоторыхъ спеціальныхъ отраслей дѣятельности Гакенрихтеровъ съ тою цѣлью, чтобы фактически осуществить контроль, столь необходимый въ интересахъ нашихъ корпоративныхъ органовъ. Благодаря предупредительному образу дѣйствій г.г. Гакенрихтеровъ г.г. уѣздные депутаты имѣли возможность распространить свою ревизію и на веденіе кассовой книги и казенной шнуровой книги, равно какъ и на правильное употребленіе штрафныхъ денегъ.

Въ Апрѣлѣ 1886 года Губернаторъ увѣдомилъ меня, что Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ предложилъ ему принять мѣры къ возстановленію Эстляндской Крестьянской Комиссіи въ составѣ, указанномъ ст.ст. 1295, 1286 и 1289 Крест. Полож., такъ какъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министерствомъ Юстиціи, признало, что къ дальнѣйшему оставленію Комиссіи въ составѣ, измѣненномъ правилами 1859 г., не представляется никакой необходимости.

Вмѣстѣ съ симъ Губернаторъ потребовалъ, чтобы согласно ст. 1288 Кр. Пол. были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія для выбора въ Комиссію 4 членовъ отъ дворянства и такого же числа кандидатовъ. Составъ, въ которомъ Эстляндская Крестьянская Комиссія дѣйствовала въ теченіи послѣднихъ 27 лѣтъ, какъ извѣстно, установленъ дополнительными правилами къ Крестьянскому Положенію 1856 г., Высочайше утвержденными 23 Января 1859 г. въ видѣ опыта на три года. Эти самыя правила, по соглашенію двухъ Министерствъ, предположено было замѣнить тремя статьями Крестьянскаго Положенія, установлявшими первоначальный составъ Крестьянкой Комиссіи. По дополнительнымъ правиламъ 1859 года, въ составъ Комиссіи подъ предсѣдательствомъ Губернатора входили Предводитель Дворянства, Совѣтникъ Губернскаго Правленія и два члена по выбору дворянства; далѣе установлено, чтобы Предводитель Дворянства замѣнялъ Губернатора, когда сей послѣдній по законнымъ причинамъ самъ не можетъ предсѣдательствовать въ Комиссіи, и что Секретарь Комиссіи избирается дворянствомъ. Напротивъ того, по первоначальнымъ постановленіямъ Положенія о крестьянахъ, къ составу Комиссіи принадлежатъ кромѣ Предсѣдателя, Вице-Губернаторъ, два Совѣтника Губернскаго Правленія и четыре члена отъ дворянства. Губернатора, въ случаѣ какого-либо препятствія, замѣщаетъ Вице-Губернаторъ и выборъ Секретаря лежитъ на обязанности Комиссіи. Его Императорское Величество въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II согласно съ заключеніемъ Остзейскаго Комитета отъ 6 Апрѣля 1862 года Высочайше повелѣть соизволилъ: „дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ въ 1859 г. въ видѣ опыта на три года дополнительныхъ постановленій къ Положенію о крестьянахъ Эстляндской губерніи продолжить еще на 6 лѣтъ, съ тѣмъ, что Генералъ-Губернаторъ по прошествіи трехъ лѣтъ имѣетъ представить свои соображенія о томъ, не должны ли эти постановленія получить окончательное утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ“. Такимъ образомъ было Высочайше утверждено, что дополнительныя постановленія должны имѣть силу и далѣе. Хотя ихъ дѣйствіе было признано на опредѣленный срокъ, однако изъ этого нельзя заключать, что по истеченіи сего срока дѣйствіе ихъ прекращается само собою безъ особаго законодательнаго акта. Такъ какъ дополнитель-

ныя постановленія ни въ 1868 г., ни послѣ того не были отмѣнены, то, напротивъ того, они должны дѣйствовать далѣе, пока ихъ отмѣна или упраздненіе не послѣдуетъ въ законодательномъ порядкѣ, т. е. по Высочайшему утвержденію. Руководимый этими соображеніями и проникнутый убѣжденіемъ, что Высочайше утвержденные Его Императорскимъ Величествомъ законы и повелѣнія всѣми подданными, не исключая высшихъ сановниковъ Государства, должны почитаться неприкосновенными и могутъ быть отмѣнены не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія, Дворянскій Комитетъ счелъ своею обязанностью представить этотъ вопросъ на вторичное разсмотрѣніе Графа Толстого и выразить надежду, что Министръ признаетъ возможнымъ разрѣшить отсрочку до тѣхъ поръ, пока пересмотръ этого дѣла въ установленномъ порядкѣ будетъ признанъ необходимымъ вслѣдствіе несомнѣнныхъ и ощутительныхъ недостатковъ закона. Это представленіе я лично передалъ Графу Толстому и сообщилъ Губернатору, что при такихъ обстоятельствахъ Дворянскій Комитетъ не считаетъ себя вправѣ произвести новые выборы въ Крестьянскую Комиссію и что я не премину въ скорѣйшемъ времени сдѣлать Губернатору надлежащія представленія. При этомъ я не могу умолчать о томъ, что Крестьянская Комиссія имѣла въ Мартѣ с. г. послѣднее свое засѣданіе и съ тѣхъ поръ въ прежнемъ своемъ составѣ не созывалась. Послѣ того какъ Губернаторъ, ссылаясь на необходимость неотложнаго разрѣшенія дѣла, неоднократно настаивалъ на исполненіи Министерскаго предписанія, а я съ своей стороны возражалъ, что я не имѣю еще возможности сдѣлать предположеннаго мною представленія, послѣдовало 10 Іюля 1886 г. Именное Высочайшее повелѣніе Правительствующему Сенату, коимъ предписывалось возстановить преобразованную дополнительными постановленіями отъ 23 Января 1859 г. Крестьянскую Комиссію въ прежнемъ ея составѣ на основаніи статей 1285, 1286 и 1289 Положенія о крестьянахъ Эстляндской губерніи. Такимъ образомъ поданная Министру записка была принята во вниманіе по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что была признана невозможность отмѣны дѣйствующаго закона иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Обращенное ко мнѣ, вслѣдствіе этого Высочайшаго повелѣнія, требованіе Губернатора немедленно принять мѣры

къ исполненію выраженной въ указѣ Сената отъ 18 Іюля с. г. Высочайшей воли побудило Дворянскій Комитетъ постановить, что выборы въ Крестьянскую Комиссію, согласно ст. 1287 Положенія о крестьянахъ Эстляндской губерніи должны происходить на очередномъ Ландтагѣ и что поэтому избраніе членовъ Комиссіи будетъ произведено на очередномъ Ландтагѣ, созванномъ на 14 Января 1887 года. 9 Октября сего года Губернаторъ сообщилъ мнѣ предложеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 7 Октября, заключавшее въ себѣ распоряженіе о созывѣ чрезвычайнаго Ландтага для производства выборовъ 4 членовъ отъ дворянства въ Крестьянскую Комиссію; при этомъ Министерское предписаніе разъяснило, что ст. 1287 Положенія о крестьянахъ Эстляндской губерніи не можетъ быть понимаема въ смыслѣ запрещенія, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, производить выборы въ Крестьянскую Комиссію и на чрезвычайномъ Ландтагѣ. Я немедленно созвалъ Дворянскій Комитетъ для обсужденія срока открытія требуемаго Г. Министромъ чрезвычайнаго Ландтага. Такъ какъ созывъ двухъ Ландтаговъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ короткій промежутокъ времени, обременилъ бы губернію чувствительными расходами, а неудобства, могущія возникнуть вслѣдствіе отсрочки открытія Крестьянской Комиссіи не болѣе какъ на два мѣсяца, во всякомъ случаѣ представлялись незначительными по сравненію съ неудобствами и расходами, неизбѣжными при созывѣ чрезвычайнаго Ландтага, то Дворянскій Комитетъ постановилъ ходатайствовать чрезъ посредство Губернатора о разрѣшеніи перенести срокъ, назначенный для открытія очереднаго Ландтага, на 9 Декабря сего года. 24 Октября с. г. Министерство сообщило о своемъ согласіи на измѣненіе срока открытія Ландтага. Такимъ образомъ настоящему Ландтагу предстоитъ избраніе членовъ отъ дворянста и кандидатовъ въ Крестьянскую Комиссію.

Тюремное дѣло нашей губерніи подверглось въ теченіе сего года коренному переустройству, направленному къ устраненію того рѣшающаго вліянія на веденіе тюремнаго дѣла, которое до настоящаго времени было предоставлено сословіямъ. Это стремленіе правительственныхъ органовъ проявилось при замѣщеніи открывшейся въ 1885 году вакансіи на должность Смотрителя срочной тюрьмы. Вопреки утвержденному Губернскимъ Тюремнымъ Комитетомъ уставу срочной

тюрьмы, выбранный сословнымъ Тюремнымъ Комитетомъ Смотритель былъ утвержденъ не Губернскимъ Тюремнымъ Комитетомъ, а Губернаторомъ и при томъ въ такой формѣ, что Смотритель былъ причисленъ къ Губернскому Правленію и откомандированъ въ распоряженіе Предводителя Дворянства. Упомянутый случай является незначительнымъ въ сравненіи съ послѣдовавшимъ въ Мартѣ сего года по распоряженію Главнаго Тюремнаго Управленія упраздненіемъ мѣстной тюрьмы, находившейся до сихъ поръ подъ управленіемъ дворянства и города Ревеля. 6 Марта 1886 г. тюрьма перешла въ вѣдѣніе Губернскаго Тюремнаго Комитета, послѣ того, какъ соотвѣтствующія правительственныя учрежденія нашли нужнымъ объявить, что условія, на коихъ сословія принимаютъ на себя содержаніе оной, впредь не могутъ имѣть мѣста. Въ виду такой перемѣны обстоятельствъ сословіямъ не оставалось ничего болѣе, какъ предложить казнѣ пріобрѣсти зданіе мѣстной тюрьмы, принадлежащее дворянству и городу Ревелю. По соглашенію съ Ревельскою Городскою Думою покупная цѣна была опредѣлена Дворянскимъ Комитетомъ въ 44.668 руб. и 6 Марта 1887 г. было назначено конечнымъ срокомъ, къ коему казна должна или пріобрѣсти зданіе тюрьмы за опредѣленную сословіями цѣну, или же возвратить его дворянству и городу Ревелю для пользованія по ихъ усмотрѣнію. Представители дворянства и города въ то же время требовали, чтобы имъ, какъ собственникамъ мѣстной тюрьмы, за время отъ 6 Марта 1886 г. до дня уплаты, т. е. не далѣе какъ до 6 Марта 1887 г., было бы выплачено 6% съ покупной цѣны въ видѣ наемной платы. Эти условія продажи мѣстной тюрьмы и требуемой наемной платы, чрезъ посредство Губернатора, были сообщены Главному Тюремному Управленію на дальнѣйшее усмотрѣніе. Хотя съ упраздненіемъ существовавшей на особыхъ условіяхъ срочной тюрьмы, само собою разумѣется, должны были прекратиться и штаты оной, насколько сіе не касалось законно-возложенныхъ на сословія расходовъ по отопленію и освѣщенію, тѣмъ не менѣе Губернскій Тюремный Комитетъ потребовалъ отъ сословій, чтобы содержаніе тюремныхъ чиновъ было бы установлено соотвѣтственно съ тѣмъ содержаніемъ, которое получали до сихъ поръ чины срочной тюрьмы. Но такъ какъ сословія уплачивали чинамъ тюремнаго надзора болѣе высокое содержаніе,

чѣмъ въ существующихъ на общемъ основанiи правительственныхъ тюрьмахъ, только въ виду особаго устройства и порядка управленія срочной тюрьмы и такъ какъ въ законѣ не имѣется никакихъ данныхъ къ установленію въ нѣкоторыхъ только тюрьмахъ, преимущественно передъ другими, болѣе высокихъ штатовъ, я счелъ своимъ долгомъ протестовать противъ такого требованія Губернскаго Тюремнаго Комитета. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на разрѣшеніе коего былъ представленъ Губернаторомъ вопросъ о размѣрѣ обязательнаго для сословій участія въ содержанiи сторожей и надзирателей срочной тюрьмы, согласился съ взглядомъ Губернскаго Тюремнаго Комитета, полагавшаго, что городъ и земство должны платить на содержаніе личнаго состава тюрьмы по прежнимъ штатамъ. Такое рѣшеніе Министерства, по порученію Дворянскаго Комитета, было мною обжаловано въ Сенатъ и самая жалоба недавно подана въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Я произвелъ уплату потребованныхъ денежныхъ суммъ, предоставляя себѣ принять соотвѣтствующія мѣры къ защитѣ высказаннаго мною взгляда.

Именнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ Правительствующему Сенату отъ 3 Марта сего года приказано Министру Государственныхъ Имуществъ „выработать заключеніе о примѣненiи Высочайше утвержденныхъ 10 Марта 1869 г. Правилъ объ административномъ и поземельномъ устройствѣ крестьянъ, поселенныхъ въ казенныхъ имѣніяхъ Прибалтійскихъ губерній, къ крестьянамъ казенныхъ имѣній Куймецъ, Наппель и Кай, пожалованныхъ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Павломъ I въ вѣчное владѣніе дворянства на содержаніе Ландратовъ“, и представить это заключеніе Государственному Совѣту. Дѣйствіе упомянутыхъ правилъ 10 Марта 1869 года, какъ извѣстно, распространено лишь на тѣ имѣнія, которыя находятся въ непосредственномъ управленія казны; но статьею 18 этихъ правилъ предусмотрѣно примѣненіе ихъ также къ тѣмъ казеннымъ имѣніямъ, которыя въ полномъ своемъ составѣ переданы во владѣніе частныхъ лицъ или учрежденій на продолжительное или неопредѣленное время. Эта статья, очевидно, дала непосредственный поводъ къ Высочайшему повелѣнію отъ 3 Марта сего года, которое такъ называемыя Ландратскія имѣнія „въ виду указа въ Бозѣ почившаго Императора Павла о возвращеніи оныхъ“, отнесло

къ числу казенныхъ имѣній. Но изъ цѣлаго ряда актовъ усматривается, что означенныя имѣнія, коими отъ имени Эстляндскаго дворянства владѣетъ Эстляндская Ландратская Коллегія, никогда не были имѣніями казны. Права собственности Эстляндскаго дворянства неоднократно были подтверждаемы, причемъ, однако, такія Высочайшія подтвержденія, выражая собою признаніе правомѣрности владѣнія, существующаго съ древнѣйшихъ временъ, отнюдь не имѣли значенія дарственныхъ актовъ. Императоръ Петръ I и Августѣйшая его супруга утверждаютъ за Оберъ-Ландгерихтомъ владѣніе и пользованіе имѣніями и Императоръ Павелъ предоставляетъ владѣніе на прежнемъ основаніи. Изъ того обстоятельства, что принадлежавшее Эстляндскому дворянству право собственности было Высочайше признано и утверждено на вѣчныя времена, неизбѣжно слѣдуетъ, что это право собственности должно быть разсматриваемо, какъ неограниченное. Если же тѣмъ не менѣе поземельное устройство казенныхъ имѣній Прибалтійскихъ губерній будетъ примѣнено къ крестьянамъ Эстляндскихъ Ландратскихъ имѣній, то ограниченіе этого права собственности неизбѣжно, ибо таковымъ надо признать предусмотрѣнную правилами 1869 г. нормировку арендныхъ платежей. Съ распространеніемъ этихъ правилъ на Ландратскія имѣнія былъ бы данъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первый толчекъ къ рѣшенію поземельнаго вопроса на новыхъ и съ духомъ Эстляндскаго поземельнаго законодательства несовмѣстимыхъ основаніяхъ. Въ томъ періодѣ предварительныхъ совѣщаній, въ коемъ находится это дѣло, я пока, согласно порученію Дворянскаго Комитета, ограничился тѣмъ, что конфиденціально ознакомилъ нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта съ юридическою постановкою этого вопроса и кромѣ того составилъ записку на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отложивъ ея представленіе до времени обсужденія дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ.

Смерть похитила въ теченіи послѣдняго трехлѣтія одного члена Ландратской Комиссіи и трехъ Ландратовъ въ отставкѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ въ отставку скончался Ландратъ фонъ-Фокъ, который въ теченіи 65 лѣтъ, проведенныхъ на службѣ, съ полнымъ самоотверженіемъ и рѣдкой преданностью своимъ обязанностямъ, трудился на пользу края. Въ память его высокихъ заслугъ Дворянскій Комитетъ рас-

порядился установленіемъ герба почившаго предсѣдательствовавшаго Ландрата Тайнаго Совѣтника Эдуарда фонъ-Фока въ Дворянской Домской церкви.

Благотворительности умершаго Ландрата фонъ-Вартмана обязано дворянство учрежденіемъ общеполезной стипендіи для студентовъ Дерптскаго Университета, занесенныхъ въ Эстляндскую дворянскую родословную книгу. Вступая въ дѣйствіе со времени смерти Ландрата, это учрежденіе обезпечиваетъ благородному жертвователю благодарное воспоминаніе дворянства.

Съ благодарностью вспоминаемъ мы далѣе о двухъ заслуженныхъ товарищахъ, почившихъ Ландратахъ, Баронѣ Икскулѣ и фонъ-Грюневальдтѣ, которые въ продолженіи длиннаго ряда годовъ, какъ члены дворянскаго представительства, отдавали свои силы на служеніе своему сословію и краю въ духѣ неизмѣннаго самоотверженія и патріотизма. Память объ этихъ почтенныхъ мужахъ будетъ жить вмѣстѣ съ нами и ихъ преданность общественному благу не будетъ забыта.

Въ виду предстоящаго въ недалекомъ будущемъ общаго преобразованія Прибалтійскихъ судебныхъ учрежденій, Министерство Юстиціи нашло нужнымъ войти въ законодательномъ порядкѣ съ представленіемъ объ установленіи временныхъ правилъ касательно судопроизводства и дѣлопроизводства мѣстныхъ судовъ и обязанности прокурорскаго надзора въ видѣ переходной мѣры, предшествующей окончательной судебной реформѣ. Соотвѣтственно этому представленію, въ силу Высочайше утвержденнаго 3 Іюня с. г. мнѣнія Государственнаго Совѣта съ 1 Іюля сего года вступила въ дѣйствіе временная судебнея реформа въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. При ускоренномъ ходѣ подготовительныхъ работъ въ Министерствѣ Юстиціи, надо съ нѣкоторою увѣренностью ожидать, что общая судебная реформа въ недалекомъ будущемъ сдѣлается для Прибалтійскихъ губерній совершившимся фактомъ.

Неоднократная отсрочка введенія института Мировыхъ Судей указываетъ намѣреніе законодательныхъ учрежденій привести въ исполненіе эту въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подготовляемую реформу одновременно съ преобразованіемъ общихъ судебныхъ учрежденій. По достовѣрнымъ слухамъ, въ измѣненіе закона о Мировыхъ Судебныхъ Учрежденіяхъ,

въ нашемъ краѣ Мировые Судьи будутъ замѣщаемы не по выбору, но по опредѣленію отъ правительства.

При этомъ случаѣ считаю нужнымъ упомянуть, что значительные платежи на содержаніе Мировыхъ Судебныхъ Учрежденій, вносимые въ Казначейство лицами, занимающимися торговлей и ремеслами въ уѣздахъ и небольшихъ городахъ, съ Декабря 1883 г. по Февраль 1886 года, возросли съ 25.728 руб. до 70.861 руб. 97 коп. и что этотъ капиталъ не сохраняется какъ прежде, безпроцентно, въ качествѣ депозита Казенной Палаты, но съ Октября 1884 г., по распоряженію Министра Финансовъ, обращенъ въ государственныя процентныя бумаги. Министерство Финансовъ оставило безъ вниманія предложеніе дворянства, чтобы взимаемые на содержаніе Мировыхъ Судебныхъ Учрежденій дополнительные налоги были предоставлены въ распоряженіе дворянскаго управленія для употребленія на ту же цѣль.

Принимая во вниманіе тѣ измѣненія въ составѣ, предѣлахъ власти и порядкѣ подчиненія мѣстныхъ опекунскихъ учрежденій, которыя представляются неизбѣжными въ случаѣ введенія въ Эстляндіи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II въ полномъ ихъ объемѣ, Министерство Юстиціи возбудило вопросъ о соотвѣтствующемъ преобразованіи опекунскихъ учрежденій въ Эстляндіи. Губернское Правленіе вслѣдствіе этого обратилось ко мнѣ съ просьбой выразить по этому вопросу мое мнѣніе. Проектируя устройство опекунскихъ учрежденій, поскольку оно касается крестьянскихъ опекунскихъ учрежденій, Дворянскій Комитетъ придерживался того взгляда, который въ свое время былъ представленъ дворянствомъ въ высшія установленія по поводу предположеннаго преобразованія крестьянскихъ учрежденій. По этимъ предложеніямъ мѣстные иниціатива и надзоръ за опекунами были возложены на волостной судъ, подъ контролемъ участковаго надзирателя, которому должны быть предоставлены высшій надзоръ и право окончательныхъ распоряженій. Высшею инстанціей для участковыхъ надзирателей былъ предположенъ Съѣздъ Мировыхъ Судей, въ тѣхъ соображеніяхъ, что такое устройство представляло бы всѣмъ заинтересованнымъ въ опекунскихъ дѣлахъ лицамъ удобство легкодоступной инстанціи для разсмотрѣнія ихъ жалобъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовало бы облегченію центральныхъ

учрежденій, освобождая ихъ отъ дѣлъ крестьянскаго опекунскаго управленія. Обращаясь къ вопросу объ устройствѣ опекъ и попечительствъ надъ лицами, не подлежащими крестьянскимъ учрежденіямъ, Дворянскій Комитетъ предлагалъ устройство одного дворянскаго сиротскаго суда, намѣчая для него приблизительно такой же кругъ вѣдомства, какой предоставленъ нынѣ существующему сиротскому суду. При этомъ Дворянскій Комитетъ выразилъ мнѣніе, что не встрѣчается никакой надобности въ учрежденіи, по примѣру внутреннихъ губерній Имперіи, дворянскихъ опекъ въ каждомъ уѣздѣ Эстляндской губерніи, такъ какъ опытомъ вполнѣ доказано, что при небольшомъ протяженіи Эстляндіи одного дворянскаго сиротскаго суда совершенно достаточно для потребностей заинтересованныхъ лицъ и что дѣятельность его была безупречна. Кромѣ того, учрежденіе уѣздныхъ опекунскихъ управленій съ ихъ канцеляріями потребовало бы значительныхъ издержекъ. Въ видахъ сохраненія за этимъ учрежденіемъ сословнаго характера было предположено составить его, подъ предсѣдательствомъ Предводителя Дворянства, изъ депутатовъ, по одному отъ каждаго уѣзда, и одного члена, избраннаго Ландтагомъ изъ числа записанныхъ въ матрикулы дворянъ. На послѣдняго, какъ непремѣннаго члена, возлагается ближайшій надзоръ за дѣлопроизводствомъ. Приняты ли вышеизложенныя предположенія во вниманіе и насколько, мнѣ неизвѣстно.

Прежде чѣмъ заключить свой отчетъ, я не могу не упомянуть о принципіальномъ разногласіи, возникшемъ недавно между Господиномъ Губернаторомъ и представительствомъ дворянства относительно порядка разсмотрѣнія постановленій Ландтага и Дворянскаго Комитета. Губернаторъ неоднократно просилъ меня сообщить ему постановленія Дворянскаго Комитета за прошлый и настоящій годъ и въ подтвержденіе своего требованія ссылался на законъ, который, по его мнѣнію, долженъ быть толкуемъ въ томъ смыслѣ, что всѣ постановленія Комитета, а также Ландтага должны быть сообщаемы Губернскому Начальству. Между тѣмъ изъ подлежащихъ статей закона усматривается, что Губернскому Начальству должны быть сообщаемы только тѣ постановленія Дворянскаго Комитета, которыя должны имѣть значеніе обязательныхъ постановленій и которыя для сего нуждаются въ

правительственномъ утвержденіи. Кромѣ того, надо принять во вниманіе, что члены Дворянскаго Комитета, по точному смыслу закона, могутъ быть созываемы также въ собранія, имѣющія лишь совѣщательный характеръ и что если по совѣщаніи состоятся постановленія, требующія утвержденія, то такія постановленія должны быть сообщаемы Губернскому Начальству. Отсюда слѣдуетъ съ одной стороны, что нѣкоторыя постановленія Дворянскаго Комитета по своему существу не относятся къ разряду требующихъ утвержденія и что съ другой стороны, не всѣ совѣщанія Дворянскаго Комитета имѣютъ своимъ послѣдствіемъ какія либо постановленія. Съ изложеніемъ этихъ доводовъ я сообщилъ Господину Губернатору, что состоявшіяся въ минув. и текущ. гг. постановленія Дворянскаго Комитета были сообщаемы своевременно Губернскому Начальству, поскольку они требовали утвержденія, и что такимъ же образомъ требованія закона будутъ исполняемы и на будущее время. Равнымъ образомъ я отклонилъ требованіе Губернатора о сообщеніи ему дополнительно нѣкоторыхъ постановленій Ландтага, недостающихъ въ положеніяхъ за 1878—1881 года; отказывая въ этомъ требованіи, я имѣлъ въ виду, что въ то время Губернаторъ не требовалъ этихъ постановленій для принятія ихъ къ свѣдѣнію и что съ представленіемъ каждаго Лнндтагскаго положенія Губернскому Начальству этотъ актъ долженъ почитаться оконченнымъ. Также не считалъ я себя вправѣ придавать значеніе Ландтагскихъ постановленій такого рода дѣламъ, коимъ господа мои предшественники по должности таковаго не придавали. Губернаторъ, однако, этимъ не удовольствовался, но представилъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе Сената, который, какъ слышно, присоединился къ взгляду Губернатора.

Переходя за тѣмъ къ докладу о положеніи народныхъ училищъ, мнѣ остается сказать лишь о вопросахъ меньшей важности, послѣ того, какъ я уже въ другомъ мѣстѣ сообщилъ о радикальныхъ мѣропріятіяхъ Правительства, послѣдовавшихъ въ области народнаго образованія. Хотя съ перваго взгляда, по буквальному смыслу Высочайшаго указа отъ 19 Февраля сего года, представляется, что съ подчиненіемъ народныхъ училищъ Министерству Народнаго Просвѣщенія произошла лишь передача изъ вѣдомства одного Министерства въ другое, однако это постановленіе въ сущности

имѣетъ такое значенiе, какъ будто у всего школьнаго управленiя и всей теперешней постановки школьнаго дѣла отнята изъ подъ ногъ почва. Положимъ, что Высочайше утвержденныя 25-го Апрѣля 1875 г. правила о евангелическо-лютеранскихъ училищахъ и учительскихъ семинарiяхъ Эстляндiи формально еще существуютъ, такъ какъ по настоящее время еще не послѣдовало изъявленiя Высочайшей воли на отмѣну этихъ правилъ въ ихъ полномъ объемѣ, но подчиненiе училищъ Министерству Народнаго Просвѣщенiя безъ всякаго ограниченiя этой мѣры, въ виду дѣйствующихъ еще мѣстныхъ законоположенiй, распространило также на Эстляндiю дѣятельность всѣхъ существовавшихъ при этомъ Министерствѣ низшихъ правительственныхъ органовъ и это обстоятельство должно сдѣлать тщетными всѣ усилия Главной Школьной Комиссiи и подчиненныхъ ей органовъ воспользоваться предоставленными имъ правами на пользу школьнаго дѣла. Съ одной стороны, вновь созданныя и здѣсь уже во многихъ мѣстахъ открытыя, такъ называемыя, Министерскiя образцовыя училища, которыя состоя въ непосредственномъ вѣдѣнiи Попечителя Дерптскаго Учебнаго Округа, изъемлютъ значительную часть учащихся изъ подъ надзора мѣстныхъ училищныхъ органовъ, а съ другой стороны произвольное толкованiе постановленiй объ училищахъ лишаетъ возможности Главную Училищную Комиссiю поддержать въ силѣ предписанiе закона о томъ, чтобы каждая волость, состоящая не менѣе какъ изъ 300 евангелическо-лютеранскихъ душъ, имѣла собственную лютеранскую школу. Хотя уже до начала минувшаго трехлѣтiя начавшееся уже тогда движенiе къ переходу въ православную вѣру вызывало серьезныя опасенiя за будущность школьнаго дѣла, но тогда еще оставалась надежда, что послѣ того, какъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, затронутыхъ религiознымъ движенiемъ, по крайней мѣрѣ выяснится принадлежность отдѣльныхъ членовъ общества къ той или другой церкви, посѣщенiе училищъ въ средѣ оставшейся и значительно большей части общества постепенно войдетъ въ свою правильную законную колею, въ особенности въ виду сдѣланныхъ со стороны помѣщиковъ значительныхъ пожертвованiй для восполненiя, по возможности, обнаружившихся недочетовъ въ средствахъ на содержанiе училищъ. Къ сожалѣнiю на дѣлѣ оказалось иное. Не только дѣти, дѣйствительно

принадлежащія къ православной церкви, не посѣщаютъ лютеранской школы, даже и въ томъ случаѣ, когда они не имѣютъ возможности обучаться въ другомъ мѣстѣ, но кромѣ того постепенно распространяющіяся православныя училища охотно принимаютъ и неприсоединенныхъ къ православію, а родители пользуются существованіемъ этихъ школъ для того, чтобы не подчиняться закону объ обязательномъ обученіи. Можно указать даже и такіе случаи, гдѣ общества, въ коихъ иновѣрная (т. е. православная) часть населенія, хотя и меньшая численно, но имѣетъ болѣе вліянія, самовольно закрыли лютеранскія училища и превратили ихъ въ православныя, замѣстивъ туда православныхъ учителей. Всѣ принятыя Главной Училищной Комиссіей мѣры для поддержанія законнаго порядка оказались безуспѣшными, такъ какъ лица, дѣйствовавшія въ противность ясному смыслу еще существующаго закона, всегда находили защиту у Попечителя Учебнаго Округа, и послѣдній въ одномъ случаѣ требовалъ даже неоднократными предписаніями отъ Главной Школьной Комиссіи отмѣны относившихся до сего постановленій и распоряженій.

Вы, Господа, надѣюсь, еще не забыли, что на послѣднемъ Ландтагѣ было внесено предложеніе вновь производить въ Уѣздной Училищной Комиссіи испытанія кандидатовъ на должность народныхъ учителей, переданныя не задолго до того Кудаскому экзаменаціонному Комитету. Хотя это предложеніе, сначала было отвергнуто, но впослѣдствіи оно было отчасти уважено Дворянскимъ Комитетомъ; принимая во вниманіе неоднократныя заявленія о затрудненіяхъ, происходившихъ для большинства населенія вслѣдствіе отдаленности семинаріи Куда, Дворянскій Комитетъ, по соглашеніи съ Главной Училищной Комиссіей, учредилъ въ Ревелѣ Центральный Экзаменаціонный Комитетъ, которому при личномъ участіи свѣтскихъ и духовныхъ господъ уѣздныхъ училищныхъ ревизоровъ, на основаніи ст. 8 училищныхъ правилъ, было предоставлено испытаніе кандидатовъ на должности учителей. Послѣ того, какъ Главная Училищная Комиссія, выработала полную экзаменаціонную программу, Комитетъ открылъ свою дѣятельность и казалось, что всѣ предъявленныя требованія получили справедливое удовлетвореніе. При этомъ, дѣйствительно, упустили изъ виду, что тѣ лица, которыя ревностно занимались обсужденіемъ этого вопроса, не соблюли подле-

жащихъ установленій закона, пока Господинъ Попечитель, на основаніи общихъ правилъ 1874 г. не объяснилъ Главной Училищной Комиссіи, что ни Кудаскому Экзаменаціонному Комитету, ни Уѣзднымъ Училищнымъ Комиссіямъ, ни вновь учрежденному въ Ревелѣ Комитету не предоставлено выдавать кандидатамъ на должность учителя свидѣтельствъ на право преподаванія и что такое право исключительно принадлежитъ двумъ правительственнымъ семинаріямъ въ Дерптѣ и Гольдингенѣ. Хотя отсюда слѣдовало заключить, что Кудаская Учительская семинарія не будетъ болѣе въ состояніи удовлетворять своему назначенію, однако примѣненіе этихъ общихъ постановленій было ограничено въ томъ отношеніи, что было признано возможнымъ разрѣшить семинаріи выдавать на прежнемъ основаніи воспитанникамъ, окончившимъ полный курсъ, свидѣтельства на право преподаванія. Предполагая, что дворянство, какъ я уже имѣлъ честь доложить, будетъ въ состояніи и впредь поддержать существованіе Кудаской семинаріи, то всетаки очевидно, что ежегодный выпускъ 10—15 воспитанниковъ будетъ далеко недостаточенъ для удовлетворенія существующаго въ краѣ спроса на преподавательскія силы, который, надо полагать, значительно усилится, такъ какъ многіе старѣйшіе учителя, вслѣдствіе возвышенныхъ требованій по знанію русскаго языка, принуждены отказаться отъ своей должности. Какого рода элементы будутъ тогда стремиться занять свободныя мѣста учителей, это показываетъ намъ въ настоящее время опытъ такъ называемыхъ министерскихъ училищъ.

Не смотря на такое, крайне неутѣшительное положеніе вещей для всего управленія школьнымъ дѣломъ, Главная Училищная Комиссія, до тѣхъ поръ, пока Высочайше утвержденныя въ 1875 г. правила служатъ ей опорой, стремится стоять на высотѣ возложенныхъ на нее обязанностей и неоднократно приглашала уѣздныя и приходскія училищныя комиссіи не ослабѣвать въ своей дѣятельности на высокомъ поприщѣ народнаго образованія и особенно народнаго воспитанія по праву еще предоставленныхъ нашему вѣдѣнію. Плодотворной дѣятельности многихъ приходскихъ училищныхъ комиссій мы обязаны тѣмъ, что къ счастью въ значительной еще части края школьное дѣло, не смотря на всѣ трудности, правильно и плодотворно продолжаетъ свое теченіе.

Такъ какъ положеніе дѣлъ въ области народнаго образованія, вслѣдствіе ли возрастающаго движенія въ православіе или вслѣдствіе широко производимой агитаціи въ народѣ, становится все труднѣе, то Главная Училищная Комиссія считала себя призванною главнымъ образомъ обратить вниманіе на поддержаніе существующаго, не задаваясь болѣе широкими цѣлями. Исходя изъ этихъ соображеній, она неоднократно разъясняла нѣкоторымъ уѣзднымъ и приходскимъ комиссіямъ, чтобы, заботясь объ обязательномъ посѣщеніи училищъ или объ устройствѣ крестьянскими обществами новыхъ и поправкѣ пришедшихъ въ упадокъ школьныхъ помѣщеній, онѣ сообразовались съ мѣстными обстоятельствами и не настаивали на строгомъ проведеніи этихъ мѣропріятій.

По поводу переданнаго Попечителемъ Учебнаго Округа требованія Министра Народнаго Просвѣщенія, которое имѣло своею цѣлью сообщеніе различныхъ, собираемыхъ по всей Имперіи, статистическихъ свѣдѣній относительно школьнаго дѣла, Главная Училищная Комиссія признала нужнымъ въ Сентябрѣ сего года издать циркуляръ всѣмъ приходскимъ училищнымъ комиссіямъ о доставленіи матеріаловъ для отвѣта на поставленные Министерствомъ вопросы. Такъ какъ съ одной стороны требуемое Министерствомъ указаніе источниковъ, изъ коихъ получаются средства на содержаніе отдѣльныхъ народныхъ училищъ, дѣлало необходимымъ разъясненіе правового вопроса, въ чьей именно собственности, помѣщика или общины, находится земля и помѣщеніе каждаго училища, а съ другой стороны, мнѣ казалось желательнымъ ознакомить, насколько оказываемыя школамъ со стороны помѣщиковъ пособія, какъ наличными деньгами, такъ и даровымъ предоставленіемъ пользованія школьными домами, имѣютъ значеніе добровольныхъ даяній, я воспользовался случаемъ сдѣлать одновременно запросъ — расположены ли отдѣльные собственники помѣстій и впредь отпускать на школы добровольныя пособія при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и независимо отъ ожидаемыхъ новыхъ правилъ училищнаго управленія, сущность коихъ нынѣ еще не можетъ быть предусмотрѣна. Главная Училищная Комиссія имѣла при этомъ въ виду, что если бы пособія, отпускаемыя на содержаніе училищъ, были перечислены безъ указанія по крайней мѣрѣ отчасти пособій, отпускаемыхъ добровольно или поста-

вленныхъ въ зависимость отъ опредѣленныхъ условій, то легко могли бы предположить, что всѣ эти пособія имѣютъ обязательный характеръ.

Теперь я обращаюсь къ училищамъ и посѣщенію оныхъ. По полученнымъ отчетамъ число училищъ въ истекшемъ учебномъ 1885—86 г. равнялось 554; въ томъ числѣ состояло 11 приходскихъ и 533 народныхъ элементарныхъ училищъ, число которыхъ въ послѣднее трехлѣтіе возросло на 5. Число этихъ училищъ распредѣляется по уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

въ Гаріенскомъ .	135	народныхъ училищъ,		
„ Вирляндскомъ	178	„ „	и 6	приходскихъ,
„ Эрвенскомъ .	108	„ „	„ 4	„
„ Викскомъ . .	112	„ „	„ 1	„

Опредѣлить въ настоящее время отношеніе численности лютеранскаго населенія губерніи къ числу душъ, т. е. сколько жителей обоего пола приходится на одно училище, представляется труднымъ въ виду состоявшихся присоединеній къ православію; во всякомъ случаѣ отношеніе это не сдѣлалось менѣе благопріятнымъ и всегда соотвѣтствуетъ закону, полагающему по одному училищу на 300—1.000 душъ, ибо съ одной стороны, число училищъ возросло, а съ другой, численность жителей лютеранскаго вѣроисповѣданія сократилась. Въ истекшемъ учебномъ 1885—86 году всего посѣщали училища 20.814 дѣтей обоего пола (10.731 мальчикъ и 10.083 дѣвочки), между тѣмъ какъ число дѣтей школьнаго возраста, обязанныхъ посѣщать училища, въ возрастѣ отъ 10 до 13 лѣтъ, равняется 19.545 обоего пола (9.866 мальчиковъ и 9.679 дѣвочекъ). Эти цифры доказываютъ, что училища всетаки посѣщались весьма усердно, такъ какъ число дѣтей, дѣйствительно посѣщавшихъ училища, превышало также число обязательныхъ учениковъ на 1.269.

Что касается введенія русскаго языка какъ предмета преподаванія, то не смотря на всѣ старанія, оно не могло быть осуществлено въ 12 училищахъ, изъ коихъ впрочемъ 5 училищъ для дѣвочекъ. Изъ этихъ 12 училищъ приходится одно на Вирляндскій, 2 на Эрвенскій и 9 (въ томъ числѣ 5 для дѣвочекъ) на Викскій уѣзды. Это объясняется тѣмъ, что въ особенности въ Викскомъ уѣздѣ небольшія сельскія Общества не имѣютъ средствъ нанимать вспомогательныхъ учи-

телей, въ томъ случаѣ, если давно уже занимающіе эту должность старые учителя не въ состояніи преподавать русскій языкъ.

Посѣщеніе приходскихъ училищъ безусловно сильно сокращается; вслѣдствіе сего въ минувшемъ трехлѣтіи прекратили свое существованіе два приходскихъ училища въ С.-Іоганнисѣ Гаріенскаго уѣзда и Іевское, а въ настоящемъ учебномъ году еще два приходскихъ училища Симонисское и Ампельское. Хотя къ закрытію послѣднихъ двухъ училищъ были и другія побудительныя причины, а не одно лишь недостаточное посѣщеніе ихъ, но въ Іевскомъ приходѣ мѣстный конвентъ рѣшилъ воздержаться отъ изысканія средствъ, необходимыхъ на построеніе новаго зданія вмѣсто прежняго, пришедшаго въ совершенный упадокъ, исключительно вслѣдствіе отсутствія въ средѣ населенія потребности въ подобномъ училищѣ. Равнымъ образомъ, нигдѣ не проявилось стремленія къ открытію новыхъ приходскихъ училищъ и изъ суммы въ 1.000 руб., включаемой на этотъ предметъ въ смѣту каждаго трехлѣтія, былъ сдѣланъ расходъ по выдачѣ пособія Исаакскому Приходскому училищу въ размѣрѣ 200 руб. ежегодно. И въ будущемъ, если только вообще нашему школьному дѣлу суждено имѣть какую-либо будущность, нельзя ожидать возрастанія посѣщенія приходскихъ училищъ; такъ какъ, согласно упомянутому выше мѣропріятію, всѣ кандидаты на должности учителей должны выдержать испытаніе при русскихъ семинаріяхъ въ Дерптѣ или въ Гольдингенѣ, то всѣ эти лица будутъ идти въ другія учебныя заведенія, въ коихъ они имѣли бы возможность болѣе усовершенствоваться въ русскомъ языкѣ, а не въ приходскія училища, гдѣ это было бы для нихъ невозможно.

II. Я не стану касаться здѣсь положенія и дѣятельности Кудасской семинаріи, такъ какъ обстоятельный отчетъ попечительства будетъ представленъ Ландтагу.

Еще до начала минувшаго трехлѣтія, какъ это извѣстно почтенному собранію изъ отчета моего предмѣстника, согласно постановленію Дворянскаго Комитета была закрыта шведская семинарія въ Пашлепѣ и было рѣшено построить собственный домъ для семинаріи на мѣстѣ, предоставленномъ для этой цѣли пасторатомъ Нуке. Назначенныя для этого средства, именно выдача безпроцентной ссуды въ 1.000 р., погашаемой

ежегодными взносами по 100 р., а также продолжаемая ежегодная выдача въ 700 р., назначенныхъ на содержаніе семинаріи, оказались однако вскорѣ недостаточными для окончанія постройки въ опредѣленный двухлѣтній срокъ за сумму 2.400 руб. Убѣдившись въ дѣйствительной невозможности такихъ условій и признавъ необходимымъ возвести при семинаріи еще нѣкоторыя пристройки, Дворянскій Комитетъ разрѣшилъ выдачу еще 404 руб. и отложилъ время открытія семинаріи до начала второй половины текущаго учебнаго года. Какъ видно изъ сообщенія господина пробста Гиргенсона, Попечителя этого учебнаго заведенія, постройка могла быть окончена лишь осенью сего года и преподаваніе въ семинаріи не могло быть открыто до Января будущаго года, такъ какъ лицо, выбранное для замѣщенія должности учителя, лишь въ Январѣ будетъ имѣть возможность представить свидѣтельство на свое званіе учителя.

(Отчетъ объ управленіи Дворянскою кассою здѣсь не печатается).

Съ подлиннымъ вѣрно: Графъ Э. Игельстромъ, Секретарь дворянства.

Ревель,
2 Октября 1887 г. № 690.

№ 43. Записка Князя Н. В. Шаховского о дѣйствительномъ значеніи Эстляндскаго Дворянскаго Комитета по отчету Предводителя Дворянства за 1884—1886 гг.

Дворянскій Комитетъ въ Эстляндской губерніи состоитъ изъ Ландратской Коллегіи, Предводителя Дворянства и 12 уѣздныхъ депутатовъ (ст. 261). Онъ собирается подъ предсѣдательствомъ Предводителя Дворянства, какъ въ продолженіи Ландтага (ст. 262), такъ и внѣ онаго (ст. 265). Въ томъ и другомъ случаѣ, уѣздные депутаты и Ландратская Коллегія собираются по усмотрѣнію и приглашенію Предводителя Дворянства, при чемъ въ продолженіе Ландтага Дворянскій Комитетъ предварительно разсматриваетъ подлежащія совѣщанію Ландтага дѣла и изъявляетъ по онымъ свое мнѣніе, а внѣ Ландтага совѣщается *по общественнымъ дѣламъ* (ст. 263—265). Постановленія Комитета имѣютъ обязательную для всего

дворянства силу наравнѣ съ положеніями Ландтаговъ (ст. 276). Таковы постановленія мѣстныхъ законовъ (ч. II Св. Мѣстн. Узак.) относительно состава и круга дѣятельности Дворянскаго Комитета въ Эстляндской губерніи. Мѣстный законъ не ограничиваетъ и не опредѣляетъ сколько-нибудь точнаго круга дѣятельности Дворянскаго Комитета „внѣ Ландтага“, ибо выраженіе „общественныя дѣла“ есть терминъ до того широкій, что подъ него можно подвести право совѣщаться по какому угодно вопросу. Собранія Комитета законъ ставитъ въ зависимость только отъ одного усмотрѣнія Предводителя Дворянства, который по закону же не обязанъ о томъ даже извѣщать представителя правительственной власти. Такимъ образомъ самъ законъ, нигдѣ того не выражая прямо, сообщаетъ однако на дѣлѣ Дворянскому Комитету политическую организацію и возможность играть главенствующую въ краѣ роль, а также имѣть безграничное вліяніе на населеніе губерніи, такъ какъ постановленіямъ его законъ присвоилъ обязательную для всего дворянства силу.

По установившемуся въ Эстляндской губерніи *обычаю* (покоющемуся на неопредѣленности закона) дѣятельность Дворянскаго Комитета „внѣ Ландтага“ бываетъ двоякаго рода—*явная*, подлежащая наравнѣ съ постановленіями Ландтага сообщенію на утвержденіе или къ свѣдѣнію Губернскаго Начальства, и *тайная*, характера чисто *политическаго*. О дѣятельности послѣдняго рода можно было дѣлать до 1887 года болѣе или менѣе справедливыя догадки и предположенія, но съ Октября прошлаго года, когда во исполненіе указа Сенатскаго Эстляндскому Губернатору былъ доставленъ читанный на Ландтагѣ 1886 г. отчетъ Предводителя Дворянства графа Тизенгаузена за трехлѣтіе 1883—1886 гг., *политическо-агитаціонное* значеніе Дворянскаго Комитета констатируется вполнѣ устами самаго Предводителя Дворянства.

При внимательномъ чтеніи названнаго документа нельзя не прійти къ заключенію, что Эстляндскій Губернскій Предводитель Дворянства есть не болѣе, какъ исполнительный органъ Дворянскаго Комитета въ періодъ непрерывной дѣятельности послѣдняго внѣ Ландтага. Всякую свою мѣру, всякое свое начинаніе Предводитель въ произнесенномъ имъ отчетѣ прикрываетъ предварительной санкціей Дворянскаго Комитета. Политическая роль Предводителя Дворянства, про-

истекающая изъ полномочій Дворянскаго Комитета въ качествѣ тайнаго политическаго органа, заключается во внѣшнихъ сношеніяхъ Дворянскаго Комитета, какъ негласнаго мѣстнаго правительства, съ органами русской правительственной власти, тогда какъ уѣздные депутаты суть органы Дворянскаго Комитета на мѣстахъ для веденія, такъ сказать, внутренней политики.

Какой иной цѣлью, кромѣ веденія внутренней политики, можно напр. объяснить упоминаемыя на стр. 52 и 53 русскаго перевода копіи съ отчета Предводителя Дворянства ревизіи Дворянскимъ Комитетомъ контрактовъ крестьянъ съ помѣщиками или дѣятельность Гакенрихтеровъ, и при томъ ревизія тайная, когда явно для того существуетъ Правительственная на мѣстѣ власть, которая несетъ за благосостояніе всей губерніи отвѣтственность передъ Государемъ и закономъ. А между тѣмъ такія ревизіи *происходятъ періодически.* „По „примѣру — говоритъ Графъ Тизенгаузенъ — произведенной „уѣздными депутатами въ 1881 г. ревизіи контрактовъ, за„ключенныхъ на сдачу крестьянскихъ усадебъ, такая ревизія „была повторена и въ послѣднее трехлѣтіе, такъ какъ Дво„рянскій Комитетъ призналъ необходимымъ періодически во„зобновлять эту ревизію и назначилъ для сего трехлѣтній „срокъ. Ревизія имѣла цѣлью выяснить законность арендныхъ „контрактовъ и провѣрить, имѣются ли въ приходскихъ су„дахъ необходимые документы объ отграниченіи крестьян„скихъ земель. Результаты разслѣдованія (неизвѣстные Пра„вительству) были *сообщены* г.г. приходскимъ судьямъ, при „чемъ имъ *было предложено* въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ аренд„ные контракты вовсе не имѣются или составлены несогласно „съ закономъ, приложить стараніе къ тому, чтобы контракты „были заключены согласно требованіямъ закона“.

Такимъ образомъ результатомъ ревизіи контрактовъ является неизвѣстное Губернскому Начальству „предложеніе“ исполнительнымъ органамъ Правительства со стороны Дворянскаго Комитета. Слѣдовательно двоевластіе въ Эстляндской губерніи засвидѣтельствовано самимъ Предводителемъ Дворянства. Оно простирается и на уѣздные полицейскіе органы. „По иниціативѣ Дворянскаго Комитета была предпри„нята ревизія нѣкоторыхъ спеціальныхъ отраслей дѣятель„ности Гакенрихтеровъ — говоритъ Предводитель — съ тою

„цѣлью, чтобы фактически осуществить контроль, столь не-„обходимый въ интересахъ нашихъ корпоративныхъ дѣлъ. „Благодаря предупредительному образу дѣйствій г.г. Гакен-„рихтеровъ, г.г. Уѣздные Депутаты имѣли возможность рас-„пространить свою ревизію и на веденіе кассовой книги и „казенной шнуровой книги и на правильное употребленіе „штрафныхъ денегъ“.

Тайно ревизуя правительственные полицейско-судебные органы въ корпоративныхъ видахъ, помощью уѣздныхъ депутатовъ, Дворянскій Комитетъ пользуется своимъ Предсѣдателемъ — Предводителемъ Дворянства, какъ агентомъ для явной и тайной активной и пассивной борьбы съ правительствомъ. Рѣчь Предводителя представляетъ прекрасную иллюстрацію этой борьбы. Изъ нея видно, что всѣ начинанія Правительства за послѣдніе три года встрѣчали въ Дворянскомъ Комитетѣ — органѣ оппозиціи, протесты, переходившіе въ попытки заставить Правительство отмѣнить принятую мѣру. Это происходило подъ вліяніемъ взгляда Дворянскаго Комитета на общественно-церковный строй губерніи, какъ на результатъ договорныхъ отношеній съ Русскою Державою, „имѣющихъ значеніе международныхъ актовъ“.

Изъ этого взгляда исходилъ Дворянскій Комитетъ, когда по поводу распоряженія Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о томъ, что „примѣненіе общаго закона, по „коему всѣ православные освобождены отъ повинностей въ „пользу лютеранской церкви, обязательно и для Эстляндіи“, онъ поручилъ Предводителю Дворянства „обратиться къ „Министру Внутреннихъ Дѣлъ Графу Толстому съ просьбой „дать дѣлу такой оборотъ, чтобы указанное распоряженіе „было взято назадъ“.

Страхъ за матеріальныя потери для лютеранской церкви при возрастающихъ успѣхахъ перехода эстовъ въ православіе заставляетъ Евангелическо-Лютеранскую Консисторію прибѣгнуть къ помощи того же Дворянскаго Комитета. „Въ виду „опасности, что — по словамъ графа Тизенгаузена — вскорѣ „будетъ сломлено то пассивное сопротивленіе со стороны лю-„теранской церкви, которое она должна противопоставить „врывающейся пропагандѣ (т. е. православію), Эстляндская „Консисторія обратилась къ Дворянскому Комитету съ хода-„тайствомъ о принятіи надлежащихъ мѣръ къ единообразному

„урегулированію тягостнаго положенія вещей, вызваннаго пе-„реходомъ въ православіе многихъ арендаторовъ и крестьянъ-„собственниковъ“. На сей разъ Комитетъ однако не рѣшился „принять какія-либо общія мѣры, такъ какъ еще не было воз-„можности опредѣлить, что слѣдуетъ считать окончательно „потеряннымъ и что можетъ быть еще сохранено, и такъ какъ „оставалась надежда, что въ ближайшемъ будущемъ послѣ-„дуетъ законодательнымъ путемъ согласованіе интересовъ „различныхъ вѣроисповѣданій“.

Когда же состоялось Высочайшее повелѣніе 26 Іюля 1885 г. о распространеніи на Остзейскія губерніи дѣйствія ст. 67 ч. I т. X Св. Зак. объ отобраніи предбрачныхъ росписокъ, тогда Дворянскій Комитетъ уполномочилъ Предводителя Дворянства „на принятіе всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могли „бы содѣйствовать къ возстановленію попранныхъ правъ „церкви или послужить къ выраженію оскорбленнаго право-„вого чувства дворянства“.

Такой образъ дѣйствій Дворянскаго Комитета, какъ клонившійся къ отмѣнѣ Высочайшаго повелѣнія и выраженію Монарху оскорбленнаго Его распоряженіемъ правового чувства дворянства—будь онъ въ любой изъ внутреннихъ губерній Россіи — былъ бы сочтенъ Правительствомъ за бунтъ и возмущеніе и повелъ бы за собою рядъ репрессивныхъ мѣръ. Въ Эстляндской же губерніи тайное мѣстное правительство считаетъ себя въ своемъ правѣ поступать такъ и въ лицѣ своего исполнительнаго органа, Предводителя, даже рѣшается докладывать о семъ въ публичномъ собраніи всѣхъ дворянъ губерніи. Изъ рѣчи Графа Тизенгаузена явствуетъ, что всю борьбу съ Губернаторомъ изъ-за употребленія русскаго языка въ служебной перепискѣ велъ Дворянскій Комитетъ, уполномочившій Предводителя Дворянства на всѣ тѣ дерзкія выходки, которыя онъ себѣ позволялъ по отношенію къ Губернатору за все время до изданія закона 14 Сентября 1885 г. Но и по введеніи этого закона, какъ явствуетъ изъ отчета Предводителя, Дворянскій Комитетъ уполномочилъ Предводителя ходатайствовать о смягченіи силы означеннаго закона.

Точно также послѣ Высочайшаго повелѣнія о разработкѣ проекта преобразованія балтійскихъ полицейскихъ учрежденій по образцу таковыхъ же учрежденій прочихъ губерній, Дворянскій Комитетъ, заинтересованный въ принятіи всѣхъ мѣръ

къ сохраненію за собой своего избирательнаго права, уполномочилъ Предводителя Дворянства „войти къ Губернатору и „Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ обстоятельными представле„ніями и даже подать непосредственно Его Величеству про„шеніе о сохраненіи на будущее время предоставленнаго дво„рянству избирательнаго права“.

Дѣятельность Дворянскаго Комитета по школьному вопросу выразилась главнымъ образомъ, судя по отчету Предводителя Дворянства, въ стремленіи къ „сохраненію за народной шко„лой вѣроисповѣднаго характера“. Новыя предположенія относительно народныхъ школъ, сообщенныя Попечителемъ Предводителю Дворянства, не представляли такого обезпеченія въ будущемъ. Потому Дворянскій Комитетъ „не счелъ возмож„нымъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе предположеній По„печителя прежде, чѣмъ онъ не получитъ отъ него полнаго „ручательства, что основной принципъ останется въ силѣ, т. е. „народной школѣ будетъ сохраненъ ея вѣроисповѣдный ха„рактеръ“.

Такимъ образомъ всѣ мѣропріятія Правительства въ послѣдніе годы встрѣчали въ Дворянскомъ Комитетѣ органъ противодѣйствія своему осуществленію, — органъ, стремившійся не только ослабить дѣйствіе новыхъ мѣръ, но и добиться ихъ отмѣны. При этомъ агитація Дворянскаго Комитета происходила путемъ тайныхъ постановленій, не входившихъ въ число тѣхъ постановленій, кои сообщаются по закону Губернскому Начальству на утвержденіе или къ свѣдѣнію, и путемъ секретныхъ полномочій, даваемыхъ Предводителю Дворянства въ родѣ изложенныхъ выше или же напр. конфиденціальнаго ознакомленія нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта съ юридическою постановкою вопроса касательно распоряженія Правительства объ устройствѣ крестьянъ въ Ландратскихъ имѣніяхъ.

Изъ отчета Графа Тизенгаузена, впрочемъ, можно усмотрѣть и болѣе широкую задачу, которую преслѣдовалъ Дворянскій Комитетъ. Дворянскій Комитетъ входилъ въ соглашеніе съ органами дворянствъ Лифляндскаго и Курляндскаго для выраженія совмѣстныхъ протестовъ распоряженіямъ Правительства. Напр. согласно отчету Графа Тизенгаузена, Эстляндскій, Лифляндскій и Курляндскій Предводители Дворянства сочли своей непремѣнной обязанностью обратиться съ кол-

лективнымъ „представленіемъ объ отмѣнѣ правилъ, изданныхъ 18 Мая 1886 года г. Попечителемъ Дерптскаго Учебнаго „Округа, касающихся экзаменовъ по русскому языку и исторіи „въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ“. Затѣмъ въ отчетѣ упомянутъ еще случай коллективнаго отъ Предводителей Прибалтійскихъ дворянскихъ обществъ требованія, обращеннаго къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ о взысканіи съ представителей „чисто русской печати“ за ея инсинуаціи противъ нѣмецкаго населенія, въ особенности же противъ дворянства Прибалтійскихъ губерній. Наконецъ Предводитель Дворянства въ своей рѣчи указалъ еще на то, что „Дворянскій Комитетъ воздержался отъ участія въ происходившихъ въ Октябрѣ 1884 года какихъ-то совѣщаній прочихъ балтійскихъ „дворянскихъ обществъ, такъ какъ Эстляндскій Ландтагъ не „предусмотрѣлъ возможности возобновленія совѣщаній балтійской *конференціи*, а назначеніе депутатовъ на такое совѣщаніе могло исходить только отъ Ландтага“.

Такимъ образомъ помощью Эстляндскаго Дворянскаго Комитета *питается* и поддерживается Эстляндское дворянство и взаимная солидарность съ дворянскими обществами остальныхъ Прибалтійскихъ губерній и организуется дружный оплотъ противъ слiянія окраины съ Россіей.

Изъ всего вышеизложеннаго нельзя не прійти къ тому заключенію, что Дворянскій Комитетъ въ Эстляндской губерніи имѣетъ несомнѣнно политическо - агитаціонное значеніе и что это главное его значеніе, ибо почти исключительно о немъ гласитъ отчетъ Предводителя Ландтагу. Между тѣмъ это свое назначеніе выполняетъ Комитетъ въ постановленіяхъ тайныхъ, которыя никогда не были извѣстны да и не могли бы быть извѣстными Правительству, не попади ему въ руки отчетъ Предводителя, не имѣвшаго при томъ въ виду, что его рѣчь можетъ когда-либо быть вытребована Правительствомъ, и потому излагавшаго откровенно дѣйствительное положеніе дѣлъ. На будущее время перспектива Правительственнаго контроля, касательно всего происходящаго на Ландтагѣ, побудитъ несомнѣнно Предводителя Дворянства быть болѣе сдержаннымъ и осторожнымъ въ своей рѣчи на Ландтагѣ, а потому Правительство будетъ лишено возможности знать о тайныхъ постановленіяхъ Дворянскаго Комитета, коимъ помѣшать оно всетаки будетъ не въ силахъ.

Въ виду этого соображенія, а также достаточно доказаннаго, на основаніи словъ самого Предводителя Дворянства, вреднаго противоправительственнаго образа дѣйствій Эстляндскаго Дворянскаго Комитета, полагалось бы единственно цѣлесообразною мѣрою положить предѣлъ мѣстной политической агитаціи въ ущербъ правительственнымъ интересамъ, — это вовсе упразднить Дворянскій Комитетъ. Этимъ Правительство навсегда обезпечило-бы себѣ то, что Предводитель Дворянства въ своей рѣчи называетъ „успѣхи нападенія“ и увеличитъ шансы того, что Предводитель именуетъ „неудачи обороны“.

№ 44. Пояснительная записка кн. С. В. Шаховского къ пересмотру статей части II Св. Мѣст. Узак. губ. Остз. Кн. I Разд. II., представленная 9 Декабря 1887 г. Г. Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Сенатору В. К. фонъ-Плеве.

На основаніи мѣстныхъ узаконеній коренное дворянство трехъ Прибалтійскихъ губерній кромѣ правъ *сословныхъ* имѣетъ еще права *политическія*. Послѣднія сообщаютъ дворянству такое безграничное вліяніе на весь мѣстный строй и такую власть надъ прочими сословіями, внѣ городскихъ поселеній, которыя могутъ приличествовать одному только Правительству, тѣмъ паче въ такомъ государствѣ, какъ Россійская Имперія, вся сила коей зиждется на принципѣ твердаго Монархическаго неограниченнаго правленія.

По отношенію къ своей Прибалтійской окраинѣ Правительство допустило исключеніе изъ общаго принципа, осуществляемаго въ понятіи о Монархическомъ неограниченномъ правленіи. Почти всѣ функціи, одной только правительственной власти присущія, уступлены дворянской корпораціи и закрѣплены за ней законодательнымъ порядкомъ. Балтійское же дворянство, чуждое историческому развитію Россіи и къ тому же не связанное съ населеніемъ Имперіи ни узами единоплеменными, ни общностью вѣроисповѣданія, воспользовалось уступленными ему Верховною властью правами для достиженія цѣлей не русскихъ, государственныхъ, а своихъ личныхъ и мѣстныхъ, всегда шедшихъ въ ущербъ какъ идеѣ единства и цѣлости Имперіи, такъ и принципу Самодержавія. Вся-

кій разъ, когда Правительство по какому-либо поводу вынуждаемо было обращать вниманіе на ненормальное свое положеніе въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и стремилось добиться осуществленія въ этой части Имперіи началъ обще-государственныхъ,—мѣстное дворянство выступало противъ такихъ стремленій Правительства, опираясь при этомъ на законное основаніе. Въ сущности вся исторія Прибалтійскаго края со времени присоединенія его къ Россіи есть не что иное, какъ борьба Самодержавной власти и принципа неограниченнаго Монархическаго правленія съ идеей конституціонализма и сепаратизма. Въ этой, казалось-бы, неравной борьбѣ побѣда однако оставалась почти всегда за мѣстнымъ конституціоннымъ строемъ. Сильное Правительство Самодержца Всероссійскаго вынуждено было отступить отчасти потому, что противодѣйствіе всякому отдѣльному его мѣропріятію зиждилось на томъ самомъ законномъ основаніи, которое было предоставлено дворянству самимъ же Правительствомъ, причемъ одолѣніе противодѣйствія могло-бы совершиться только при отмѣнѣ закономъ укрѣпленныхъ за дворянствомъ политическихъ правъ, на что Правительство не дерзало доселѣ рѣшиться, отчасти же потому, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ всегда находились сильные защитники Прибалтійской конституціи, заинтересованные въ ея сохраненіи или по своему происхожденію, или же по убѣжденію, внушенному Западно-Европейскимъ лже-либерализмомъ и отступничествомъ отъ того священнаго для каждаго русскаго принципа Самодержавія, единственно которымъ сильна и крѣпка Россія.

Нынѣ Прибалтійское дворянство настолько уже окрѣпло въ своей конституціонпой организаціи и настолько изощрилось въ борьбѣ съ Правительствомъ, что дерзостно рискнуло открыто выступить въ состязаніе съ самой Верховной властью, чему наглядымъ доказательствомъ служитъ тотъ отчетъ бывшаго Эстляндскаго Губернскаго Предводителя Дворянства Графа Тезенгаузена, который доложенъ былъ въ многочисленномъ собраніи дворянъ на Ландтагѣ, бывшемъ въ Ревелѣ въ 1886 году.

Государю Императору благоугодно было изъявить свою непреклонную волю о положеніи предѣла существованію такой частной конституціи въ Россіи. Въ исполненіе Высочайшей воли въ Прибалтійскомъ краѣ начатъ рядъ преобразованій,

имѣющихъ цѣлью упразднить тѣ особенности мѣстнаго строя, которыя препятствуютъ сліянію этого края въ одно цѣлое со всѣмъ организмомъ Имперіи. Нѣкоторыя изъ этихъ преобразованій уже осуществились, а именно: введенъ государственный языкъ въ сферу оффиціальныхъ сношеній правительственной власти съ мѣстными учрежденіями; сельскія школы поставлены подъ ближайшій контроль Правительственной власти, а также приступлено къ преобразованію средне-учебныхъ заведеній изъ нѣмецкихъ въ русскія. Въ непродолжительномъ времени послѣдуютъ реформы полиціи и суда. Примѣненіе послѣдовавшихъ реформъ вызвало ожесточенное, систематическое противодѣйствіе, продолжающееся и по нынѣ. Ожидаемыя реформы уже вызвали протестъ, заявленный Эстляндскимъ Дворянскимъ Комитетомъ непосредственно Его Императорскому Величеству. Осуществленіе ихъ несомнѣнно будетъ сопряжено съ большимъ противодѣйствіемъ на мѣстѣ.

Если прежде Прибалтійское дворянство въ борьбѣ за цѣлость своей конституціи считало полезнымъ прибѣгать къ болѣе осторожнымъ средствамъ, прикрывая ихъ увѣреніями въ вѣрноподданническихъ чувствахъ, то нынѣ, когда Правительство приступило на самомъ дѣлѣ къ выполненію Высочайшей воли, дворянство, ввиду угрожающей его конституціи серьезной опасности, утратило въ своей борьбѣ съ Правительствомъ прежнюю осторожность и обнаружило свои истинныя цѣли и намѣренія, а также и тѣ орудія, при помощи которыхъ онѣ осуществляются. Но допустимо ли, чтобы въ Самодержавномъ Государствѣ часть подданныхъ находилось въ борьбѣ съ правительствомъ и притомъ въ борьбѣ, направленной къ ограниченію принципа Самодержавія и правъ Верховной власти въ части Имперіи. Отвѣтъ ясенъ и доказательствъ не требуетъ. Но какимъ способомъ прекратить это недопустимое и, казалось-бы, немыслимое въ Самодержавной Имперіи явленіе? Возвращеніемъ Правительству въ Прибалтійской окраинѣ тѣхъ его правъ и обязанностей, которыя, составляя неотъемлемую прерогативу одной лишь Верховной власти, могутъ быть довѣрены ею только ея собственнымъ органамъ. А такъ какъ эти правительственныя функціи находятся нынѣ по закону въ рукахъ мѣстныхъ дворянскихъ учрежденій, составляя въ совокупности *политическія* права

прибалтійскаго дворянства, то слѣдуетъ первѣе всего изъять эти политическія права изъ организаціи дворянскихъ учрежденій. Эта задача не представляетъ большихъ затрудненій для своего осуществленія. Не касаясь вовсе сословныхъ правъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, возникшихъ подъ вліяніемъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ отличій прибалтійскаго дворянства отъ русскаго, слѣдуетъ обратить вниманіе на организацію дворянскихъ учрежденій, приспособленныхъ къ осуществленію не однихъ только сословныхъ цѣлей, но главнымъ образомъ политическихъ. Пересмотръ статей мѣстныхъ узаконеній долженъ поэтому сосредоточиться на Раздѣлѣ II Кн. I ч. 2 Св. Мѣст. Узак., озаглавленномъ: „О правахъ и „преимуществахъ кореннаго дворянства остзейскихъ губерній „въ составѣ общества“. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду: 1) отмѣну статей, установляющихъ тѣ политическія права, которыя присущи одному лишь Правительству; 2) упраздненіе тѣхъ дворянскихъ учрежденій, которыя имѣли спеціальною обязанностью сохранять, развивать и осуществлять эти права; 3) установленіе органовъ, безъ которыхъ не можетъ быть вполнѣ осуществлено сословно-дворянское представительство; 4) систематизированіе остающихся безъ измѣненія статей съ цѣлью придать дворянскимъ учрежденіямъ исключительно сословный характеръ; 5) усиленіе правительственнаго надзора за дѣятельностью сословно-дворянскихъ учрежденій съ цѣлью, во первыхъ, облегчить имъ осуществленіе мѣропріятій, направленныхъ къ достиженію пользъ и нуждъ сословныхъ и, во вторыхъ, удержать дѣятельность сихъ учрежденій въ закономъ установленныхъ предѣлахъ и не допустить уклоненій, которыя могли-бы вредно отразиться на интересахъ всего сословія. Принимая во вниманіе существующія въ каждой изъ трехъ прибалтійскихъ губерній нѣкоторыя сословно-дворянскія особенности, сложившіяся путемъ историческимъ и измѣненія которыхъ не вызываются политическою необходимостью, я находилъ-бы излишнимъ проектировать для всѣхъ трехъ прибалтійскихъ дворянствъ одну общую сословную организацію. Намѣченная цѣль во всѣхъ трехъ губерніяхъ могла-бы быть достигнута путемъ примѣненія къ пересмотру нынѣшней ихъ *организаціи одной и той же точки зрѣнія,* наблюдая при этомъ неприкосновенность чисто сословныхъ правъ каждаго изъ дворянскихъ обществъ.

Приступая къ пересмотру съ установленной выше точки зрѣнія статей мѣстныхъ узаконеній, содержащихся въ ч. 2 кн. I Разд. II, я буду имѣть ввиду 36 статей (32—50, 540—556), общихъ для всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній и 157 статей (202—275, 447—497, 727—758), относящихся спеціально къ Эстляндской губерніи. При этомъ необходимо замѣтить слѣдующее: 1) Право обложенія всего населенія губерніи повинностями представляетъ одну изъ существеннѣйшихъ прерогативъ Верховной власти (уст. о зем. пов.) и осуществленіе сего права не только во всѣхъ губерніяхъ Имперіи, гдѣ не введены земскія учрежденія, но и въ Курляндской губерніи лежитъ на обязанности Правительства. Посему представляется безусловно необходимымъ подчинить раскладку и отбываніе населеніемъ Эстляндской губерніи повинностей порядку, установленному въ Уставѣ о земскихъ повинностяхъ, дѣйствующему и въ Курляндской губерніи.

2) Дворянскій Комитетъ и Ландратская Коллегія, какъ органы дворянства, предназначенныя для осуществленія не сословнодворянскихъ, а политическихъ задачъ, подлежатъ, за изъятіемъ отъ дворянства политическихъ его правъ, безусловному упраздненію. Оба эти учрежденія, не имѣя строго опредѣленнаго по закону круга обязанностей, въ дѣйствительности завѣдуютъ всѣми политическими функціями дворянства. Ландтагъ передаетъ этимъ учрежденіямъ всѣ свои обязанности, кромѣ сословныхъ дѣлъ, а законъ приравниваетъ по силѣ и обязательности всѣ постановленія Дворянскаго Комитета къ положеніямъ Ландтаговъ. Въ сущности Ландратская Коллегія вкупѣ съ Дворянскимъ Комитетомъ представляютъ непрерывно дѣйствующій Ландтагъ и являются организованнымъ мѣстнымъ правительствомъ, ограничивающимъ права Верховной власти и осуществляющимъ борьбу съ Правительствомъ за сохраненіе мѣстной конституціи. Кромѣ этой дѣятельности Дворянскому Комитету по закону предоставлено: а) разсмотрѣніе во время Ландтага подлежащихъ его обсужденію дѣлъ и изъявленіе по онымъ своего мнѣнія; б) особая власть въ дѣлахъ третейскихъ, какъ о томъ подробно установлено въ IV части сего свода, и в) замѣщеніе нѣкоторыхъ должностей по выбору дворянства въ случаѣ открытія вакансій до наступленія Ландтага. Обязанности возложенныя на Дворянскій Комитетъ по пункту *а*, могутъ

быть выполнены особой комиссіей для сего каждый разъ избираемой Ландагомъ изъ числа своихъ членовъ; вслѣдствіе неизданія IV ч. Св. Мѣстн. Узак., опредѣляющей особыя права Комитета по дѣламъ третейскимъ, осуществленіе сихъ правъ должно происходить согласно 2 ст. введенія къ I ч. Св. Мѣст. Узак. на основаніи общихъ законовъ Имперіи; обязанность по замѣщенію должностей, оставшихся вакантными, можетъ быть замѣнена предоставленіемъ Ландтагу выбирать кандидатовъ, заступающихъ въ потребныхъ случаяхъ должностное лицо. Такимъ образомъ упраздненіе Ландратской Коллегіи и Дворянскаго Комитета, не нанося ни въ чемъ рѣшительно ни малѣйшаго ущерба ни сословнымъ правамъ, ни сословно-дворянской организаціи Эстляндскаго дворянства, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ упраздненіе конституціонно-политическаго мѣстн. строя.

3) Кругъ дѣятельности, обязанности и права уѣздныхъ Собраній въ законѣ не опредѣленъ вовсе. На основаніи 272 ст. Дворянскій Комитетъ опредѣляетъ надобность и время уѣздныхъ собраній для совѣщаній, подъ руководствомъ Губернскаго Предводителя Дворянства, „касающихся всегда особенныхъ пользъ и дѣлъ уѣзда“. Такъ какъ Дворянскій Комитетъ подлежитъ упраздненію, а все касающееся пользъ и нуждъ дворянскаго общества всей губерніи (включая всѣ уѣзды) составляетъ предметъ занятій Ландтага, то сохраненіе уѣздныхъ собраній для цѣлей не „дворянско-сословныхъ“, а для „пользъ и нуждъ уѣзда“, предполагало-бы сохраненіе въ уѣздной организаціи за дворянствомъ тѣхъ политическихъ правъ, которыя признано неудобнымъ предоставить центральной дворянской организаціи. Но такъ какъ упраздненіе „уѣздныхъ собраній“ могло-бы лишить сословно-дворянское учрежденіе губерніи необходимаго сословнаго представительства въ уѣздахъ, то слѣдуетъ 271—275 ст. ч. II Св. Мѣст. Узак. замѣнить ст. 198—201 т. IX, коими эта цѣль вполнѣ достигается, не внося при томъ такихъ измѣненій во внутренній строй сословно-дворянской организаціи, которыя были-бы чужды Эстляндскому дворянству.

4) На депутатскомъ собраніи на основаніи Свода законовъ (т. IX ст. 259—290) лежатъ обязанности по разсмотрѣнію дѣлъ, касающихся доказательствъ на дворянское происхожденіе, веденіе дворянской родословной книги, а также участіе въ распоряженіяхъ о наложеніи опекъ на имѣнія дворянъ. Первая

изъ этихъ обязанностей выполняется въ Эстляндской губерніи Канцеляріей дворянства и особой матрикульной комиссіей, избираемой на Ландтагѣ и состоящей подъ предсѣдательствомъ Губернскаго Предводителя Дворянства. Опекунскими же дѣлами вѣдаетъ земскій сиротскій судъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ Губернскаго Предводителя Дворянства и не подлежащій упраздненію. Посему введеніе въ Эстляндской губерніи Депутатскаго Собранія является излишнимъ и несоотвѣтствующимъ особымъ условіямъ сословно-дворянской организаціи.

5) Съ упраздненіемъ дворянскаго комитета подлежатъ упраздненію и должности уѣздныхъ депутатовъ, обязанности коихъ не соотвѣтствуютъ обязанностямъ депутатовъ, установленнымъ Общими Законами Имперіи, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ не соотвѣтствуютъ ни понятію о сословно-дворянскомъ представительствѣ въ уѣздахъ, ни обязанностямъ возлагаемымъ закономъ на такое представительство. Вмѣсто трехъ уѣздныхъ депутатовъ на каждый уѣздъ долженъ быть установленъ институтъ уѣздныхъ предводителей дворянства и ихъ кандидатовъ, съ возложеніемъ на нихъ тѣхъ обязанностей, кои общими законами Имперіи возложены на сихъ должностныхъ лицъ.

6) Порядокъ и составленіе положеній Ландтаговъ и ихъ утвержденіе Губернаторомъ слѣдуетъ изложить согласно съ послѣдовавшими по сему предмету разъясненіями и указаніями Правительствующаго Сената.

7) Слово „Ландтагъ“, какъ не соотвѣтствующее характеру и значенію предстоящей дворянству чисто сословной организаціи и дѣятельности, а также противорѣчащее примѣчанію къ 34 ст., слѣдуетъ замѣнить названіемъ „Губернское дворянское собраніе“.

8) Отвѣтственность Предводителя Дворянства въ Качествѣ предсѣдателя собранія подчинить тѣмъ же правиламъ, коими установлена на основаніи общихъ законовъ Имперіи отвѣтственность сихъ должностныхъ лицъ.

9) Принципъ неутверждаемости избранныхъ дворянствомъ чиновъ въ должностяхъ отмѣнить, распространивъ на условія выборной службы статьи общихъ законовъ Имперіи.

10) Статьи, относящіяся до существующихъ учрежденій полиціи и суда, имѣютъ быть отмѣнены или измѣнены со введеніямъ реформы сихъ учрежденій.

При семъ имѣю честь приложить пересмотръ статей ч. II Св. Мѣст. Узак. губ. Остз. кн. I Разд. II, составленный мною на основаніи вышеизложенныхъ соображеній.

№ 45. Отношеніе къ Попечителю Дерптскаго Учебнаго Округа отъ 16 Сентября 1888 года за № 253 по поводу постановленія Ландтага о закрытіи Домскаго училища.

На чрезвычайномъ Ландтагѣ Эстляндскаго Дворянства, происходившемъ съ 6-го по 10-е сего Сентября, въ числѣ прочихъ состоялись слѣдующія два постановленія:

„V. По выслушаніи отношенія Попечителя Дерптскаго „Учебнаго Округа отъ 22 Іюня с. г. за № 3631, коимъ По„печитель по порученію Министра Народнаго Просвѣщенія „сообщилъ, что Законъ 10 Апрѣля 1887 г. долженъ быть при„мѣненъ къ Эстляндскому Рыцарскому и Домскому Училищу, „и что это училище подлежитъ закрытію, если Дворянство „будетъ настаивать на своемъ предположеніи обратить это „училище въ частное учебное заведеніе—Дворянство и Зем„ство постановили закрыть Рыцарское и Домское Училище „и именно, если возможно, въ исходѣ текущаго учебнаго года „и поставить условія о закрытіи его въ зависимость отъ сно„шеній Предводителя Дворянства съ Попечителемъ Учебнаго „Округа“.

„ VI. Дворянство и Земство постановили ходатайствовать „передъ Училищнымъ Начальствомъ о разрѣшеніи по откры„тію на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 4-го Іюня „1879 г. сословнаго частнаго училища съ нѣмецкимъ язы„комъ преподаванія и представить вмѣстѣ съ тѣмъ Уставъ „училища, поручивъ Попечительству Рыцарскаго и Домскаго „Училища выработку Устава, который долженъ быть пред„ставленъ на разрѣшеніе Дворянскаго Комитета. Если же не „удастся испросить разрѣшенія къ учрежденію сословнаго „частнаго училища, то слѣдуетъ имѣть въ виду назначеніе „пособія частному училищу съ нѣмецкимъ языкомъ препода„ванія и уполномочить Дворянскій Комитетъ къ назначенію „необходимыхъ средствъ“.

Оба эти постановленія, разсматриваемыя въ совокупности, представляютъ собой не только громогласно заявляемый цѣ-

лымъ сословіемъ протестъ противъ требованій Закона, но и открытое глумленіе надъ распоряженіями Правительства. Нѣмецкіе землевладѣльцы, именуемые дворянствомъ, дозволили себѣ бросить Правительству вызовъ, дерзновенно при этомъ расчитывая, что по бывшимъ примѣрамъ Правительство и на сей разъ протянетъ ему руку для самозаушенія. Въ этихъ постановленіяхъ полное самомнѣнія нѣмецкое нахальство соперничаетъ съ пренебрежительнымъ презрѣніемъ къ Правительственнымъ требованіямъ. Пусть Правительство, слышится въ нихъ, издаетъ Законы, пусть принимаетъ какія ему угодно мѣры, мы же будемъ преслѣдовать неуклонно, не взирая ни на что, наши національно-нѣмецкіе интересы; сила на нашей сторонѣ, ибо мы имѣемъ для нашихъ цѣлей деньги и при томъ не свои, а крестьянскія, именуемыя Земскими.

Обращаясь къ разсмотрѣнію каждаго изъ сихъ постановленій въ отдѣльности, мы въ первомъ изъ нихъ замѣчаемъ прежде всего категорично выраженное нежеланіе подчиниться Закону 10 Апрѣля 1887 г. и рядомъ съ этимъ какъ бы нѣкотурую надежду на возможность его обойти путемъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ учебнымъ вѣдомствомъ. Если бы дворянство не возлагало никакихъ надеждъ на переговоры относительно дальнѣйшаго существованія Рыцарскаго и Домскаго Училища, то несомнѣнно оно постановило-бы, въ виду совершенно опредѣленнаго разъясненія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изложеннаго въ отношеніи Вашего Превосходительства къ Эстляндскому Предводителю Дворянства отъ 22 Іюня с. г. за № 3631, категоричное и безъоговорочное опредѣленіе о немедленномъ закрытіи училища. Между тѣмъ оно этого не сдѣлало, разсчитывая на худой конецъ склонить Ваше Превосходительство на разрѣшеніе постепеннаго въ теченіи 7—8 лѣтъ закрытія этого училища, если бы не удалось проявленною имъ рѣшимостью закрыть сіе училище, напугать Правительство и исторгнуть отъ него уступки и послабленія. Подобный образъ дѣйствій дворянства свидѣтельствуетъ, что оно еще не утратило вѣры въ неустойчивость Правительственной политики въ краѣ и питаетъ оскорбительныя для органовъ Правительства надежды, будто бы съ ними можно входить въ различные компромиссы въ ущербъ Высочайшей волѣ. Разъ дворянство отказалось подчиниться Закону 10 Апрѣля 1887 г., то какіе же еще переговоры мо-

гутъ быть мыслимы? Училище должно быть закрыто и при томъ немедленно. Если дворянство не сдѣлаетъ этого само, то закрытіе должно послѣдовать мѣрами Полиціи. По крайней мѣрѣ этого требуетъ достоинство Правительства и святость и обязательность для всѣхъ и каждаго Законовъ Государственныхъ. Допустимо ли даже въ качествѣ предположенія, чтобы полиція, обнаруживъ запрещенную закономъ торговлю, ожидала бы ея закрытія пока весь запрещенный товаръ не будетъ распроданъ. Точно также и здѣсь. Съ той минуты, какъ училище очутилось въ положеніи нелегальномъ, его дальнѣйшее существованіе не можетъ быть терпимо долѣе ни одного дня.

Дворянство не должно смѣть разсчитывать, что ему будетъ позволено протянуть нелегальное существованіе училища еще годы въ надеждѣ, что обстоятельства измѣнятся и de facto не закрытое училище снова будетъ возстановлено въ нынѣшнемъ его видѣ. Немедленное закрытіе училища, конечно, можетъ дать празднымъ людямъ случай упрекать Правительство въ жестокости относительно судьбы учениковъ, которымъ не дали окончить образованія. Но этотъ упрекъ долженъ быть отнесенъ исключительно къ самимъ родителямъ этихъ учениковъ, которые, сопротивляясь на Ландтагѣ требованію Закона, знали что творятъ. Если въ своемъ злобномъ противъ Правительственныхъ мѣропріятій ослѣпленіи они сами рисковали судьбой своихъ дѣтей, то и вся отвѣтственность въ этомъ можетъ и должна пасть только на нихъ самихъ.

Второе постановленіе Ландтага поражаетъ своей до цинизма откровенной дерзостью.

На тотъ случай, если бы сношенія съ Вашимъ Превосходительствомъ относительно дальнѣйшаго существованія Рыцарскаго и Домскаго Училища, не привели къ желаемымъ результатамъ и это училище подлежало бы закрытію, Дворянство постановило ходатайствовать о разрѣшеніи ему открыть частное училище съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 4 Іюля 1879 года. Но въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи говорится только о порядкѣ опредѣленія преподавателей и воспитателей въ частныя учебныя заведенія, на открытія которыхъ послѣдовало въ установленномъ порядкѣ разрѣшеніе земскимъ учрежденіямъ, обществамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ.

Въ немъ не только не упоминается о нѣмецкомъ или какомъ-либо другомъ иностранномъ языкѣ, но даже вовсе не говорится о томъ установленномъ порядкѣ, который требуется для полученія разрѣшенія на открытіе упомянутыхъ частныхъ учебныхъ заведеній. Уставъ же сихъ заведеній (Положеніе 1872 г.), разрѣшая учрежденіе таковыхъ городамъ и сословіямъ, все установляетъ и не предполагаетъ иного преподавательскаго языка, какъ только русскаго. Нельзя допустить никакого сомнѣнія въ томъ, чтобы среди руководящихъ дворянскихъ сферъ не нашлось лицъ, знающихъ эти законы.

Поэтому, чѣмъ же какъ не дерзостью, можно объяснить подобное постановленіе дворянства, рѣшившагося ходатайствовать передъ Правительствомъ о взятіи назадъ узаконеннаго имъ распоряженія. Скрывающая эту мысль форма разсчитана или на близорукость или на наивность Правительства.

Достойно въ этомъ постановленіи особеннаго вниманія, что „дворянство и земство“ ходатайствуютъ объ открытіи училища *Сословнаго,* т. е. для дѣтей, принадлежащихъ къ одному только дворянскому сословію. Это постановленіе имѣетъ цѣлью указать, что расходы на воспитаніе дѣтей дворянскихъ въ національно-нѣмецкомъ духѣ будутъ отнесены на земскій, или точнѣе на крестьянскій счетъ. Другого значенія этому постановленію придать нельзя, такъ какъ Вашему Превосходительству небезъизвѣстно, что въ Эстляндской губерніи не существуетъ ни частнаго дворянскаго сбора, ни сословныхъ складокъ и что всѣ нужды дворянскаго сословія удовлетворяются изъ такъ называемой „дворянской кассы“, пополняемой сборами съ двухъ повинностей, „почтоваго фуража“ и „складочныхъ денегъ“, которыя взыскиваются по гакенамъ со всей земли, при чемъ дворяне упадающую на нихъ часть сихъ платежей перекладываютъ посредствомъ арендныхъ контрактовъ на крестьянъ. Такимъ образомъ „дворянская касса“ по характеру поступающихъ въ нее сборовъ должна была бы скорѣе называться „кассой земской“, а въ дѣйствительности она въ главныхъ своихъ средствахъ составлена изъ платежей, взысканныхъ съ однихъ только крестьянъ.

Въ виду сего и употребленное въ разсматриваемомъ постановленіи Ландтага выраженіе „дворянство и земство“

указываетъ на то, что дворянство намѣрено покрывать расходы на содержанiе проектируемаго имъ сословнаго училища съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ изъ вышеупомянутой земской кассы. Изъ сего Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, что въ этой борьбѣ съ Правительственными мѣропрiятiями Эстляндское дворянство даже ничѣмъ съ своей стороны не рискуетъ, ибо ведетъ ее не за свой счетъ.

„Если же не удастся испросить разрѣшенiя къ учрежденiю „сословнаго частнаго училища“,—говорится далѣе въ томъ же постановленiи Ландтага,—„то слѣдуетъ имѣть въ виду назна-„ченiе пособiя частному училищу съ нѣмецкимъ языкомъ „преподаванiя“.

Предвидя всѣ случайности въ объявленной Правительству борьбѣ изъ-за сохраненiя нѣмецкаго языка преподаванiя, Ландтагъ далъ на всѣ эти случаи своимъ исполнительнымъ органамъ и подробныя инструкцiи, которыя въ концѣ концовъ, не мытьемъ такъ катаньемъ, должны обезпечить за дворянствомъ побѣду. Благодаря столь подробной и откровенной инструкцiи Правительству нынѣ открываются глаза на дѣйствительное значенiе частныхъ училищъ въ Прибалтiйскомъ краѣ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Я неоднократно имѣлъ случай высказывать Вашему Превосходительству свое мнѣнiе о подобныхъ училищахъ. Усилившiяся въ послѣднiе годы, со времени школьной реформы, ходатайства о разрѣшенiи открытiя частныхъ учебныхъ заведенiй съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ внушали мнѣ опасенiя, такъ какъ въ этомъ явленiи я усматривалъ одинъ изъ видовъ борьбы мѣстныхъ антигосударственныхъ элементовъ съ русскимъ Правительствомъ. Выдаваемыя доселѣ разрѣшенiя на открытiе подобныхъ училищъ дозволяли мѣстнымъ фанатическимъ дѣятелямъ усматривать въ этомъ удобное средство не только ускользнуть отъ дѣйствiя той нынѣ примѣняемой въ краѣ правительственной политики, въ которой русская школа занимаетъ первенствующее мѣсто, но и парализовать этимъ путемъ результаты правительственныхъ мѣропрiятiй.

Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго и не выходить изъ рамокъ даннаго вопроса, разсмотримъ значенiе для мѣстнаго дворянства Рыцарскаго и Домскаго Училища съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ и постараемся

обнаружить, почему именно дворянство соглашается скорѣе пожертвовать училищемъ, существующимъ 570 лѣтъ, чѣмъ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія.

Въ нѣмецкихъ семьяхъ здѣшняго края съ издавна замѣчается двойственная система въ воспитаніи дѣтей и дальнѣйшемъ обезпеченіи ихъ судьбы. Въ то время какъ однихъ сыновей отдаютъ въ различныя русскія учебныя заведенія въ С.-Петербургъ, другихъ не только воспитываютъ въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ края, но и по возможности препятствуютъ имъ проникнуть за его восточную границу. Такая двойственность истекаетъ изъ весьма серьезныхъ основаній: дома воспитываютъ тѣхъ членовъ семьи, которые предназначаются для занятія въ имѣніяхъ по сельскому хозяйству и для службы по мѣстнымъ учрежденіямъ; остальные же представляющіе излишекъ для мѣстнаго обихода, посредствомъ воспитанія въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ сдаются со своихъ хлѣбовъ на хлѣба правительственныя. Первые, проходя среднее образованіе въ Рыцарскомъ и Домскомъ училищѣ и соотвѣтствующихъ ему нѣмецкихъ учебныхъ заведеніяхъ, воспринимаютъ въ нихъ закаляемые впослѣдствіи въ Дерптскомъ Университетѣ то направленіе и тотъ духъ, которые создали отчужденность Прибалтійскаго края отъ остальныхъ частей Имперіи. Вторые же пройдя русскую школу, въ значительной степени утрачиваютъ воспринятое дома направленіе и, вступая на Государственную службу по военному и другимъ вѣдомствамъ, отсутствіемъ крайняго направленія вводятъ Правительство въ заблужденіе относительно правильной оцѣнки направленія и цѣлей, преслѣдуемыхъ ихъ ближайшими родственниками и братьями, несущими мѣстную службу на иныхъ, если иногда не на прямо противоположныхъ основаніяхъ. Не возвращаясь болѣе ко второй группѣ, служившей и для Правительства и для русскаго общества, такъ сказать, отводомъ глазъ отъ первой, остановимъ наше вниманіе на сей послѣдней.

Воспитанная съ одной стороны въ узкихъ нѣмецко-національныхъ тенденціяхъ, и съ другой—въ принципахъ широкой вотчинно-сословной автономіи своего края, эта группа представляется сплоченной въ отстаиваніи принциповъ, легшихъ въ основу ея воспитанія. Та борьба, которую она вела и ведетъ нынѣ съ Правительствомъ, служитъ лучшимъ и нагляднѣйшимъ тому доказательствомъ, а пріемы и способы борьбы

характеризуютъ ту школу, черезъ которую она прошла. Если Правительство сознало всю ненормальность своего положенія въ Прибалтійскомъ краѣ, выражавшуюся ранѣе сего въ принципѣ вынужденнаго самоустраненія, а нынѣ въ борьбѣ съ частью подданныхъ Верховнаго Главы Государства, то ему, для обезпеченія себѣ успѣха въ будущемъ, естественно надлежитъ устранять тѣ причины, которыя вызвали въ краѣ подобное ненормальное явленіе, немыслимое въ Государствѣ, не подточенномъ всеразрушающимъ анархизмомъ. Эта же причина есть мѣстная нѣмецкая школа, воспитавшая подобное направленіе.

Подъ словомъ нѣмецкая школа я разумѣю такую, въ которой ученіе и воспитаніе молодежи ввѣрено литератамъ, этимъ вѣрнымъ хранителямъ и стражамъ мѣстныхъ тенденцій и идеаловъ. Эти литераты знаютъ одинъ только свой нѣмецкій языкъ, поэтому-то дабы не устранить литератовъ отъ воспитанія молодого поколѣнія, т. е. сохранить въ немъ прежній духъ и направленіе, и ведется нынѣ ожесточенная борьба какъ дворянства, такъ и руководящихъ городскими думами литератовъ съ Правительствомъ за сохраненіе въ школахъ нѣмецкаго преподавательскаго языка. Мѣстные вожаки всего больше боятся появленія въ школахъ русскихъ учителей, ибо съ ихъ появленіемъ исчезнетъ изъ школъ прежній духъ, прежнее традиціонное направленіе. Этого-то исчезновенія изъ своей школы балтскаго направленія страшится и Эстляндское дворянство. Оно жертвуетъ шестивѣковой школой ради сохраненія нѣмецкаго языка. Нѣмецкій же языкъ нуженъ и дорогъ, потому что только посредствомъ его можетъ сохраниться нужное въ воспитаніи молодежи направленіе. Тотъ же принципъ положенъ въ основаніе и всѣхъ тѣхъ частныхъ школъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, о разрѣшеніи которыхъ столь часто въ послѣднее время стали поступать къ Вашему Превосходительству ходатайства. Права подобнымъ школамъ не нужны. Учителя за утрату ихъ получатъ щедрое денежное вознагражденіе и большія пенсіи, къ тому же—на счетъ крестьянъ, такъ какъ подобныя школы или тайно или явно содержатся на счетъ такъ называемыхъ „дворянскихъ кассъ“. Ученикамъ права тоже не нужны, такъ какъ они готовятся не для государственной, а для мѣстной антигосударственной службы. Лишеніе льготы по отбыванію воинской

повинности не можетъ тоже ихъ страшить, такъ какъ эта опасность легко можетъ быть обойдена замѣной подлежащихъ сей повинности тѣми изъ братьевъ ихъ, кои обречены на прохожденіе Государственной службы, и получили образованіе въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вотъ какой истинный смыслъ и значеніе заключаются въ разсматриваемыхъ постановленіяхъ чрезвычайнаго Эстляндскаго Ландтага. Правительство ради своего достоинства не можетъ допустить въ этомъ дѣлѣ какого-либо компромисса. Цѣль, преслѣдуемая дворянствомъ на столько же ясна, на сколько ясна и та дерзость, граничащая съ презрительнымъ пренебреженіемъ къ Правительству, съ которою дворянство осмѣлилось помыслить сдѣлать само же Правительство соучастникомъ своимъ въ стремленіяхъ, направленныхъ къ противодѣйствію Правительственнымъ задачамъ и мѣропріятіямъ въ краѣ.

Высказавъ вполнѣ откровенно свой взглядъ на это дѣло, я рѣшаюсь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство, не изволите ли признать возможнымъ отказать этимъ дерзкимъ домогательствамъ Эстляндскаго Дворянства и, если бы его Представитель не пожелалъ добровольно и немедленно же закрыть Рыцарское Училище, то поручить мнѣ исполнить это мѣрами полиціи. Что же касается до частныхъ училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, то я усерднѣйше прошу Ваше Превосходительство — не разрѣшайте открытіе ихъ во ввѣренной мнѣ губерніи, такъ какъ въ виду твердо установленнаго здѣсь направленія Правительственной политики, въ нихъ надобности никакой нѣтъ, а существованіе ихъ, окрыляя лишь духъ противодѣйствія противниковъ Правительства и вселяя въ нихъ несбыточную надежду, задерживаетъ и тормозитъ всѣ Правительственныя усилія, направленныя къ сліянію окраины съ остальными частями Имперіи.

Равнымъ образомъ рѣшаюсь ходатайствовать передъ Вашимъ Превосходительствомъ о неразрѣшеніи и Ревельскому Германскому Благотворительному Обществу открывать частное училище съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

Германскіе подданные живутъ здѣсь не по нуждѣ и не по неволѣ. Ихъ привлекали сюда корысть и жажда обогащенія. Если они желаютъ воспитывать своихъ дѣтей въ Германскихъ школахъ, то никто не препятствуетъ имъ отправлять

ихъ для сего въ Германію и вслѣдъ за ними и самимъ туда переселиться.

Расчитывать же на какое-либо особое вниманіе къ нимъ Русскаго Правительства проживающіе въ Ревелѣ Германскіе подданные права не имѣютъ, такъ какъ своимъ поведеніемъ и направленіемъ они поддерживаютъ здѣсь тѣ мѣстные элементы, которые находятся въ борьбѣ съ Правительствомъ.

№ 46. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 10 Декабря 1888 г. за № 341 съ заключеніемъ о „проектѣ положенія о наслѣдственной арендѣ“.

Эстляндскій Губернскій Предводитель Дворянства, представивъ одобренный Дворянскимъ Ландтагомъ 1886 г. проектъ Положенія о наслѣдственной арендѣ, просилъ меня представить на усмотрѣніе высшаго Правительства какъ означенный проектъ, такъ и тѣ пояснительные мотивы, которые изложены имъ въ отношеніи ко мнѣ отъ 13 Февраля 1887 года за № 133.

Вслѣдствіе сего, представляя Вашему Сіятельству копію означеннаго отношенія и выработаннаго Эстляндскимъ Дворянствомъ проекта, считаю долгомъ высказать слѣдующее мое заключеніе.

Представленный проектъ долженъ замѣнить нынѣ дѣйствующія постановленія Крестьянскаго Положенія 1856 г. о наслѣдственной арендѣ, изложенныя въ ст.ст. 184—200. До настоящаго времени заключеніе договоровъ крестьянами о наслѣдственной арендѣ составляло большую рѣдкость, и я даже лишенъ возможности утверждать, имѣется ли въ настоящее время хотя нѣсколько единичныхъ примѣровъ подобныхъ арендныхъ договоровъ. По крайней мѣрѣ въ числѣ свѣдѣній ежегодно доставляемыхъ Приходскими Судами для составленія всеподданнѣйшаго отчета о положеніи крестьянскаго дѣла Эстляндской губерніи, мнѣ ни разу не встрѣчалось упоминанія хотя бы объ одномъ случаѣ существованія наслѣдственно-арендннаго договора, равнымъ образомъ подобныхъ свѣдѣній не встрѣчается въ отчетахъ Комиссіи Крестьянскихъ Дѣлъ представленныхъ ею до прибытія моего въ Эстляндскую губернію и съ которыми я ознакомился.

На ряду съ различными категоріями крестьянъ по способу пользованія землею, какъ то: собственниковъ, арендаторовъ по шестилѣтнимъ законнымъ контрактамъ, арендаторовъ почему либо не имѣющихъ контрактовъ, малоземельныхъ крестьянъ—бобылей и батраковъ, ни одинъ изъ отчетовъ и ни одинъ изъ Приходскихъ Судовъ, доставлявшихъ свѣдѣнія для этихъ отчетовъ, нигдѣ не упоминаютъ о существованіи особой категоріи крестьянъ наслѣдственныхъ арендаторовъ.

Если съ этимъ фактомъ сопоставить то обстоятельство, что при высокихъ цѣнахъ на землю число крестьянъ-собственниковъ хотя и весьма медленно увеличивается, но тѣмъ не менѣе за послѣднее тридцатилѣтіе составляетъ все-таки около 9% всего крестьянскаго земледѣльческаго населенія, то становится очевиднымъ, что нынѣ дѣйствующія постановленія о наслѣдственной арендѣ очевидно представляли для крестьянъ столь мало выгодъ, что тѣ изъ крестьянъ, кои по недостатку средствъ не могли сдѣлаться собственниками, при полной возможности произвольнаго повышенія арендныхъ цѣнъ черезъ каждые шесть лѣтъ, предпочитаютъ оставаться краткосрочными арендаторами, чѣмъ заключать наслѣдственные арендные договоры, которые, казалось бы, должны обезпечивать за ними большую устойчивость ихъ имущественнаго положенія.

Если такимъ образомъ дѣйствующія постановленія о наслѣдственной арендѣ остались мертвою буквою, то обращаясь къ разсмотрѣнію новаго проекта, слѣдовало бы предполагать, что составители его позаботились построить его на началахъ болѣе способныхъ привлечь къ этимъ правиламъ сочувствіе населенія, т. е. открыть ему способъ пользованія землею болѣе выгодный, чѣмъ краткосрочная аренда и настолько прочный и устойчивый, что могъ бы быть избранъ тѣми крестьянами, которые не имѣютъ единовременно достаточно средствъ для пріобрѣтенія земли въ собственность. Между тѣмъ изъ мотивовъ, изложенныхъ въ отношеніи Предводителя Дворянства отъ 13 Февраля 1887 г. за № 133, усматривается, что отнюдь не подобныя цѣли руководствовали составителей выработаннаго проекта, а прежде всего забота о достиженіи неотчуждаемости фидеикомиссныхъ дворянскихъ имѣній. Хотя Предводитель Дворянства упоминаетъ, что учрежденіе наслѣдственной аренды оказывается неоспоримо наилучшимъ средствомъ какъ для достиженія означенной цѣли, такъ и

для облегченія желательнаго перехода арендной земли во владѣніе крестьянъ, тѣмъ не менѣе изъ разсмотрѣнія представленнаго проекта для меня остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ предполагается возможнымъ достиженіе второй цѣли. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько установленіе предположенныхъ правилъ желательно въ интересахъ крестьянскаго населенія—вопросъ, къ разсмотрѣнію котораго я вернусь въ концѣ настоящаго представленія, считаю умѣстнымъ прежде всего разсмотрѣть, насколько введеніе тѣхъ же правилъ необходимо въ интересахь неотчуждаемости фидеикомиссныхъ имѣній.

Родовые фидеикомиссы въ дворянскихъ имѣніяхъ, какъ это установленно ст. 2525 ч. III Св. Мѣст. Узак. Прибал. губ., установляются особыми учредительными актами, въ силу которыхъ съ одной стороны запрещается какъ отчуждать эти имѣнія подъ страхомъ недѣйствительности, такъ и обременять ихъ долгами, а съ другой стороны для сохраненія почетности рода, въ пользу котораго фидеикомиссъ установленъ, опредѣляется преемственно, на вѣчныя времена, сохраненіе имѣнія въ этомъ родѣ. Для достиженія этой цѣли, т. е. обезпеченія благосостоянія и почетности отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, законъ (см. ст. 2337—2347, 2525—2564 ч. III Св. Мѣстн. Узак.) ограничилъ пожизненнаго пользователя родовымъ фидеикомиссомъ цѣлымъ рядомъ ограниченій въ правѣ пользованія, клонящихся къ тому, чтобы воспрепятствовать произвольному съ его стороны уменьшенію цѣнности имущества, составляющаго предметъ фидеикомисса. Самыя существенныя изъ сихъ ограниченій предусмотрѣны ст.ст. 2342, 2551 и 2552, въ силу которыхъ всякое отчужденіе предмета фидеикомисса, совершенное фидеикомиссаріемъ по своему произволу недѣйствительно и лишаетъ его всѣхъ правъ на фидеикомиссъ и даже въ предѣлахъ предоставленныхъ ему законныхъ распоряженій имуществомъ—„распоряженія, сдѣланныя владѣльцемъ фидеикомисснаго имѣнія на болѣе или менѣе продолжительное время, относительно доходовъ онаго, какъ то: отдача имѣнія или части его въ аренду, предоставленіе кому либо пользованія имъ, залогъ доходовъ и т. п. имѣютъ силу лишь на время жизни владѣльца, такъ что наслѣдникъ его можетъ не признавать этихъ распоряженій для себя обязательными“.

Изъ вышеизложеннаго усматривается, что существованіе значительнаго числа родовыхъ фидеикомиссныхъ дворянскихъ имѣній являлось бы существеннымъ препятствіемъ къ продажѣ крестьянской земли въ собственность лицъ крестьянскаго сословія, такъ какъ всякая такая продажа можетъ воспослѣдовать только съ Высочайшаго разрѣшенія. Согласно свѣдѣнію, добытому отъ Эсляндскаго Оберъ-Ландгерихта, въ настоящее время по крѣпостнымъ книгамъ означеннаго учрежденія установлено 23 дворянскихъ родовыхъ фидеикомисса. Мнѣ извѣстны четыре случая, въ которыхъ по ходатайству владѣльцевъ фидеикомиссныхъ имѣній воспослѣдовали Высочайшія Его Императорскаго Величества повелѣнія о разрѣшеніи на продажу крестьянскихъ участковъ изъ состава фидеикомиссныхъ имѣній. Послѣднее по времени изъ сихъ Высочайшихъ повелѣній воспослѣдовало 27 Марта 1887 г. по ходатайству Графа Сиверса, владѣльца фидеикомиссныхъ имѣній Альтъ и Ней Касти Гапсалскаго уѣзда Эстляндской губерніи, причемъ Высочайше повелѣно, чтобы вырученныя отъ продажи крестьянскихъ участковъ деньги поступали въ неприкосновенный капиталъ сего фидеикомисса, чтобы проценты съ сего капитала выдавались владѣльцу имѣній Альтъ и Ней Касти, а самый капиталъ могъ быть употребленъ на покупку недвижимыхъ имуществъ, долженствующихъ войти въ составъ фидеикомисса.

Такой порядокъ, повидимому вполнѣ ограждающій цѣлость учрежденныхъ дворянскихъ родовыхъ фидеикомиссовъ, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію, выраженному Эстляндскимъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства въ отношеніи его отъ 13 Февраля 1887 г. за № 133, является недостаточнымъ, такъ какъ всякимъ отчужденіемъ части фидеикомисснаго имѣнія уменьшается его составъ и нарушается воля учредителя, а вознагражденіе, уплоченное за продажные участки, не обезпечиваетъ цѣлости фидеикомисснаго имущества вслѣдствіе пониженія цѣнности денегъ.

Для устраненія такого ущерба, угрожающаго цѣлости фидеикомисныхъ имѣній, и проектированы Эстляндскимъ дворянствомъ настоящія правила о наслѣдственной арендѣ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ правилъ съ точки зрѣнія интересовъ фидеикомиссныхъ владѣльцевъ, нельзя не признать, что для огражденія интересовъ трудно придумать лучшее

средство, такъ какъ представляемый проектъ наряду съ постояннымъ арендымъ доходомъ предусматриваетъ еще накопленіе особаго капитала въ пользу фидеикомисснаго имѣнія. Кромѣ ежегодной арендной платы, которая (ст. 191) должна быть установляема какъ постоянная величина на срокъ первыхъ 20 лѣтъ и затѣмъ черезъ каждыя 10 лѣтъ измѣняема соотвѣтственно среднимъ арендымъ цѣнамъ уѣзда или губерніи, проектъ установляетъ для наслѣдственнаго арендатора еще взносъ особой вступной плады (laudemium). Эта плата должна вноситься наслѣдственнымъ арендаторомъ за „пріобрѣтеніе права пользоваться поземельнымъ участкомъ вполнѣ какъ собственникъ“ (ст. 193); будучи внесена, она составляетъ „безспорную, неотъемлемую собственность“ фидеикомисснаго владѣльца, которому предоставляется пользоваться процентами, а самый капиталъ обращать только на пріобрѣтеніе недвижимой собственности; какихъ нибудь нормъ для установленія размѣра такой вступной платы проектъ не предусматриваетъ, ограничиваясь указаніями, что размѣръ этой платы долженъ быть въ каждомъ случаѣ опредѣляемъ фамильнымъ совѣтомъ или особымъ совѣтомъ, учреждаемымъ Дворянскимъ Комитетомъ; учрежденіе вступной платы, какъ означено въ проектѣ, заимствовано изъ обычнаго права разныхъ государствъ.

Такое своеобразное учрежденіе, совершенно чуждое нашему гражданскому и поземельному законодательству, имѣетъ очевидно цѣлью установить такой порядокъ, при которомъ крестьянская земля фидеикомиссныхъ имѣній, оставаясь неотчуждаемою частью имѣнія и принося непрерывный доходъ, кромѣ того служила бы еще къ накопленію особаго капитала, предназначеннаго для увеличенія фидеикомисснаго владѣнія. Если выразиться еще нагляднѣе, то проектированныя правила ограждаютъ не только неотчуждаемость фидеикомиссныхъ имѣній, но имѣютъ въ виду установленіе при каждомъ такомъ имѣніи особой сберегательной кассы.

Переходя къ вопросу о томъ, насколько разсматриваемыя правила являются согласными съ задачами Правительства относительно поземельнаго устройства крестьянскаго сословія, я не могу согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, будто бы учрежденіе наслѣдственной аренды является „неоспоримо наилучшимъ

средствомъ для достиженія желаемаго перехода арендной земли во владѣніе крестьянъ“.

Право неотъемлемаго, предоставленнаго лицамъ крестьянскаго сословія, пользованія всею площадью крестьянской земли, въ отличіе отъ мызныхъ земель, установлено ст. 5 Пол. о крест. Эстл. губ. 1856 г. и поэтому при оцѣнкѣ разсматриваемыхъ правилъ можетъ быть рѣчь только о томъ, насколько предлагаемое Дворянствомъ учрежденіе имѣеть преимущество сравнительно съ одною изъ существующихъ формъ крестьянскаго землевладѣнія.

Такихъ формъ относительно пользованія крестьянскою арендною землею Положеніемъ 1856 г. установлено три: наслѣдственная аренда, аренда по шестилѣтнимъ контрактамъ и пользованіе на правѣ собственности черезъ покупку земли. Не останавливаясь на дѣйствующихъ постановленіяхъ о наслѣдственной арендѣ (ст.ст. 184—200), которыя по отзыву Предводителя Дворянства требуютъ существенныхъ измѣненій, а какъ я имѣлъ случай привести выше, не имѣютъ примѣненія, я считаю долгомъ остановиться на сопоставленіи сравнительныхъ выгодъ проектируемыхъ правилъ съ дѣйствующими постановленіями о шестилѣтней арендѣ и о покупкѣ крестьянской земли.

Одинъ изъ существенныхъ недостатковъ закона относительно заключенія арендныхъ контрактовъ, о которомъ я имѣлъ честь неоднократно докладывать Вашему Сіятельству, заключается, по моему мнѣнію, въ отсутствіи какихъ бы то ни было законныхъ нормъ для ограниченія произвольнаго повышенія арендной платы, установленіе которой, по выраженію закона, предоставлено исключительно добровольному соглашенію. Этотъ недостатокъ настолько существенъ, что вызвалъ необходимость изданія особыхъ 18 Февраля 1866 г. Высочайше утвержденныхъ правилъ „о вознагражденіи помѣщика въ Эстляндской губерніи арендныхъ хозяевъ, удаляемыхъ изъ состоявшихъ въ пользованіи ихъ поземельныхъ участковъ, вслѣдствіе увеличенія арендной платы“. Попытка ввести посредствомъ новыхъ правилъ устойчивыя арендныя цѣны сперва на 20 лѣтъ и потомъ на каждое новое десятилѣтіе, взятая сама по себѣ, несомнѣнно, заслуживаетъ сочувствія, и примѣненіе этого принципа къ дѣйствующему закону объ арендныхъ контрактахъ, смогло бы принести существен-

ную пользу какъ первый болѣе или менѣе удачный опытъ установленія нормальныхъ, а не произвольныхъ арендныхъ цѣнъ. Но тотъ способъ, которымъ этотъ принципъ предположено осуществить въ разсматриваемомъ проектѣ, по моему мнѣнію, можетъ быть скорѣе разсматриваемъ какъ шагъ назадъ на пути поземельнаго законодательства. Принимая на себя обязательство уплаты ежегодной арендной платы, наслѣдственный арендаторъ обязанъ единовременно внести вступную плату, размѣръ которой предположено установлять въ каждомъ данномъ случаѣ по усмотрѣнію фамильнаго совѣта арендодателя или особаго совѣта учрежденнаго Дворянскимъ Комитетомъ.

Въ отношеніи своемъ отъ 13 Февраля 1887 г. за № 133, Предводитель Дворянства самъ высказываетъ, что „неправильности во взносѣ годовой арендной платы можно опасаться *только* въ первыхъ годахъ наслѣдственной аренды, въ которыхъ наслѣдственный арендаторъ, принимая на себя наслѣдственную аренду участка, долженъ произвести вступную за наслѣдственную аренду плату и въ извѣстныхъ случаяхъ увеличенные расходы по устройству своего хозяйства". Признавая это замѣчаніе Предводителя Дворянства вполнѣ справедливымъ въ томъ смыслѣ, что производство перечисленныхъ имъ единовременныхъ расходовъ должно лечь весьма тяжкимъ бременемъ на арендатора, обязаннаго сверхъ того выплачивать ежегодную аренду, я не могу не отмѣтить, что неисправности такого арендатора, хотя бы только въ первые годы аренды, вполнѣ достаточно, чтобы навлечь на него законныя послѣдствія, предусмотренныя п. 5 ст. 197 и п. 2 и 3 ст. 198 проекта, т. е. требованіе помѣщика о возмѣщеніи убытковъ и объ обезпеченіи иска, о назначеніи конкурса и продажѣ наслѣдственнаго аренднаго права. При этомъ нельзя не замѣтить, что такое принудительное прекращеніе договора не грозитъ помѣщику никакими убытками 1) потому, что согласно ст. 192 проекта, годовая арендная плата должна вноситься въ ипотечныя книги какъ первый ипотечный долгъ на арендуемой недвижимости, а слѣдовательно преимущественно передъ всѣми остальными долговыми требованіями покрывается конкурсною массою, 2) потому, что при удаленіи несостоятельнаго наслѣдственнаго арендатора, внесенная имъ вступная плата остается неотъемлемою и не-

оспоримою собственностью арендодателя, и 3) такъ какъ проектъ предусматриваетъ внесеніе арендаторомъ еще особой задаточной суммы, какъ залогъ обезпечивающій собственника имѣнія отъ разоренія участка. Все это вмѣстѣ взятое должно, по моему мнѣнію, создать для наслѣдственнаго арендатора положеніе такой поземельной кабалы, которая, обезпечивая вполнѣ интерессы арендодателя, не представляетъ для арендатора по сравненію съ теперешнимъ способомъ арендованія ни возможности экономическихъ выгодъ, ни большаго обезпеченія его поземельнаго пользованія.

Обращаясь наконецъ къ сравненію предлагаемой формы землевладѣнія съ пріобрѣтеніемъ земли въ собственность лицами крестьянскаго сословія, я нахожу, что поскольку послѣднее несомнѣнно составляетъ основную задачу поземельнаго законодательства всей Имперіи, постольку же установленіе наслѣдственныхъ арендныхъ отношеній нежелательно, какъ мѣра, закрѣпляющая временное, хотя бы и долгосрочное, пользованіе землею, а слѣдовательно направленная къ пріостановленію развитія крестьянской поземельной собственности.

Въ п. I ст. 186 проекта высказано, что внесеніе договора наслѣдственной аренды въ публичныя судебныя книги присвояетъ наслѣдственному арендатору право пользоваться недвижимостью „какъ собственнику", тѣмъ не менѣе я нахожу, что такое положеніе явится не болѣе какъ юридическою фикціею и что между положеніемъ полнаго собственника крестьянскаго участка и наслѣдственнаго арендатора остается существенное различіе.

Затративъ капиталъ на покупку земли, крестьянинъ становится полноправнымъ и единственнымъ ея распорядителемъ, подчиняясь только постановленію закона (ст. 208 и 58 Пол. о кр. Эстл. губ. 1856 г.), по которому не допускается дробленія купленной земли на участки, не достигающіе наименьшаго размѣра обязательнаго для крестьянскихъ арендныхъ участковъ; въ порядкѣ пользованія собственникъ воленъ производить постройки и улучшенія на собственный страхъ, но съ увѣренностью, что неразумно затраченное, остается его собственностью, увеличивая капитальную стоимость его участка. Совершенно въ иномъ положеніи на основаніи разбираемаго проекта будетъ находиться наслѣдственный арендаторъ.

По п. 1 ст. 188 проекта „наслѣдственный арендаторъ можетъ отчуждать свое право не только на случай смерти, но и продажею, мѣною, дареніемъ, если въ договорѣ не будетъ постановлено иного“. Такимъ образомъ одно изъ основныхъ правъ, принадлежащихъ собственнику, право свободнаго распоряженія имуществомъ переходитъ на наслѣдственнаго арендатора не безусловно, въ силу закона, а только въ зависимости отъ условій договора, по которымъ слѣдовательно такое право можетъ быть ограничено или вовсе не предоставлено. Въ томъ же пунктѣ говорится, что объ отчужденіи права наслѣдственной аренды, „арендаторъ“ долженъ только заявить собственнику, который съ своей стороны не вправѣ отказаться отъ принятія новаго арендатора на условіяхъ прежняго договора, *развѣ бы допущеніе этого арендатора давало основательные поводы опасаться, что недвижимость будетъ разорена и не представляло достаточнаго обезпеченія къ возмѣщенію могущихъ послѣдовать убытковъ*“. Такимъ образомъ и въ томъ случаѣ, когда наслѣдственному арендатору предоставлено юридически отчуждать право наслѣдственной аренды, осуществленіе этого правомочія поставлено въ зависимость отъ столь растяжимаго условія, которое можетъ сдѣлать осуществленіе его невозможнымъ.

Переходя далѣе къ раздѣлу проекта „о вознагражденіи пріобрѣтаемаго права“, я нахожу въ немъ пунктъ 2, позаимствованный составителями изъ обычнаго права Нидерландовъ, провинціи Гронингенъ, который гласитъ: что „за полученное согласіе прямого собственника на раздѣлъ поземельнаго участка пріобрѣтатель отдѣленнаго участка уплачиваетъ вступную за наслѣдственную аренду плату (laudemium) по условію, а въ такомъ случаѣ допускается также возвышеніе годовой арендной платы“. Такимъ образомъ въ случаѣ продажи съ согласія собственника имѣнія на отчужденіе аренднаго права вступная плата вносится пріобрѣтателемъ не продавцу права—наслѣдственному арендатору, что представлялось бы вполнѣ справедливымъ, а собственнику имѣнія, который сверхъ того при этомъ случаѣ можетъ повысить арендную плату: очевидно, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ собственникъ однимъ только объявленіемъ о намѣреніи повысить арендную плату можетъ фактически воспрепятствовать отчужденію права аренды, которое почему либо было бы желательно въ интересахъ арендатора.

Изъ немногихъ приведенныхъ мною сопоставленій, я полагаю, съ достаточною ясностью вытекаетъ, какое существенное различіе представляется между полнымъ собственникомъ и наслѣдственнымъ арендаторомъ, который по проекту будетъ пользоваться арендуемымъ участкомъ „какъ собственникъ“. Дѣлая это соспоставленіе, я отнюдь не имѣлъ въ виду критиковать съ юридической точки зрѣнія постановленія мѣстнаго гражданскаго права (т. III Св. Мѣстн. Узак. ст. 4131—4154), по скольку они вошли въ составъ разбираемаго проекта. Гражданское право (ст. 942 ч. III Св. Мѣстн. Узак.) весьма тонко установляетъ различіе между полнымъ собственникомъ вещи (dominus directus), въ лицѣ котораго соединено право на сущность недвижимости съ правомъ на пользованіе ею, отъ пользователя „на правахъ собственности“ (dominus utilis). Я не сомнѣваюсь, что такія тонкія юридическія опредѣленія, какъ результатъ историческаго развитія Гражданскаго права изъ его первоисточника—Римскаго права находятъ себѣ надлежащее мѣсто въ систематическомъ гражданскомъ кодексѣ, но я нахожу, что совершенно неумѣстно вводить въ крестьянское Положеніе, т. е. въ сборникъ законовъ, который долженъ быть изложенъ по возможности просто и ясно—такія понятія, различеніе которыхъ доступно только образованному юристу: понятіе о собственности есть понятіе весьма простое и доступное пониманію всякаго наименѣе развитаго крестьянина и въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ Положеніи о крест. Эстл. губ. 1856 г. (ст. 201—212), оно не можетъ возбудить накакихъ сомнѣній; но если наряду съ этимъ установившимся понятіемъ о собственности законъ объявилъ бы, что наслѣдственный арендаторъ пользуется арендуемымъ участкомъ „какъ собственникъ“, между тѣмъ какъ на дѣлѣ онъ является не болѣе какъ временнымъ пользователемъ и притомъ обставленнымъ самыми стѣснительными ограниченіями, то такое несоотвѣтствіе юридическаго термина въ фактической житейской обстановкѣ на языкѣ юриста и въ пониманіи народа найдетъ себѣ совершенно различное опредѣленіе: юристъ назоветъ это юридическою фикціею, а простой крестьянинъ—обманомъ.

Полагая, что все вышеизложенное достаточно выясняетъ, почему съ точки зрѣнія интересовъ правильнаго развитія крестьянскаго землевладѣнія я не могу отдать предпочтеніе

предложенному дворянствомъ проекту даже передъ существующими формами мѣстнаго землевладѣнія на правахъ краткосрочной аренды и на правахъ собственности, я считаю необходимымъ коснуться вообще способа составленія разбираемаго проекта, который представляется мнѣ въ высшей степени страннымъ.

Въ представленномъ проектѣ личнаго юридическаго творчества составителей весьма мало. Въ проектъ дословно включено все отдѣленіе ч. III Св. Мѣстн. Узак. (ст.ст. 4131—4154) за исключеніемъ только ст.ст. 4140—4144 и статей 4150 и 4151, которыя относятся до Лифляндскаго и Курляндскаго земскаго права. Къ этимъ статьямъ дословно позаимствованнымъ изъ III Части Св. Мѣстн. Узак. объявлено 1) заимствованныя изъ Полож. о крест. Эстл. губ. постановленія ст.ст. 204—207 о правѣ помѣщика на совозмездное отчужденіе состоящей въ собственности крестьянъ земли для общеполезныхъ цѣлей, 2) два постановленія относительно вступной платы (laudemium) позаимствованныя изъ обычнаго права разныхъ государствъ и Нидерландской провинціи Гронингенъ и 3) постановленія о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ фидеикомиссныхъ имѣній и о порядкѣ завѣдыванія капиталами, составляемыми при фидеикомиссныхъ имѣніяхъ изъ накопляющихся вступныхъ и задаточныхъ денегъ. Весь этотъ матеріалъ сгруппированъ подъ нумераціею ст.ст. 184—200 Кр. Полож. 1856 г., которыя предположено замѣнить разбираемымъ проектомъ.

Включить въ Положеніе о крестьянахъ цѣлые отдѣлы изъ дѣйствующаго Свода Гражданскихъ Законовъ я нахожу совершенно неумѣстнымъ во-первыхъ, потому что, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше по поводу двойного юридическаго понятія о собственности, установляемаго ст. 942 ч. III Св. Мѣстн. Узак., постановленія этого Свода по сложности системы и терминологіи совершенно не соотвѣтствуютъ простотѣ и ясности изложенія обязательныхъ для Крестьянскаго Положенія, и во-вторыхъ, такъ какъ статьею 1046 Крестьянскаго Положенія 1856 г. и безъ того установлено, что въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ частнымъ правомъ Эстляндскихъ крестьянъ должны воспринимать силу соотвѣтствующія постановленія III Части Св. Мѣстн. Узак. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, нѣтъ никакой надобности соединять въ одно цѣлое раз-

нородныя юридическія понятія, разъ закономъ предусмотрѣно соотношеніе дѣйствующаго общаго Свода Мѣстныхъ Гражданскихъ Законовъ и Частнаго Права Эстляндскихъ крестьянъ. Вопроса необходимости отмѣны ст.ст. 204—207 Пол. о крест. Эстл. губ. 1856 г. я подробно коснулся во всеподданнѣйшей запискѣ о положеніи крестьянскаго дѣла въ Эстляндской губерніи, представленной мною въ 1887 году и, оставаясь при высказанномъ мною взглядѣ, полагаю, что эти постановленія, какъ крайне стѣснительныя для крестьянской поземельной собственности, не только не должны быть вновь узаконяемы новыми могущими послѣдовать правительственными распоряженіями, но должны быть отмѣнены и исключены изъ Положенія 1856 года. Относительно заключающихся въ проектѣ и позаимствованныхъ изъ обычнаго права „разныхъ государствъ“ постановленій объ учрежденіи вступной платы (laudemium) я уже выше высказалъ мой взглядъ, что установленіе такой платы равносильно учрежденію на счетъ платежныхъ силъ крестьянскаго населенія сберегательной кассы при каждомъ фидеикомиссномъ имѣніи, и какъ бы такое учрежденіе ни являлось выгоднымъ въ интересахъ существующихъ 23 фидеикомиссныхъ владѣльцевъ, я полагаю, что оно вовсе нежелательно въ интересахъ всего земледѣльческаго населенія губерніи.

Обращаясь наконецъ къ послѣдней составной части проекта, а именно къ заключающимся въ немъ постановленіямъ о порядкѣ завѣдыванія со стороны Дворянскаго Комитета капиталами, имѣющими составиться при дворянскихъ родовыхъ фидеикомиссныхъ имѣніяхъ, я полагаю, ито подобныя правила, не имѣющія ничего общаго съ вопросомъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, могли бы, если бы вообще были признаны нужными, найти себѣ мѣсто въ подлежащихъ раздѣлахъ II и III частей Св. Мѣстн. Узак., но отнюдь не въ Положеніи о крест. Эстл. губ. 1856 г.

Разсмотрѣвъ настоящій проектъ по существу заключающихся въ немъ постановленій и съ точки зрѣнія формальной, я считаю необходимымъ въ заключеніе высказать мой взглядъ на цѣль, руководившую составителей проекта. Въ виду бывшихъ нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ Высочайшаго разрѣшенія на продажу крестьянскихъ участковъ изъ состава фидеикомиссныхъ имѣній явилось опасеніе, что можетъ воз-

никнуть ущербъ для цѣлости фидеикомисснаго владѣнія, такъ какъ вслѣдствіе колебанія цѣнности денегъ, неприкосновенные капиталы, выручаемые отъ продажи участковъ, могутъ не соотвѣтствовать той цѣнности имущества, которую учредитель фидеикомисса желалъ на вѣчныя времена сохранить во владѣніи своего рода. Во-первыхъ, попытка изъять фидеикомиссныя имѣнія отъ вліяній колебанія денежнаго рынка представляется мнѣ съ точки зрѣнія финансовой совершенно несостоятельною. По мнѣнію Предводителя Дворянства „вполнѣ вѣрное и во всѣхъ отношеніяхъ справедливое постановленіе слѣдуетъ видѣть въ опредѣленіи годовой арендной платы въ главномъ продуктѣ края (ржи) по среднимъ на продолжительное время цѣнамъ“, причемъ въ проектѣ предусмотрѣно, что при установленіи размѣра арендной платы слѣдуетъ опредѣлить не только количество, но и вѣсъ ржи. Во-первыхъ, рожь въ зависимости отъ ея количества и вѣса можетъ имѣть значеніе постоянной цѣнности только какъ вещество пищевое, потребляемое въ предѣлахъ каждаго хозяйства, но какъ доходъ съ имѣнія, какъ предметъ торговли, цѣнность ея наравнѣ со всѣми остальными вещами подвержена колебанію въ зависимости отъ колебаній денежнаго рынка. Во-вторыхъ, если бы и возможно было изъять фидеикомиссныя имѣнія отъ вліянія законовъ денежнаго обращенія, то я не вижу почему на нихъ преимущественно должна быть обращена забота законодателя. Если искать средство къ тому, чтобы воля учредителя фидеикомисса оставалась неизмѣняемою вопреки даже всякой возможности, то почему не можетъ возникнуть анологичный проектъ для огражденія цѣнности имущества переходящаго инымъ путемъ, напримѣръ, путемъ духовнаго завѣщанія? Воля, выраженная завѣщателемъ законнымъ путемъ, также признается священною. Фидеикомиссныхъ владѣній въ Эстляндской губерніи учреждено 23, между тѣмъ какъ лицъ, составляющихъ завѣщанія, несомнѣнно гораздо болѣе. Тѣмъ не менѣе не можетъ возникнуть вопроса о томъ, чтобы завѣщанное имущество, въ моментъ полученія наслѣдникомъ, имѣло ту самую цѣну, которую признавалъ за этимъ имуществомъ завѣщатель. Я полагаю поэтому, что относительно фидеикомисса и всякаго другого договора, защищаемаго закономъ, послѣдній можетъ служить только для огражденія состава имущества и правъ договаривающихся сто-

ронъ, но отнюдь не призванъ нормировать самую цѣнность имущества, которая находится въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ экономической жизни. Въ-третьихъ, наконецъ, если бы было признано, что учрежденія фидеикомиссовъ, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ гражданскихъ договоровъ и обязательствъ, должны быть поставлены подъ совершенно исключительную опеку закона, я нахожу, что предлагаемыя для сего средства должны находиться въ соотвѣтствіи съ цѣлью, вызывающею такія исключительныя мѣропріятія. Для огражденія цѣнности 23 фидеикомиссныхъ имѣній предложено издать особое Положеніе о наслѣдственной арендѣ, въ тѣхъ видахъ чтобы продажа крестьянскихъ участковъ изъ состава этихъ имѣній впредь болѣе не производилась.

Находя съ своей стороны, напротивъ того, что развитіе мелкой крестьянской поземельной собственности весьма желательно, какъ лучшій способъ установленія осѣдлаго и достаточнаго крестьянскаго сословія, я полагаю, что Правительство призвано содѣйствовать, но уже во всякомъ случаѣ не препятствовать такому переходу поземельной собственности. Въ виду этого я полагаю, что если бы кто либо изъ остальныхъ фидеикомиссныхъ владѣльцевъ подобно владѣльцу имѣній Альтъ и Ней Касти Графу Сиверсъ, возбудилъ бы ходатайство о разрѣшеніи продавать крестьянскіе участки изъ состава фидеикомисснаго владѣнія, то несомнѣнно весьма желательно, чтобы каждое изъ такихъ прошеній было бы удовлетворяемо въ утвердительномъ смыслѣ съ соблюденіемъ тѣхъ условій, которыя предусмотрѣны въ Высочайшемъ повелѣніи, воспослѣдовавшемъ 27 Марта по ходатайству Графа Сиверса.

Признавая поэтому выработанный Эстляндскимъ Дворянствомъ проектъ не заслуживающимъ уваженія ни по существу, ни по формѣ, ни по мотивамъ, руководившимъ его составителей, все вышеизложенное имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства.

№ 47. Отношеніе къ Попечителю Дерптскаго учебнаго Округа отъ 31 Іюля 1890 г. за № 3728 по поводу закрытія дворянствомъ Кудаской учительской Семинаріи.

Вслѣдствіе отношенія Вашего Превосходительства отъ 6-го с. Іюля за № 3000, имѣю честь сообщить, что содержаніе учительскихъ семинарій въ Эстляндской губерніи возложено на мѣстное дворянство на основаніи ст.ст. 1276—1279 Положеніе о Крест. Эстл. губ. 1856 г. и Высочайше утвержден. 25 Апрѣля 1875 г. временными Правилами о сельскихъ евангелическо-лютеранскихъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ Эстляндской и Курляндской губ. гл. II. Б. парагр. 21—29.

Для выполненія Высочайше изданныхъ законовъ не установлено отобранія отъ лицъ, сословій и учрежденій какихъ либо подписокъ или формальныхъ обязательствъ въ томъ, что возлагаемыя на нихъ тѣмъ или другимъ закономъ обязанности будутъ ими соблюдаемы. Если допустить обратное, то законъ утратилъ бы неминуемо свою обязательную силу и замѣнялся бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ договорными отношеніями заинтересованныхъ лицъ, сословій и учрежденій съ представителями различныхъ вѣдомствъ, что несомнѣнно повело бы къ развитію своеволія съ одной стороны и произвола съ другой со всѣми печальными послѣдствіями такого порядка вещей.

Разъ законъ возложилъ на Эстляндское дворянство учрежденіе и содержаніе Семинарій, то Министерство Внутр. Дѣлъ явило бы примѣръ неуваженія къ авторитету закона и недовѣріе къ его силѣ и безусловной обязательности, если бы со своей стороны потребовало отъ Эстляндскаго дворянства какія либо подписки или иныя гарантіи въ томъ, что оно будетъ исполнять закономъ возложенныя на него обязанности. Но съ другой стороны Министерство Внутр. Дѣлъ и въ частности Эстляндское Губернское начальство почитаетъ своимъ долгомъ настаивать на томъ, чтобы мѣстное дворянство выполняло закономъ возложенныя на него обязанности, и несомнѣнно съумѣетъ и въ данномъ случаѣ заставить дворянство ассигновать на содержаніе ввѣренныхъ по закону его попеченію учебныхъ заведеній ту сумму, которую Ваше Превосходительство признаете нужной.—Но другое дѣло,— если Ваше Превосходительство изволили уже въ принципѣ

признать излишнимъ самое существованіе семинарій, содержимыхъ на счетъ дворянскихъ суммъ. Въ такомъ случаѣ нетребованіе со стороны Правительства отъ дворянства ассигнованія денегъ на ихъ содержаніе, впредь до отмѣны въ законодательномъ порядкѣ вышеупомянутыхъ статей, было бы большой снисходительностью по отношенію къ дворянству, иниціативу которой однако, въ виду не отмѣненныхъ еще статей закона, я считалъ бы не вправѣ на себя принять, хотя бы въ формѣ простого о томъ ходатайства.

№ 48. Письмо къ И. Н. Дурново отъ 18 Января 1892 г. за № 272 о причинахъ отставки Эстляндскаго Предводителя Дворянства Барона Майделя.

Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

Изъ оффиціальнаго моего представленія отъ 17 сего Декабря за № 271 Вашему Высокопревосходительству уже извѣстно, что Д. С. С. Камергеръ Баронъ Майдель уволенъ Дворянскимъ Комитетомъ согласно прошенію отъ должности Эстляндскаго Губернскаго Предводителя Дворянства. Это событіе считается здѣсь настолько крупнымъ, что я вмѣняю себѣ въ обязанность путемъ совершенно довѣрительнаго письма довести до свѣдѣнія Вашего о тѣхъ причинахъ, которыя его вызвали.

У мѣстнаго дворянства въ обычаѣ, что кандидатъ на должность Губернскаго Предводителя Дворянства заявляетъ передъ выборами свою программу. Это заявленіе дѣлается въ частныхъ собраніяхъ вліятельныхъ дворянскихъ кружковъ и, хотя не оформливается никакимъ актомъ, но тѣмъ не менѣе носитъ характеръ нравственнаго обязательства, принятаго на себя избираемымъ передъ избирателями. Совершенно частнымъ путемъ я узналъ, что Барономъ Майделемъ передъ выборами были даны слѣдующія обѣщанія:

1) всѣми мѣрами стараться вызвать перемѣну въ личномъ составѣ мѣстной администраціи въ цѣляхъ замѣны выдающихся ея представителей лицами, менѣе знакомыми съ мѣстными условіями и обстоятельствами, и болѣе удобными для дворянства;

2) добиться отложенія на неопредѣленное время, въ надеждѣ на перемѣну правительственной политики, проектированныхъ реформъ земскихъ и дворянскихъ учрежденій;

3) добиться закрытія Пюхтицкаго православнаго прихода на Св.-Богородицкой горѣ и разрѣшенія на открытіе въ той же мѣстности самостоятельнаго лютеранскаго прихода;

4) недопустить постройки православнаго собора на Ревельскомъ Вышгородѣ.

Дворянскіе вліятельные кружки, повидимому, отнеслись съ полнымъ довѣріемъ къ осуществимости этихъ обѣщаній, тѣмъ болѣе, что Баронъ Майдель не упускалъ случая, какъ я о томъ неоднократно и письменно и словесно докладывалъ Вашему Высокопревосходительству, похваляться своимъ исключительнымъ положеніемъ при Дворѣ и тѣми связями и вліяніемъ, которыми онъ располагаетъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Въ виду этого Баронъ Майдель былъ избранъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства такимъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, котораго не получали ближайшіе его предмѣстники.

Въ совершенно довѣрительномъ письмѣ отъ 30 Ноября 1889 г. за № 155 я сообщилъ Вашему Высокопревосходительству слѣдующую характеристику новаго Предводителя:

„Камергеръ Баронъ Майдель человѣкъ умный, ловкій, хит-„рый и лукавый. Внѣшность и манеры у него вкрадчивыя и „мягкія, подкупающія въ его пользу, но довѣрять ему нельзя. „Онъ всегда себѣ на умѣ, и хотя кажется простымъ, но ни-„когда ничего не сдѣлаетъ спроста. Онъ умѣетъ весьма ис-„кусно пользоваться обстоятельствами и слабостями людей“. Къ этому мнѣнію, котораго я держусь и по нынѣ, я могъ бы прибавить послѣ трехлѣтнихъ непосредственныхъ съ Барономъ Майделемъ сношеній и еще одну выяснившуюся для меня черту его характера: неразборчивость въ средствахъ при преслѣдованіи намѣченной цѣли.

Первое время счастье, повидимому, благопріятствовало Барону Майделю и мѣстное дворянство, судя по нѣкоторымъ признакамъ, укрѣплялось въ убѣжденіи, что его новому Предводителю удастся выполнить заявленную имъ программу. Въ виду сего вліяніе Барона Майделя на дворянство было почти безграничное. Чувствуя свою силу въ губерніи, Барону Майделю необходимо было закрѣпить чѣмъ нибудь положительнымъ довѣріе къ себѣ высшихъ правительственныхъ сферъ. Онъ выбралъ для сего вопросъ о Рыцарскомъ и Домскомъ училищѣ, какъ наиболѣе съ внѣшней стороны эффектный и способный

произвести неотразимое впечатлѣніе на лицъ, мало знакомыхъ съ существомъ и дѣйствительной подкладкой этого вопроса.

Въ общихъ чертахъ вопросъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Эстляндское дворянство, выслушавъ на чрезвычайномъ Ландтагѣ 1888 года извѣщеніе Попечителя Дерптскаго Учебнаго Округа о томъ, что согласно указанію Министра Народнаго Просвѣщенія законъ 10 Апрѣля 1887 года можетъ быть примѣненъ къ Рыцарскому и Домскому училищу, постановило закрыть это училище. Послѣдній срокъ, къ которому Домское училище должно было прекратить свое существованіе, истекалъ въ 1892 году. Смыслъ и значеніе этого постановленія я объяснилъ въ конфиденціальномъ отношеніи къ Попечителю Округа отъ 16 Сентября 1888 г. за № 253, представленномъ въ копіи въ Министерство 17 Сентября 1888 года за № 254. Для лучшаго поясненія послѣдующаго изложенія считаю необходимымъ привести слѣдующую изъ него выписку.

„Въ нѣмецкихъ семьяхъ здѣшняго края съ издавна замѣ„чается двойственная система въ воспитаніи дѣтей и даль„нѣйшемъ обезпеченіи ихъ судьбы. Въ то время какъ однихъ „сыновей отдаютъ въ различныя русскія учебныя заведенія „въ С.-Петербургѣ, другихъ не только воспитываютъ въ мѣст„ныхъ учебныхъ заведеніяхъ края, но и, по возможности, пре„пятствуютъ имъ проникнуть за его восточную границу.

„Такая двойственность вытекаетъ изъ весьма серьезныхъ „основаній: дома воспитываютъ тѣхъ членовъ семьи, кото„рые предназначаются для занятія въ имѣніяхъ по сельскому „хозяйству и для службы по мѣстнымъ учрежденіямъ; осталь„ные же, представляющіе излишекъ для мѣстнаго обихода, „посредствомъ воспитанія въ столичныхъ учебныхъ заведе„ніяхъ, сдаются съ своихъ хлѣбовъ на хлѣба правительствен„ные. Первые, проходя среднее образованіе въ Рыцарскомъ „и Домскомъ училищѣ и соотвѣтствующихъ ему нѣмецкихъ „учебныхъ заведеніяхъ, воспринимаютъ въ нихъ, закаляемые „впослѣдствіе въ Дерптскомъ Университетѣ, то направленіе „и тотъ духъ, которые создали отчужденность Прибалтій„скаго края отъ остальныхъ частей Имперіи. Вторые же, „пройдя русскую школу, въ значительной степени утрачи„ваютъ воспринятое дома направленіе и, вступая на государ„ственную службу по военному и другимъ вѣдомствамъ, от„сутствіемъ крайняго направленія вводятъ Правительство въ

„заблужденіе относительно правильной оцѣнки направленія и „цѣлей, преслѣдуемыхъ ихъ ближайшими родственниками и „братьями, несущими мѣстную службу, на иныхъ, если иногда „не на прямо противоположныхъ, основаніяхъ. Не возвра-„щаясь болѣе ко второй группѣ, служившей и для прави-„тельства и для русскаго общества, такъ сказать, отводомъ „глазъ отъ первой, остановимъ наше вниманіе на сей послѣ-„дней. Воспитанная съ одной стороны, въ узкихъ нѣмецко-„національныхъ тенденціяхъ, и съ другой—въ принципахъ „широкой вотчинно-сословной автономіи своего края, эта группа „представляется весьма сплоченной въ отстаиваніи принци-„повъ легшихъ въ основу ея воспитанія. Та борьба, которую „она вела и ведетъ нынѣ съ Правительствомъ, служитъ луч-„шимъ нагляднѣйшимъ тому доказательствомъ, а пріемы и „способы борьбы характеризуютъ ту школу, черезъ которую „она прошла... Подъ словомъ нѣмецкая школа я разумѣю „такую, въ которой ученіе и воспитаніе молодежи ввѣрено „литератамъ, этимъ вѣрнымъ хранителямъ и стражамъ мѣст-„ныхъ тенденцій и идеаловъ.

„Эти литераты знаютъ только одинъ свой, нѣмецкій языкъ, „поэтому-то, дабы не устранить литератовъ отъ воспитанія „молодого поколѣнія, т. е. сохранить въ немъ прежній духъ „и направленіе, и ведется нынѣ ожесточенная борьба какъ „дворянства, такъ и руководящихъ городскими думами лите-„ратовъ съ Правительствомъ за сохраненіе въ школахъ нѣ-„мецкаго преподавательскаго языка. Мѣстные вожаки всего „болѣе боятся появленія въ школахъ русскихъ учителей, ибо „съ ихъ появленіемъ исчезнетъ изъ школъ прежній духъ, „прежнее традиціонное направленіе. Этого то исчезновенія „изъ своей школы балтійскаго направленія страшится и Эст-„ляндское дворянство“.

Между тѣмъ время обязательнаго закрытія Домскаго училища приближалось. Твердое направленіе, усвоенное Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ проведеніи школьной реформы, не оставляло мѣста для сомнѣній въ возможности сохранить это училище съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія, Чтобы сохранить Dom-Schule или, иначе говоря, обезпечить и на будущее время воспитаніе той части дворянскихъ дѣтей, которая предназначена для сохраненія мѣстныхъ традицій, въ желаемомъ направленіи, представлялся одинъ исходъ—

найти директора и учителей, испытанныхъ въ балтійскомъ направленіи и знающихъ русскій языкъ. Послѣ того, какъ такіе руководители и воспитатели юношества были намѣчены, оставалось лишь обезпечить за дворянствомъ право ихъ назначенія безъ всякаго участія и контроля со стороны Учебнаго Начальства. Для достиженія этой цѣли Баронъ Майдель заявилъ Правительству, что Эстляндское дворянство, желая идти на встрѣчу видамъ Правительства, готово добровольно ввести въ Домскомъ училищѣ преподаваніе на русскомъ языкѣ и что онъ не сомнѣвается, что Ландтагъ выскажется въ этомъ смыслѣ согласно съ сдѣланнымъ имъ заявленіемъ. Выставивъ на первый планъ вопросъ о добровольномъ со стороны дворянства подчиненіи требованіямъ относительно русскаго языка, т. е. такую услугу, которая въ сущности, во первыхъ, не могла бы считаться добровольной, а во вторыхъ, въ виду послѣдовавшихъ уже по сему предмету узаконеній и Высочайшихъ распоряженій, никакого реальнаго значенія и цѣны не имѣла, Баронъ Майдель одновременно съ этимъ велъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія словесные переговоры относительно сохраненія за дворянствомъ по отношенію къ училищу различныхъ привиллегій и, главнымъ образомъ, привиллегіи *по назначенію должностныхъ лицъ.* Въ глазахъ лицъ, мало знакомыхъ съ существомъ этого вопроса, заявленіе Барона Майделя не могло не считаться нагляднѣйшимъ доказательствомъ, съ одной стороны, благонамѣренности Эстляндскаго дворянства, а съ другой, и готовности Барона Майделя вести дворянство въ направленіи, отвѣчающемъ цѣлямъ Правительства. Казалось, что такой именно взглядъ на Эстляндское дворянство и на него, Предводителя, долженъ былъ считаться не только правильнымъ, но и неопровержимымъ, въ виду того особенно, что Курляндское и Лифляндское дворянскія общества отказались подчиниться требованію закона 10 Апрѣля 1887 года и закрыли содержимыя ими въ Биркенру и Феллинѣ училища, находившіяся въ одинаковыхъ условіяхъ съ Домскимъ училищемъ.

Не смотря на то, что на собравшемся 18 Мая сего года чрезвычайномъ Ландтагѣ, Баронъ Майдель и не встрѣтилъ того единодушнаго къ себѣ сочувствія, на которое онъ разсчитывалъ, тѣмъ не менѣе ему удалось склонить дворянство сдѣлать слѣдующее постановленіе:

„Съ введенiемъ преподаванiя на русскомъ языкѣ допустить „дальнѣйшее существованiе Рыцарскаго и Домскаго училища „при срочномъ, на каждое трехлѣтiе, разрѣшенiи средствъ на „нынѣшнемъ основанiи съ тѣмъ, чтобы за Рыцарскимъ и „Домскимъ училищемъ сохранились предоставленныя оному „до сихъ поръ привиллегiи и особыя права согласно разъяс- „ненiю, изложенному въ отношенiи Министра Народнаго Про- „свѣщенiя отъ 9 Мая 1892 г. за № 8242". Хотя въ упоминаемомъ отношенiи Графа Делянова за № 8242 съ не подлежащей сомнѣнiю ясностью говорится, что за дворянствомъ сохраняется право *избранiя*, а не *назначенiя* должностныхъ лицъ, однако Барону Майделю удалось убѣдить дворянство, что изъ личныхъ его по этому вопросу бесѣдъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенiя выяснилось, что слово *избранiе* Министерствомъ считаетъ синонимомъ съ словомъ *назначенiе* и что дворянству предоставляется, въ изъятiе изъ общаго порядка, установленнаго закономъ, привиллегiя не представлять избранныхъ имъ лицъ Попечителю Учебнаго Округа на утвержденiе въ должности. Повѣривъ такому объясненiю своего Предводителя, дворянство приняло выше приведенное постановленiе. Засимъ, въ развитiе этого постановленiя Дворянскiй Комитетъ 20 Iюня с. г. уполномочилъ Предводителя Дворянства представить въ М-ство Народнаго Просвѣщенiя проектъ новаго устава Рыцарскаго и Домскаго училища, въ основанiе котораго былъ положенъ принципъ полнаго невмѣшательства Попечителя Учебнаго Округа въ дѣла училища. Но этотъ проектъ, какъ противорѣчащiй основнымъ законамъ и разъясненiю, преподанному Министромъ Народнаго Просвѣщенiя въ отношенiи отъ 9 Мая 1892 года, утвержденъ быть не могъ. Предложенныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя измѣненiя въ свою очередь не были Предводителемъ приняты, такъ какъ они шли въ разрѣзъ съ утвержденiями, сдѣланными имъ на чрезвычайномъ Ландтагѣ. Попытка Барона Майделя испросить Высочайшее разрѣшенiе на истолкованiе требованiй Министерства Народнаго Просвѣщенiя въ желаемомъ дворянствомъ смыслѣ успѣхомъ не увѣнчалась.

При такомъ положенiи дѣла Барону Майделю оставалось или сознаться въ томъ, что онъ ввелъ въ заблужденiе Ландтагъ, или же разыграть роль обманутой Правительствомъ

жертвы. Онъ сдѣлалъ послѣднее. Въ личной бесѣдѣ со мной 15 сего Декабря онъ мнѣ прямо заявилъ, что былъ обманутъ Правительствомъ. Повидимому онъ также поставилъ вопросъ и въ Дворянскомъ Комитетѣ, такъ какъ представлявшійся мнѣ 17 числа сего мѣсяца временный замѣститель должности Губернскаго Предводителя Ландтагомъ Грюнвальдтъ, между прочимъ, сказалъ, что эпизодъ съ Барономъ Майделемъ въ особенности грустенъ въ томъ отношеніи, что доказываетъ, что Правительству вѣрить нельзя.

Причины, по которымъ Баронъ Майдель не дождался очереднаго Ландтага, имѣющаго собраться 19-го Января, а предпочелъ подать въ отставку нынѣ же, кроются въ желаніи его избѣжать публичнаго осужденія своей дѣятельности. Въ послѣднее время среди дворянства стало замѣтно увеличиваться число недовольныхъ дѣятельностью Барона Майделя. Главнымъ образомъ ему ставятъ въ упрекъ, что онъ не только не выполнилъ ни одного изъ пунктовъ программы, выставленной имъ при избраніи, но, напротивъ того, потерпѣлъ полное пораженіе по всѣмъ ея пунктамъ:

1) ожидаемыхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ мѣстной администраціи не произошло;

2) промедленіе во внесеніи проекта земельной реформы въ Государственный Совѣтъ, какъ теперь здѣсь стало извѣстно, вызвано было не столько вліяніемъ Барона Майделя, какъ недоставленіемъ Министерствомъ Финансовъ въ теченіи почти трехъ лѣтъ на этотъ проектъ своего отзыва, поступившаго въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ лишь въ послѣднее время;

3) Богородицкая гора отчуждена въ духовное вѣдомство; на ней воздвигнуто въ короткое время не малое количество зданій, въ которыхъ помѣщается новоучрежденный женскій монастырь, насчитывающій нынѣ въ своемъ составѣ до 50 монахинь и успѣвшій уже пріобрѣсти въ собственность болѣе 200 десятинъ земли; [1]) предназначавшееся для лютеранской кирки зданіе перестроено въ православный храмъ, [2]) освященный

[1]) Нынѣ у монастыря до 200 монахинь и болѣе 350 десятинъ земли.
Прим. ред.

[2]) При работахъ по перестройкѣ упомянутаго зданія въ православный храмъ въ 1892 г. каменщики нашли замурованный въ стѣнѣ у праваго клироса жестяной ящикъ, въ которомъ оказалась вложенной записка на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ документѣ откровенно изложены причины, вызвавшія

въ память Успенія Божьей Матери; столь искусно скрывавшаяся цѣль постройки кирки нынѣ, благодаря найденному въ стѣнѣ зданія закладному документу, обнаружилась и убѣдила Правительство въ дѣйствительномъ существованіи, вопреки всѣмъ оффиціальнымъ со стороны представителей дворянства опроверженіямъ, агрессивныхъ со стороны дворянства и лютеранскихъ церковныхъ учрежденій дѣйствій противъ православія;

4) вопросъ о постройкѣ православнаго Соборнаго храма въ Ревелѣ окончательно разрѣшенъ, вопреки желанію дворянства, на Вышгородѣ.

Слыша всѣ эти упреки и сознавая ихъ справедливость, Баронъ Майдель предпочелъ избѣжать непріятнаго положенія, которое несомнѣнно выпало бы на его долю, на Ландтагѣ, если бы онъ остался до его открытія въ занимаемой имъ должности, и поспѣшилъ сложить съ себя обязанности Предводителя, чтобы, съ одной стороны, ослабить ожидаемый ударъ и съ другой — попытаться вызвать къ себѣ сочувствіе, какъ къ обманутой Правительствомъ жертвѣ. Разъ удалось бы установить послѣднюю точку зрѣнія, то ему было бы легко объяснить однородными мотивами и всѣ прочія постигшія его неудачи.

Съ глубокимъ почтеніемъ и проч.

постройку кирки на Богородицкой горѣ и указаны источники, изъ которыхъ были получены средства на осуществленіе сего предпріятія. Послѣ упоминанія о томъ, что постройка кирки была задумана въ 1884 году, въ немъ между прочимъ изложено въ дословномъ переводѣ слѣдующее: „въ то же время стремилась и греко-православная церковь помощью пропаганды, исходившей изъ греко-православной Маріинской часовни (Marien-Kapelle) на Богородицкой горѣ (auf dem Bogoroditza Berge), склонить лютеранъ этой мѣстности къ отпаденію отъ вѣры ихъ отцовъ. Благодаря энергическому и осторожному образу дѣйствій господъ Дикгофъ—и именно Оскара Дикгофъ—получился быстрый прекрасный результатъ... Его Превосходительство Г. Предводитель Дворянства Графъ Тизенгаузенъ-Малла обязательно пожертвовалъ 2,500 руб. изъ дворянской кассы и Его Великолѣпіе Г. Генералъ-Суперинтендентъ обѣщалъ добыть еще 2,500 руб. изъ кассъ для увеличенія числа лютеранскихъ приходовъ и лютеровой“... Документъ заканчивается словами: „пусть же стоитъ этотъ домъ Божій какъ крѣпкій оплотъ противъ всѣхъ вражескихъ нападенію на вѣру“. Въ 1908 г. храмъ этотъ срытъ и на его мѣсто сооружается новый, по стилю православныхъ храмовъ, на средства (90 т. руб.), пожертвованныя Генералъ-Маіоромъ Терещенко. *Прим. ред.*

№ 49. Письмо къ И. Н. Дурново отъ 25 Января 1893 г. за № 27 объ очередномъ Ландтагѣ 19 сего Января.

Милостивый Государь, Иванъ Николаевичъ.

19 сего Января съ обычною торжественною церемоніею былъ открытъ Очередной Ландтагъ Эстляндскаго Дворянства. Среди дворянъ, съѣхавшихся по этому случаю въ Ревель, замѣтно было сильное оживленіе. Имъ предстояло высказаться по поводу двухъ серьезныхъ вопросовъ—отставки Камергера Барона Майделя и причинъ ея вызвавшихъ, и судьбы Рыцарскаго Домскаго училища.

По первому вопросу мнѣнія раздѣлились. Сторонники Барона Майделя, повидимому, искренно вѣрили баснѣ о томъ, что Правительство обмануло бывшаго Предводителя Дворянства; противники Майделя утверждали, будто онъ самъ обманывалъ и дворянство и Правительство; наконецъ лица, не принадлежащія ни къ какой партіи, склонны были видѣть въ происшедшемъ недоразумѣніе, вызванное излишней довѣрчивостью и оптимизмомъ павшаго Предводителя. Но всѣ мнѣнія сходились въ томъ, что честь и достоинство Эстляндскаго дворянства не могутъ допустить публичнаго неодобренія дѣятельности своего главнаго представителя и тѣмъ менѣе признанія чего либо неблаговиднаго въ его поступкахъ. Въ виду сего, съ одной стороны, и съ другой—для прекращенія непріятныхъ для дворянства объясненій причинъ отставки Барона Майделя, циркулирующихъ среди дворянствъ Schwester-Provinzen Лифляндіи и Курляндіи, рѣшено было выразить бывшему Предводителю довѣріе демонстративнымъ путемъ. Съ этою цѣлью было условлено, что Ландратская Коллегія въ числѣ трехъ кандидатовъ, рекомендуемыхъ ею на должность Предводителя Дворянства, выставитъ первымъ Барона Майделя и что вторичное избраніе его, отъ котораго, конечно, онъ откажется, послѣдуетъ единогласно. Такъ все и произошло, какъ было условлено. Отказавшись наотрѣзъ отъ продолженія службы въ должности Предводителя Дворянства, Камергеръ Баронъ Майдель однако согласился принять на себя должность Уѣзднаго Депутата отъ 2-го участка Везенбергскаго уѣзда, гдѣ находится его имѣніе Пастферъ. Этотъ шагъ Барона Майделя одни объясняютъ тѣмъ, что онъ не желаетъ терять связи съ Дворянскимъ Комитетомъ и влія-

нія на дѣла; другіе желаніемъ быть вновь избраннымъ въ должность Ландрата на ожидаемую въ непродолжительномъ времени вакансію за выходомъ въ отставку Барона Врангеля, каковое желаніе ему трудно было бы осуществить въ случаѣ оставленія совсѣмъ службы по дворянскимъ выборамъ; наконецъ третьи смотрятъ на это исключительно съ практической точки зрѣнія и полагаютъ, что Баронъ Майдель очень дорожитъ придворнымъ званіемъ, которое онъ рисковалъ бы потерять, если бы вовсе оставилъ службу и обратился къ частнымъ занятіямъ. Надо думать, что каждое изъ этихъ объясненій не лишено доли основанія.

Изъ числа предложенныхъ затѣмъ Ландратскою Коллегіею кандидатовъ на должность Предводителя Дворянства первымъ оказался избраннымъ Уѣздный Депутатъ 1-го Участка Везенбергскаго уѣзда (Strand Wierland) Юліусъ фонъ-Шубертъ. Но за его отказомъ, дальнѣйшая баллотировка привела къ избранію сразу двухъ лицъ—Уѣзднаго Депутата 2-го Участка Гапсальскаго уѣзда (Land Wieck) Барона Отто Романовича Будберга и Уѣзднаго Депутата 1-го Участка Ревельскаго уѣзда (Ost Harrien) Василія Васильевича фонъ-Штральборна, получившихъ одинаковое количество голосовъ. Изъ нихъ Ландратская Коллегія отдала предпочтеніе Барону Будбергу, который и былъ объявленъ избраннымъ на должность Эстляндскаго Предводителя Дворянства.

Новый Предводитель имѣетъ репутацію человѣка умнаго, правдиваго, весьма настойчиваго, но не сдержаннаго. Не обладая и малой долей тѣхъ дипломатическихъ качествъ, которыя были столь свойственны его предшественнику, Баронъ Будбергъ чуждъ и свѣтскаго лоска и условныхъ свѣтскихъ обычаевъ. Какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ манерахъ онъ склоненъ доходить до рѣзкости. Прежде онъ принадлежалъ къ числу убѣжденныхъ и страстныхъ сторонниковъ крайней (такъ называемой „юнкерской“) партіи, во главѣ которой стоялъ бывшій Предводитель Дворянства Графъ Тизенгаузенъ. Лица, близко его знающія, увѣряютъ, будто бы въ послѣднее время его связь съ этой партіей значительно ослабѣла. Я склоненъ этому вѣрить въ виду того, что Барономъ Будбергомъ, по избраніи въ должность Предводителя, была выставлена программа, которая можетъ быть резюмирована слѣдующимъ образомъ: подчиняться совершившимся фак-

тамъ, не дѣлать оппозиціи Правительственнымъ распоряженіямъ, стремиться стать въ довѣрчивыя и возможно лучшія отношенія съ представителемъ правительственной власти въ губерніи и вести дѣла при ближайшемъ его участіи, или по предварительному съ нимъ соглашенію. Основныя положенія этой новой программы, столь отличающейся отъ программы бывшаго Предводителя Камергера Барона Майделя, были высказаны Барономъ Будбергомъ публично, въ присутствіи всего собравшагося на Ландтагѣ дворянства, въ отвѣтной на мое привѣтствіе при врученіи жезла рѣчи.

Второй вопросъ, касавшійся дальнѣйшей судьбы Домскаго училища, вызвалъ не мало страстныхъ, при его обсужденіи, рѣчей. Посвятивъ этому вопросу два съ половиной засѣданія, Ландтагъ постановилъ значительнымъ большинствомъ голосовъ безотлагательно закрыть это существующее болѣе 600 лѣтъ училище. Лица, близко знакомыя съ дѣйствительнымъ направленіемъ большинства Эстляндскаго дворянства, такому постановленію не удивляются и увѣрены, что оно послѣдовало бы еще весною прошлаго года, на чрезвычайномъ Ландтагѣ, если бы дворянство имѣло вѣрныя свѣдѣнія о требованіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которыхъ, однако, какъ дворянство имѣло возможность нынѣ убѣдиться, никакихъ измѣненій съ тѣхъ поръ не послѣдовало. Хотя въ такомъ рѣшеніи и нельзя отрицать нѣкоторой доли демонстраціи политическаго характера, но я предпочитаю въ виду новой программы, заявленной новымъ Предводителемъ Дворянства, не обострять этого событія и отнести его къ разряду домашнихъ дѣлъ дворянскаго общества, которое само со временемъ сознаетъ весь ущербъ, нанесенный этимъ демонстративнымъ рѣшеніемъ своимъ насущнѣйшимъ (конечно съ мѣстной точки зрѣнія) корпоративнымъ интересамъ [1]).

22 Января я далъ дворянамъ большой обѣдъ, на который, кромѣ бывшаго и нынѣшняго Предводителей Дворянства, приглашены были и тѣ помѣщики, гостепріимствомъ которыхъ я пользовался во время объѣзда губерніи лѣтомъ прошлаго года.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью, имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства......

[1]) Предсказаніе это сбылось. Домское училище было вновь открыто въ 1906 г., но съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ и съ утвержденіемъ учительскаго персонала со стороны Правительства. *Прим. редакціи.*

III.

ДОКУМЕНТЫ,

относящіеся до полицейской и судебной реформы.

№ 50. Изъ записки, поданной Княземъ С. В. Шаховскимъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ при представленіи за № 267 18 Іюня 1885 г., подъ названіемъ: „Заключеніе Эстл. Губернатора по вопросамъ, относящимся до преобразованія полиціи“.

..... III. Краткое указаніе на недостатки дѣйствующихъ законоположеній о полицейскомъ устройствѣ.

Полиція есть тотъ органъ правительственной власти, помощью котораго осуществляются мѣропріятія и распоряженія Правительства, пресѣкаются и предупреждаются всякія нарушенія общественной тишины и спокойствія, охраняются интересы и законныя права населенія, получаются точныя свѣдѣнія обо всемъ происходящемъ на мѣстахъ. Дѣятельность полиціи должна прежде всего отличаться полнымъ безпристрастіемъ и строгою законностью: предъ закономъ всѣ равны, всякое нарушеніе постановленій и рѣшеній Правительства, всякое своеволіе или самосудъ, всякое притѣсненіе, или оскорбленіе личности равно подлежатъ дѣйствію полицейской власти.

Полиція въ Эстляндской губерніи совершенно не отвѣчаетъ указаннымъ требованіямъ закона. Она представляетъ изъ себя какое-то крупное изъятіе изъ общихъ правилъ, дѣйствующихъ въ Имперіи. Полицейская власть здѣсь прежде всего сословная, а потому, такъ сказать, односторонняя и несправедливая; она какъ бы дѣло частныхъ рукъ, захватившихъ часть государственныхъ отправленій и подъ ихъ авторитетомъ преслѣдующихъ личные свои интересы и цѣли. Исходя изъ класса привиллегированнаго, первенствующаго въ краѣ, стремящагося въ теченіи вѣковъ всевозможными актами, ссылками на обычаи и чужеземныя узаконенія закрѣ-

пить за собою свою исключительность и верховенство, полиція, естественно, проникнута тѣми же стремленіями, тѣми же задачами и, будучи исполнительнымъ органомъ нѣмецкой аристократіи, имѣетъ всегда возможность и достаточную силу приводить въ дѣйствіе *только* ея требованія, проводить *только* ея взгляды, тѣмъ болѣе, что судъ и расправа находятся всецѣло въ рукахъ нѣмецкаго дворянства. Взгляды же нѣмецкой аристократіи, какъ уже достаточно доказало время, не только не согласны съ видами Правительства, но положительно идутъ съ ними въ разрѣзъ и явно враждебны государственнымъ начинаніямъ. Для сего достаточно сослаться на особенно усилившееся въ послѣднее время противодѣйствіе рыцарскаго сословія переходу эстонцевъ въ православіе, учрежденію православныхъ школъ и употребленію русскаго языка даже въ тѣхъ учрежденіяхъ, въ коихъ оно установлено закономъ.

Нѣмецкое дворянство дѣйствуетъ скопомъ въ своихъ сословныхъ вожделѣніяхъ, оно сплочено и во всей своей массѣ солидарно. И въ его рукахъ при томъ находится, кромѣ власти слѣдственной и судебной, еще всецѣло и безконтрольно власть исполнительная-полицейская. Естественно отсюда вытекаетъ, что забота полиціи направлена *исключительно* къ пользѣ нѣмцевъ-помѣщиковъ и къ извлеченію для нихъ всякихъ выгодъ и преимуществъ, конечно, въ ущербъ коренному населенію края, въ большинствѣ, безземельному, вполнѣ отъ нихъ зависящему. Въ такое же вполнѣ безправное положеніе поставлено и пришлое изъ другихъ коренныхъ губерній, чисто-русское населеніе Эстляндской губерніи, которое по численности своей равно нѣмецкому-дворянскому.

Помѣщикъ въ силу одного только того, что онъ нѣмецъ, стоитъ во главѣ мѣстной полиціи, полиціи его собственной, частной, его прислуги, имъ же нанимаемой, выбираемой и оплачиваемой, но которая съ тѣмъ вмѣстѣ облечена государственными функціями и непосредственно тяготѣетъ надъ крестьянскимъ населеніемъ, снимающимъ у того же помѣщика землю.

Бываютъ примѣры, что помѣщики, имѣющіе по закону право передовѣрять другому завѣдываніе мызной полиціей, передаютъ таковое управляющимъ своимъ—иностраннымъ подданнымъ, которые такимъ образомъ являются во главѣ испол-

нительныхъ полицейскихъ органовъ низшей инстанціи въ одной изъ русскихъ губерній.

Правда, у крестьянъ есть свои выборные полицейскіе органы, но они на каждомъ шагу контролируются и наблюдаются помѣщичьей полиціей. Даже ходатайства и просьбы отъ волостного общества не могутъ доходить непосредственно до правительственныхъ мѣстъ иначе, какъ черезъ руки чиновъ вотчинной полиціи и притомъ безъ особенной на то довѣренности. Даже самая помѣщичья полиція пользуется, по мѣстнымъ узаконеніямъ извѣстными преимуществами, напримѣръ избавленіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, коихъ лишены чины волостной полиціи и только потому, что полиція эта назначается гг. нѣмцами, ибо другихъ причинъ искать этому нечего, да и нѣтъ ихъ.

Такимъ образомъ населеніе края словно сѣтью опутано органами чужой, не правительстъенной власти, передъ которою одною оно и въ отвѣтѣ, ибо органовъ правительственныхъ оно не видитъ и не знаетъ, да и дойти до нихъ трудно. Частная же полиція, какъ уже опытомъ дознано, кромѣ преслѣдованія выгодъ помѣщика, имѣетъ еще политическую миссію—слѣдить за тѣмъ, чтобы не возникло среди эстонцевъ движеніе въ православіе и къ русской народности, и всѣми силами этому противодѣйствовать, запрещать и преслѣдовать всякую попытку къ обрусѣнію.

Итакъ полицейскую власть низшей инстанціи, непосредственно соприкасающуюся съ массою крестьянскаго населенія, Правительство выпустило изъ своихъ рукъ. Оно устранило себя отъ завѣдыванія и высшей полицейской властью въ уѣздахъ. Начальникъ уѣздной полиціи—Гакенрихтеръ отъ губернской администраціи не зависитъ. Онъ избирается изъ дворянъ-помѣщиковъ на три года самими же помѣщиками и не представляется на утвержденіе Губернскаго Начальства, а лишь оставляетъ въ Губернскомъ Правленіи свой адресъ. Такимъ образомъ Губернатору начальникъ полиціи даже въ лицо неизвѣстенъ, не говоря уже о томъ, что Губернаторъ не знаетъ ни его нравственныхъ качествъ и направленія, ни образовательнаго ценза, ни его способностей, или годности заниматься полицейскими обязанностями. А между тѣмъ черезъ это лицо идутъ всѣ распоряженія Правительства, отъ этого лица поступаютъ донесенія, справедливость коихъ гу-

бернская администрація лишена возможности провѣрить. Гакенрихтеръ всецѣло зависитъ отъ дворянскихъ сословныхъ учрежденій, отъ коихъ получаетъ предписанія, которыя притомъ и могутъ привлечь его къ отвѣтственности за неисполненіе таковыхъ. Неизвѣстно, какія приказанія и инструкціи получаютъ гакенрихтеры отъ правящаго дворянства, но вполнѣ дознано, что обыкновенныя распоряженія Губернатора начальнику уѣздной полиціи предварительно ихъ исполненія сообщаются въ высшія сословныя учрежденія и уже оттуда получаютъ дѣйствительное направленіе и должное освѣщеніе. Посему, если распоряженія правительственной власти почему либо расходятся съ воззрѣніями нѣмецкихъ дворянъ, то они Гакенрихтеромъ или не исполняются вовсе, или оттягиваются до времени совершенной своей безполезности въ примѣненіи. Не взирая на явное ослушаніе своимъ распоряженіямъ, Губернаторъ не въ правѣ даже отрѣшить отъ должности, не то что наказать, Гакенрихтера. Начальнику губерніи предоставляется только право его отстранить, и то лишь временно. Но если Оберъ-Ландгерихтъ признаетъ его дѣйствія правильными, то ослушникъ приказаній Губернатора съ торжествомъ возвращается къ своему посту начальника полиціи, наглядно доказывая населенію, что власть и сила не на сторонѣ Правительства.

Избираемый изъ дворянъ-помѣщиковъ нѣмецкаго происхожденія, Гакенрихтеръ обыкновенно не знаетъ вовсе по-русски, или выдаетъ себя за незнающаго государственнаго языка, знать который считаетъ для себя позорнымъ, и губернская администрація обязана по распоряженію самого же Правительства (Циркуляръ Генералъ-Губернатора 1869 г.) посылать полиціи приказанія и сноситься съ нею на иностранномъ языкѣ. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе недостойно и даже позорно для губернскаго начальства, что по позднѣйшимъ распоряженіямъ Правительства, не отмѣнившимъ однако упомянутаго Генералъ-Губернаторскаго распоряженія, всѣ сословныя учрежденія и лица въ Эстляндской губерніи въ сношеніяхъ съ Воинскимъ начальникомъ, Контрольною палатою и Жандармскимъ штабъ-офицеромъ обязаны употреблять исключительно русскій языкъ. Такимъ образомъ мѣстныя учрежденія, въ части своего дѣлопроизводства оказывающіяся знающими и понимающими государственный языкъ,

являются въ немъ несвѣдущими въ отношеніи лишь къ представителю Правительственной власти въ губерніи.

Предоставленная гакенрихтерамъ власть наказывать крестьянъ „за непослушаніе“ вмѣстѣ съ правомъ по собственному усмотрѣнію подвергать ихъ сѣченію розгами до 60 ударовъ, на практикѣ выражается рядомъ самыхъ возмутительныхъ фактовъ [1]). Самое понятіе „непослушаніе“ крайне растяжимо и подъ него можно подвести всякое дѣяніе, по чему либо неугодное Гакенрихтеру. Особенно же въ послѣднее время при усилившемся стремленіи эстонцевъ къ переходу въ православіе—это имъ засчитывалось въ вину гакенрихтерами, воспрещающими принятіе православной вѣры и подъ видомъ непослушанія Начальнику полиціи, производилось обильное сѣченіе розгами покушавшихся принимать Греко-Россійское вѣроисповѣданіе.

Наконецъ въ полицейской службѣ необходима опытность, знаніе дѣла и законовъ. Однако же гакенрихтеры выбираются только на три года, да и этотъ срокъ рѣдко выслуживаютъ, оставаясь въ большинствѣ случаевъ не болѣе какъ отъ 1 до 2 лѣтъ на своей должности, а потому безпрестанныя мѣны этихъ должностныхъ лицъ вообще не могли не оказать, сверхъ указаннаго, и массы другихъ вредныхъ вліяній на исполненіе полиціею своихъ обязанностей. Къ тому же частая мѣна гакенрихтеровъ влечетъ за собою частыя перемѣщенія центровъ уѣздныхъ полицейскихъ мѣстъ, что весьма

[1]) Въ былыя времена, при господствѣ вотчинной полиціи и гакенрихтеровъ, сохраненіе порядка и безопасности въ странѣ поддерживалось не чувствомъ уваженія къ мнимому закону, ибо законъ олицетворяли собою гакенрихтеръ и вотчинникъ, которому до шведскаго владычества принадлежало право на жизнь и смерть своего крѣпостного, а исключительно терроромъ. Вѣдая свои дѣла единолично и не связанный никакими правилами относительно порядка исполненія своихъ обязанностей, гакенрихтеръ, а равно и вотчинная полиція дѣйствовали исключительно на основаніи разнообразныхъ обычаевъ и порядковъ, выработанныхъ практикою. Крестьяне не могутъ вспомнить безъ трепета то ужасное время, когда надъ ними господствовалъ не законъ, не справедливость, а безграничный произволъ гакенрихтера, не знавшаго состраданія къ чуждому ему по національности крестьянину, въ которомъ онъ вдобавокъ видѣлъ своего врага. Несомнѣнно, слѣдствіе террористическаго режима вотчинной полиціи и гакенрихтеровъ—столь великое число умалишенныхъ въ нисшихъ классахъ многострадальнаго эстонскаго народа, какъ нигдѣ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Прим. редакціи.

затрудняетъ населеніе, не рѣдко лишенное, благодаря этому, возможности розыскать мѣстонахожденіе своего начальства. Должность Гакенрихтера выставляется почетною. Изъ Гакенрихтеровъ попадаютъ въ Предводители дворянства и Ландраты. Нѣмецкое дворянство старается выставить Правительству Гакенрихтерскія обязанности, какъ добровольную дворянскую повинность, которую оно несетъ для пользъ государственныхъ, освобождая тѣмъ Правительство отъ излишнихъ заботъ и расходовъ по содержанію полиціи. Выставляется имъ также безкорыстіе въ исполненіи этихъ повинностей, яко бы неоплачиваемыхъ. На дѣлѣ, кромѣ стремленія держать всю власть исключительно въ рукахъ своего сословія (что уже идетъ въ разрѣзъ съ заботами Правительства), исполненіе дворянами полицейскихъ обязанностей врядъ ли является столь безкорыстнымъ, какъ стараются это показать. На содержаніе всѣхъ вообще сословныхъ учрежденій губерніи (а въ томъ числѣ и полицейскихъ) отпускаются изрядныя суммы отъ такъ называемыхъ дворянскихъ земель [1]) (ст. 45 Ч. 2 Св. Мѣстн. Узак.), то есть, отъ земель, доходы коихъ спеціально предназначены на поддержаніе нѣмецкаго авторитета, разумѣется въ ущербъ правительственному, въ Эстляндской губерніи. Гакенрихтеръ при поѣздкахъ, которыя онъ всегда можетъ объявить служебными, требуетъ по закону отъ частныхъ лицъ содержанія на ихъ счетъ, какъ для себя самого, такъ и находящихся при немъ людей и лошадей. Наконецъ и полицейскіе служители, при гакенрихтерахъ состоящіе и имѣющіе прямое назначеніе—исполненіе полицейскихъ приказаній, содержатся на иждивеніе подвѣдомственныхъ дистриктовъ, то есть того населенія, которое они по распоряженію Гакенрихтера, должны подвергать тому или другому наказанію.

Такимъ образомъ эта почетная служба гакенрихтеровъ, съ правительственной точки зрѣнія, представляется безусловно вредной и безнравственной.

Изъ всего сказаннаго ясно, что при теперешнемъ устройствѣ полиціи Губернаторъ въ Эстляндіи является не представителемъ правительственной власти въ губерніи, а какъ бы

[1]) Эти земли, какъ будетъ объяснено ниже, принадлежатъ казнѣ и лишь отданы въ распоряженіе дворянства для этой цѣли.

свидѣтелемъ управленія края независимою отъ него, иностранною корпораціею, дѣятельности коей, противорѣчащей государственнымъ цѣлямъ, онъ не въ силахъ противодѣйствовать. Несовмѣстимо съ достоинствомъ Правительства имѣть во главѣ управленія губерніею не живой и сильный органъ власти, а лицо, обреченное на печальную роль пассивнаго зрителя систематически производящагося униженія Россіи и авторитета Правительства. Думать, что въ Эстляндской губерніи существуетъ правительственная власть, есть самообольщеніе: такой власти нѣтъ.

IV.....

№ 51. Изъ обозрѣній губерніи за 1885 г. о дѣятельности мѣстныхъ судовъ.

Въ Эстляндской губерніи и понынѣ продолжаютъ свое существованіе суды сословные, уже давно признанные негодными и вредными для всей Имперіи, какъ вселяющіе мысль, что не всѣ равны передъ закономъ. Всякій (за исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ низшему состоянію) судится, по дѣйствующему здѣсь порядку, судомъ себѣ равныхъ: дворяне и чиновники—судомъ дворянскимъ, Оберъ-Лангерихтомъ, а горожане — Магистратомъ. Только лица низшаго состоянія подсудны не своимъ судамъ, а одному изъ высшихъ сословныхъ судебныхъ учрежденій во всѣхъ мало-мальски значительныхъ преступленіяхъ и проступкахъ.

Личный составъ судебныхъ мѣстъ опредѣляется пожизненно по выбору самихъ сословій безъ вѣдома и утвержденія правительственной власти. Благодаря такому положенію вещей, судья является нравственно связаннымъ съ интересами и стремленіями круга лицъ его избравшихъ, и цѣли правосудія нерѣдко приносятся въ жертву чисто корпоративнымъ видамъ. Независимо отъ этого отсутствіе положительнаго писаннаго права отнимаетъ у судебныхъ рѣшеній ихъ безспорность, точность и опредѣленность.

Правила судопроизводства не представляютъ изъ себя свода постановленій, утвержденныхъ законодательною властью. Напротивъ того они вытекаютъ изъ множества вѣками накопившихся, несогласованныхъ между собою, постановленій

каноническаго, саксонскаго, общегерманскаго права и отдѣльныхъ указовъ прежнихъ властей временъ Шведскаго и Датскаго владычествъ.

Утверждая, по должности Губернатора, приговоры Оберъ-Ландгерихта по дѣламъ уголовнымъ, я не могъ не обратить вниманія на крайнее разнообразіе, случайность и произвольность въ примѣненіи судомъ того или другого устарѣлаго, средневѣкового правила при судебныхъ рѣшеніяхъ и приговорахъ.

Останавливаясь на подробностяхъ уголовнаго судопроизводства нельзя не упомянуть о полной неудовлетворительности слѣдственной части, которая по настоящее время не отдѣлена въ Эстляндской губерніи отъ полиціи, мало-опытной и недостаточно свѣдущей въ своемъ полицейскомъ дѣлѣ. Проистекающія, благодаря этому медлительность, поверхность, небрежность, ложное направленіе слѣдствій, превышеніе власти, нарушеніе самыхъ основныхъ правилъ и обрядовъ судопроизводства, неосновательное привлеченіе многихъ лицъ къ слѣдствію и лишеніе ихъ свободы безъ достаточныхъ къ тому основаній, таковы выдающіяся черты мѣстнаго слѣдственнаго производства. Ко всѣмъ этимъ недостаткамъ присоединяется и пристрастность выборныхъ органовъ земской полиціи въ направленіи слѣдствій по дѣламъ, хотя бы лишь косвеннымъ образомъ затрагивающимъ интересы привиллегированнаго сословія или отдѣльныхъ его членовъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого направленія является неуспѣхъ въ обнаруженіи виновниковъ серьезныхъ, угрожающихъ общественному свокойствію и безопасности преступленій и возведеніе самыхъ ничтожныхъ проступковъ, направленныхъ противъ отдѣльныхъ членовъ господствующаго сословія и выборныхъ его органовъ, на степень крупныхъ преступленій противъ личности или противъ порядка управленія. Равнымъ образомъ сословная пристрастность уголовнаго суда приводитъ къ крайне суровымъ приговорамъ въ отношеніи къ подсудимымъ, принадлежащимъ къ нисшему состоянію и къ стремленію облегчить даже въ явный обходъ закона участь подсудимыхъ дворянъ, горожанъ и лицъ, принадлежащихъ къ лютеранскому духовенству.

Въ неудовлетворительномъ состояніи правосудія по дѣламъ гражданскимъ я имѣлъ неоднократный случай убѣдиться

изъ множества поступающихъ ко мнѣ прошенiй отъ разныхъ лицъ, тщетно теряющихъ время и деньги въ хожденiи по судебнымъ мѣстамъ для осуществленiя своихъ правъ. Веденiе гражданскаго процесса, основаннаго на тѣхъ же шаткихъ началахъ, на коихъ зиждется здѣсь и уголовное судопроизводство, затрудняется къ тому же непомѣрною дороговизною для стороны потерпѣвшей. Лицо, понесшее матерiальный ущербъ, вынуждено уплачивать за каждое дѣйствiе суда и его канцелярiи, по таксамъ, неутвержденнымъ Правительствомъ, громадные сборы, нерѣдко превышающiе искомую имъ денежную сумму. Оно, кромѣ того, не можетъ обойтись безъ помощи адвоката въ виду существующаго въ мѣстныхъ судахъ обычая допускать къ объясненiямъ на судѣ однихъ только повѣренныхъ. При такихъ условiяхъ веденiе гражданскихъ дѣлъ для лицъ, не обладающихъ значительнымъ достаткомъ, почти невозможно, и бѣднѣйшiй людъ, силою обстоятельствъ поставленный въ необходимость отказываться отъ защиты своихъ матерiальныхъ интересовъ, какъ-бы лишенъ покровительства закона.

Въ такъ называемыхъ крестьянскихъ судахъ—волостныхъ, приходскихъ и уѣздныхъ—положенiе правосудiя еще болѣе плачевно. Правосудiе по дѣламъ крестьянскимъ въ нисшей инстанцiи вѣдаютъ волостные суды, въ составѣ исключительно изъ крестьянъ. Представители крестьянскаго сословiя затѣмъ допущены закономъ въ составъ судовъ приходскихъ и уѣздныхъ и исключены лишь изъ высшаго по крестьянскимъ дѣламъ судебнаго мѣста—Оберъ-Ландгерихта. На дѣлѣ крестьянское представительство въ мѣстныхъ судахъ лишено значенiя для интересовъ крестьянскаго населенiя. Уѣздные и приходскiе суды, состоящiе подъ предсѣдательствомъ выбраннаго дворянствомъ уѣзднаго и приходскаго судьи, всегда могущаго оказать матерiальное давленiе на крестьянскихъ засѣдателей, низводятъ участiе послѣднихъ въ разрѣшенiи дѣлъ до простой формальности и устраняютъ вовсе ихъ влiянiе на судебное рѣшенiе.

Не въ пользу крестьянъ послужилъ и изданный въ видахъ облегченiя для нихъ веденiя гражданскихъ дѣлъ законъ, установившiй по этимъ дѣламъ особый слѣдственный порядокъ въ отличiе отъ общаго всѣмъ гражданскимъ дѣламъ порядка состязательнаго. На основанiи сего закона не истцы-

крестьяне, а самъ судъ обязанъ заботиться объ интересахъ тяжущихся крестьянъ и принимать отъ себя мѣры къ обнаруженію истинныхъ обстоятельствъ, на которыхъ основанъ искъ. Поэтому законъ не допустилъ крестьянамъ имѣть повѣренныхъ по своимъ дѣламъ, разрѣшивъ имѣть послѣднихъ только противной сторонѣ. На практикѣ однако оказалось, что приходскіе и уѣздные суды, оставивъ во всей силѣ правило, по коему крестьянинъ не можетъ имѣть на судѣ своего повѣреннаго, постепенно замѣнили слѣдственный порядокъ исковымъ, т. е. лишили крестьянина той поддержки, которую законъ возлагалъ на составъ суда. Вслѣдствіе этого крестьянинъ нынѣ является вполнѣ безпомощнымъ и предоставленнымъ собственнымъ своимъ силамъ, тогда какъ противная сторона является во всеоружіи черезъ опытнаго въ дѣлѣ повѣреннаго; а потому въ искахъ противъ помѣщиковъ лица низшаго состоянія въ большинствѣ случаевъ остаются въ проигрышѣ.

Самое значительное количество дѣлъ, возникающихъ въ крестьянскихъ судахъ, составляютъ дѣла, проистекающія изъ поземельныхъ отношеній крестьянъ съ помѣщиками. Не предъявляя по дѣламъ сего рода исковъ, помѣщики нерѣдко достигаютъ выселенія крестьянъ изъ усадебъ чрезъ посредство приходскихъ судовъ въ порядкѣ административномъ. Вслѣдствіе этого вся тяжесть доказательствъ въ многочисленныхъ судебныхъ инстанціяхъ неправильнаго выселенія ложится на крестьянина. Если даже ему и удастся доказать свою правду, то обратное полученіе усадьбы дѣлается немыслимымъ за отдачею ея тѣмъ временемъ въ пользованіе другому лицу. Крестьянину потому приходится начать новый искъ по вознагражденію за понесенные убытки и произведенныя улучшенія, искъ, который ему сулитъ въ прохожденіи своемъ по разнымъ судебнымъ мѣстамъ болѣе потерь, чѣмъ выгодъ.

Правда, крестьяне по Высочайшему повелѣнію 17 Апрѣля 1879 г. пользуются правомъ переносить дѣла, возникающія изъ поземельныхъ отношеній, безъ ограниченія цѣны иска въ Правительствующій Сенатъ. Но Эстляндскій Оберъ-Ландгерихтъ съумѣлъ превратить этотъ законъ въ мертвую букву, обставивъ возможность пользоваться предоставленнымъ крестьянамъ правомъ такими трудностями, преодолѣть которыя

крестьянинъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не въ силахъ. Къ числу такихъ помѣхъ относится не установленное закономъ, а потому совершенно произвольное требованіе Оберъ-Ландгерихтомъ отъ крестьянина, желающаго перенести дѣло въ Сенатъ, внесенія залога въ размѣрѣ, достигающемъ 200—300 руб., на переводъ бумагъ на русскій языкъ по 1 р. 40 к. съ листа и обезпеченія убытковъ противной стороны.

Осуществленіе подобныхъ условій со стороны и безъ того уже разореннаго выселеніемъ крестьянина почти невозможно, а потому и произвольныя въ этомъ отношеніи дѣйствія Оберъ-Ландгерихта равняются отказу въ правосудіи.

Изложенное зло судебнаго устройства въ Эстляндской губерніи, по убѣжденію моему, зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ того, что правосудіе здѣсь находится почти исключительно въ рукахъ въ себѣ замкнутой, независимой рыцарской корпораціи.

Столь печальное положеніе судебнаго устройства въ Эстляндской губерніи вызываетъ настоятельную необходимость въ скорѣйшемъ введеніи въ этомъ краѣ судебной реформы. Эта столь долго ожидаемая реформа сообщитъ правосудію тѣ свойства, которыхъ лишены мѣстные суды,—гласность, устность и равенство всѣхъ безъ различія званія, состоянія и происхожденія передъ закономъ, исходящимъ отъ Верховной власти.

№ 52. Изъ обозрѣнія губерніи за 1885 г. объ устройствѣ мѣстной полиціи до ея преобразованія.

Въ отношеніи устройства уѣздной полиціи Правительственная власть, болѣе чѣмъ въ другихъ отрасляхъ управленія, поступилась въ пользу мѣстнаго самоуправленія своимъ значеніемъ, вліяніемъ и авторитетомъ въ губерніи. Организація полиціи строго и послѣдовательно проведена въ духѣ полнаго, по возможности, упраздненія правительственнаго русскаго начала. Исполненіе распоряженій Губернскаго Начальства и непосредственное вліяніе на массу туземнаго населенія находится всецѣло въ рукахъ лицъ, отъ Губернскаго Начальства независящихъ, но именемъ Правительства освящающихъ и покрывающихъ свои дѣйствія.

Двѣнадцать гакенрихтеровъ раздѣляютъ между собою высшія полицейскія обязанности на мѣстахъ. Они избираются на три года рыцарскимъ сословіемъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, записанныхъ въ мѣстную дворянскую матрикулу. Такимъ образомъ Правительство устранило себя отъ главнѣйшаго—отъ выбора лицъ, служащихъ проводниками его же мѣропріятія. Оно устранило себя далѣе и отъ утвержденія въ должности. Губернское Начальство нынѣ только извѣщается дворянствомъ, что такое-то лицо избрано на должность Начальника уѣздной полиціи и вслѣдъ за тѣмъ этотъ незнакомецъ является исполнительнымъ органомъ правительственныхъ распоряженій.

Предѣлы власти гакенрихтеровъ тѣмъ болѣе значительны, чѣмъ менѣе имѣетъ Губернская администрація способовъ и возможности контролировать ихъ дѣйствія и привлекать ихъ къ отвѣтственности. Гакенрихтеръ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ, кромѣ власти полицейско-исполнительной, еще слѣдственную, судебную и карательную. Губернскому Начальству не предоставлено права увольнять Гакенрихтера, оно можетъ лишь временно отстранять его отъ должности; окончательное же отрѣшеніе Начальника уѣздной полиціи зависитъ только отъ Оберъ-Ландгерихта. Но для Губернатора нѣтъ положительнаго расчета пользоваться и этимъ своимъ правомъ, такъ какъ для него нѣтъ гарантій, что Гакенрихтеръ будетъ дѣйствительно уволенъ Оберъ-Ландгерихтомъ, или что на мѣсто плохого Гакенрихтера не будетъ выбранъ еще худшій.

Надзоръ за дѣятельностью гакенрихтеровъ и преданіе ихъ суду принадлежитъ Губернскому Начальству. При поѣздкахъ своихъ по губерніи Губернаторъ обязанъ ревизовать гакенрихтерскія управленія, но на практикѣ исполненіе этой обязанности въ большинствѣ случаевъ крайне затруднительно. Гакенрихтеры живутъ въ собственныхъ имѣніяхъ, совмѣщая лежащія на нихъ полицейскія обязанности съ заботами объ управленіи своею земельною собственностью; въ ихъ собственныхъ домахъ помѣщается ихъ канцелярія и полицейскій архивъ. Чтобы произвести ревизію гакенриктерскаго управленія, Губернатору надо ѣхать къ Гакенрихтеру въ имѣніе, жить у него въ домѣ, пользоваться его гостепріимствомъ. Такимъ положеніемъ дѣлъ объясняется, что гакенрихтерскія учрежденія стояли по сіе время вообще внѣ Губернскаго контроля.

Что касается наложенія взысканій, то для гакенрихтеровъ они не могутъ имѣть того важнаго значенія, какое имѣютъ они для чиновниковъ, посвятившихъ себя службѣ и отъ службы получающихъ средства къ существованію. Служба Гакенрихтера есть повинность, которую обязаны отбывать по-очередно всѣ дворяне-помѣщики губерніи. Неся обязанности Начальника полиціи, Гакенрихтеръ не пользуется отъ Правительства ни денежнымъ вознагражденіемъ, ни служебными отличіями. Но за то съ мѣстной точки зрѣнія его положеніе почитается весьма почетнымъ и открываетъ ему путь къ дальнѣйшимъ повышеніямъ по мѣстной выборной карьерѣ. Потерявъ во мнѣніи Губернской администраціи, Гакенрихтеръ зачастую тѣмъ выигрываетъ себѣ большія симпатіи со стороны дворянъ, видящихъ въ его дѣятельности, противной задачамъ Правительства, заботу о соблюденіи мѣстныхъ сословныхъ интересовъ. Предавая гакенрихтеровъ суду Оберъ-Ландгерихта, Губернское Начальство, на основаніи постоянно повторяющихся примѣровъ, не вправѣ ждать безпристрастнаго отношенія представителей рыцарскаго сословія къ поступкамъ члена ихъ же корпораціи, дѣйствовавшаго въ ихъ же сословныхъ видахъ. Да притомъ при существующемъ для лицъ привиллегированнаго сословія порядкѣ судопроизводства имъ легко даже за важныя преступленія по должности уклониться отъ серьезнаго наказанія, болѣе же легкія взысканія, какъ-то: замѣчанія, выговоръ и даже удаленіе по суду отъ должности— нисколько не препятствуютъ ихъ выбору на болѣе почетныя должности.

Ко всему изложенному необходимо присовокупить еще одну особенность положенія гакенрихтеровъ. Гакенрихтеръ прежде чѣмъ чиновникъ—мѣстный дворянинъ, т. е. членъ корпораціи крѣпко сплоченной, единодушной въ своихъ стремленіяхъ и пользующейся обширными правами въ краѣ. Оттого преобладающими интересами Гакенрихтера служатъ интересы его сословія, представителемъ коихъ и защитникомъ является Губернскій Предводитель Дворянства. При такихъ условіяхъ, естественно, Гакенрихтеръ смотритъ на свои отношенія къ Губернскому Начальству, какъ на временныя, которыя черезъ краткій трехгодичный срокъ должны прекратиться и съ прекращеніемъ которыхъ Губернаторъ потеряетъ для него значеніе Начальника, тогда какъ онъ неразрывно

связанъ съ своею корпораціею и значеніе ея представителя останется для него всегда важнымъ. Этимъ объясняется та аномалія, что гакенрихтеры сплошь да рядомъ обращаются къ Предводителю Дворянства за разъясненіемъ, слѣдуетъ ли имъ исполнять тѣ или другія предписанія Губернскаго Начальства, заявляютъ Предводителю свои неудовольствія на распоряженія Губернатора, а послѣднему отказываютъ въ повиновеніи и протестуютъ противъ его предписаній. Съ своей стороны, Губернскій Предводитель даетъ этимъ чинамъ полиціи предписанія, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ они должны исполнять распоряженія Начальства. Одно изъ подобныхъ конфиденціальныхъ предписаній мнѣ удалось достать, и я препроводилъ его въ подлинникѣ Г. Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Завѣдующему полиціей Генералъ-Лейтенанту Оржевскому въ доказательство тѣхъ болѣе чѣмъ ненормальныхъ условій, въ которыя поставлена здѣсь дѣятельность правительственной власти.

Въ лицѣ гакенрихтеровъ Губернскому Начальству приходится имѣть дѣло съ лицами, совершенно къ полицейской службѣ неподготовленными, въ большинствѣ случаевъ совершеннно ненадежными и даже просто вредными въ интересахъ Правительства. Краткій срокъ службы гакенрихтеровъ лишаетъ ихъ необходимой опытности въ полицейскомъ дѣлѣ, а частыя перемѣны этихъ лицъ даютъ Правительству совершенныхъ новичковъ, которые должны довольно долгое время присматриваться и знакомиться съ дѣломъ лишь для того, чтобы, пріобрѣтя должныя познанія и навыкъ, уступить свое мѣсто другимъ—начинающимъ. Въ большинствѣ случаевъ сравнительно исправное исполненіе довольно сложныхъ и весьма многочисленныхъ служебныхъ обязанностей, возложенныхъ на гакенрихтеровъ, зависитъ отъ качествъ и опытности письмоводителя, составляющаго при нихъ главную и даже единственную дѣловую силу, преемственно сдаваемую вмѣстѣ съ канцеляріею и архивомъ.

Неудобство для губернской администраціи имѣть въ качествѣ исполнительнаго органа распоряженій Правительства людей неопытныхъ и несвѣдущихъ усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что должность Гакенрихтера является для мѣстнаго правящаго дворянства постомъ политическимъ. Отсюда возникаетъ и питается взаимное недовѣріе между Губерн-

скимъ Начальствомъ и его полицейскими органами. Всѣ распоряженія сколько-нибудь касающіяся интересовъ рыцарскаго сословія не могутъ безъ нѣкотораго риска въ своемъ осуществленіи быть довѣрены распорядительности гакенрихтеровъ. Равнымъ образомъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя Губернскому Начальству для ознакомленія съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ на мѣстахъ, въ сообщеніи гакенрихтеровъ грѣшатъ предвзято одностороннимъ освѣщеніемъ, выгодными лишь правящему рыцарскому классу. Гакенрихтеры доселѣ не проявляли въ своей дѣятельности ни сословнаго, ни религіознаго безпристрастія. Возникшее всего два съ половиною года тому назадъ, робкое еще, благодаря дружному противодѣйствію, движеніе эстонцевъ въ православіе находило въ мѣстной выборной полиціи энергическихъ и вліятельныхъ себѣ противниковъ. Огульно сыпались на присоединяющихся со стороны гакенрихтеровъ обвиненія въ корыстныхъ видахъ, въ агитаторскихъ и аграрныхъ побужденіяхъ, въ нравственной распущенности и стремленіяхъ къ смутѣ. На долю православнаго духовенства, неутомимо и самоотверженно притекавшаго для удовлетворенія духовныхъ нуждъ новоприсоединяющихся, выпало тоже со стороны мѣстной полиціи много несправедливыхъ навѣтовъ, неосновательныхъ подозрѣній и прямо грязной и недостойной клеветы. Обширные предѣлы власти гакенрихтеровъ служили въ данномъ случаѣ лишь къ тому, чтобы изощрять способы притѣсненія лицъ, перешедшихъ въ православную вѣру, и мѣры къ отрезвленію тяготѣющихъ къ православію, дабы тѣмъ удержать ихъ въ лонѣ лютеранской церкви. Ничтожная и призрачная зависимость гакенрихтеровъ отъ Губернскаго Начальства способствовала имъ тѣмъ успѣшнѣе и безопаснѣе для себя осуществлять свою политическую миссію.

Въ настоящее время самоувѣренность и дерзость нѣкоторыхъ гакенрихтеровъ простирается до того, что они не задумываются устраивать совершенно гласный надзоръ за лицами, командируемыми на мѣста Правительствомъ. Такъ осенью отчетнаго года Штрандвикскій Гакенрихтеръ баронъ-Гойнинген-Гюне разослалъ волостнымъ старшинамъ циркуляръ, въ которомъ онъ между прочимъ поясняетъ имъ слѣдующее: „каждое должностное или какое-либо другое лицо, которое „высшимъ начальствомъ командируется въ дистриктъ, обязано

„предъявить мнѣ предписаніе г. Губернатора и таковымъ до-„казать, кто именно оно. Тогда только старшины получаютъ „отъ меня разъясненія о томъ, какія именно предписанія по-„добные гражданскіе и военные чиновники вправѣ давать „старшинамъ". Тотъ же Гакенрихтеръ въ упомянутомъ циркулярѣ пошелъ еще далѣе: онъ запретилъ волостнымъ старшинамъ принимать и исполнять предписанія Губернскаго Начальства, не снабженныя его—Гакенрихтера подписью. Такимъ образомъ Правительство въ своихъ мѣропріятіяхъ попало подъ опеку своего же чиновника.

Наконецъ нельзя не упомянуть о томъ, къ какимъ неудобствамъ и затрудненіямъ можетъ вести совмѣщеніе въ одномъ лицѣ обязанности Гакенрихтера съ положеніемъ помѣщика въ томъ же административномъ округѣ, въ коемъ онъ является начальникомъ полиціи. Губернскому начальству приходится напримѣръ обращаться къ Гакенрихтеру съ просьбой о понужденіи себя же самого, какъ помѣщика, исполнить тѣ или другія распоряженія Начальства или приговора суда.

Для крестьянъ не вразумительно это дѣленіе одной и той же личности на должностное лицо и на помѣщика, и они никогда не будутъ въ состояніи различить въ поступкахъ и распоряженіяхъ таковаго дѣянія его какъ помѣщика или какъ Гакенрихтера. Они видятъ въ немъ начальство и молча подъ угрозой строгой, подъ часъ жестокой, кары покоряются всѣмъ его требованіямъ. Вѣдь съ жалобой на несправедливости помѣщика, занимающаго должность Гакенрихтера, придется обращаться къ нему же самому, какъ Начальнику полиціи и требовать отъ него невозможнаго: чтобы онъ самого себя привлекъ къ отвѣтственности за беззаконіе, которое онъ чинилъ завѣдомо и съ знаніемъ отвѣтственности, которой онъ за это подлежитъ. Вообще населеніе привыкло смотрѣть на рыцарей-помѣщиковъ, какъ на непосредственныхъ своихъ начальниковъ, коимъ Правительство предоставило многія по отношенію къ нему права и главнымъ образомъ непосредственный за нимъ надзоръ.

Кромѣ того, что всѣ помѣщики по очереди должны трехлѣтіе быть гакенрихтерами, каждый помѣщикъ въ силу того, что онъ дворянинъ-землевладѣлецъ, есть начальникъ такъ называемой мызной полиціи, непосредственно надзирающей за дѣйствіями выборной изъ среды крестьянъ волостной по-

лиціи. Чины мызной полиціи, во главѣ которой стоитъ помѣщикъ, не суть агенты Правительства. Губернскому Начальству неизвѣстны, да и не могутъ быть извѣстны ни численность, ни составъ ихъ, ибо они по большей части не что иное, какъ прислуга помѣщика, которую онъ самъ нанимаетъ для охраненія своей мызной земли, но которая всетаки по отношенію къ извѣстной Правительству и въ законѣ признанной и отвѣтственной волостной полиціи представляетъ высшую инстанцію. Этимъ правомъ своимъ—стоять во главѣ мызной полиціи—помѣщики естественно очень дорожатъ, такъ что вслучаѣ отсутствія своего изъ имѣній они довѣряютъ частнымъ лицамъ, между прочимъ своимъ управляющимъ, иногда даже иностраннымъ подданнымъ—завѣдываніе мызной полиціей. При сложности и запутанности предоставленныхъ здѣсь помѣщикамъ правъ не можетъ казаться удивительнымъ, что во главѣ мызной полиціи являются лица женскаго пола. Въ такую то сѣть сложной подчиненности поставлено по мѣстнымъ привиллегіямъ населеніе къ помѣщикамъ-балтамъ. Они не только собственники земли, пользующіеся особыми правами и преимуществами, но начальствующіе полицейскіе органы, именемъ правительства подчиняющіе массу населенія своимъ корпоративно-сословнымъ политическимъ видамъ.

Высочайшее повелѣніе отъ 27 Февраля 1885 г. о преобразованіи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ полиціи на общихъ по всей Имперіи началахъ вызвало въ средѣ мѣстнаго дворянства крикъ неудовольствія. 9 Мая Губернскій Предводитель Дворянства представилъ мнѣ мнѣніе дворянства по вопросу о предстоящей реформѣ.

„Усматривая *серьезную опасность* (гласитъ дворянство „устами своего Предводителя) *для самыхъ основъ политиче-„скаго существованія дворянства* во всякой *попыткѣ*, имѣю-„щей цѣлью *отклонить политическій строй края отъ исто-„рическаго хода его развитія*, дворянство вслѣдствіе этого „считаетъ своею обязанностью *выступить противъ* такихъ по-„пытокъ, которыя стремятся *передать въ руки властей, назна-„чаемыхъ Правительствомъ* и стоящихъ *внѣ интересовъ дво-„рянства, права принадлежащія сему послѣднему*“. При этомъ дворянство старается пугать Правительство послѣдствіями его „доктринерскихъ тенденцій“. „Въ случаѣ примѣненія къ

„Эстляндской губерніи системы, выработанной согласно чуж-„дымъ ей потребностямъ и въ случаѣ если бы право назна-„ченія полицейскихъ чиновниковъ, въ угоду *доктринерскимъ* „*тенденціямъ* (слѣдуетъ понимать Высочайшее повелѣніе „27 Февраля) было предоставлено Правительству, то есть „полное основаніе опасаться, чтобы въ ближайшемъ будущемъ „не наступило полное разстройство мѣстнаго соціальнаго по-„рядка". Дворянское представительство далѣе находитъ „не-„сомнѣннымъ, что при назначеніи полицейскихъ чиновниковъ „губерніи отъ дворянства является болѣе надежныхъ гарантій „ихъ служебныхъ качествъ, чѣмъ при назначеніи ихъ отъ Пра-„вительства".

Приведенныя выдержки изъ отзыва дворянскаго представительства по поводу предстоящей реформы полиціи не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что на первыхъ шагахъ своего осуществленія преобразованіе встрѣтитъ на своемъ пути много терній. Новымъ учрежденіямъ придется открывать свою дѣятельность въ средѣ, которая будетъ имѣть ближайшею цѣлью доказать Правительству, что прежде при старыхъ, исконныхъ порядкахъ все дѣло шло лучше и спокойнѣе, что нововведеніе вноситъ неустройство и смуту въ мѣстную жизнь, порождаетъ недоразумѣнія. Быть можетъ факты во вредъ реформѣ будутъ подготовляться заранѣе, подстраиваться, какъ тому уже бывало не мало примѣровъ въ исторической жизни этой окраины.

Но съ Божіей помощью надо стойко перенести первые удары, первую тревогу недовольства, и послѣдствія докажутъ благодѣяніе этой государственной мѣры; съ ней несомнѣнно вскорѣ примирятся и нападающіе, которые нынѣ въ слѣпой боязни лишиться существующихъ привиллегій, не видятъ и не хотятъ видѣть усилій Правительства создать болѣе совершенные, болѣе крѣпкіе и плодотворные устои для будущаго.

№ 53. Письмо къ Товарищу Министра Вн. Дѣлъ П. В. Оржевскому отъ 11 Ноября 1886 г. за № 413 объ институтѣ ночной стражи въ г. Ревелѣ.

Милостивый Государь, Петръ Васильевичъ.

Вслѣдствіе встрѣченныхъ мною нѣкоторыхъ затрудненій для приведенія въ исполненіе предложенія Вашего Превосходительства отъ 17 сего Октября за № 2569 и предполагая, что они вызваны неполнотою моего представленія отъ 2 Августа за № 295, считаю долгомъ представить нынѣ на благосклонное вниманіе Ваше слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія, вызываемыя упомянутымъ предложеніемъ Вашего Превосходительства.

I. Въ предложеніи за № 2569 изложено: „Ревельская ночная стража, какъ видно изъ статей 998, 1190, 1191 и 1196 „Ч. I Зак. Остз., управляется на основаніи особаго положенія, „и потому упраздненіе ея или замѣна городскою полицейскою „командою можетъ послѣдовать не иначе, какъ въ порядкѣ „законодательномъ".

1. Въ приведенныхъ статьяхъ мѣстнаго Положенія упоминается вообще о городской стражѣ, но объ отдѣльной, *ночной*, въ нихъ нѣтъ и рѣчи. *2.* а) ст. 998 У. п. 8, въ которомъ говорится о городовой стражѣ, отмѣненъ еще въ 1852 году, 3 Декабря Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, распубликованнымъ 2 Января 1853 г. (Полное собраніе законовъ Т. XXVII, № 26833, стр. 748—749), б) ст. 998 У. п. 1, гдѣ упоминается о городской кассѣ, завѣдывавшей этой стражей, также отмѣненъ (Общій Сводъ Закон. Имп. Т. II Ч. I Общ. Учрежд. губ. изд. 1876 г. ст. 1949, п. 2; 2002 п. 6—10; 1877 г. Марта 26—57101—прав.). *3.* ст. 1190 и 1191 отмѣнены Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 3 Декабря 1852 г. № 26833. *4.* ст. 1196 отмѣнена и замѣнена слѣдующими правилами: Въ городѣ Ревелѣ Городское Полицейское Управленіе состоитъ подъ предсѣдательствомъ Полиціймейстера изъ двухъ засѣдателей, по избранію мѣстной Городской Думы (1882 г. Мая 18 Собраніе Узаконеній № 441, 1; сравн. Св. Зак. Т. II Ч. I Обществ. Учр. Губ. изд. 1876 г. ст. 1323). Итакъ установленная ст. 998, 1190, 1191 и 1196, на которыя сдѣлана ссылка

въ предложенiи за № 2569, городовая стража упразднена, и потому, казалось бы, не представляется нынѣ надобности возбуждать относительно нея вопроса въ законодательномъ порядкѣ и тѣмъ менѣе предлагать этотъ вопросъ на обсужденiе Городской Думы.

II. Далѣе въ предложенiи за № 2569 сказано: „Комплектъ „Полицейской Команды въ Ревелѣ установленъ лишь въ „1883 г., при чемъ число чиновъ команды было сообразовано „съ потребностью въ полицейской охранѣ города не только „днемъ, но и ночью. Въ короткiй же промежутокъ, протекшiй съ „того времени, общественная жизнь въ городѣ не могла столь „существенно развиться, чтобы теперь, для удовлетворенiя по„требности въ полицейской охранѣ, требовалось увеличить чи„сленный составъ полицейскихъ чиновъ болѣе чѣмъ на 70%“.

1. Мнѣнiе Государственнаго Совѣта о преобразованiи Ревельской Городской Полицiи удостоилось Высочайшаго утвержденiя 18 Мая 1882 г. Эстляндскiй Губернаторъ былъ поставленъ объ этомъ въ извѣстность предложенiемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ по Департаменту Государственной полицiи отъ 29 Мая 1882 г. за № 1421. Указъ по сему Правительствующаго Сената послѣдовалъ 4 Iюня 1882 года за № 8197. Слѣдовательно преобразованiе въ гор. Ревелѣ полицiи состоялось не въ 1883 году, а въ 1882 г.

2. Изъ относящейся до этого вопроса переписки (представленiе Эстляндскаго Губернатора Министру Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 Окт. 1877 г. за № 2129; предложенiе Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11 Января 1878 г. за № 137; представленiе отъ 10 Авг. 1879 г. № 1889; письмо Директора Департамента Государственной Полицiи отъ 10 Дек. 1880 г. № 26; отношенiе въ Департаментъ Государственной Полицiи 12 Мая 1881 г. № 950), нельзя усмотрѣть, чтобы при разработкѣ положенiя о преобразованiи полицiи въ гор. Ревелѣ была принята во вниманiе потребность полицейской охраны города ночью. Во всей упомянутой перепискѣ о ночной охранѣ не было и рѣчи.

3. При обсужденiи вопроса о штатѣ полицейской команды были къ сожалѣнiю упущены изъ виду два существенно важныя для дѣйствительности охраны города условiя: а) пространство, занимаемое городомъ и б) необходимое количество полицейскихъ постовъ, съ потребною для каждаго изъ нихъ

въ теченіи сутокъ смѣною. Вся реформа была комбинирована на отношеніи количества полицейскихъ служителей къ числу жителей, при чемъ за норму (какъ видно изъ „записки о преобразованіи Ревельской Городской Полиціи“, составленной въ Департаментѣ Государственной Полиціи № 2380) было принято—одинъ полицейскій служитель на 150 человѣкъ жителей. Но что всего въ этомъ дѣлѣ важнѣе, это то, что реформа полиціи была основана на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ о количествѣ городского населенія.

Полицейская реформа 1882 года предполагала въ Ревелѣ 30 тысячъ душъ, и сообразно съ этой цифрой былъ исчисленъ и утвержденъ штатъ полицейскихъ чиновъ, между тѣмъ по произведенной 29 Декабря 1881 г. переписи (оффиціальныя объ этомъ свѣдѣнія находятся въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ) въ Ревелѣ значилось 50488 человѣкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что за послѣдніе 4 года это количество возросло еще отъ 6 до 8 тысячъ человѣкъ, если принять во вниманіе, что въ десятилѣтіе съ 1871 г. по 1881 г. населеніе въ Ревелѣ увеличилось на 20 тысячъ душъ. Слѣдовательно ощущаемая нынѣ потребность въ увеличеніи полицейской команды вытекаетъ не изъ предположенія, что въ теченіи трехлѣтняго со времени введенія полицейской реформы промежутка условія общественной жизни въ городѣ могли существенно измѣниться, или возникнуть новыя потребности, а изъ того факта, что при введеніи полицейской реформы было упущено изъ виду слишкомъ 20 тысячъ жителей, для охраны которыхъ нынѣшній штатъ полиціи, разсчитанный лишь на 30 тысячъ человѣкъ, оказывается совершенно недостаточнымъ. Если остановиться на принятой Департаментомъ Государственной полиціи нормѣ одного полицейскаго чина на 450 человѣкъ, то нынѣшній составъ полицейской команды пришлось бы удвоить, такъ какъ, принимая во вниманіе, что теперешній составъ городского населенія колеблется между 56 и 58 тысячами человѣкъ, одинъ городовой приходится нынѣ на 800 слишкомъ человѣкъ. Я не принимаю при этомъ расчетѣ во вниманіе громаднаго Екатеринентальскаго парка, находящагося тоже подъ наблюденіемъ городской полиціи и населеніе котораго въ лѣтніе мѣсяцы увеличивается нѣсколькими тысячами иногороднихъ, пріѣзжающихъ для пользованія морскими купаніями.

III. „Съ другой стороны (говорится далѣе въ предложе-„ніи за № 2569), несомнѣнно ночная стража, содержимая го-„родомъ, представляется учрежденіемъ *безусловно полезнымъ*, „тѣмъ болѣе, что согласно сообщенію Вашего Сіятельства, „недостатки стражи заключаются лишь въ томъ, что дѣйствія „оной по охранѣ города въ ночное время не согласованы съ „общей дѣятельностью наружной полиціи. Подобное соглаше-„ніе возможно установить путемъ непосредственнаго админи-„стративнаго распоряженія“.

1. Въ представленіи отъ 31 Сентября с. г. за № 295, я имѣлъ честь довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, что считаю существующую нынѣ въ городѣ Ревелѣ ночную стражу учрежденіемъ не только не полезнымъ, но безусловно вреднымъ, иначе я не позволилъ бы себѣ утруждать Ваше Превосходительство моимъ ходатайствомъ объ упраздненіи сего учрежденія, какъ нисколько не обезпечивающаго охрану города и безопасность жителей въ ночное время. Въ случаѣ надобности я могу привести рядъ фактовъ, доказывающихъ, на сколько эта ночная охрана безсильна и безпомощна въ исполненіи своей прямой обязанности. Недостатки ея плачевнаго положенія коренятся какъ въ самой ея организаціи, такъ и въ личномъ составѣ.

2. При семъ имѣю честь приложить „Инструкцію для состоящаго при ночной стражѣ города Ревеля Инспектора“ и „Инструкцію для ночныхъ сторожей города Ревеля“. Эти инструкціи составлены въ 1870 году Синдикомъ Магистрата, нынѣ удаленнымъ отъ должности Городского Головы, Титулярнымъ Совѣтникомъ Грейфенгагеномъ. Въ такомъ видѣ эта стража [1]) существуетъ и нынѣ съ тою только разницею,

---

[1]) Содержаніе городомъ особаго института ночныхъ сторожей (т. н. Ministeriale) есть привиллегія Ревеля. Возникновеніе этого учрежденія относится къ эпохѣ среднихъ вѣковъ и принадлежитъ къ тому времени, когда Магистратъ былъ верховнымъ законодателемъ и самодержавнымъ распорядителемъ судебъ городского населенія. Тогда въ непосредственномъ вѣдѣніи Магистрата была своя военная сила, родъ городской милиціи, носившей прежде названіе Schaarwächter, а позже Schlupfwächter. При нападеніи непріятеля на городъ или на его территорію шарвехтеры выступали противъ него въ качествѣ войска. Еще въ XVI в. при осадѣ войсками Іоанна Грознаго Ревеля шарвехтеры дѣлали изъ города вылазки и бились съ ними за городомъ. При состоявшемся преобразованіи Ревельской городской полиціи на общихъ въ Имперіи началахъ городъ съумѣлъ отстоять эту свою привилле-

что со введеніемъ въ городѣ Ревелѣ новаго Городового Положенія она перешла изъ завѣдыванія Старшаго Бургомистра Магистрата въ завѣдываніе Городского Головы, хотя послѣднему закономъ такихъ правъ не предоставлено. Прилагаемыя инструкціи правительственною властью утверждены не были и являются результатомъ національно-законодательныхъ вожделѣній Г. Титулярнаго Совѣтника Грейфенгагена. Дѣло охраны населенія представляется съ точки зрѣнія Правительства вопросомъ настолько важнымъ, что учрежденіе должности лишняго Надзирателя въ уѣздномъ городѣ не можетъ быть достигнуто иначе, какъ законодательнымъ порядкомъ, подвергаясь предварительному обсужденію въ Государственномъ Совѣтѣ, тогда какъ въ данномъ случаѣ достаточно было какому нибудь Грейфенгагену пожелать организовать цѣлый штатъ ночной полиціи на мѣсто упраздненной законодательнымъ порядкомъ, какъ сказано было выше, городовой стражи, и онъ съ успѣхомъ достигъ своей цѣли, при чемъ правительственная власть въ осуществленіи этой затѣи ему не препятствовала.

3. Приводить въ соглашеніе дѣятельность этого дѣйствующаго на основаніи Грейфенгагеновской инструкціи подъ предводительствомъ шорника Фрейберга сброда, именуемаго ночной стражей, съ чинами Высочайше утвержденной Правительственной полиціи я считаю крайне неудобнымъ и оскорбительнымъ для послѣдней. Это учрежденіе существуетъ не

гію, скрывъ отъ подлежащихъ властей настоящую организацію ночныхъ стражниковъ. По крайней мѣрѣ тогда въ дѣлахъ, до преобразованія полиціи въ городѣ относящихся, не встрѣчается упоминаній, о ночныхъ сторожахъ: ни губернаторъ, ни Дума не заводили даже рѣчи объ этомъ предметѣ, когда отъ нихъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ затребовали свѣдѣнія о полицейскомъ устройствѣ городовъ Эстляндской губерніи. На такія уцѣлѣвшія древнія учрежденія, свидѣтельствующія о прежней власти, о старинныхъ правахъ и привиллегіяхъ мѣстныхъ сословій,—переносятся всѣ симпатіи мѣстнаго правящаго общества, имъ придается особое значеніе, на нихъ возлагаютъ особыя надежды, ни взирая на то, что отъ ихъ прежней власти сохранилась только одна тѣнь... Ночная стража не подчиняется полиціймейстеру и вовсе отъ него не зависитъ. Полиціймейстеръ не имѣетъ права входить въ ея службу, отдавать ей приказанія, руководить ея дѣйствіями. Ночные сторожа находятся всецѣло и исключительно въ вѣдѣніи Ревельскаго городского головы, отъ которой исходятъ всѣ касающіяся ея распоряженія, замѣщеніе личнаго состава, вознагражденіе, увольненіе и т. п., между тѣмъ какъ вся отвѣтственность въ отношеніи дѣйствій этихъ, замѣняющихъ въ

на законномъ основаніи и предложить Полиціймейстеру войти съ нимъ въ соглашеніе значило бы не только узаконить его существованіе, но и признать за нимъ равное съ полиціей значеніе, такъ какъ соглашеніе допустимо только между учрежденіями равными. Естественно Ваше Превосходительство пожелали бы узнать, какимъ образомъ это учрежденіе, какъ незаконное, было до сихъ поръ терпимо и могло безпрепятственно существовать, исполняя столь серьезныя обязанности, какъ ночная охрана города. На такой вопросъ я затруднился бы дать положительный отвѣтъ. Знакомясь съ дѣлами ввѣренной мнѣ губерніи, я замѣтилъ и продолжаю обнаруживать, что не всѣ дѣйствуюшіе законы получили здѣсь полное и точное примѣненіе. Какъ Вашему Превосходительству извѣстно, не полное примѣненіе въ свое время Городового Положенія и мои настоянія, направленныя къ точному его осуществленію, вызвали сильное столкновеніе мое съ бывшимъ Городскимъ Головой Грейфенгагеномъ, видѣвшимъ въ допускавшемся правительственной властью послабленіи право на неисполненіе закона. Я поступаю такимъ же образомъ и въ другихъ случаяхъ, когда возстановленіе обязательной силы закона не выходитъ изъ предѣловъ моей власти. Въ

ночное время полицію, лицъ остается на отвѣтственности начальника полиціи. Отъ времени до времени городской голова дѣлаетъ личный смотръ ночной командѣ, которая въ его присутствіи производитъ свое ученіе. Командуетъ ночными сторожами особо назначаемый Думою какъ-бы ночной полиціймейстеръ, именуемый „Obernachtwächter“ – нынѣ должность эту занимаетъ бывшій сѣдельникъ Фрейбергъ. Ежедневно съ наступленіемъ вечера онъ производитъ командѣ на одномъ изъ рынковъ города сборъ и затѣмъ распредѣляетъ посты. Съ момента вступленія ночныхъ сторожей въ отправленіе своихъ обязанностей городская полиція прекращаетъ свою дѣятельность, расходится по домамъ—ея уже нигдѣ въ городѣ не видно. Ночные сторожа имѣютъ особую, самовольно присвоенную, никѣмъ не утвержденную форму, напоминающую съ одной стороны одѣяніе полицейскихъ служителей прежняго образца, а съ другой стороны сохранившую нѣкоторыя особенности бывшихъ Schaarwächter. Они одѣты въ сѣрыя шинели, носятъ кепи съ изображеніемъ на бляхѣ герба города Ревеля и вооружены револьверомъ. Кромѣ сего они имѣютъ при себѣ алебарду и рогъ—какъ остатки ихъ прежняго вооруженія. Obernachtwächter одѣтъ въ офицерскую шинель съ жгутами на плечахъ, при драгунской шашкѣ на золотой портупеѣ и револьверъ на шнурѣ. Онъ имѣетъ военную фуражку съ офицерской кокардой (см. представленіе Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 31 Сентября 1885 г. за № 295). *Прим. редакціи.*

данномъ же случаѣ сдѣланное правительственною властью упущеніе не можетъ быть возстановлено единоличнымъ моимъ распоряженіемъ, и по сему я счелъ долгомъ по обнаруженіи таковаго, довести объ этомъ до свѣдѣнія Вашего Превосходительства и ходатайствовать о содѣйствіи Вашемъ къ прекращенію столь ненормальнаго положенія вещей.

Все вышеизложенное приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Полицейская охрана въ городѣ Ревелѣ существуетъ только днемъ.

2. Высочайше утвержденный въ 1882 году для сей цѣли штатъ полицейской команды вслѣдствіе происшедшей ошибки въ статистическихъ данныхъ о числѣ жителей города Ревеля установленъ въ дѣйствительности лишь для половины всего числа жителей.

3. Для ночной охраны города существуетъ не утвержденная Правительствомъ и независимая отъ него особая стража (Nachtwache).

4. Эта стража имѣетъ своего особаго начальника, шорника Фрейберга, руководствуется инструкціей составленной въ 1870 г. Синдикомъ Магистрата Грейфенгагеномъ и подчинена Городскому Головѣ, на котораго по Городовому Положенію полицейскія обязанности не возложены.

Какъ видно изъ моего представленія отъ 31 Іюля за № 295, городъ ассигнуетъ на эту стражу ежегодно 12136 рублей. На содержаніе полицейской команды городъ расходуетъ ежегодно 14300 р. Послѣдній расходъ для города обязателенъ, между тѣмъ какъ первый—на ночную стражу необязателенъ.

И такъ, городъ расходуетъ въ теченіи года на содержаніе полицейской команды и ночной стражи 26436 рублей, при чемъ этотъ расходъ является недостаточно производительнымъ, ибо, какъ было указано выше, штатъ полицейской команды недостаточенъ по отношенію къ численности населенія, а ночная стража, не имѣющая надлежащей организаціи, и незаконно существующая, вдобавокъ—въ виду плохого своего состава и независящаго отъ Начальника полиціи, является не помощницей, а тормазомъ для дѣятельности полиціи.

Единственнымъ выходомъ изъ этого ненормальнаго положенія вещей представлялось бы упраздненіе этой незакон-

ной стражи и увеличеніе полицейской команды съ возложеніемъ на нее обязанности по охранѣ города ночью. Это могло бы быть достигнуто переименованіемъ необязательнаго нынѣ для города расхода въ 12136 рублей на ночную стражу—въ расходъ обязательный на увеличеніе полицейской команды. Такая мѣра, нисколько не обременяя бюджета города новыми расходами и не вызывая для покрытія его необходимости въ увеличеніи обложенія населенія новыми платежами, была бы вмѣстѣ съ тѣмъ мѣрою вполнѣ законною и справедливою. Еще съ 1882 года городъ долженъ былъ бы нести этотъ расходъ на содержаніе полицейской команды, если бы при установленіи ея штата не было бы допущено ошибки. Предлагаемая мною мѣра сводится лишь къ исправленію допущенной ранѣе и нынѣ обнаруженной ошибки.

Ссылаясь на мое представленіе отъ 31 Іюля за № 295, въ которомъ представленъ подробный разсчетъ необходимаго новаго, усиленнаго штата полицейской команды, считаю долгомъ присовокупить, что передавать этотъ вопросъ на предварительное обсужденіе Городской Думы, я считаю, основываясь на многочисленныхъ аналогичныхъ примѣрахъ, не только излишнимъ, но и весьма нежелательнымъ. Добровольнаго согласія города на такую мѣру ожидать нельзя, а обсужденіе этого вопроса въ Думѣ неминуемо вызоветъ раздраженіе страстей, и при томъ вполнѣ безцѣльное, такъ какъ въ концѣ концовъ это преобразованіе неминуемо должно будетъ послѣдовать. Несравненно практичнѣе было бы сообщить объ этомъ Думѣ, какъ о совершившемся фактѣ для надлежащихъ съ ея стороны исполненій.

Въ заключеніе имѣю честь обратиться къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшей просьбой отнестись снисходительно къ допущенной мною въ представленіи отъ 31 Іюля за № 295 недостаточной полнотѣ изложенія, что вызвало тѣ недоразумѣнія, для устраненія которыхъ я счелъ себя обязаннымъ, руководимый исключительно интересами дѣла, обратиться настоящимъ письмомъ къ Вашему Превосходительству, прося не оставить его благосклоннымъ Вашимъ вниманіемъ и поддержкой.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенной преданностью и пр.

№ 54. Изъ обозрѣнія губерніи за 1886 г. о гакенрихтерахъ.

Въ обозрѣніи губерніи за 1885 г. я подробно изложилъ, насколько мѣстныя полицейскія учрежденія представляются обветшалыми и неспособными далѣе удовлетворять своему назначенію. Не возвращаясь къ повторенію изложеннаго мною въ прошедшемъ году, позволю себѣ присовокупить, что въ теченіи отчетнаго года въ 11 гакенрихтерскихъ участкахъ произошла 41 перемѣна въ личномъ составѣ гакенрихтеровъ. При такихъ частыхъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ уѣздной полиціи, влекущихъ за собою столь же частое перемѣщеніе и центровъ ея дѣятельности, сельское населеніе должно чувствовать себя окончательно сбитымъ съ толка, не зная, кто же именно его начальство, гдѣ его искать и къ кому обратиться за помощью. Мнѣ извѣстны примѣры, что тщательное стараніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ дистриктахъ отыскать мѣстопребываніе своего полицейскаго начальства не могло увѣнчаться успѣхомъ за отъѣздомъ этихъ временныхъ гакенрихтеровъ по своимъ частнымъ дѣламъ безъ разрѣшенія Губернскаго Начальства и безъ передачи должности въ С.-Петербургъ и другія мѣста. Не по винѣ конечно сельскаго населенія такое положеніе вещей приводитъ его къ тяжелому сознанію о безначаліи. Наконецъ всѣ эти краткосрочные гакенрихтеры, большинства которыхъ я лично даже не знаю, въ теченіи столь кратковременнаго отбыванія этой натуральной полицейской повинности не могутъ успѣть ознакомиться съ законами, коими они обязаны руководствоваться при исполненіи своей важной служебной обязанности. Очевидно по этому, что законное, единственное незыблемое основаніе не можетъ лежать въ основѣ ихъ дѣятельности. И созданныя дѣятельностью такихъ властей тяжелыя условія жизни кажутся населенію особенно невыносимыми нынѣ, когда оно увидало возможность отъ нихъ избавиться [1]).

---

[1]) Поистинѣ, гакенрихтеры были страшнымъ бичемъ для туземнаго населенія. Кличъ „hakreht tuleb“ (т. е. гакенрихтеръ идетъ) наводилъ на крестьянъ паническій страхъ. *Прим. ред.*

№ 55. О правѣ вотчинной полиціи съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона и здраваго смысла. Замѣтка кн. С. В. Шаховского (1887 г.).

На основаніи п. 2 Ст. 883. Ч. III Св. Мѣстн. Узакон. къ особымъ правамъ помѣстныхъ собственниковъ Эстляндской губерніи отнесено право вотчинной полиціи въ имѣніяхъ, которое осуществляется или лично помѣщикомъ и содержателемъ пастората, или особымъ лицомъ по довѣренности владѣльца, утвержденной Приходскимъ судомъ.

Обязанности и права вотчинной полиціи изложены въ ст.ст. 37, 38, 39 и 40 Положенія Волостн. Обществ. Управленія 19 Февраля 1866 года.

Кругъ вѣдомства, указанный этимъ закономъ вотчинной полиціи въ предѣлахъ мызныхъ земель, отчасти соотвѣтствуетъ полицейскимъ обязанностямъ, возложеннымъ въ предѣлахъ волостного округа ст. 19 того же Положенія на волостного старшину и его помощниковъ, отчасти сводится къ наблюденію за правильностью и законностью дѣятельности волостной полиціи по дѣламъ полицейскимъ и по дѣламъ общественнымъ, сопряженнымъ съ правительственными интересами.

Хотя кругъ дѣятельности волостной и вотчинной полиціи разграниченъ предѣлами волостной, крестьянской и мызной земель, тѣмъ не менѣе по мысли закона имѣлось въ виду, что волостная и вотчинная полиціи въ своей дѣятельности должны дополнять другъ друга: по п. *б* ст. 37 вол. пол., предусмотрѣно, что въ случаѣ явной опасности и отсутствія волостного старшины, дѣятельность вотчинной полиціи по охраненію и возстановленію общественнаго порядка и безопасности простирается и на предѣлы волостного округа, съ другой стороны ст. 40 того же положенія установляла, что въ случаяхъ зажигательства, разбоя, грабежа, воровства, насилія и т. п. волостная полиція обязана оказывать помощь и защиту всѣмъ лицамъ, проживающимъ въ предѣлахъ мызныхъ земель не только по требованію вотчинной полиціи, но даже не ожидая особаго о семъ требованія.

Не предоставляя вотчинной полиціи никакой особенной карательной власти, законъ однако ставитъ волостную по-

лицію въ нѣкоторое подчиненіе къ вотчинной полиціи. По п. *д* ст. 37 вол. пол., вотчинная полиція о замѣченныхъ неисправностяхъ и безпорядкахъ въ дѣятельности волостного старшины и его помощниковъ доводитъ до свѣдѣнія уѣздной полиціи, или приходскаго суда для взысканія съ виновныхъ; по п. *г* ст. 37, вотчинная полиція требуетъ всѣ свѣдѣнія по волостному округу, необходимыя для представленія губернскому Статистическому Комитету. По ст. 38, помѣщикъ имѣетъ право призывать волостного старшину и его помощниковъ къ личной явкѣ; по ст. 39, въ случаѣ неисполненія старшиною справедливаго требованія вотчинной полиціи, или въ случаѣ неправильнаго рѣшенія волостного суда, вотчинная полиція обращается съ жалобою къ уѣздной полиціи, или къ приходскому суду. По п. *е* ст. 37, при исключеніи изъ общества по волостному приговору вредныхъ или порочныхъ членовъ, вотчинная полиція въ теченіи двухъ недѣль имѣетъ право сообщить свой отзывъ подлежащему начальственному учрежденію. Изъ вышеизложеннаго усматривается, что вотчинная полиція призвана закономъ непосредственно осуществлять полицейскія обязанности по охраненію тишины и спокойствія и вмѣстѣ съ тѣмъ поставлена относительно волостной полиціи въ положеніе наблюдательной инстанціи, которая отъ себя не подвергаетъ чиновъ волостной полиціи взысканіямъ, но имѣетъ только право жаловаться и доносить уѣздной полиціи и приходскому суду.

Въ тѣхъ же предѣлахъ, въ которыхъ въ настоящее время вотчинной полиціи предоставлено наблюденіе за волостною полиціею, такое наблюденіе не установляетъ никакой особой прерогативы вотчиннаго владѣльца въ отличіе отъ всякаго частнаго лица: несомнѣнно, что всякое лицо, имѣющее свѣдѣнія о неправильныхъ дѣйствіяхъ волостной полиціи, или потерпѣвшее вслѣдствіе ея бездѣятельности, имѣетъ законное право приносить установленнымъ порядкомъ жалобы независимо отъ того, имѣетъ ли жалобщикъ право вотчинной полиціи, или дѣйствуетъ въ качествѣ частнато лица. Такимъ образомъ перечисленныя выше статьи закона въ сущности не составляютъ никакого особаго права, которое не было бы предоставлено закономъ всѣмъ правоспособнымъ лицамъ всѣхъ сословій, и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы уничтоженіе такого призрачнаго надзора могло бы отразиться

невыгоднымъ образомъ на характерѣ дѣятельности волостной полиціи.

Къ совершенно такому же выводу приводитъ ближайшее разсмотрѣніе отдѣльныхъ пунктовъ ст. 37 волостного Положенія:

По п. *а*, вотчинная полиція объявляетъ въ предѣлахъ мызныхъ земель законы и распоряженія правительства. Эта обязанность сводится къ обязательной подпискѣ владѣльцевъ имѣній на оффиціальную часть Губернскихъ Вѣдомостей, такъ какъ иного способя объявленія правительственныхъ распоряженій, кромѣ опубликованія ихъ въ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ, закономъ не установлено.

По п. *в*, вотчинная полиція обязана принимать участіе при спасаніи грузовъ въ случаѣ кораблекрушенія. По закону, въ случаѣ спасенія грузовъ, по мѣрѣ участія, выдается вознагражденіе чинамъ полиціи, пограничной стражи и частнымъ лицамъ. Въ виду этого несомнѣнно, что каждый владѣлецъ, независимо отъ того, дѣйствуетъ ли онъ въ качествѣ представителя вотчинной полиціи, или въ качествѣ частнаго лица, побуждается существеннымъ личнымъ интересомъ къ участію въ спасаніи при кораблекрушеніяхъ. По этому, въ случаѣ упраздненія этой обязанности вотчинной полиціи, нѣтъ основанія опасаться какихъ либо ущербовъ для мореплавателей, грузовладѣльцевъ и самихъ помѣщиковъ.

По п. *г*, вотчинная полиція обязана представлять уѣздной полиціи донесенія о всѣхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ случающихся въ имѣніи, и доставлять Губернскому Статистическому Комитету потребныя свѣдѣнія, получая тѣ и другія отъ волостного старшины по подвѣдомственному ему округу.

Если для доставленія статистическихъ свѣдѣній уѣздной полиціи и Статистическому Комитету вотчинная полиція должна прежде истребовать ихъ отъ волостныхъ старшинъ, то не проще ли и цѣлесообразнѣе было бы, чтобы эти послѣдніе непосредственно представляли различныя срочныя статистическія свѣдѣнія куда слѣдуетъ? Этотъ законъ основанъ очевидно на предположеніи, что при условіи представленія свѣдѣній черезъ посредство вотчинной полиціи, онѣ будутъ получаться скорѣе и исправнѣе.

Но практика вовсе не подтверждаетъ такого предположенія.

Эстляндская Крестьянская Комиссія ежегодно для составленія Всеподданнѣйшаго Отчета разсылаетъ печатныя таблицы всѣмъ землевладѣльцамъ для обозначенія перемѣнъ состава землевладѣнія въ предѣлахъ каждаго имѣнія: таблица составлена такимъ образомъ, что каждому владѣльцу приходится проставить только нѣсколько цифръ; запросы эти повторяются изъ года въ годъ и очевидно каждому владѣльцу, или арендатору, хорошо знающему, сколько у него крестьянскихъ арендныхъ участковъ, сколько имъ втеченіе года продано такихъ участковъ, не могло бы представиться никакого труда быстро и точно доставить эти свѣдѣнія. Между тѣмъ для полученія этихъ свѣдѣній обыкновенно требуется болѣе полугода и, когда наконецъ послѣ многократныхъ напоминаній и понужденій таблицы возвращаются, онѣ оказываются составленными настолько небрежно, что нѣтъ возможности безъ новыхъ сложныхъ исправленій согласовать ихъ съ цифрами предшествовавшаго года.

При составленіи отчета за 1886 годъ по одному приходу (Магольмъ) свѣдѣнія совсѣмъ не были доставлены. Въ этомъ же году таблицы въ первый разъ разсылались составленными на русскомъ языкѣ, и представитель вотчинной полиціи имѣнія Матцаль (Штрандвикскаго участка) Якобсонъ, завѣдывавшій вотчинной полиціей по довѣренности владѣльца, барона Гойнингенъ-Гюне, возвратилъ таблицу Приходскому Суду и отказался дать требуемыя свѣдѣнія, заявляя, что онъ не понимаетъ таблицы, составленной по-русски,

Въ виду всего этого нѣтъ основанія предполагать, что посредство вотчинной полиціи является необходимымъ и полезнымъ для доставленія статистическихъ свѣдѣній.

Относительно наблюденія за дѣятельностью волостной полиціи, предусмотрѣннаго пунктомъ *д* ст. 37 и ст. 39-й вол. пол., выше было подробно выяснено, что такое наблюденіе не можетъ имѣть существеннаго значенія и вполнѣ замѣняется правомъ, принадлежащимъ каждому правоспособному лицу, жаловаться и доносить начальству о неправильныхъ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ низшихъ органовъ полицейской власти.

По п. *е* ст. 37, вотчинной полиціи предоставлено давать отзывъ по волостнымъ приговорамъ объ исключеніи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ. Это право является

опять таки совершенно призрачною прерогативою и очевидно сохранилось въ законѣ, какъ слѣдъ того права, которое принадлежало прежде помѣщикамъ по всей Имперіи предоставлять порочныхъ крѣпостныхъ крестьянъ въ распоряженіе Правительства для ссылки въ Сибирь. Въ настоящее же время, когда исключеніе изъ общества членовъ порочныхъ, или осужденныхъ судомъ съ послѣдствіями, предусмотрѣнными ст. 48 Улож. о нак., предоставлено усмотрѣнію и рѣшенію самихъ крестьянскихъ обществъ, трудно понять, какое значеніе можетъ имѣть заявленіе представителя вотчинной полиціи, противорѣчащее законно составленному общественному приговору.

По п. *ж* ст. 37 вотчинной полиціи предоставлено подавать въ правительственныя мѣста, безъ особой довѣренности, ходатайства отъ имени волостного общества. Такое посредство вотчинной полиціи по существу дѣла представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ, помимо случаевъ непосредственнаго обращенія волостныхъ обществъ черезъ особыхъ уполномоченныхъ, или посредствомъ письменныхъ прошеній, такія ходатайства могутъ быть представляемы чрезъ уѣздную полицію или приходскіе суды.

Подробный разборъ этихъ узаконеній приводитъ къ заключенію, что всѣ постановленія, устанавливающія какъ бы контроль вотчинной полиціи надъ волостною полиціею, въ сущности не вызываются потребностями государственной жизни, въ большинствѣ являются какимъ то презрачнымъ правомъ, и въ случаѣ отмѣны этихъ постановленій, не потребовалось бы даже учрежденія какихъ бы то ни было особыхъ органовъ власти.

Остается разсмотрѣть другую сторону дѣятельности вотчинной полиціи, по скольку она призвана осуществлять полицейскія обязанности по охраненію тишины и спокойствія въ предѣлахъ мызныхъ земель, а въ случаѣ надобности и всего волостного округа.

По ст. 39 вол. пол., въ случаѣ совершенія въ предѣлахъ мызныхъ земель преступленій, или важныхъ проступковъ, вотчинная полиція представляетъ виновныхъ уѣздной полиціи, а въ случаѣ маловажныхъ проступковъ волостному старшинѣ или волостному суду. Такое право, или скорѣе такая обязанность содѣйствовать органамъ правительственной

власти въ преслѣдованіи и поимкѣ преступниковъ и нарушителей общественнаго спокойствія, не подвергая ихъ однако отъ себя какимъ бы то ни было наказаніямъ, несомнѣнно предоставлено каждому частному лицу, желающему или заинтересованному содѣйствовать полиціи въ исполненіи ея законныхъ обязанностей, и въ виду этого трудно понять, чѣмъ были бы умалены права Эстляндскаго помѣстнаго собственника, если бы помянутой 39 статьи волостн. полож. не существовало.

Совершенно къ такому же выводу приводитъ разсмотрѣніе и ст. 40 волостн. полож.

По этой статьѣ вотчинная полиція имѣетъ право требовать отъ волостной полиціи безотлагательной помощи для охраны и защиты всѣхъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ мызныхъ земель въ случаѣ общественныхъ бѣдствій. Но въ заключеніи этой же статьи сказано, что волостная полиція во всѣхъ такихъ случаяхъ обязана оказывать помощь немедленно, не ожидая особаго о семъ требованія.

Такимъ образомъ законъ помимо приказаній или извѣщеній со стороны вотчинной полиціи, простираетъ свою дѣятельность на предѣлы мызныхъ земель, когда это представляется необходимымъ, и волостной старшина, не оказавшій помощи, несмотря на извѣщеніе, будетъ одинаково отвѣтственъ передъ закономъ за бездѣйствіе власти, какъ и въ томъ случаѣ, когда, видя необходимость помощи, таковой не окажетъ.

Такимъ образомъ, если съ одной стороны въ дѣлѣ наблюденія за волостной полиціей, вотчинная полиція является инстанціею совершенно излишнею, то съ другой стороны въ дѣлахъ охраненія общественной тишины и спокойствія, она является инстанціей совершенно безсильной. Послѣднее обстоятельство какъ бы предусматривается статьей 40 волостн. полож., которая обязываетъ волостную полицію распространять свою дѣятельность на территорію мызныхъ земель по собственному почину, безъ особаго требованія.

Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы одно лицо въ предѣлахъ цѣлаго имѣнія, завѣдующее вотчинною полиціею, могло бы оказать существенную пользу въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, въ особенности, если принять во вниманіе, что во многихъ имѣніяхъ права вотчинной полиціи

ввѣрены владѣльцами лицамъ, случайно поселеннымъ въ имѣніяхъ въ качествѣ арендаторовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дошедшихъ до свѣдѣнія губернскаго начальства, представителями мызной полиціи числились лица женскаго пола. Если помѣщикъ выѣзжаетъ тушить лѣсной пожаръ, то можетъ бороться съ этимъ бѣдствіемъ не потому, что въ данный моментъ облеченъ властью вотчинной полиціи, а смотря потому, сколько онъ можетъ взять съ собой мызныхъ рабочихъ при обязательномъ участіи волостной полиціи, предписанномъ закономъ въ подобныхъ случаяхъ; возможность участія помѣщика со всѣми имѣющимися въ его распоряженіи частными средствами, нисколько не устраняется въ зависимости отъ того, дѣйствуетъ ли онъ въ качествѣ вотчинной полиціи, или нѣтъ.

Наконецъ въ одномъ разрядѣ дѣлъ, имѣющемъ весьма важное значеніе для помѣстныхъ владѣльцевъ, а именно по принудительному выселенію изъ участковъ крестьянъ, не повинующихся судебнымъ рѣшеніямъ, вотчинной полиціи весьма неудобно дѣйствовать, такъ какъ въ такихъ случаяхъ помѣщикъ является непосредственно заинтересованнымъ лицомъ.

При настоящемъ строѣ земельныхъ отношеній выселеніе крестьянъ ежегодно въ первые весенніе мѣсяцы составляетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей волостной и уѣздной полиціи и не рѣдко требуетъ воздѣйствія центральной губернской администраціи.

Если не увлекаться заманчивыми обобщеніями о великомъ значеніи начала вотчинной власти для благоустройства края, а подвергнуть безпристрастному и трезвому разбору, цѣлесообразность, необходимость, дѣйствительно, а не на бумагѣ существующую дѣятельность вотчинной полиціи, то представляется труднымъ понять, для кого сохраненіе такой власти можетъ представляться необходимымъ, и въ чемъ дѣйствительно потерпѣли бы ущербъ интересы Эстляндскихъ помѣстныхъ собственниковъ съ отмѣною п. 2 ст. 883 Ч. III Свода Мѣст. Узакон.

Выше мы видѣли, что законъ (ст. 40 Волост. Полож.) предписываетъ волостной полиціи простирать свою дѣятельность въ предѣлахъ мызной земли въ случаѣ опасности и общественныхъ бѣдствій, но кромѣ того ст. 36 Вол. Пол. преду-

смотрѣны случаи, когда волостной старшина вступаетъ въ права вотчинной полиціи, а именно въ случаѣ устраненія помѣщика отъ завѣдыванія вотчинной полиціей, а также когда помѣщикъ сложилъ съ себя завѣдываніе вотчинной полиціей, не передавая сего завѣдыванія другому лицу установленнымъ порядкомъ.

Въ дѣлахъ Губернскаго Правленія за послѣдніе два года имѣются свѣдѣнія о пяти подобныхъ случаяхъ: въ имѣніяхъ Вимсъ и Кирна Остъ-Гарріенскаго участка, по донесенію Гакенрихтера, вотчинной полиціей завѣдуютъ волостные старшины; въ имѣніи Германсбергъ, Вайварскаго Гакенрихтерскаго участка за смертью владѣльца, барона Арпсгофена, завѣдываніе вотчинною полиціею передано волостному старшинѣ. Кромѣ того въ 1886 году Губернское Правленіе, получивъ свѣдѣнія, что въ двухъ имѣніяхъ, Ладигферъ, Ландвирляндскаго Гакенрихтерскаго участка и Ракке-мойзъ, Остъ-Ервенскаго—завѣдуютъ вотчинною полиціею владѣльцы, иностранные подданные, предписало передать завѣдываніе вотчинною полиціею волостному старшинѣ, что и исполнено [1]).

---

[1]) Вотчинное право помѣстныхъ владѣльцевъ есть пережитокъ средневѣковаго рыцарскаго права, извѣстнаго подъ именемъ „Grundherrlichkeit" или „Grundherrschaft", когда съ помѣстнымъ владѣніемъ соединялось не одно лишь право собственности на землю (proprietas), но и право господства (dominium potestas) надъ обитателями рыцарскаго имѣнія, независимо отъ различія имущественныхъ и личныхъ правъ сихъ послѣднихъ. Источникъ этого права коренится въ отношеніяхъ побѣдителей, германскаго племени, къ побѣжденнымъ туземцамъ- эстамъ. Захвативъ въ свою собственность лучшую часть завоеванной территоріи эстовъ, они предоставляли пользованіе остальными землями туземцамъ, лишивъ ихъ всякой политической и гражданской самостоятельности и обративъ въ рабство. Безконтрольное властвованіе Ливонскихъ рыцарей, превратившихся въ землевладѣлцевъ, надъ туземнымъ населеніемъ продолжалось и послѣ отмѣны крѣпосного права въ началѣ XIX в., когда, судя по постановленіямъ о вотчинной полиціи въ положеніи о крестьянахъ, вотчинная власть дворянства проникла во всѣ подробности хозяйственнаго и общественнаго быта крестьянъ. Лишь съ введеніемъ 19 Февраля 1866 г. волостного общественнаго управленія „на самостоятельныхъ и независимыхъ отъ помѣщичьяго вліянія основаніяхъ" въ значительной степени была ограничена вотчинно-полицейская власть дворянства. Какъ пережитокъ глубокой старины, совершенно не соотвѣтствующій болѣе современнымъ экономическимъ, гражданскимъ и соціальнымъ условіямъ, эта власть видимо исчезаетъ сама собою безъ законодательной отмѣны.

Прим. ред.

№ 56. Письмо къ Директору Департамента Полиціи отъ 9 Августа 1888 г. за № 208 относительно предоставленія мѣстнымъ уроженцамъ и бывшимъ гакенрихтерамъ мѣстъ по полицейской службѣ.

Милостивый Государь, Петръ Николаевичъ.

Вслѣдствіе письма отъ 5 сего Августа за № 4790, имѣю честь препроводить при семъ копію циркулярнаго моего обращенія къ гакенрихтерамъ за № 1717, изъ котораго Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, что еще 3 Мая я предложилъ гг. гакенрихтерамъ заявить свое желаніе о полученіи должности въ реорганизованной Полиціи. Изъ 12 гакенрихтеровъ 5 вовсе не отвѣтили на это обращеніе; 3 отказались, а 4 заявили желаніе получить при преобразованіи полиціи тѣ же должности, которыя они нынѣ занимаютъ. Это желаніе ихъ и принято мною во вниманіе, какъ Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ списка Младшихъ Помощниковъ Начальниковъ Уѣзда, который вмѣстѣ съ симъ мною представляется на благоусмотрѣніе Г. Министра.

Какъ Вашему Превосходительству извѣстно, я весьма плохого мнѣнія о служебныхъ качествахъ нынѣшняго состава гакенрихтеровъ. Почти всѣ они люди незрѣлые, малообразованные, совсѣмъ не подготовленные къ своимъ обязанностямъ, которыми они интересуются неизмѣримо менѣе, чѣмъ заботами о веденіи хозяйства въ своихъ имѣніяхъ, въ которыхъ и проживаютъ. Эти общія отрицательныя ихъ служебныя качества во многихъ изъ нихъ, если не въ большинствѣ, усугубляются прирожденнымъ самомнѣніемъ, наглостью и грубостью въ отношеніяхъ съ остальными людьми, не принадлежащими къ составу матрикулованнаго дворянства. Подобнымъ господамъ, по моему крайнему убѣжденію, вынесенному изъ трехлѣтняго тяжкаго подвига совмѣстнаго съ ними служенія, нельзя давать въ руки обширной власти. Ихъ не только нельзя ставить руководителями другихъ должностныхъ лицъ, а напротивъ того, надо за ними слѣдить весьма внимательно и ими руководить и при томъ желѣзною рукою. При такихъ только условіяхъ можно надѣяться выработать изъ этого элемента въ будущемъ соотвѣтствующихъ ви-

дамъ Правительства и требованіямъ Закона Полицейскихъ Чиновъ [1]).

Исполняя распоряженіе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, изложенное въ совершенно конфиденціальномъ письмѣ его отъ 12 Іюля сего года за № 1828, я предположилъ замѣстить всѣ должности Младшихъ Помощниковъ (за исключеніемъ одной) бывшими гакенрихтерами и другими лицами изъ мѣстныхъ уроженцевъ и помѣщиковъ. Но, въ виду высказаннаго мною выше откровеннаго мнѣнія о сихъ лицахъ, я не могу взять на себя отвѣтственности за ихъ служебныя качества, за исключеніемъ одного только Пристава города Ревеля Тимофѣева, предназначеннаго мною въ участокъ Везенбергскаго уѣзда, въ которомъ находится дорогая для православныхъ Святыня въ Пюхтицѣ. Назначеніе на это мѣсто лютеранина возмутило бы нравственное и религіозное чувство всего православнаго налеленія, въ особенности въ виду тѣхъ оскорбленій, которыя эта чтимая православная Святыня вынесла еще такъ недавно со стороны мѣстныхъ лютеранскихъ властей и помѣщиковъ. Такимъ образомъ, какъ Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ изложеннаго выше, я исполнилъ требованіе Г. Министра и, въ виду соображеній „высшей политики", предоставилъ мѣстнымъ уроженцамъ и бывшимъ гакенрихтерамъ 12 вакансій изъ 13 должностей Младшихъ Помощниковъ Уѣздныхъ Начальниковъ.

Что-же касается Начальниковъ Уѣздовъ, то, въ виду моего

---

[1]) Опасенія князя относительно дѣятельности лицъ изъ мѣстныхъ дворянъ въ новой для нихъ роли чиновъ правительственной полиціи оправдались. Произведенная имъ спустя 10 мѣсяцевъ послѣ введенія полицейской реформы ревизія показала, что „въ дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно проглядывало поползновеніе ввести въ новыя должности порядки и духъ дореформенной дворянской полиціи. Въ отдѣльныхъ случаяхъ подобныя стремленія проводились столь упорно и послѣдовательно, что я счелъ себя вынужденнымъ, говоритъ князь, для огражденія авторитета правительственной власти одного изъ такихъ ревнителей рыцарской старины перемѣстить на низшую должность, а нѣсколькимъ другимъ посовѣтовалъ вовсе оставить службу... Не слѣдуетъ отнюдь поддаваться соблазну—замѣщать новыя должности представителями прибалтійскихъ дворянскихъ корпорацій, по тѣмъ соображеніямъ, что имъ де хорошо знакомы мѣстныя нужды и условія, или что, будучи впредь назначаемы отъ правительства, они будутъ якобы безвредны. Самое важное—это то направленіе, въ которомъ сразу пойдутъ новыя учрежденія, важенъ тотъ духъ, который въ нихъ будетъ заложенъ изначала" (изъ обозрѣнія губерніи за 1888 г.). *Прим. ред.*

недовѣрія къ вынужденно назначаемымъ мною Младшимъ Помощникамъ, я долженъ былъ, при избраніи кандидатовъ на эти должности, съ одной стороны обратить главное вниманіе на то, чтобы они были лицами воплнѣ надежными и во-вторыхъ чтобы они были знакомы хорошо съ мѣстными условіями, принадлежа, по возможности, къ мѣстнымъ дворянамъ. Изъ числа послѣднихъ мой выборъ остановился на Баронѣ Врангелѣ и Графѣ Ребиндерѣ. Такъ какъ они, какъ мѣстные матрикулованные дворяне, не возбуждаютъ возраженій со стороны Вашего Превосходительства, то я перейду къ остальнымъ двумъ, русское происхожденіе которыхъ подало въ данномъ случаѣ поводъ къ сомнѣніямъ на ихъ счетъ. Чиновникъ Особыхъ при мнѣ Порученій Веригинъ, кандидатъ С.-Петербургскаго Университета и помѣщикъ Псковской губерніи. Онъ занималъ должность Предсѣдателя Земской Управы, Мирового Судьи и Предсѣдателя Съѣзда Мировыхъ Судей. Разочаровавшись службой по земскимъ учрежденіямъ, онъ черезъ Генералъ-Лейтенанта Лошкарева (Членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ) обратился ко мнѣ два года тому назадъ съ просьбой принять его на службу во ввѣренную мнѣ губернію. Назначивъ его Чиновникомъ Особыхъ Порученій, я командировалъ его въ распоряженіе Ревельскаго Полиціймейстера на правахъ его Помощника, для изученія Полицейской службы и эстонскаго языка. Обладая независимыми денежными средствами, онъ исполнялъ все время свои служебныя обязанности безвозмездно. Эстонскій языкъ изучалъ и представляется мнѣ, по своимъ способностямъ, харахтеру и нравственнымъ качествамъ самымъ лучшимъ кандидатомъ, котораго только можно желать для занятія должности Начальника Уѣзда. Подполковникъ Энденко, въ продолженіи 14 лѣтъ занимаетъ должность Воинскаго Начальника въ Вейсенштейнскомъ уѣздѣ и 2-й годъ предсѣдательствуетъ въ Мѣстномъ Уѣздномъ Воинскомъ Присутствіи. Онъ хорошо знаетъ мѣстныя условія и снискалъ себѣ уваженіе и довѣріе мѣстнаго населенія, не исключая и дворянъ. Онъ мнѣ былъ особенно рекомендованъ Начальникомъ Штаба войскъ гвардіи С.-Петербургскаго Военнаго Округа Генералъ-Лейтенантомъ Бобриковымъ.

На должности Старшихъ Помощниковъ я избралъ лицъ, основательно знающихъ законы и канцелярское дѣлопроиз-

водство. При этомъ, въ своемъ стремленіи обезпечить правильное и законное дѣлопроизводство въ новыхъ Полицейскихъ Управленіяхъ, я рѣшился выдѣлить лучшія въ этомъ отношеніи силы изъ центральныхъ Губернскихъ учрежденій, каковыми несомнѣнно являются Старшіе Дѣлопроизводители Губернскаго Присутствія Грѣшищевъ и фонъ-Раммъ и Помощникъ Правителя моей Канцеляріи Шпановъ. Что-же касается Луи, то онъ извѣстенъ мнѣ, какъ дѣльный Нотаріусъ Приходскаго Суда и Гакенрихтеръ и на предназначаемую должность былъ рекомендованъ мнѣ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства.

Изложенными предположеніями я старался выполнить требованіе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить себѣ возможность контроля и надзора за тѣми изъ чиновъ новой Полиціи, которые хотя и получатъ назначеніе, но еще должны заслужить налагаемое на нихъ этимъ назначеніемъ мое довѣріе. Какъ Вы изволите усмотрѣть, предположенныя мною назначенія, комбинированы мною вполнѣ безпристрастно: два русскихъ Начальника уѣзда получаютъ Старшими Помощниками двухъ нѣмцевъ, и на оборотъ—два нѣмца—двухъ русскихъ.

Если изложенныя мною соображенія не будутъ признаны достаточно уважительными, то, не имѣя возможности представить новыхъ, я буду имѣть честь покорнѣйше просить сдѣлать назначенія, какія будетъ угодно Министерству. Объ одномъ только усерднѣйше прошу Ваше Превосходительство не откажите, въ виду краткости времени, остающагося до 1-го Сентября и обилія подготовительной къ осуществленію реформы работы, ускорить отвѣтомъ на мои представленія, относящіяся до предположенія назначеній.

Примите увѣреніе и проч.

№ 57. Отрывокъ изъ записокъ Князя С. В. Шаховского къ характеристикѣ дѣйствій новыхъ судовъ (1890 г.).

... Всѣ опасенія и предубѣжденія противъ новыхъ судебныхъ учрежденій быстро исчезли послѣ первыхъ же шаговъ ихъ дѣятельности. Да иначе и быть не могло: личный составъ прибывшаго въ край новаго судебнаго персонала оказался

выше похвалъ. Та добросовѣстность и та энергія, съ которыми новоназначенные судебные чины принялись за дѣло при чуждой имъ обстановкѣ и новыхъ условіяхъ жизни, казались изумительными и не могли не вызвать къ нимъ всеобщаго сочувствія и уваженія.

Къ тому же нѣмецкая часть населенія получила вскорѣ возможность убѣдиться, что судебная реформа не только не измѣнила мѣстнаго гражданскаго строя и поземельныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, но, напротивъ того, сообщила бо̀льшую устойчивость этому строю, въ свое время созданному при участіи правительства въ интересахъ и выгодахъ преимущественно дворянскаго сословія. Сочувствіе и довѣріе дворянства къ новымъ судамъ росло все болѣе и болѣе и нынѣ можетъ считаться окончательно окрѣпшимъ.

Между тѣмъ въ средѣ крестьянъ нынѣ становится замѣтнымъ явленіе, на первый взглядъ поражающее своей неожиданностью и похожее на разочарованіе. Но если вглядѣться ближе въ это явленіе, то объясненіе его можно найти отчасти въ преувеличенныхъ надеждахъ, которыя крестьяне возлагали на новые суды, совершенно ошибочно предполагая, что они измѣнятъ, или хотя бы облегчатъ тяжелыя экономическія условія ихъ быта, отчасти въ строгомъ формализмѣ нашего гражданскаго процесса и его дороговизнѣ.

До моего свѣдѣнія дошли слѣдующія сѣтованія крестьянъ на тяжелые для нихъ порядки, установившіеся со времени введенія новыхъ судовъ.

Вызываемый окружнымъ судомъ изъ глуши своей деревни въ губернскій городъ, въ качествѣ отвѣтчика, крестьянинъ является въ засѣданіе суда, чтобы играть тамъ роль безмолвнаго зрителя. Незнаніе русскаго языка лишаетъ его возможности лично объяснить на судѣ все, что онъ считалъ бы нужнымъ для защиты своего дѣла; воспользоваться услугами переводчика онъ не можетъ, такъ какъ въ гражданскомъ отдѣленіи суда объясненія сторонъ черезъ переводчика закономъ не допущены, нанять же адвоката онъ не имѣетъ средствъ. При такихъ обстоятельствахъ въ крестьянинѣ невольно зарождается недовѣріе къ суду, рѣшающаго его дѣло безъ соображенія съ тѣми данными, которыя онъ одинъ могъ бы сообщить, и это тяжелое чувство усугубляется сожалѣніемъ о потраченномъ времени и средствахъ на даль-

нюю поѣздку и проживаніе въ губернскомъ городѣ по вызову суда, который счелъ однако возможнымъ разрѣшить его дѣло безъ его личнаго въ немъ участія.

Еще болѣе тяжелое чувство испытывали тѣ крестьяне, которымъ судебный приставъ предъявлялъ требованіе о немедленномъ выселеніи изъ арендуемыхъ ими участковъ по рѣшенію Мирового Судьи, не вошедшему еще въ законную силу, но обращенному Судьей къ предварительному исполненію. Подобные случаи подавали крестьянамъ поводъ даже подозрѣвать нѣкоторыхъ членовъ судебно-мировыхъ учрежденій въ пристрастіи къ помѣщикамъ и тѣмъ болѣе, когда такія рѣшенія были отмѣняемы Съѣздомъ Мировыхъ Судей. Само собою разумѣется, что подозрѣнія эти лишены были всякаго основанія, и Мировые Судьи, постановлявшіе подобныя рѣшенія, считали себя вполнѣ огражденными буквою закона. На той же почвѣ буквы закона стояли и Судебные Пристава при выселеніи крестьянъ изъ арендуемыхъ ими участковъ. Они являлись лишь точными исполнителями рѣшеній, не считая себя по закону въ правѣ принимать какое либо участіе въ положеніи семействъ, подвергаемыхъ ими принудительному выселенію.

Судьба же этихъ семействъ въ большинствѣ случаевъ по истинѣ печальна. Принимая во вниманіе малую степень обезпеченности крестьянскаго землевладѣнія въ Эстляндской губерніи и ту легкость, съ которой помѣщикъ всегда имѣетъ возможность, опираясь на букву закона, подвергнуть крестьянъ принудительному по суду выселенію, нельзя не признать, что такъ легко и при томъ въ значительныхъ размѣрахъ практикуемое каждогодно въ губерніи принудительное выселеніе является для населенія истиннымъ бичемъ. Живя постоянно подъ угрозой этой кары, крестьяне не имѣютъ основанія улучшать своего хозяйства, которое завтра можетъ перейти въ чужія руки. Не извлекая поэтому изъ аренды всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя она могла бы принести при спокойномъ обезпеченномъ пользованіи земельнымъ участкомъ, крестьяне (въ особенности бобыли) при выселеніи, сопровождаемомъ обыкновенно описью и продажею ихъ имущества на уплату судебныхъ издержекъ, не рѣдко остаются не только безъ крова, но и въ буквальномъ смыслѣ безъ куска хлѣба.

Въ 1886 году я представлялъ о необходимости пересмотра въ законодательномъ порядкѣ нѣкоторыхъ статей мѣстнаго крестьянскаго положенія, не соотвѣтствующихъ современнымъ условіямъ жизни и препятствующихъ болѣе прочному устройству быта здѣшнихъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я счелъ тогда же себя вынужденнымъ принять въ административномъ порядкѣ мѣры къ измѣненію существовавшаго ранѣе порядка выселенія, при которомъ въ буквальномъ смыслѣ слова погибали цѣлыя семейства. Чинамъ уѣздной полиціи было предписано не приступать къ выселенію крестьянъ изъ ихъ участковъ и домовъ ранѣе, чѣмъ помѣщикъ не отведетъ для выселяемыхъ временнаго помѣщенія, гдѣ бы они могли пріютить свои семейства впредь до пріисканія заработка. Это распоряженіе не только облегчило судьбу выселяемыхъ, но и повліяло, отчасти, на уменьшеніе случаевъ выселенія. Нынѣ, со введенія судебной реформы, обязанности по исполненію судебныхъ приговоровъ, ранѣе лежавшія на чинахъ полиціи, перешли къ судебнымъ приставамъ, и старый порядокъ возстановился. Не мало прошеній получилъ я за послѣднее время отъ выселенныхъ крестьянъ, сообщавшихъ мнѣ, что ихъ жены и малолѣтнія дѣти скитаются безъ крова въ лѣсу, нуждаясь въ насущномъ пропитаніи и укрываясь отъ непогоды въ картофельныхъ ямахъ. Они умоляли о помощи, но я помочь имъ ничѣмъ не могъ. Сравнивая эти порядки, воскресившіе уже забытую было старину, съ предшествовавшими имъ, крестьяне не могли не отдавать предпочтенія послѣднимъ.

Если при выселеніи (въ періодъ, предшествовавшій) ранѣе судебной реформы крестьяне терпѣли большія бѣдствія, то теперь выселеніе раззоряетъ ихъ въ конецъ, такъ какъ оно сопряжено съ описью и продажей движимаго ихъ имущества на возмѣщеніе судебныхъ издержекъ и на удовлетвореніе судебныхъ приставовъ, какъ за ихъ служебныя поѣздки, такъ и за труды по описи и продажѣ имущества. Для примѣра приведу слѣдующій извѣстный мнѣ случай.

Владѣлецъ имѣнія Иллукъ, въ которомъ расположена св. Богородицкая гора, извѣстный своей нетерпимостью къ православной церкви, возбудилъ еще въ старыхъ судахъ дѣло о выселеніи двухъ бобылей: считавшихся всегда примѣрными крестьянами и хорошими работниками, Пука и Сибрикаса,

вслѣдъ за переходомъ ихъ въ православіе, что подало всему окрестному населенію поводъ предполагать, что въ этомъ именно и состояла вина упомянутыхъ крестьянъ, навлекшая на нихъ столь тяжкое наказаніе. По этому дѣлу, оконченному производствомъ еще въ старыхъ судахъ, Ревельскимъ Окружнымъ Судомъ былъ выданъ исполнительный листъ о выселеніи Пука и Сибрикаса со взысканіемъ съ нихъ судебныхъ издержекъ, съ перваго 10 р. 15 к., со второго—11 р. Черезъ день послѣ того, какъ выданъ былъ исполнительный листъ, Судебный Приставъ былъ уже на мѣстѣ, выселилъ упомянутыхъ бобылей и приступилъ къ описи ихъ имущества для продажи его съ публичнаго торга, такъ какъ у нихъ не оказалось на лицо требуемой на покрытіе судебныхъ издержекъ суммы. Мѣстный священникъ и Коммисаръ по крестьянскимъ дѣламъ, снисходя къ безвыходному положенію безвинно пострадавшихъ новыхъ чадъ православной церкви, снабдили ихъ требуемой по исполнительному листу суммой, которую крестьяне и отвезли Судебному Приставу, имѣющему постоянное мѣстопребываніе въ гор. Везенбергѣ. Но несмотря на это, черезъ недѣлю снова явился въ имѣніе Иллукъ Приставъ и приступилъ къ продажѣ описаннаго ранѣе имущества для взысканія прогонныхъ денегъ по двумъ своимъ поѣздкамъ и за труды по описи и продажѣ имущества. Все имущество Пука и Сибрикаса было продано—лошадь, корова, предметы хозяйства и пр. Осталась непроданной одна только негодная телѣга. Крестьяне эти и ихъ семейства сдѣлались въ буквальномъ смыслѣ слова нищими. Я ихъ видѣлъ собственными глазами при посѣщеніи въ послѣдній разъ святой Богородицкой горы (Пюхтицы) и могу удостовѣрить, какъ ихъ критическое, безвыходное положеніе, такъ и господствующее въ населеніи той мѣстности мнѣніе, что Пукъ и Сибрикасъ пострадали не только невинно, но и жестоко за переходъ въ православіе. Это мнѣніе настолько, повидимому, укрѣпилось въ тамошнемъ населеніи, что двое крестьянъ-лютеранъ, Кунингасъ (Королевъ) и Соловьевъ, изъявившіе передъ тѣмъ желаніе принять православіе и непремѣнно въ присутствіи Губернатора, отказались отъ этого намѣренія изъ боязни подвергнуться участи Пука и Сибрикаса.

Какъ это событіе, такъ и ему подобныя, несомнѣнно печальны, но возлагать за нихъ вину на новые суды и на ихъ

исполнительные органы было бы несправедливо. И Судъ и Судебные Пристава съ точки зрѣнія буквы закона вполнѣ правы и иначе поступить не могли. Судъ несомнѣнно политикой ни въ какомъ случаѣ заниматься не можетъ и не долженъ. Онъ обязанъ объективно относиться къ обстоятельствамъ, подлежащимъ его сужденію, и въ рѣшеніяхъ своихъ основываться на буквѣ закона. Не вина суда, что ему приходится примѣнять здѣсь такую букву закона, которая установлена для преимущественнаго огражденія интересовъ помѣщика, и поэтому въ глазахъ крестьянъ поневолѣ является какъ бы орудіемъ помѣщичьей политики. Сами судьи въ частныхъ бесѣдахъ со мной сознаютъ все неудобство и трудность своего положенія, какъ органовъ Правительства, вынужденныхъ иногда, въ виду мѣстныхъ законовъ, идти въ разрѣзъ съ политическими задачами Правительства въ здѣшнемъ краѣ.

Такое нежелательное въ интересахъ Правительства положеніе вещей могло бы быть измѣнено не иначе, какъ путемъ пересмотра статей мѣстнаго Крестьянскаго Положенія и принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ для болѣе прочнаго, чѣмъ теперь, обезпеченія быта здѣшнихъ крестьянъ. Независимо отъ этого представлялось бы не менѣе желательнымъ, чтобы суды не прибѣгали безъ крайней надобности, къ обращенію рѣшеній своихъ о выселеніи крестьянъ къ предварительному исполненію, а также, чтобы при исполненіи рѣшеній о выселеніи выселяемымъ былъ предоставляемъ болѣе долгій срокъ для очистки занимаемыхъ ими домовъ и участковъ, дабы дать имъ возможность озаботиться пріисканіемъ новыхъ заработковъ и новаго помѣщенія для своихъ семействъ. Кромѣ сего по мѣстнымъ условіямъ, представлялось бы цѣлесообразнымъ и справедливымъ назначить Судебнымъ Приставамъ опредѣленную сумму на ихъ служебные разъѣзды, подобно тому, какъ это установлено для чиновъ уѣздной полиціи и Судебныхъ Слѣдователей, и отмѣнить взысканіе съ имущества отвѣтчика вознагражденіе за составленіе описи и продажи имущества. По мѣстнымъ условіямъ всѣ эти взысканія падаютъ на имущество выселяемыхъ крестьянъ. Самое выселеніе есть уже раззореніе для крестьянина; а производимая при этомъ продажа его имущества на упомянутое вознагражденіе Судебнаго Пристава равносильно обращенію его въ нищаго.

№ 58. Отношеніе въ Департаментъ Полиціи отъ 29 Сентября 1892 г. за № 593 о дѣятельности мызной полиціи.

Вслѣдствіе отношенія за № 252 имѣю честь сообщить Департаменту, что институтъ мызной полиціи во ввѣреннной мнѣ губерніи не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались при изданіи закона 9 Іюня 1888 года о преобразованіи Полиціи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Лишившись вотчинно-политическихъ правъ, Эстляндскіе помѣщики не проявили ни сочувствія, ни интереса къ предоставленнымъ имъ новымъ закономъ полицейскимъ обязанностямъ.

Начальникъ Ревельскаго уѣзда, Графъ Ребиндеръ, въ рапортѣ за № 126 такъ отзывается о дѣятельности мызной полиціи: „въ общемъ мызная полиція проявляетъ совершенное „бездѣйствіе и являлось бы весьма желательнымъ упраздненіе „таковой, такъ какъ, не принося никакой для общей уѣздной „полиціи пользы, она напротивъ значительно замедляетъ ея „дѣйствія и нерѣдко является для волостной полиціи затрудненіемъ, во-первыхъ тѣмъ, что часто задерживаетъ въ „районѣ своей дѣятельности безписьменныхъ и иныхъ подозрительныхъ лицъ, необходимыхъ волости, несмотря на требованіе послѣдней о выдачѣ таковыхъ, и во-вторыхъ, отказываясь отъ представительства безъ всякихъ иногда причинъ, „дѣлаетъ необходимость возложенія на волостныхъ должностныхъ лицъ завѣдываніе и мызной полиціей, которымъ это „завѣдываніе въ разныхъ пунктахъ, какъ въ обществѣ (волостномъ), такъ и въ имѣніи представляется затруднительнымъ“.

Начальникъ Везенбергскаго уѣзда въ рапортѣ за № 312 сообщаетъ: „въ дѣлахъ по наблюденію за порядкомъ, тишиною и безопасностью мызныя полиціи никакого участія не „принимаютъ, и таковыя всецѣло лежатъ на уѣздной и волостной полиціи. Мызною полиціей никакихъ дѣлъ не возбуждается, и дѣятельность ея почти ни въ чемъ не проявляется“.

По словамъ Начальника Гапсальскаго уѣзда (рапортъ № 484): „свѣдѣній о дѣятельности мызной полиціи по наблюденію порядка, тишины и безопасности въ Гапсальскомъ „уѣздномъ Полицейскомъ Управленіи не имѣется, и не усма-

„тривается ни изъ рапортовъ Младшихъ Помощниковъ, ни „изъ собранныхъ свѣдѣній и справокъ, чтобы таковая дѣя-„тельность въ чемъ либо проявлялась со стороны мызной „полиціи".

Изъ прилагаемыхъ списка и таблицъ—Департаментъ усмотритъ личный составъ мызной полиціи до введенія закона 9 Іюня 1888 г. и по его воспослѣдованіи, а также распредѣленіе его состава по уѣздамъ и полицейскимъ участкамъ за послѣдніе четыре года. Достойно вниманія, что къ 1 Января 1888 года въ Эстляндской губерніи было четыре случая передачи завѣдыванія вотчинной полиціей волостнымъ старшинамъ; вслѣдъ за введеніемъ полицейской реформы, въ 1889 году обязанности по завѣдыванію мызной полиціей сразу переходитъ къ 69 старшинамъ; въ текущемъ же году мы встрѣчаемъ уже 95 волостныхъ должностныхъ лицъ, облеченныхъ этими обязанностями. Если это печальное явленіе будетъ продолжаться съ замѣчаемой послѣдовательностью, то вѣроятно въ недалекомъ будущемъ придется констатировать фактически послѣдовавшее упраздненіе мызной полиціи и переходъ ея обязанностей на волостныхъ должностныхъ лицъ, или на прислугу помѣщика. Уже и теперь изъ 527 владѣльцевъ имѣній въ Эстляндской губерніи только 155 помѣщиковъ, или около 29%, номинально числятся завѣдующими мызной полиціей, а около 70% падаетъ на долю ихъ замѣстителей, составъ которыхъ, не считая волостныхъ старшинъ весьма разнохарактерный и, повидимому, случайный.

IV.

ДОКУМЕНТЫ,

относящіеся до городского общественнаго управленія.

№ 59. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 10 Августа 1887 г. за № 6403 объ учрежденіи въ гор. Ревелѣ профессіональнаго училища для дочерей нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Въ засѣданіи 10 Іюня с. г. Ревельская Городская Дума постановила перестроить городскую казарму на Широкой улицѣ для помѣщенія въ этомъ зданіи на будущее время городского дѣвичьяго училища (Töchter-Schule). Для осуществленія сего былъ исчисленъ расходъ въ 14000 руб., на покрытіе котораго Думой опредѣлено было сдѣлать позаимствованіе въ размѣрѣ 8000 рублей изъ капитала, назначеннаго на устройство училища для дочерей нижнихъ воинскихъ чиновъ.

По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что 14 Августа 1851 года жителями города Ревеля былъ собранъ капиталъ, которому жертвователями было дано въ память 25-лѣтняго царствованія Императора Николая I упомянутое выше назначеніе. Объ этомъ пожертвованіи быв. Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Курляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ было своевременно доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, и Государь Императоръ соизволилъ изъявить согласіе на таковое назначеніе сего пожертвованія и объявилъ жертвователямъ Высочайшую Свою благодарность.

Между тѣмъ Магистратъ, въ распоряженіе котораго это пожертвованіе поступило, хранилъ эти деньги, не дѣлая изъ нихъ того употребленія, для котораго онѣ были предназначены. 2 Мая с. г. этотъ капиталъ, достигшій 8776 р. 56 к., вслѣдствіе предложенія Вашего Сіятельства отъ 21 Марта с. г. за № 2358, былъ въ числѣ другихъ капиталовъ и имуществъ переданъ Магистратомъ Ревельской Городской Думѣ.

Усмотрѣвъ, что упомянутымъ постановленіемъ 10 Іюня Дума предположила дать сему капиталу иное назначеніе, такъ какъ, рѣшивъ позаимствовать почти всю наличность фонда, она не установила ни срока, ни порядка возвращенія сего займа, а также не указала источника, изъ котораго этотъ заемъ могъ бы быть покрытъ; кромѣ сего, принимая во вниманіе, что Городское Общественное Управленіе не имѣло права измѣнить по своему усмотрѣнію волю жертвователей и при томъ удостоившуюся Высочайшей санкціи, 23 Іюня с. г. за № 2721, я предложилъ Ревельскому Городскому Головѣ пріостановить приведеніе сего постановленія въ исполненіе.

Вслѣдствіе сего 2 Іюня сего года за № 1049 Ревельскій Городской Голова обратился ко мнѣ съ просьбой исходатайствовать у Вашего Сіятельства разрѣшеніе на осуществленіе упомянутаго позаимствованія для предположенной Думой цѣли.

Представляя это ходатайство на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства, имѣю честь доложить, что я полагалъ бы оставить его безъ удовлетворенія по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Безсрочный заемъ изъ капитала въ 8776 руб. 56 коп.— 8000 рублей равносиленъ совершенному упраздненію сего капитала и употребленію его на другое назначеніе, вопреки волѣ жертвователей.

2. Такое измѣненіе воли жертвователей не только не вызывается необходимостью, но напротивъ того, наноситъ явный ущербъ той дѣйствительной потребности, которая могла бы быть нынѣ же удовлетворена немедленнымъ употребленіемъ сего капитала, согласно его назначенію.

3. Отставные нижніе чины, занимающіе различныя должности прислуги и нежелающіе отдавать своихъ дочерей въ нѣмецкія учебныя заведенія, вынуждены, за отсутствіемъ въ Ревелѣ иныхъ русскихъ женскихъ учебныхъ заведеній, помѣщать ихъ въ русскую женскую гимназію. Весь происходящій отъ сего вредъ, какъ для семейства подобной гимназистки, такъ и для самой гимназистки—очевиденъ. Дочь какого либо повара, дворника или кучера, поступивъ въ женскую гимназію, считаетъ себя выше среды своихъ родителей и мнитъ себя призванной для осуществленія какой-то высшей цѣли. По выходѣ изъ гимназіи, она уже считаетъ унизительнымъ для себя занять должность прислуги, или какой-либо

мастерицы, а стремится къ приложенію почерпнутыхъ ею знаній въ иной сферѣ, не имѣющей ничего общаго съ ея семьей и той обстановкой, въ которой она родилась и воспитывалась. Благодаря такимъ ненормальнымъ условіямъ, порывается связь между родителями и дѣтьми и послѣднія, гнушаясь своихъ родственниковъ, лишаются тѣмъ той нравственной въ жизни поддержки, которая служитъ источникомъ всякой честной и полезной дѣятельности. Съ другой стороны, эти несчастныя дѣвушки лишены возможности примкнуть къ той высшей сферѣ, членами которой онѣ себя ошибочно считаютъ по образованію. Такимъ образомъ эти ненормальныя условія зачастую приводятъ попавшихъ въ нихъ дѣвушекъ къ разочарованію въ жизни и инымъ пагубнымъ послѣдствіямъ, содѣйствуя разрушенію нравственнаго семейнаго начала.

Указанныя ненормальныя общественныя явленія могли бы быть въ значительной степени уменьшены, если бы возможно было прекратить или измѣнить дѣйствіе тѣхъ условій и причинъ, которыя ихъ вызываютъ. Несомнѣнно весьма много могло бы сему содѣйствовать учрежденіе въ г. Ревелѣ профессіональнаго женскаго училища, гдѣ бы дѣвушки могли, на ряду съ достаточнымъ по ихъ происхожденію и условіямъ ихъ семейнаго быта образованіемъ, основательно изучить различныя ремесла. По выходѣ изъ такихъ училищъ, дѣвушки оставались бы въ своемъ родномъ кругу и пріобрѣтенныя знанія дозволяли бы имъ, какъ служить поддержкой своей семьѣ, такъ и прокармливать себя честнымъ трудомъ, спросъ на который всегда и вездѣ существуетъ.

Упомянутый выше капиталъ въ 8776 р. 56 к. могъ бы вполнѣ, соотвѣтствуя волѣ жертвователей, быть употребленъ для устройства нынѣ же въ г. Ревелѣ подобнаго профессіональнаго училища для дочерей нижнихъ воинскихъ чиновъ.

4. Предположенное же Ревельской Городской Думой употребленіе сего капитала на увеличеніе помѣщенія для Töchter-Schule, несомнѣнно препятствовало бы достиженію упомянутой цѣли, такъ какъ содѣйствовало бы расширенію такого чисто нѣмецкаго училища, дѣятельности и направленію котораго не только нижніе воинскіе чины, но и другіе не нѣмецкіе члены, даже средняго класса городского населенія, не сочувствуютъ и предпочитаютъ отдавать своихъ дочерей въ русскую женскую гимназію.

Въ виду изложенныхъ соображенiй, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сiятельство не только объ отклоненiи настоящаго ходатайства Ревельскаго Городского Головы, но и о предложенiи Ревельской Городской Думѣ немедленно приступить къ выполненiю воли жертвователей употребленiемъ упомянутаго капитала на устройство профессiональнаго женскаго училища съ обязательнымъ русскимъ преподавательскимъ языкомъ, причемъ выработанная Думой программа преподаванiя въ семъ училищѣ, предварительно своего осуществленiя, должна подлежать утвержденiю въ установленномъ порядкѣ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенiя.

№ 60. Представленiе Министру Вн. Дѣлъ отъ 12 Января 1888 г. за № 18 о незаконной передачѣ принадлежащихъ городу Ревелю домовъ въ собственность евангелическо-лютеранскимъ церквамъ.

Эстляндскимъ Губернскимъ Прокуроромъ обнаружено, что Ревельскiй Магистратъ при помощи служебнаго подлога передалъ въ 1878 г. собственною властью и безъ вѣдома не только Правительства, но и Ревельскаго Городского Общественнаго Управленiя 11 домовъ, принадлежащихъ, какъ это усматривается изъ записей въ ипотечныхъ книгахъ города Ревеля, въ собственность 4-мъ евангелическо-лютеранскимъ церквамъ. Усматривая, что давность сего учиненнаго Магистратомъ преступленiя истекла 24 Августа 1884 г., Губернскiй Прокуроръ находитъ, что нынѣ уголовное преслѣдованiе не можетъ быть противъ виновныхъ возбуждено. Но, принимая при этомъ во вниманiе, что сими преступными дѣйствiями Магистрата нанесенъ значительный имущественный ущербъ городскому состоянiю, Надворный Совѣтникъ Деппъ обстоятельства этого дѣла передалъ на зависящее мое распоряженiе.

Затрудняясь въ дальнѣйшемъ направленiи этого дѣла, имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣнiе Вашего Сiятельства копiи отношенiя Эстляндскаго Губернскаго Прокурора отъ 9 Января с. г. за № 65 и двухъ къ нему приложенiй и ходатайствовать о снабженiи меня надлежащими по сему дѣлу указанiями.

При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что это дѣло по существу имѣетъ тѣсную связь съ получившимъ столь широкую извѣстность дѣломъ о незаконномъ выдѣлѣ Магистратомъ въ 1877 г. изъ состава городского имущества, въ пользу городскихъ лютеранскихъ церквей, имѣній Іоганнисгофъ и Каутель и капитала въ 48000 руб. Послѣднее было обнаружено въ 1878 г. Хозяйственнымъ Департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, между тѣмъ какъ незаконныя дѣйствія Магистрата, о коихъ нынѣ идетъ рѣчь, содержались въ такомъ секретѣ, что оставались неизвѣстными до послѣдняго времени, когда Эстляндскому Губернскому Прокурору удалось, и то совершенно случайно, ихъ обнаружить.

Одинаковый характеръ обоихъ этихъ дѣлъ, т. е. обогащеніе лютеранскихъ церквей чужимъ, непринадлежащимъ имъ имуществомъ, совершенное при томъ при помощи ряда незаконныхъ дѣйствій и подлоговъ со стороны цѣлыхъ учрежденій, приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что судьба нынѣ обнаруженнаго дѣла, въ случаѣ направленія его тѣмъ же порядкомъ, какимъ было направлено первое, будетъ такая же, какъ и перваго.

Дѣло о городскихъ имѣніяхъ Іоганнисгофѣ и Каутелѣ обнаружили, что лютеране Прибалтійскаго края ставятъ матеріальные интересы своей церкви выше интересовъ нравственныхъ и что такой примѣръ подается имъ самою же мѣстною лютеранскою церковью. Съ такимъ принципомъ невозможно Правительству бороться тѣми установленными закономъ средствами, которыя въ своемъ основаніи имѣютъ принципъ діаметрально противоположный. Дѣйствительно, въ установленномъ порядкѣ я долженъ былъ бы предложить Думѣ войти въ разсмотрѣніе этого вопроса и предъявить къ Ревельскимъ лютеранскимъ церквамъ (или къ Магистрату) искъ за незаконное владѣніе (или незаконную передачу) городскимъ имуществомъ. Но $^{23}/_{24}$ общаго состава гласныхъ Ревельской Городской Думы принадлежатъ къ лютеранской церкви и въ ихъ числѣ находятся и тѣ члены Магистрата, которые сей подлогъ совершили, причемъ даже бывшій Секретарь Магистрата Бенеке, составившій этотъ подложный актъ отъ 24 Января 1878 г., занимаетъ нынѣ должность Секретаря Думы. При такихъ условіяхъ всѣ старанія Думы будутъ направлены, въ чемъ я не сомнѣваюсь,

къ тому, чтобы выгородить лицъ, учинившихъ подлогъ, заявить полную съ ними солидарность и оставить въ обладанiи лютеранскихъ церквей тайнымъ и подложнымъ образомъ доставшееся имъ имущество. Своимъ постановленiемъ Дума, узаконивъ преступное дѣянiе Магистрата, и, какъ это уже было въ дѣлѣ Iоганнисгофа и Каутеля, сознательно нанесетъ ущербъ ввѣренному ея управленiю городскому достоянiю. ради обогащенiя лютеранскихъ церквей. Я вынужденъ буду черезъ Присутствiе по городскимъ дѣламъ отмѣнить такое постановленiе и это дѣло перейдетъ на разсмотрѣнiе Правительствующаго Сената. Но и это высшее правительственное учрежденiе, какъ усматривается изъ дѣла Iоганнисгофа и Каутеля, не имѣетъ возможности дать этому дѣлу такое направленiе, которое устранило бы отъ участiя въ немъ Думу. Это дѣло неминуемо должно будетъ снова поступить на обсужденiе Думы и послѣдняя еще разъ получитъ возможность высказать въ немъ свое узко-партiйное направленiе, столь мало имѣющее общаго съ законностью и справедливостью.

Я долженъ откровенно сознаться, что крайне сожалѣю о томъ, что возбудилъ дѣло о Iоганнисгофѣ и Каутелѣ. Хотя оно и не можетъ еще считаться окончательно разрѣшеннымъ, но тѣмъ не менѣе, оно очутилось нынѣ, благодаря Указу Правительствующаго Сената отъ 12 Марта 1887 г. за № 3094, въ положенiи несравненно худшемъ, чѣмъ было въ моментъ его возбужденiя мною. Тогда лютеранскiя церкви непосредственно пользовались этимъ имуществомъ, записаннымъ за ними въ ипотечныхъ книгахъ, нынѣ они продолжаютъ имъ пользоваться, но уже черезъ посредство Городского Общественнаго Управленiя, которое, вслѣдствiе сего, получило характеръ учрежденiя конфессiональнаго. Между тѣмъ лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, чтобы произвести давленiе въ нужномъ имъ смыслѣ на общественное мнѣнiе и на высшiя правительственныя учрежденiя, въ коихъ это дѣло разсматривалось, представили его въ совершенно превратномъ видѣ. Въ пространныхъ корреспонденцiяхъ изъ Ревеля, помѣщавшихся въ различныхъ перiодическихъ заграничныхъ изданiяхъ и, главнымъ образомъ, въ Neue Preussische Zeitung, извѣстной болѣе подъ названiемъ Крестовой Газеты, дѣло Iоганнисгофа и Каутеля было выставлено, какъ первый шагъ

къ осуществленію намѣреній Правительства отобрать въ казну все имущество лютеранскихъ церквей въ Прибалтійскомъ краѣ. Цѣль была достигнута: общественное мнѣніе мѣстныхъ нѣмецкихъ группъ было сильно возбуждено; нужное давленіе на Правительствующій Сенатъ произведено. Я счелъ себя вынужденнымъ, для возстановленія истины, напечатать въ № 13 Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1887 г., подробное и документальное изложеніе всего этого дѣла, но эта мѣра намѣченной цѣли не достигла, такъ какъ эта статья не была перепечатана не только въ заграничныхъ, но даже и въ мѣстныхъ газетахъ. Указъ Правительствующаго Сената отъ 12 Марта 1887 г. за № 3094 удовлетворилъ лицъ непосредственно заинтересованныхъ судьбою этого дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ухудшилъ положеніе самого дѣла, какъ я имѣлъ честь подробно доложить Вашему Сіятельству въ представленіи отъ 12 Августа 1887 г. за № 3422.

Въ виду всего изложеннаго, я находилъ бы совершенно безцѣльнымъ возбуждать нынѣ въ установленномъ порядкѣ вопросъ о тайной передачѣ Магистратомъ путемъ подлога 11 городскихъ домовъ лютеранскимъ церквамъ, ибо возстановить въ упомянутомъ порядкѣ въ этомъ преступномъ дѣлѣ правду и законность, помимо участія Думы, нельзя. Если сама лютеранская церковь считаетъ возможнымъ и для себя непостыднымъ пользоваться такимъ путемъ добытою чужою собственностью, то возможно ли ожидать иного, болѣе нравственнаго отношенія къ этому дѣлу отдѣльныхъ членовъ этой церкви и притомъ такихъ, которые сами же содѣйствовали этому преступленію и лично принимали въ подлогѣ участіе. Мнѣ кажется, что при существующемъ мѣстномъ строѣ лучше вовсе не возбуждать этого дѣла въ установленномъ порядкѣ, чтобы не обнаружить безсилія Правительства въ возстановленіи законности и правды. Но, такъ какъ совѣсть и служебный долгъ не могутъ мириться съ мыслью о безсиліи Самодержавнаго Правительства въ борьбѣ съ беззаконіемъ и неправдой, имѣющими притомъ въ данномъ случаѣ значеніе явленія не единоличнаго и частнаго, а общественнаго и принципіальнаго, то, въ виду исключительности этого дѣла, я полагалъ бы необходимымъ и дать ему особое, исключительное направленіе, а именно: исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на возстановленіе истекшаго 24 Ав-

густа 1884 г. срока давности сего преступленія и предложить затѣмъ Эстляндскому Губернскому Прокурору возбудить уголовное преслѣдованіе противъ лицъ, виновныхъ въ учиненіи сего служебнаго подлога.

О послѣдующемъ имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство почтить меня увѣдомленіемъ.

№ 61. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 22 Февраля 1889 г. за № 44 о желательности лишить т. н. литератовъ права голоса на городскихъ выборахъ.

Осенью текущаго года имѣютъ произойти выборы новаго состава гласныхъ въ Ревельскую Городскую Думу. На основаніи § 4 Высочайше утвержденныхъ Правилъ о примѣненіи Городового Положенія къ городамъ Прибалтійскихъ Губерній, въ сихъ городахъ „сверхъ лицъ, поименованныхъ „въ ст. 17 Городового Положенія правомъ голоса въ город„скихъ выборахъ пользуются всѣ, именуемые, по мѣстнымъ „обычаямъ, литератами, если предъ производствомъ выборовъ „лица эти проживали въ городѣ не менѣе двухъ лѣтъ, хотя бы „и съ временными отлучками, и если притомъ, удовлетворяя „условіямъ, указаннымъ въ пп. 1, 2 и 4 означенной 17 статьи, „уплачиваютъ въ пользу города особый сборъ въ размѣрѣ, „опредѣляемомъ для того Городскою Думою“.

Опытъ доказалъ съ ясностью, не подлежащею никакому сомнѣнію, что допущеніе, такъ называемыхъ, литератовъ къ участію въ Городскомъ Общественномъ Управленіи причиняетъ громадный вредъ дѣлу. Эти лица, занимающіяся по преимуществу свободными профессіями—журналисты, репортеры газетъ, адвокаты, врачи, художники, учителя и т. п. - мало и зачастую даже вовсе не интересуются вопросами, относящимися до хозяйства города и нуждъ его обывателей. Избранные въ число гласныхъ Городской Думы при помощи избирательной интриги, въ которой всегда оказывалась столь искусной незначительная нѣмецкая часть населенія г. Ревеля, эти литераты проявляютъ свою дѣятельность почти исключительно въ стремленіи придать Городскому Управленію характеръ учрежденія политическаго. Въ большинствѣ случаевъ, если не всегда, подобное направленіе ихъ дѣятель-

ности увѣнчивается успѣхомъ, такъ какъ, располагая всѣми выдающимися должностями по Городскому Управленію, они получаютъ фактическую возможность держать въ своихъ рукахъ остальныхъ своихъ сотоварищей по общественной службѣ, и оказывать давленіе на большую часть населенія города, не располагающую независимыми средствами и независимымъ положеніемъ.

Не говоря уже о томъ, что фактическая передача власти въ дѣлахъ городского хозяйства и управленія въ руки незначительной горсти людей, интересы которыхъ не связаны съ интересами всего остального городского населенія, представляется явленіемъ крайне ненормальнымъ, я считаю кромѣ того дѣятельность подобныхъ господъ въ качествѣ гласныхъ и должностныхъ лицъ городского управленія безусловно вредной, такъ какъ своимъ образомъ дѣйствій и своимъ направленіемъ они воспитываютъ въ мирныхъ обывателяхъ духъ протеста противъ требованій закона и правительственныхъ распоряженій, поощряя и возбуждая въ нихъ стремленія, противныя государственнымъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ Правительствомъ въ этой окраинѣ.

Губернское начальство принимаетъ съ своей стороны всѣ. разрѣшенныя закономъ мѣры, чтобы парализовать по возможности результаты, столь вредной дѣятельности, этихъ политическихъ агитаторовъ, скрывающихся подъ скромнымъ названіемъ литератовъ. Но я долженъ откровенно сознаться, что не всегда эти мѣры достигаютъ цѣли. Нерѣдко губернское начальство бываетъ поставлено въ невозможность проникнуть своевременно въ замыслы этихъ политическихъ дѣятелей, умѣющихъ весьма искусно скрывать свою агитаціонную дѣятельность отъ взоровъ правительственной власти. Но даже, если бы правительственная власть и имѣла возможность всегда быть хорошо освѣдомленной о каждомъ ихъ шагѣ, то и въ этомъ случаѣ, положеніе дѣлъ мало бы въ чемъ измѣнилось. Преслѣдовать за выраженіе взглядовъ и мнѣній частныхъ лицъ, каковыми являются литераты внѣ засѣданій Думы, было бы крайне неудобно, ибо подобный пріемъ, усвоенный въ качествѣ системы, могъ бы повести къ правительственному террору, а между тѣмъ, оставить безъ вниманія подобную ихъ дѣятельность, къ которой они всегда прибѣгаютъ для того, чтобы заручиться при проведеніи въ

Думѣ какого либо вопроса въ нужномъ имъ направленіи, какъ большинствомъ голосовъ гласныхъ, такъ и сочувствіемъ населенія, было бы совершенно невозможно. Частая отмѣна Присутствіемъ по гор. дѣл. постановленій Думы, состоявшихся подъ вліяніемъ этихъ политическихъ агитаторовъ, даетъ имъ возможность драпироваться въ тогу борцовъ съ Правительствомъ и это, выгодное для ихъ самолюбія и авторитета, положеніе они эксплоатируютъ, склоняя Думу вести дѣйствительную борьбу съ Правительствомъ, неисполненіемъ не только распоряженій мѣстныхъ органовъ власти, но даже и Правительствующаго Сената.

Такое положеніе вещей, разъ оно правительственною властью констатировано, не можетъ быть долѣе терпимо съ точки зрѣнія достоинства самого Правительства. Эта, совершающаяся какъ бы подъ покровомъ закона, антиправительственная агитація горсти политическихъ интригановъ, вселяющихъ смуту въ мирное населеніе и его развращающихъ, должна быть наконецъ прекращена, разъ Правительство убѣдилось, что оно было при введеніи Городового Положенія въ Приб. губ. введено въ заблужденіе относительно того понятія, которое на мѣстѣ связано съ названіемъ „литерата".

Предстоящіе осенью этого года новые выборы гласныхъ въ Ревельскую Городскую Думу представляютъ вполнѣ удобный для сего поводъ.

Пользуясь симъ поводомъ, я считаю своимъ нравственнымъ и служебнымъ долгомъ обратиться къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшимъ ходатайствомъ, не изволили бы Вы признать возможнымъ испросить Высочайшее разрѣшеніе, прекратить временно, впредь до измѣненія подлежащихъ статей Гор. Пол. въ законодательномъ порядкѣ, примѣненіе къ городамъ Эстляндской Губерніи § 4 Высочайше утвержденныхъ 26 Марта 1877 г. Правилъ.

№ 62. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 5 Мая 1889 г. за № 107 о воспрещеніи литератамъ принимать участіе въ городскихъ выборахъ и объ обязательномъ требованіи отъ лицъ, имѣющихъ быть избранными въ гласные, знанія русскаго языка.

Вслѣдствіе предложенія за № 2216 имѣю честь представить при семъ списокъ лицъ (Wähler-Liste), имѣвшихъ право участвовать въ избирательныхъ Собраніяхъ по городу Ревелю въ 1885 году.

Какъ усматривается изъ этого списка, общее число городскихъ избирателей простиралось въ 1885 году до 2624 человѣкъ. Изъ нихъ участвовало по первому разряду 89, по второму 357 и по третьему 2178. Въ этомъ числѣ состояло 93 литерата, уплачивавшіе въ доходъ города по 3 рубля въ годъ, каковой размѣръ былъ установленъ Губернскимъ по городскимъ дѣламъ Присутствіемъ 12 Мая 1877 года.

Въ составѣ Думы гласныхъ изъ литератовъ, уплачивающихъ 3-хъ рублевый сборъ, въ четырехлѣтіе съ 1878 г. было 10 человѣкъ, съ 1882 г.—12 и съ 1886 г.—8. Въ составѣ Управы—съ 1878 г.—2, съ 1882—1.

По мѣстному обычаю литератами называются не только тѣ лица, которыя не имѣютъ имущественнаго ценза и уплачиваютъ въ городской доходъ по 3 рубля въ годъ, но вообще всѣ лица, бывшія въ Дерптскомъ Университетѣ и принадлежавшія къ одной изъ студенческихъ корпорацій, хотя бы они и обладали недвижимымъ имуществомъ. По этому, когда рѣчь идетъ о литератахъ и вредномъ вліяніи ихъ на дѣла Городского управленія, то подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть не однихъ только избирателей или гласныхъ, уплачивающихъ въ городской доходъ 3-хъ рублевый сборъ, но также и избирателей и гласныхъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, связанныхъ съ первыми тѣсными корпоративными узами со студенческой скамьи и послушныхъ орудій въ осуществленіи политики вожаковъ балтійскаго сепаратизма.

Литератовъ этой второй категоріи въ числѣ гласныхъ Ревельской Городской Думы въ четырехлѣтіе:

съ 1878 г. было	15 человѣкъ
съ 1882 г. „	17 „
съ 1886 г. „	15 „

Въ составѣ Управы съ 1878 г. было ихъ 2 и съ 1882 г. тоже 2.

Такимъ образомъ общее количество литератовъ обѣихъ категорій въ составѣ Думы нынѣ достигаетъ 23 человѣкъ, или болѣе 31% всего количества гласныхъ.

Литераты имѣютъ въ г. Ревелѣ свой клубъ, называющійся „Клубомъ литератовъ". Этотъ клубъ, доступъ въ который всѣмъ постороннимъ лицамъ въ обыкновенное время воспрещается, во время городскихъ выборовъ обращается въ учрежденіе, совершенно схожее съ заграничными политическими клубами. Въ обыкновенное время въ зданіи этого клуба, охраняемомъ испытанною въ преданности прислугою, получающею, за сохраненіе въ тайнѣ всего въ стѣнахъ клуба происходящаго, громадное жалованье, литераты собираются по вечерамъ и нерѣдко просиживаютъ большую часть ночи за обсужденіемъ правительственныхъ распоряженій и мѣропріятій и установленіемъ программы дѣйствій, обязательной для всѣхъ членовъ корпораціи литератовъ, какое бы служебное или общественное положеніе каждый изъ нихъ ни занималъ. Дисциплина въ этой корпораціи литератовъ чрезвычайно развита и не только мнѣ, но даже и старожиламъ неизвѣстно ни одного случая, чтобы кто либо изъ литератовъ измѣнилъ приказанію, исходящему изъ клуба, отъ вожаковъ корпораціи. Пострадавшій за свое упорное противодѣйствіе распоряженіямъ Правительства, бывшій Городской Голова, литератъ Грейфенгагенъ былъ лишь слѣпымъ исполнителемъ программы, установленной этимъ клубомъ. Всѣ вопросы, подлежащіе обсужденію Городской Думы, предварительно разсматриваются въ клубѣ литератовъ и оттуда дается имъ нужное направленіе, которое всегда принимается Думой. Въ настоящее время Дума играетъ роль лишь внѣшней обстановки, необходимой въ силу закона для оформливанія тѣхъ рѣшеній въ области городскихъ дѣлъ, которыя состоялись въ клубѣ литератовъ и признаны необходимыми.

Для того, чтобы имѣть Думу въ своихъ рукахъ и пользаваться ею, какъ послушнымъ орудіемъ, литераты напрягаютъ всѣ свои усилія во время городскихъ выборовъ, чтобы провести въ составъ Думы желаемыхъ кандитатовъ. Для достиженія сего составляется программа дѣйствій и организуются особыя бюро, руководителями которыхъ назначаются

клубомъ литераторовъ наиболѣе довѣренныя лица. Передъ средствами для достиженія цѣли не останавливаются. Члены Магистрата, принадлежащіе къ составу той же корпораціи, свидѣтельствуютъ довѣренность и полномочія, составленныя отъ имени избирателей безъ ихъ о томъ вѣдома. Адвокаты дѣйствуютъ на своихъ кліентовъ, доктора на паціентовъ, пасторы на прихожанъ, банкиры и члены биржевого комитета на лицъ, зависящихъ отъ нихъ въ денежныхъ операціяхъ, однимъ словомъ, всѣ члены корпораціи литераторовъ, каждый въ своей сферѣ, дѣйствуютъ съ изумительнымъ единодушіемъ для достиженія одной цѣли—проведенія въ составъ гласныхъ Думы кандидатовъ, назначенныхъ клубомъ, что обезпечило бы за клубомъ управленіе городскими дѣлами.

Сдѣланное мною неожиданно для нихъ осенью 1885 года, во время самаго разгара выборной агитаціи, распоряженіе о закрытіи отдѣльныхъ избирательныхъ бюро и запрещеніе печатать въ газетахъ издаваемыя ими воззванія къ избирателямъ, привело литераторовъ въ нѣкоторое замѣшательство, которымъ съумѣла воспользоваться русско-эстонская партія, имѣвшая во главѣ книготорговца Якобсона и провести въ гласные Думы по 3-му разряду всѣхъ своихъ кандидатовъ. Въ теченіи первыхъ 2-хъ лѣтъ эти 24 гласные представляли въ засѣданіяхъ Думы сильную оппозицію клубу литераторовъ, но въ концѣ концовъ клубъ все таки восторжествовалъ, заставивъ Якобсона, посредствомъ причиненія ему большихъ убытковъ въ его торговыхъ операціяхъ, войти съ ними въ соглашеніе, результатомъ котораго было распаденіе партіи, при чемъ, значительная ея часть, съ Якобсономъ во главѣ, перешла на сторону литераторовъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ и принимая во вниманіе, что кромѣ Якобсона, на котораго нынѣ трудно уже расчитывать, ни между русскими, ни между эстонскими обывателями г. Ревеля нѣтъ энергичнаго и независимаго человѣка, который могъ бы выступить въ открытую борьбу съ литератами и сгрупировать около себя партію людей, искренно и безкорыстно преданныхъ городскимъ интересамъ, я предвижу, что, на предстоящихъ осенью новыхъ выборахъ въ гласные Городской Думы, клубъ литераторовъ неминуемо восторжествуетъ и не только въ первыхъ двухъ, но и въ третьемъ разрядѣ, если Правительство во время не приметъ мѣръ для

обезпеченія будущаго состава Думы гласными, преданными дѣлу, а не партійнымъ интересамъ вожаковъ балтійскаго сепаратизма.

Я проектировалъ воспретить временно, хотя бы на предстоящее четырехлѣтіе, литератамъ принимать участіе въ городскихъ дѣлахъ въ качествѣ избирателей и избираемыхъ. Въ цифровомъ отношеніи это выразилось бы исключеніемъ изъ состава избирателей 93, и изъ состава гласныхъ 8 человѣкъ этой категоріи. Несомнѣнно, что устраненіе 93 агитаторовъ, имѣющихъ въ рукахъ по роду своихъ профессій, (адвокаты, учителя, пасторы, доктора и пр.), сильныя средства для воздѣйствія на избирателей, и оказало бы нѣкоторое вліяніе на болѣе правильный ходъ выборовъ, но тѣмъ не менѣе правильность выборовъ не могла бы считаться вполнѣ обезпеченной, пока не парализовано вліяніе клуба и зависимость многихъ избирателей отъ литератовъ второй категоріи, владѣющихъ недвижимой собственностью. Для того, чтобы ослабить вліяніе послѣднихъ, я проектировалъ ввести обязательное требованіе отъ имѣющихъ быть избранными въ гласные на слѣдующее четырехлѣтіе знаніе русскаго языка. Между приверженцами партіи литератовъ не найдется много такихъ лицъ, въ особенности, если къ этому требованію отнестись строго, и такимъ образомъ, въ гласные Думы откроется доступъ лицамъ изъ среды русскаго купечества и домовладѣльцевъ, стоящимъ внѣ мѣстныхъ политическихъ партій и представляющимъ прочную гарантію въ серьезномъ отношеніи къ дѣламъ городского хозяйства.

На клубъ же литератовъ мною обращено теперь особенно серьезное вниманіе, и хотя онъ ведетъ свои дѣла весьма осторожно и еще болѣе скрытно, но я не теряю надежды добиться необходимыхъ фактовъ, которые дали бы мнѣ поводъ его закрыть, или обязать принять новый уставъ, составленный примѣнительно къ нормальному уставу клубовъ, что представило бы правительственной власти возможность слѣдить за его дѣятельностью.

И такъ, въ конечныхъ выводахъ, я прихожу къ необходимости принятія одновременно двухъ мѣръ: 1) воспрещенія литератамъ принимать участіе въ городскихъ выборахъ, имѣющихъ состояться въ г. Ревелѣ осенью этого года и 2) обязательнаго требованія отъ лицъ, имѣющихъ быть

избранными въ гласные, знаніе русскаго языка (устно и письменно), чтобы впредь все, безъ всякихъ изъятій, производство дѣлъ въ Ревельской Городской Думѣ происходило на одномъ русскомъ языкѣ. Только въ случаѣ совокупнаго принятія этихъ двухъ мѣръ и можно ожидать благопріятныхъ результатовъ отъ стремленій правительственной власти, направленныхъ къ возстановленію правильнаго и нормальнаго теченія дѣлъ въ Ревельскомъ Городскомъ Общественномъ Управленіи, въ духѣ Городового Положенія, утратившаго здѣсь свое дѣйствительное значеніе, вслѣдствіе указанныхъ мною выше причинъ чисто мѣстнаго и враждебнаго Правительственнымъ цѣлямъ свойства.

№ 63. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 12 Января 1890 г. за № 11 по вопросу о замѣщеніи въ Прибалтійскомъ краѣ городскихъ головъ отъ правительства.

Предложеніемъ отъ 19-го сего Декабря за № 8705 Вашему Высокопревосходительству угодно было спросить моего заключенія по возбужденному Лифляндскимъ Губернаторомъ въ его всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1888 годъ вопросу о распространеніи на города всѣхъ трехъ Прибалтійскихъ Губерній изданнаго для Западныхъ Губерній Закона, относительно замѣщенія Городскихъ Головъ отъ Правительства.

Прежде чѣмъ коснуться существа этого вопроса, позволяю себѣ обратить вниманіе на редакцію упоминаемаго Закона, вошедшаго въ примѣчаніе къ 92 ст. Городового Положенія (по продолженію 1886 г.): „если бы, *въ виду исключи-* „*тельныхъ обстоятельствъ*, оказалось необходимымъ *въ* „*какомъ либо городѣ* (девяти Западныхъ Губерній) назначить „Городского Голову отъ Правительства, то Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представляетъ о семъ на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе, черезъ Комитетъ Министровъ“. Хотя этому и придано значеніе *временной мѣры*, но я не могу признать за нимъ ни значенія особаго Закона, ни тѣмъ менѣе временной мѣры и недоумѣваю, какимъ образомъ изложенная редакція могла проскользнуть при кодификаціи въ 1886 году Городового Положенія. Кодификаціонное включеніе упомянутаго примѣчанія къ 92 статьѣ пред-

ставляется съ одной стороны непонятнымъ и излишнимъ, а съ другой стороны даже вреднымъ, ибо лицъ, мало знакомыхъ съ основами нашего государственнаго управленія, можетъ ввести въ заблужденіе, вселивъ въ нихъ ложное представленіе о томъ, что будто бы наша Верховная Власть можетъ оказаться вынужденной, посредствомъ спеціальныхъ узаконеній, выговаривать себѣ право на принятіе въ исключительныхъ случаяхъ исключительныхъ мѣръ. Никто не сомнѣвался въ правѣ Его Императорскаго Величества, по представленію Вашего Высокопревосходительства, удалить въ 1885 году Грейфенгагена и Бюнгнера отъ должностей Ревельскаго и Рижскаго Городскихъ Головъ и принять въ самое послѣднее время, оказавшіяся необходимыми, карательныя мѣры противъ членовъ Рижскаго Городского Управленія, не смотря на то, что это право не было оговорено никакимъ примѣчаніемъ къ подлежащей статьѣ Городового Положенія. Равнымъ образомъ, какъ усматривается изъ конфиденціальнаго письма Вашего Высокопревосходительства ко мнѣ отъ 10 Августа 1885 г. за № 5592, не возбуждало никакихъ сомнѣній, не смотря на отсутствіе спеціальнаго о томъ для городовъ Прибалтійскихъ Губерній Узаконенія, право Правительства назначить отъ себя лицо на должность Ревельскаго Городского Головы, если бы въ томъ встрѣтилась надобность.

Въ виду изложеннаго мнѣ представляется совершенно непонятнымъ возбужденный Лифляндскимъ Губернаторомъ вопросъ о распространеніи на города всѣхъ трехъ Прибалтійскихъ Губерній дѣйствія примѣчанія къ 92 статьѣ Городового Положенія. Поставленный на такую почву, данный вопросъ не можетъ, по моему мнѣнію, даже подлежать обсужденію. Но если Лифляндскій Губернаторъ, независимо отъ неумѣстнаго примѣчанія къ 92 ст. Городового Положенія, полагалъ бы нужнымъ возбудить общій вопросъ объ измѣненіи для городовъ Прибалтійскихъ Губерній подлежащихъ статей Городового Положенія въ смыслѣ отмѣны выборовъ Городскихъ Головъ и назначенія сихъ лицъ отъ Правительства, то въ такомъ случаѣ я задруднился бы присоединиться къ его предложеніямъ.

Города Прибалтійскихъ Губерній дѣлятся на двѣ группы: Губернскіе и городъ Дерптъ и уѣздные. Первые играли въ исторіи края выдающуюся политическую роль и представля-

лись центрами настолько сильными и независимыми, что, при переходѣ страны отъ одного государства къ другому, подписывали съ побѣдителемъ особые договоры и условія, независимо отъ общихъ условій, на которыхъ сдавалась страна или была отвоевана у побѣжденнаго государства. Вторые, окруженные рыцарскими замками, бѣдные и населенные по преимуществу сельчанами и дворовыми людьми рыцарей, не играли въ исторіи никакой самостоятельной роли и всегда держали сторону сильнаго. Впрочемъ изъ числа послѣднихъ нѣсколько большею, сравнительно, самостоятельностью обладали только тѣ немногіе, которые управлялись Магистратами. Останавливаясь на городахъ первой категоріи, слѣдуетъ обратить главное вниманіе на то обстоятельство, что со времени присоединенія края къ Россіи и до введенія Городового Положенія 1870 года, города эти продолжали управляться старыми средневѣковыми органами, сосредоточивавшими въ своихъ рукахъ и судебную власть, и полицейскую, а также завѣдываніе какъ всѣми гражданскими, такъ и духовными дѣлами городскихъ сословій. Всесильныя, замкнутыя учрежденія— Магистратъ и Гильдіи, съ одной стороны и безправное и безгласное населеніе съ другой,—таковъ былъ типъ городовъ Прибалтійскихъ Губерній.

Городовое Положеніе, отмѣнившее привиллегію незначительной части бюргеровъ распоряжаться городскимъ хозяйствомъ и общественными дѣлами городскихъ сословій, уничтожавшее дѣленіе горожанъ на особыя сословія и привлекавшее все городское населеніе къ участію чрезъ своихъ выборныхъ представителей въ завѣдываніи предметами городского хозяйства, произвело бы несомнѣнно крупный и благодѣтельный въ жизни городовъ переворотъ, если бы оно было примѣнено въ полномъ его объемѣ, безъ всякихъ изъятій. Но, къ сожалѣнію, этого не случилось. Въ угоду мѣстнымъ правившимъ нѣмецкимъ учрежденіямъ, которыя принято было въ законодательныхъ актахъ называть *мѣстными условіями и мѣстными особенностями*, при примѣненіи Городового Положенія 1870 г. къ городамъ Прибалтійскихъ Губерній было допущено не мало существенныхъ изъятій, парализовавшихъ, съ одной стороны, свободное пользованіе городскими обывателями дарованнымъ имъ правомъ и съ другой сохранившихъ за прежними хозяевами ихъ власть и значеніе.

Въ ихъ числѣ существенное значеніе имѣли слѣдующія статьи и примѣчанія къ нимъ, вошедшія въ Городовое Положеніе (по продолженію 1886 г.): Положенія: 17 (пр.), 19 (пр. 2), 20 (пр. 1), 69, 89 (пр.). Эти изъятія привели на практикѣ къ слѣдующимъ результатамъ: члены мѣстныхъ судебно-полицейскихъ установленій, т. е. Магистратъ, съ подвѣдомственными ему учрежденіями, распредѣлили между собою всѣ должности по Городскому Общественному Управленію; въ гласные же Думы были допущены, составляющіе съ ними одно цѣлое, литераты и другія вполнѣ преданныя имъ лица. Осуществить послѣднее не представляло никакого труда, вслѣдствіе допущеннаго ст. 31, въ качествѣ изъятія изъ общаго порядка, баллотированія записками. Такая открытая баллотировка давала полную возможность всесильнымъ членамъ Магистрата проводить въ составъ Думы лицъ, заранѣе намѣченныхъ. Такимъ образомъ новое Городское Общественное Управленіе обратилось de facto въ отдѣленіе стараго Магистрата. Духъ сего средневѣковаго учрежденія и его старыя традиціи получили въ этомъ новомъ учрежденіи полное право гражданства наравнѣ съ сохраненнымъ на нѣмецкомъ языкѣ дѣлопроизводствомъ. Въ первые два четырехлѣтія, со времени введенія Городового Положенія, населеніе продолжало оставаться de facto устраненнымъ не только отъ вліянія, но и отъ участія въ дѣлахъ городского хозяйства; полнымъ хозяиномъ былъ по прежнему Магистратъ съ его присными, которые, независимо отъ сохраненія при такихъ условіяхъ прежней своей власти и значенія въ дѣлахъ городского хозяйства, пріобрѣли и не малую матеріальную выгоду, въ видѣ значительныхъ окладовъ по новымъ должностямъ съ сохраненіемъ получаемаго ими содержанія по должностямъ въ старыхъ учрежденіяхъ.

Губернская администрація того времени не рѣшалась съ своей стороны принимать энергичныхъ мѣръ противъ не вполнѣ согласной съ Городовымъ Положеніемъ направленіемъ дѣятельности представителей старыхъ учрежденій, удостоенныхъ особеннаго вниманія со стороны законодательныхъ сферъ. Благодаря сему, Городовое Положеніе оказалось не введеннымъ сразу во всемъ его объемѣ и, во многихъ отношеніяхъ, старые порядки продолжали безпрепятственно царствовать, какъ бы на законномъ основаніи, въ новыхъ Городскихъ

Общественныхъ Управленіяхъ. Такъ продолжалось до 1885 г., когда состоялось обновленіе высшаго Губернскаго Административнаго персонала въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ. Замѣтивъ въ дѣятельности Городскихъ Думъ ввѣренной мнѣ Губерніи, и главнымъ образомъ Ревельской, значительныя отступленія отъ Городового Положенія, я предъявилъ къ Городскимъ Управленіямъ категоричныя требованія о точномъ исполненіи Закона и настойчиво добивался безусловнаго подчиненія этимъ требованіямъ. Уѣздные города подчинились почти безъ сопротивленія. Между тѣмъ Ревельская Городская Дума, руководимая сильными и вліятельными еще тогда Магистратомъ и литератами, вступила за сохраненіе старыхъ порядковъ съ Правительственною властью въ упорную борьбу, продолжавшуюся почти три года.

Благодаря тому, что въ этой борьбѣ Губернская Администрація, съ одной стороны, стояла на строго законной почвѣ, а съ другой—не допускала никакихъ компромиссовъ или уступокъ въ разъ предъявленныхъ требованіяхъ, Городское Управленіе, истощивъ всѣ средства борьбы и видя, что всѣ требованія администраціи, какъ законныя, находятъ поддержку въ Правительствующемъ Сенатѣ, вынуждено было въ концѣ концовъ сложить оружіе и подчиниться. Противодѣйствіе Рижской Городской Думы требованіямъ Лифляндской Губернской Администраціи проявлялось съ большей интенсивностью и въ Ригѣ борьба велась болѣе страстно и болѣе продолжительно, чѣмъ въ Ревелѣ, такъ что потребовалось въ самое послѣднее время принятіе со стороны высшаго Правительства чрезвычайныхъ мѣръ для обузданія чрезмѣрно зазнавшихся рижскихъ городскихъ дѣльцовъ. Такъ какъ причины столь долгаго и упорнаго противодѣйствія членовъ Рижскаго Городского Управленія кроются не въ различіи условій, въ которыя поставлено Рижское Городское Общественное Управленіе сравнительно съ Ревельскимъ, то я считаю безцѣльнымъ на нихъ въ настоящемъ изложеніи останавливаться. Какъ бы то ни было, но нынѣ и въ Ригѣ дѣятельность Городского Общественнаго Управленія вступила на тотъ законный путь, который уже два года, какъ считается обезпеченнымъ въ Ревелѣ.

Законъ 9 Іюля 1889 года, упразднившій Магистраты и Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Министровъ,

9 Ноября минувшаго года, устранившее литераторъ отъ участія въ городскихъ дѣлахъ и установившее право гражданства Государственнаго языка въ Городскихъ думахъ Губернскихъ городовъ Прибалтійскихъ Губерній--исправили нынѣ тѣ Правительственныя ошибки, которыя, подъ видомъ изъятій изъ общаго Закона, вкрались въ Городовое Положеніе, при примѣненіи его къ городамъ здѣшняго края. Если признано будетъ возможнымъ установить и для городовъ Прибалтійскихъ Губерній существующее для прочихъ городовъ Имперіи общее правило о выборахъ шарами, а не записками, то исчезнетъ и послѣднее существенное отступленіе, допущенное въ Городовомъ Положеніи по отношенію къ Городскимъ Управленіямъ въ краѣ.

Изложенное приводитъ къ заключенію, что, послѣ того, какъ рядомъ законодательныхъ мѣръ уже устранены тѣ, такъ называемыя, мѣстныя особенности, которыя вызвали допущеніе изъятій при примѣненіи Городового Положенія къ городамъ Прибалтійскихъ Губерній, и ничто уже болѣе не препятствуетъ примѣненію сего Положенія во всемъ его объемѣ,—возбужденный Лифляндскимъ Губернаторомъ вопросъ сводится не къ изданію особыхъ правилъ для однихъ только городовъ края, а къ общему пересмотру подлежащихъ статей Городового Положенія.

Становясь на эту точку зрѣнія, я прежде всего долженъ замѣтить, что Городскіе Головы бываютъ двухъ типовъ: самостоятельные и несамостоятельные. Первый типъ встрѣчается на столько рѣже второго, на сколько вообще менѣе дѣятелей способныхъ, энергичныхъ, съ твердой волей, импонирующихъ на массу, сравнительно съ лицами, обладающими средними способностями и стремящимися согласовать личныя цѣли съ служебнымъ долгомъ. Лицъ ставящихъ личныя выгоды выше служебнаго долга, какъ представляющихъ печальное исключеніе, я въ расчетъ не принимаю. Вторая группа Городскихъ Головъ несомнѣнно является значительно преобладающей и ее то и слѣдуетъ исключительно принять во вниманіе при разсмотрѣніи вопроса о замѣнѣ подобныхъ Городскихъ Головъ лицами, назначенными отъ Правительства. Я говорю *исключительно*, такъ какъ, если самостоятельный Городской Голова проявляетъ свои способности и энергію въ направленіи, выгодномъ для успѣха городского хозяйства и

соотвѣтствующемъ видамъ Правительства, то онъ является неоцѣнимымъ помощникомъ для Губернатора; если же направленіе его не таково, то Губернаторъ всегда имѣетъ возможность не допустить такое лицо до занятія должности Городского Головы, не утвердивъ его, если утвержденіе въ должности зависитъ отъ него, или представивъ о семъ Министру, если утверженіе зависитъ отъ послѣдняго. Если Губернаторъ съумѣетъ подчинить своему вліянію несамостоятельнаго Городского Голову, то желательное направленіе дѣятельности Городского Управленія можетъ въ значительной степени считаться обезпеченнымъ; если же Городской Голова подчинится одному изъ болѣе самостоятельныхъ членовъ Управы или какой либо группѣ лицъ, предпочитающихъ не выступать открыто, а прикрывать Коллегіею свое руководительство дѣятельностью Городского Управленія въ духѣ, не соотвѣтствующемъ ни закону, ни видамъ Правительства, то въ такомъ только единственномъ случаѣ могъ бы возникнуть вопросъ о принятіи со стороны Правительства особыхъ мѣръ для прекращенія столь неестественнаго положенія дѣлъ въ Городскомъ Общественномъ Управленіи. Въ какомъ либо отдѣльномъ, исключительномъ случаѣ быть можетъ и было бы полезно назначить временно для исправленія обязанностей Городского Головы особое лицо отъ Правительства, но рекомендовать подобную мѣру, какъ общую, я бы не рѣшился по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, не всегда Губернаторъ будетъ въ состояніи найти нужное для замѣщенія должностей Городскихъ Головъ во всѣхъ городахъ ввѣренной ему Губерніи количество кандидатовъ, которые, удовлетворяя требованіямъ, предъявленнымъ къ Правительственнымъ чиновникамъ, обладали бы достаточными практическими свѣдѣніями по хозяйству, безусловно необходимыми для Городского Головы, какъ руководителя учрежденія по преимуществу хозяйственнаго. При назначеніи же лица, не облдающаго всѣми свѣдѣніями, всякое неустройство въ дѣлахъ городского хозяйства, всякая неудача предпринятыхъ въ этой области операцій будутъ приписываться Правительственному вмѣшательству и вызывать, по отношенію къ Правительственной власти, неудовольствіе населенія. Во-вторыхъ, неизбѣжныя столкновенія между назначеннымъ Головой и остальными выборными членами Городского Управленія создадутъ

для Губернской Администраціи положеніе крайне трудное. Большого такта и хладнокровія потребовалось бы съ ея стороны, чтобы, защищая правительственнаго ставленника, остаться въ должныхъ границахъ и не быть втянутой, подчасъ помимо воли, въ борьбу мѣстныхъ партій. Послѣднее же было бы явленіемъ крайне печальнымъ, такъ какъ дискредитировало бы Правительственную власть и ея авторитетъ. Я останавливаюсь лишь на этихъ двухъ примѣрахъ, имѣющихъ значеніе практическое, считая излишнимъ доказывать достаточно очевидную съ принципіальной точки зрѣнія несовмѣстимость въ одномъ и томъ же учрежденіи двухъ противуположныхъ началъ—выборнаго и по назначенію. Подобная попытка, если бы ей суждено было осуществиться, повела бы, послѣ цѣлаго ряда взаимныхъ раздраженій и борьбы на мелочахъ, или къ отмѣнѣ попытки и возвращенію къ старому порядку вещей, или же, если бы борьба приняла серьезные размѣры и была бы сведена на почву принципіальную,—къ отмѣнѣ выборнаго начала въ Городскихъ Управленіяхъ и пересмотру въ этомъ смыслѣ Городового Положенія.

Высказываясь противъ столь радикальныхъ измѣненій одного изъ основныхъ принциповъ Городового Положенія, проектируемыхъ Генераль-Лейтенантомъ Зиновьевымъ, я однако находилъ бы съ своей стороны полезнымъ ввести въ подлежащія статьи Городового Положенія слѣдующія измѣненія, которыя, не нарушая ни одного изъ основныхъ принциповъ, дали бы правительственной власти возможность не допускать въ составъ Городскихъ Управъ, этихъ главнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ органовъ Городского Общественнаго Управленія, лицъ неблагонадежныхъ, какъ съ точки зрѣнія Правительства, такъ и ввѣряемыхъ имъ обязанностей.

1. Городскія Думы избираютъ на должность Городского Головы двухъ кандидатовъ. Отъ подлежащей правительственной власти зависитъ утвердить одного изъ нихъ, или предложить Думѣ сдѣлать новые выборы.

2. На остальныя должности по Общественному Городскому Управленію, какъ то: Членовъ Управы, предсѣдателей и Членовъ всякаго наименованія исполнительныхъ Комиссій (которыя на практикѣ обратились въ учрежденія постоянныя, вродѣ отдѣленій Управы) и другихъ лицъ, избраніе коихъ предоставлено Городской Думѣ, избираются тоже по два канди-

дата. Утвержденіе одного изъ нихъ зависитъ отъ Губернатора.

3. Должность Секретаря Губернскаго по городскимъ дѣламъ Присутствія замѣщается по назначенію Губернатора, съ отчисленіемъ жалованія сему лицу на средства всѣхъ городовъ губерніи пропорціонально ихъ доходамъ.

4. Распространеніе на города Прибалтійскихъ Губерній основного Правила о производствѣ выборовъ посредствомъ баллотированія шарами, а не записками (первая часть ст. 31 Город. Полож.).

№ 64. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 21 Февраля 1892 г. за № 840 относительно ходатайства Ревельской Городской Думы о возвращеніи капитала, пожертвованнаго на училище для дочерей нижнихъ чиновъ.

На основаніи предложенія Вашего Высокопревосходительства отъ 13 Іюня 1891 г. за № 4148 о причисленіи къ спеціальнымъ средствамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія переданнаго изъ упраздненнаго Ревельскаго Магистрата въ Городское Общественное Управленіе капитала въ 8800 р., составившагося изъ пожертвованій на учрежденіе въ г. Ревелѣ училища для дочерей нижнихъ воинскихъ чиновъ, мною предложено было Ревельскому Городскому Головѣ внести означенный капиталъ съ наросшими процентами въ Казначейство для причисленія таковаго къ спеціальнымъ средствамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Нынѣ Ревельскій Городской Голова, представленіемъ отъ 30-го Января с. г. за № 289, донесъ мнѣ, что означенный выше капиталъ, состоящій въ настоящее время въ суммѣ 10796 р. 72 к., внесенъ въ Ревельское Губернское Казначейство, подъ квитанцію отъ 29 Января 1892 г. за № 1368, для причисленія къ спеціальнымъ средствамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Городской Голова, въ виду состоявшагося 22 того же Января постановленія Ревельской Городской Думы о возбужденіи ходатайства относительно возвращенія городу этого капитала на расходы по учебнымъ надобностямъ, представилъ мнѣ нижеслѣдующія свѣдѣнія: капиталъ, предназначенный на устройство въ г. Ре-

велѣ училища для дочерей нижнихъ воинскихъ чиновъ, образовался изъ городскихъ средствъ и пожертвованій городскихъ жителей слѣдующимъ способомъ: Ревельскій Магистратъ вмѣстѣ съ Гильдіями и обществомъ Черноголовцевъ въ 1851 г. постановилъ учредить въ ознаменованіе 25-лѣтняго Царствованія Императора Николая Павловича училище для дочерей нижнихъ чиновъ; сословія г. Ревеля жертвовали для осуществленія этого намѣренія извѣстныя суммы и, кромѣ того, было назначено для этой цѣли изъ средствъ кассы богоугодныхъ заведеній ежегодное пособіе въ сто рублей. Что же касается до намѣреній учредителей, при назначеніи фонда на открытіе училища для дочерей воинскихъ чиновъ, то Городской Голова указываетъ на то, что въ 1851 г. имѣлось еще особое сословіе нижнихъ воинскихъ чиновъ съ особыми преимуществами въ сравненіи съ другими сословіями. При такомъ положеніи дѣла, казалось для Городского Управленія необходимымъ позаботиться объ образованіи дѣтей этого особаго сословія. Такое положеніе, однако, совершенно измѣнилось Закономъ 25 Іюня 1867 г., согласно которому нижніе воинскіе чины должны оставаться въ ихъ прежнихъ сословіяхъ и обществахъ, и далѣе Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ о преобразованіи воинской повинности отъ 8 Іюня 1874 г.; по изданіи этихъ законоположеній, не имѣлось болѣе никакой надобности въ учрежденіи какихъ либо училищъ для дѣтей воинскихъ чиновъ, потому что оныя, какъ и всѣ дѣти другихъ городскихъ жителей, посѣщаютъ первоначальныя и другія городскія училища. Слѣдовательно, въ настоящее время назначеніе этого капитала для учрежденія обозначеннаго училища оказывается несоотвѣтственнымъ дѣйствительнымъ надобностямъ, чѣмъ и прекратилась цѣль учрежденія. Вслѣдствіе этого Ревельская Городская Дума, примѣняя къ данному случаю ст. 2357 Т. III Св. Мѣстн. Узаконеній, которая гласитъ: „если цѣль учрежденія какимъ либо образомъ прекратится (какъ это случилось съ фондомъ на учрежденіе училища для дочерей нижнихъ воинскихъ чиновъ) и на этотъ случай не сдѣлано учредителемъ никакихъ распоряженій, то присутственное мѣсто, обязанное къ главному надъ тѣмъ учрежденіемъ надзору, распоряжается имуществомъ онаго въ пользу однородныхъ богоугодныхъ или общественныхъ цѣлей“, находитъ весьма

желательнымъ и цѣлесообразнымъ исходатайствовать передъ Правительствомъ, чтобы упомянутый чисто городской капиталъ былъ возвращенъ обратно въ распоряженіе Думы для удовлетворенія учебныхъ надобностей, тѣмъ болѣе, что издержки города по учебной части увеличиваются постоянно и что городъ еще въ послѣднемъ году назначилъ 1000 р. на открытіе и содержаніе новаго женскаго первоначальнаго училища.

Представляя о вышеизложенномъ на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, имѣю честь доложить, что я полагалъ бы ходатайство Ревельской Думы оставить безъ удовлетворенія, такъ какъ, если бы и представилось, по обстоятельствамъ дѣла, необходимымъ измѣнить первоначальную волю жертвователей, на осуществленіе которой былъ собранъ этотъ капиталъ, то несомнѣнно разрѣшеніе вопроса о томъ, на какой именно предметъ долженъ быть этотъ капиталъ назначенъ, должно зависѣть отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а не отъ Ревельскаго Городского Общественнаго Управленія, которое являлось лишь хранилищемъ этого капитала. Упомянутое ходатайство Думы не заслуживаетъ, по моему мнѣнію, удовлетворенія еще и потому, что Дума, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, предполагаетъ капиталъ этотъ употребить на усиленіе средствъ существующей и содержимой городомъ (Töchter-Schule) частной женской гимназіи, существованіе которой, не вызываясь достаточной необходимостью, въ виду нахожденія въ г. Ревелѣ Правительственной женской гимназіи, могло бы быть объяснено стремленіемъ мѣстныхъ дѣятелей сохранить въ дѣлѣ женскаго воспитанія то своеобразное направленіе и духъ, которыми отличается названное женское учебное заведеніе.

№ 65. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 15 Января 1894 г. за № 136 по дѣлу о т. н. „Gotteskasten'ѣ“.

Вовращая при семъ дѣлопроизводство Правительствующаго Сената по аппеляціонному дѣлу Ревельскихъ евангелич.-лютеранскихъ церквей съ гор. Ревелемъ и съ Католическою церковью свв. Петра и Павла о правѣ собственности на имущество Ревельской кассы богоугодныхъ заведеній (Gotteskas-

ten), считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства нижеслѣдующее:

Въ гор. Ревелѣ съ начала XVII столѣтія существовала касса городскихъ богоугодныхъ заведеній (Stadt-Gotteskasten). Этою кассою завѣдывалъ Магистратъ, на основаніи имъ же изданнаго 16 Сент. 1621 г. Положенія. Въ составъ имущества Gotteskasten входили въ 1877 году 5 имѣній: Іоганнисгофъ, Каутель, Фетъ, Неггатъ и Койтьервъ, 73 оброчныхъ участка и 5 домовъ въ городѣ, капиталъ въ 48 тысячъ рублей и спеціальные фонды городской богадѣльни и тюрьмы. Доходы съ этихъ недвижимостей и капиталовъ шли на содержаніе благотворительныхъ заведеній и на выдачу пособій евангелич.-лютеранскимъ церквамъ св. Олая, св. Николая, Св. Духа, св. Михаила и св. Іоанна (эстонская церковь). При введеніи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Городового Положенія, имущество Gotteskasten'а въ силу пп. 4 и 5 Высочайшаго повелѣнія 26 Марта 1887 года, подлежало передачѣ въ вѣдѣніе новаго Городского Общественнаго Управленія, а потому Магистратъ, движимый опасеніемъ, что новыя городскія учрежденія, не обязанныя вовсе по Положенію 1870 г. заботиться о благосостояніи лютеранскихъ церквей, прекратятъ выдачу имъ пособій изъ средствъ Gotteskasten'а, распорядился въ Декабрѣ 1877 года выдѣломъ изъ имущества кассы богоугодныхъ заведеній въ пользу лютеранскихъ церквей капитала въ 48 тысячъ рублей и тѣхъ двухъ имѣній, Іоганнисгофъ и Каутель, которыя по мнѣнію Магистрата изъ общаго имущественнаго состава Gotteskasten'а должны считаться спеціально церковнымъ имуществомъ, такъ какъ они подарены на церковныя нужды въ дореформаціонное еще время.

Усматривая въ постановленіи Магистрата явное нарушеніе статьи 1068 Т. II Св. Мѣстн. Узак., по коей отчужденіе городской собственности можетъ имѣть мѣсто лишь съ особаго на то Высочайшаго разрѣшенія, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ поручилъ Губернатору передать вопросъ о законности распоряженія Магистрата на обсужденіе Губернскаго Правленія. Опредѣленіемъ Губернскаго Правленія отъ 19 Декабря 1878 г. постановленіе Магистрата было отмѣнено, о чемъ и дано было знать, какъ Магистрату, такъ и Ревельскому Городскому Головѣ. Но ранѣе еще, чѣмъ дѣло это было рѣшено въ Губернскомъ Правленіи, только что обра-

зовавшаяся Ревельская Городская Дума, въ засѣданіи 10 Апрѣля 1878 г., изъявила полное согласіе на проектированный Магистратомъ раздѣлъ имущества Gotteskasten'a между городомъ и евангелич.-лютеранскими церквами, а затѣмъ по полученіи предложенія Губернатора, Дума постановленіемъ, состоявшимся въ засѣданіи 8 Мая 1879 г., утвердила свое первое рѣшеніе, признавъ имѣнія Іоганнисгофъ и Каутель и капиталъ въ 48 тысячъ рублей собственностью не города, а городскихъ евангелич.-лютеранскихъ церквей.

Въ 1880 г., по просьбѣ Магистрата, Оберъ-Ландгерихтъ отмѣтилъ въ своихъ книгахъ Іоганнисгофъ и Каутель собственностью Ревельскихъ городскихъ лютеранскихъ церквей.

7 Марта 1886 г. Губернское по городскимъ дѣламъ Присутствіе отмѣнило постановленіе Думы отъ 10 Апрѣля 1878 г. и 8 Мая 1879 г. со всѣми ихъ послѣдствіями.

Вслѣдствіе жалобы Ревельскаго Городского Головы на опредѣленіе Присутствія и затѣмъ неисполненія Думою предложеній Губернскаго Начальства, дѣло нѣсколько разъ восходило на разсмотрѣніе 1-го Департамента Правительствующаго Сената, который и указалъ въ одномъ изъ рѣшеній своихъ отъ 13 Марта 1887 г., что вопросъ о правѣ собственности на имѣнія Іоганнисгофъ и Каутель и капиталъ въ 48 тыс. рублей можетъ быть разрѣшенъ лишь судебнымъ порядкомъ и не можетъ быть предметомъ обсужденія административныхъ органовъ. Руководствуясь таковымъ разъясненіемъ Сената, Ревельскія городскія лютеранскія церкви предъявили 8 Мая 1888 года къ Городскому Общественному Управленію искъ о правѣ собственности, но не на часть, а на все имущество кассы богоугодныхъ заведеній. 6-го Октября 1888 г. представитель Ревельской Римско-католической церкви свв. Петра и Павла принялъ участіе въ процессѣ прошеніемъ, въ коемъ онъ заявляетъ отъ лица церкви свв. Петра и Павла претензію на имущество Cotteskasten. Рѣшеніемъ отъ 2 Ноября 1889 г. Эстляндскій Оберъ-Ландгерихтъ опредѣлилъ: 1) присудить жалующимся церквамъ св. Олая, св. Николая, Св. Духа, св. Михаила и св. Іоанна право собственности на имѣнія Іоганнисгофъ, Каутель, Неггатъ и часть имѣнія Фетъ, соотвѣтствующую прежней деревнѣ Гирвенъ; далѣе на прочія части соединеннаго въ Gotteskasten'ѣ имущественнаго комплекса въ составѣ, имѣвшемся при выдѣлѣ, произведенномъ

въ 1878 г. между Магистратомъ и представителями города, за исключеніемъ предоставленныхъ богадѣльнямъ и тюремной части городскихъ недвижимостей и капиталовъ, имѣнія Койтьервъ и части имѣнія Фетъ, оставшихся свыше Гирвенскихъ земель,—со всѣми плодами со времени означеннаго выдѣла, не употребленными на содержаніе церквей, равно со всѣми капиталами, вырученными со времени этого выдѣла отъ продажи поземельныхъ участковъ и оставшимися въ долгу поземельными деньгами; 2) обязать законное представительство города Ревеля выдать поименованнымъ церквамъ ихъ собственность съ предоставленіемъ однакожъ городу права доказать размѣръ своей претензіи на вознагражденіе, въ принципѣ ему присуждаемое за то, что на городскія средства со введеніемъ Городового Положенія 1870 года отнесены тѣ издержки по содержанію общеполезныхъ заведеній, кои до той поры падали на Gotteskasten; 3) Католической церкви свв. Петра и Павла во всѣхъ ея претензіяхъ на имущество Gotteskasten отказать.

Вслѣдствіе обжалованія сторонами рѣшенія Оберъ-Ландгерихта и протеста Прокурора Ревельскаго Окружнаго Суда, дѣло перешло въ апелляціонномъ порядкѣ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, въ коемъ оно находится и по настоящее время.

Спорное имущество кассы богоугодныхъ заведеній, въ силу Указа Правительствующаго Сената отъ 12 Марта 1887 г. перешло цѣликомъ въ завѣдываніе Ревельскаго Городского Общественнаго Управленія. Но совпадаютъ ли въ данномъ случаѣ фактическое и правовое владѣніе, или право собственности на достояніе Gotteskasten'а слѣдуетъ присудить не городу, а католической церкви свв. Петра и Павла, или Ревельскимъ городскимъ лютеранскимъ церквамъ? Слѣдуетъ ли въ этомъ послѣднемъ случаѣ признать право лютеранскихъ церквей на все имущество кассы богоугодныхъ заведеній, какъ этого домогаются церкви, или слѣдуетъ выдѣлить изъ имущества, признаваемаго въ принципѣ церковнымъ, нѣкоторыя составныя его части, которыя, по особымъ соображеніямъ, и оставить за городомъ, какъ это дѣлаетъ Оберъ-Ландгерихтъ; слѣдуетъ ли признать, согласно мнѣнію нѣкоторыхъ изъ участвовавшихъ въ сужденіи по настоящему дѣлу гг. Сенаторовъ, имущественный комплексъ Gotteskasten'а,

въ цѣломъ его составѣ или частью, общею собственностью города и лютеранскихъ церквей или же наконецъ присоединиться къ мнѣнію г. Сенатора Князя Гагарина, предлагающаго признать Gotteskasten достояніемъ города, а церквамъ въ ихъ искѣ отказать? Такое разнообразіе мнѣній объясняется отсутствіемъ у сторонъ положительныхъ документовъ, подтверждающихъ ихъ притязанія, законныхъ титуловъ для ихъ правъ, при чемъ стороны доказываютъ свои права на Gotteskasten, имущественный составъ котораго сложился постепенно въ теченіи шести столѣтій, историческими справками, разрозненными указаніями отдѣльныхъ актовъ и грамотъ, на основаніи коихъ сопоставляются и соображаются немногіе позднѣйшіе правительственные акты, въ которыхъ упоминается о кассѣ богоугодныхъ заведеній.

При этомъ дѣло еще затемняется односторонностью имѣющихся въ немъ доказательствъ, которыя всѣ представлены однѣми лишь церквами. Положимъ, обязанность вести доказательное производство лежитъ несомнѣнно на церквахъ, такъ какъ городъ въ качествѣ безспорнаго въ теченіи вѣковъ фактическаго владѣльца и распорядителя имуществомъ Gotteskasten'а занимаетъ въ этомъ отношеніи привиллегированное положеніе, но городъ со своей стороны не возражаетъ даже на доводы церквей. Городской Голова, силой закона поставленный блюстителемъ интересовъ города, былъ вынужденъ выступить противникомъ лютеранскихъ церквей. Но какъ велась защита интересовъ города, показываетъ дѣло. Такъ въ своемъ возраженіи, поданномъ въ Оберъ-Ландгерихтъ противъ иска лютеранскихъ церквей, Городской Голова говоритъ между прочимъ: „что касается п. 3 исковаго „прошенія о признаніи по крайней мѣрѣ равнаго права „церквей и города на имущество Gotteskasten'а, то городъ „не можетъ отрицать, что онъ неоднократно признавалъ право „общей собственности церквей. Какъ приведено въ исковомъ „прошеніи 10 Апрѣля 1878 года, Городская Дума одобрила „опредѣленный 5 Декабря 1877 г. Магистратомъ выдѣлъ, „согласно которому для обезпеченія исчисленныхъ въ 12367 руб. „70 коп. годовыхъ потребностей церквей слѣдовало отдѣлить „изъ имущества Gotteskasten'а имѣнія Іоганнисгофъ и Каутель „и капиталъ въ 48 тысячъ рублей съ передачей ихъ въ вѣ„дѣніе Магистрата, какъ патрона церквей, а послѣ отмѣны

„Губернскимъ Правленіемъ опредѣленія Магистрата о выдѣлѣ, „какъ произведенномъ безъ Высочайшаго разрѣшенія отчу„жденіи городского имущества, Городская Дума 8 Мая 1879 г. „опять постановила оставить въ силѣ опредѣленіе 10 Апрѣля „1878 г. Въ виду отмѣны начальственнымъ мѣстомъ этихъ „постановленій Городской Думы, равно и опредѣленія оной, „состоявшагося 13 Мая 1887 г. во исполненіе Указа Сената „13 Марта 1887 г., согласно которому означенное спеціальное „имущество подлежало принятію въ завѣдываніе города съ „употребленіемъ его доходовъ на прежнемъ основаніи на со„держаніе церквей, то городъ въ этомъ понудительномъ по„ложеніи считаетъ себя лишеннымъ возможности согласиться „съ просьбой тяжущихся церквей о признаніи ихъ права „общей собственности“.

Такимъ образомъ Городской Голова уже въ своемъ возраженіи допускаетъ право общей собственности города и церквей на имущество Gotteskasten'а и открыто признаетъ, что не по доброй волѣ долженъ оспаривать это право, а принужденъ къ этому мотивами, ничего общаго съ сознаніемъ своего права не имѣющими. Сразу поставивъ дѣло на такую почву, защитникъ интересовъ города и ведетъ его въ томъ же направленіи, т. е. возражаетъ только въ случаяхъ крайней необходимости, когда молчаніе его явно для всѣхъ должно явиться неисполненіемъ возложенныхъ на Городского Голову обязанностей. Такъ въ заключеніи прошенія своего въ Оберъ-Ландгерихтъ въ п. 2-мъ Городской Голова проситъ лютеранскимъ церквамъ отказать въ ихъ ходатайствѣ о признаніи по крайней мѣрѣ равнаго ихъ и города права на сказанное имущество, если оно, т. е. доказываемое право, на основаніи имѣющихся въ дѣлахъ данныхъ не выдержитъ „критики суда“. Собственной же критики доказательствъ, доставленныхъ церквами, защитникъ интересовъ города не находитъ нужнымъ представить. То же самое мы видимъ и въ производствѣ по доказательствамъ и въ Оберъ-Ландгерихтѣ: городъ отказывается отъ представленія особыхъ доказательствъ, и лишь представитель тяжущихся лютеранскихъ церквей ведетъ доказательное производство. Этотъ послѣдній проситъ о допросѣ экспертовъ, представляетъ въ подтвержденіе своего иска разные документы, справки и т. п. Изъ остальныхъ же сторонъ тольхо католическая церковь свв. Петра и Павла

пользуется правомъ представленія встрѣчныхъ вопросныхъ статей. Участіе же защитника города сводится лишь къ безмолвному принятію доказательствъ противника.

Можно ли однако считать, что церкви, поставленныя такимъ образомъ въ исключительно благопріятныя условія по отношенію къ выбору и оцѣнкѣ предъявленныхъ ими доказательствъ, дѣйствительно твердо обосновали свою претензію на имущество кассы богоугодныхъ заведеній. Я не буду долго останавливаться на притязаніяхъ католической церкви свв. Петра и Павла: онѣ не заслуживаютъ уваженія; если даже отдѣльнымъ католическимъ церквамъ, существовавшимъ въ Ревелѣ до реформаціи, и принадлежала часть имущества Gotteskasten'a, то тѣ же церкви, ставши лютеранскими, не потеряли, конечно, своего достоянія; отдѣльныя общины, перейдя въ протестантизмъ, не лишились отъ того своихъ имущественныхъ правъ, и тѣ матеріальныя средства, которыя служили для удовлетворенія ихъ религіозныхъ нуждъ въ католическое время, продолжали служить той же потребности и при господствѣ протестантизма. Если даже и отрицать этотъ, казалось, несомнѣнный выводъ и допустить, что съ переходомъ въ лютеранство Ревельскія церкви потеряли свои имущественныя права, останется всетаки неисполненнымъ требованіе ст.ст. 917 и 918 Ч. III Св. Мѣстн. Узак., такъ какъ церковью свв. Петра и Павла не указано, къ какому именно юридическому лицу должно было перейти, по упраздненіи Ревельскихъ церквей въ качествѣ католическихъ,—ихъ право собственности на спорное имущество и какимъ образомъ это право досталось въ концѣ концовъ, основанной лишь въ 1799 году, церкви свв. Петра и Павла. Ссылка на католическую церковь въ смыслѣ вселенской, здѣсь не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ не усматривается, по какому законному основанію имущество, безспорно принадлежавшее отдѣльнымъ церквамъ, какъ самостоятельнымъ юридическимъ лицамъ, перешло къ вселенской церкви, а отъ нея именно къ церкви свв. Петра и Павла.

Въ подтвержденіе своихъ притязаній на имущество Gotteskasten'a, евангелическо-лютеранскія церкви приводятъ всю шестивѣковую исторію спорнаго имущества, которую онѣ и излагаютъ приблизительно такъ: Въ средніе вѣка благотворительныя учрежденія находились въ такой тѣсной зависи-

мости отъ церкви, что составляли лишь принадлежность ея, а ихъ имущество лишь часть церковнаго. Начиная съ XIII вѣка, благочестивые люди въ городѣ Ревелѣ жертвовали капиталы и недвижимости на нужды церквей и принадлежащихъ имъ благотворительныхъ заведеній. Такимъ образомъ поступили въ собственность церкви имѣнія Іоганнисгофъ, Каутель и село Гирвенъ, впослѣдствіи пріобщенныя къ составу Gotteskasten. Церковными имуществами завѣдывалъ, въ силу дарованными ему еще Датскими королями епископальнаго права, Ревельскій Магистратъ. Реформація ничего не измѣнила въ имущественныхъ правахъ церквей, а измѣнила только порядокъ управленія церковнымъ имуществомъ. Послѣ нѣсколькихъ колебаній Магистратъ, положеніемъ 1621 года создалъ Gotteskasten, центральный органъ для завѣдыванія всѣми капиталами, недвижимостями и сборами, предназначенными на богоугодныя цѣли, т. е. на нужды церквей и состоящихъ при нихъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ по распоряженію Магистрата, прежнее достояніе отдѣльныхъ церквей стало достояніемъ всѣхъ городскихъ евангелическо-лютеранскихъ церквей и съ тѣхъ поръ и по 1710-й годъ постоянно служило преимущественно для удовлетворенія потребностей лютеранскихъ храмовъ и ихъ причта.

Возсоединеніе края съ Россійской Имперіей ничего не измѣнило въ характерѣ и направленіи дѣятельности кассы богоугодныхъ заведеній. Капитуляціей города Ревеля 29 Сентября 1710 г. подтверждены Русскимъ Правительствомъ старыя привиллегія лютеранской церкви и гарантировано пасторамъ ихъ прежнее содержаніе. Во всѣхъ правительственныхъ актахъ, до новѣйшаго времени, всегда указывается назначеніе Gotteskasten'а служить поддержкою прежде всего лютеранскимъ церквамъ и ихъ причту, и этимъ подтверждается прежній, чисто церковный характеръ кассы, а потому тотъ фактъ, что благотворительныя учрежденія, раньше содержавшіяся на средства кассы богоугодныхъ заведеній, теперь находятся на попеченіи города, не можетъ повліять на права церкви на достояніе Gotteskasten'а, а можетъ лишь послужить городу поводомъ вчинить къ церквамъ искъ о вознагражденіи за тѣ издержки, которыя онъ несетъ по содержанію благотворительныхъ учрежденій.

Доводы, на которые опираются притязанія церквей на имущество Gotteskasten'a можно, очевидно, свести къ четыремъ основнымъ тезисамъ: 1) въ средніе вѣка имущество благотворительныхъ заведеній составляло лишь часть церковнаго; 2) вошедшія впослѣдствіи въ составъ спорнаго имущества Gotteskasten имѣнія Іоганнисгофъ, Каутель и село Гирвенъ были еще въ дореформаціонное время пожертвованы на нужды церквей и принадлежащихъ имъ благотворительныхъ заведеній; 3) послѣ реформаціи Магистратъ, положеніемъ 1621 года создалъ центральный органъ для завѣдыванія церковнымъ имуществомъ—кассу богоугодныхъ заведеній и этимъ превратилъ прежнее достояніе отдѣльныхъ церквей въ общее достояніе всѣхъ городскихъ евангелическо-лютеранскихъ церквей, предназначенное на богоугодныя цѣли, т. е. на нужды храмовъ, благотворительныхъ и учебныхъ заведеній; 4) съ возсоединеніемъ края съ Россіей ничего не измѣнилось въ первоначальномъ характерѣ и направленіи дѣятельности Gotteskasten'a.

Для лютеранскихъ церквей особенно важное значеніе имѣетъ первый изъ названныхъ тезисовъ, такъ какъ лишь при условіи нераздѣльности въ средніе вѣка благотворительнаго имущества съ церковнымъ является для церквей возможность требовать, какъ свою собственность, даренія, предназначенныя жертвователями убогимъ и бѣднымъ. Повѣренный церквей пытается доказать тождество средневѣковаго церковнаго и благотворительнаго имущества ссылкой на общеизвѣстный, по его мнѣнію, историческій фактъ, что въ средніе вѣка благотворительныя и учебныя заведенія возникали лишь при храмахъ, какъ непосредственныя ихъ принадлежности, а также текстомъ грамотъ 1237, 1363 и 1365 годовъ и выписками изъ счетныхъ книгъ попечителей госпиталя св. Іоанна за время съ 1497 по 1507 годъ. Толкованіе грамотъ повѣреннымъ церквей кажется мнѣ сомнительнымъ, такъ какъ названнымъ повѣреннымъ не принято вовсѣ въ разсчетъ характерное для среднихъ вѣковъ отсуствіе строгаго разграниченія между сферами благотворительной и собственно церковной; въ средніе вѣка дѣла благочестія и дѣла милосердія объединялись въ широкой категоріи богоугодныхъ дѣлъ, посвященныхъ Богу и спасенію души.

Если въ грамотѣ 1237 года папскій легатъ Вильгельмъ, епископъ Моденскій, послѣ отмѣны существовавшаго въ

Лифляндіи и Эстляндіи запрещенія дарить недвижимости въ пользу церквей, и прибавляетъ: „Отсюда разрѣшается каждому жертвовать движимыя и недвижимыя имущества во спасеніе души Ревельскому госпиталю прокаженныхъ“, то отсюда вовсе нельзя заключать еще о тождествѣ въ имущественномъ отношеніи церкви и госпиталя, тѣмъ болѣе, что тогда нечего было бы и упоминать отдѣлно о дареніяхъ госпиталю послѣ общаго упоминанія о пожертвованіяхъ церкви, а можно видѣть лишь желаніе однимъ актомъ снять запрещеніе съ двухъ категорій дареній, объединенныхъ здѣсь общностью богоугоднаго мотива, который движетъ жертвователемъ. Точно также, если въ грамотѣ 1363 года обѣщается прощеніе грѣховъ за пожертвованія госпиталю прокаженныхъ, основанному въ честь св. Іоанна Крестителя, внѣ стѣнъ Ревеля, чтобы этотъ госпиталь всѣми благовѣрными Христіанами чествовался и посѣщался съ надлежащимъ благоговѣніемъ, то для объясненія такого благоговѣйнаго чествованія вовсе не необходимо предположить совпаденію церкви и госпиталя въ имущественномъ отношеніи, какъ это дѣлаетъ повѣренный лютеранскихъ церквей, а просто не надо забывать, что въ средніе вѣка госпитали посвящались Святымъ (св. Іоанну и св. Лазарю), поддерживались и созидались милостынями благотворителей, во славу Божію и Святыхъ Патроновъ и во спасеніе души, являлись въ глазахъ вѣрующихъ домами благочестія и милосердія, а потому и чествовались ими непосредственно вслѣдъ за церквами. Если въ грамотѣ 1365 года и обѣщается прощеніе грѣховъ за подаянія въ пользу Капеллы дома Св. Духа и проживающихъ въ немъ бѣдныхъ, то послѣднее опять таки въ виду богоугодной цѣли жертвователей во спасеніе души и милость ближнему. Наконецъ изъ счетной книги попечителей госпиталя св. Іоанна усматривается, что на госпитальныя средства поправлялась въ 1503 и 1506 гг. крыша часовни, пріобрѣтались колокола и т. д. Здѣсь мнѣ приходится коснуться того характера и типа, которые имѣли древнѣйшія благотворительныя учрежденія города Ревеля. Въ XII и XIII столѣтіяхъ западная Европа покрылась госпиталями прокаженныхъ, посвященными св. Іоанну и св. Лазарю и домами Св. Духа для бѣдныхъ и убогихъ. Въ 1237 году въ первый разъ упоминается въ Ревелѣ о госпиталѣ св. Іоанна, а въ 1316 году о домѣ Св. Духа. Это

были благотворительныя учрежденія, которыя въ соотвѣтствіи съ общимъ духомъ тогдашней эпохи носили полуцерковный характеръ и заключали въ своемъ составѣ часовни свв. патроновъ. Часовня св. Іоанна до окончательнаго ея закрытія, вездѣ въ источникахъ такъ и именуется госпитальною часовнею, „capella“; часовня Св. Духа въ грамотѣ 1365 года тоже называется „capella“; въ одной грамотѣ 1359 года (доказательство № 5, дѣло Оберъ-Ландгерихта) она обобщается съ госпиталемъ и богадѣльнею подъ общимъ именемъ дома Св. Духа, а въ другой грамотѣ 1359 года (доказательсво № 44, дѣло Оберъ-Ландгерихта) она именуется уже церковью „ecclesia“, однако слово церковь здѣсь обозначаетъ не приходскій храмъ, а домовую, богадѣльную церковь, каковою церковь Св. Духа остается и послѣ реформаціи, такъ какъ въ постановленіи 9 Сентября 1525 года Магистрата упоминается лишь о двухъ приходскихъ церквахъ города—св. Олая и св. Николая. Церковь св. Духа, сдѣлавшись впослѣдствіи, уже послѣ упраздненія дома Св. Духа для убогихъ, приходскою церковью, потеряла непосредственную преемственную связь съ прежнею часовней Св. Духа, про которую говорится въ грамотѣ 1365 г.: „часовня Св. Духа и находящіяся при ней бѣдные“—и которая, согласно постановленію Магистрата 1340 года, должна была половину доходовъ отъ церковныхъ требъ удѣлять на „curia“, т. е. на содержаніе госпиталя и богадѣльни, составлявшихъ вмѣстѣ съ нею одно учрежденіе, предназначенное для дѣлъ милосердія.

Усматривая вездѣ въ источникахъ, что, во-первыхъ, часовни св. Іоанна и Св. Духа называются не церквами, а именно часовнями, во-вторыхъ, часовня св. Іоанна закрылась вмѣстѣ съ госпиталемъ, а часовня Св. Духа сдѣлалась приходскою церковью лишь по упраздненіи госпиталя того же имени, и въ-третьихъ, госпитали св. Іоанна и св. Духа постоянно упоминаются въ актахъ отдѣльно отъ церковныхъ зданій того же имени, между тѣмъ, какъ на оборотъ, церковныя зданія никогда не упоминаются безъ указанія тутъ же на состоящихъ при нихъ бѣдныхъ и убогихъ, которымъ посвящается и значительная часть доходовъ даже и съ церковныхъ требъ, естественно приходишь къ убѣжденію, что и въ средніе вѣка въ Ревелѣ существовали благотворительныя учрежденія, не какъ принадлежность церквей, а напротивъ, съ принадле-

жащими къ составу ихъ часовнями, а потому и не удивительно, что госпитальныя деньги тратились не только на убогихъ, но и на госпитальныя же часовни и ихъ клиръ.

Если отрицать имущественную самостоятельность Ревельскихъ богоугодныхъ заведенiй въ среднiе вѣка можно лишь на основанiи сомнительныхъ толкованiй источниковъ, то тѣ же источники даютъ, напротивъ, несомнѣнныя доказательства упомянутой самостоятельности богоугодныхъ заведенiй. У госпиталей и богадѣленъ въ среднiе вѣка были назначаемые Магистратомъ попечители, которые, какъ законные представители юридическихъ лицъ, совершали отъ ихъ имени сдѣлки, прiобрѣтали и отчуждали недвижимости: такъ въ актѣ 1356 года говорится: „попечители госпиталя св. Iоанна купили отъ попечителей Св. Духа мельницу Ликкатъ"; въ 1503 году въ дарственной грамотѣ сказано, что Германъ Лоде уступаетъ имѣнiе Тыденкюля съ деревнями попечителямъ госпиталя св. Iоанна; грамоты Датской королевы Маргариты 1279 года утверждаютъ именно за Ревельскимъ госпиталемъ прокаженныхъ на вѣчныя времена владѣнiе мельницею Паткъ и т. д. Очевидно повѣренный церквей смѣшиваетъ два понятiя: въ среднiе вѣка благотворительныя и учебныя заведенiя находились подъ покровительствомъ и въ вѣдѣнiи церкви, но вовсе не всегда составляли простую ея принадлежность, а имущество ихъ могло бы быть разсматриваемо какъ церковное, лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было доказать, что упомянутыя заведенiя основаны по инициативѣ и на средства церквей, чему въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ доказательствъ.

Доказавъ всю тщетность тѣхъ попытокъ, которыя дѣлаются повѣреннымъ церквей, чтобы отождествить имущество средневѣковыхъ благотворительныхъ учрежденiй города Ревеля съ церковнымъ, перехожу къ вопросу, кому же именно—церквамъ, или благотворительнымъ учрежденiямъ пожертвованы въ дореформацiонное время имѣнiя Iоганнисгофъ, Каутель и Гирвенъ, впослѣдствiи вошедшiя въ составъ Gotteskasten'а.

Грамотою 1279 года Датская королева Маргарита возвращаетъ Ревельскому госпиталю прокаженныхъ неправильно отобранныя отъ него деревню и мельницу Паткъ, искони принадлежавшiя ему. Въ 1356 г. попечители госпиталя св. Iоанна купили у попечителей Св. Духа мельницу Ликкатъ.

Тотъ же госпиталь св. Іоанна, какъ видно изъ грамотъ 5 Авг. 1415 г. и 1436 года, обязанъ пріобрѣтеніемъ деревни Лиммо щедрости ратсгера Іоанна Шпехта, а деревни Погенпе — щедрости Германа Цэге и Бернта фонъ-Гольтеренса. Наконецъ дарственною грамотою 1503 года Германъ Лоде уступилъ имѣніе Тыденкюля съ деревнями Ассенкорнъ, Кароль, Ватель и Каутель, т. е. теперешнюю мызную землю имѣній Іоганнисгофъ и Каутель, попечителю бѣдныхъ больныхъ госпиталя св. Іоанна въ пользу и на имя этихъ больныхъ (zu namen und van weghen der sulver seken).

Изъ всѣхъ перечисленныхъ дареній и образовались имѣнія Іоганнисгофъ и Каутель, пожертвованныя такимъ образомъ не церквамъ, а благотворительному учрежденію, госпиталю св. Іоанна. Повѣренный церквей пытается поколебать несомнѣнное свидѣтельство документовъ и грамотъ ссылкой на страницу 64 счетной книги попечителей госпиталя св. Іоанна, гдѣ значится, что попечители приняли отъ Германа Лоде имѣніе „Тыденкюля въ пользу св. Іоанна и убогихъ". Выраженіе „св. Іоанна" по мнѣнію повѣреннаго церквей можетъ означать лишь храмъ того же имени. Не говоря уже о томъ, что церкви св. Іоанна прокаженнаго въ Ревелѣ не существовало, а была лишь часовня названнаго Святого при госпиталѣ, а также, что настоящую волю жертвователя, повидимому, нужно искать не въ счетной книгѣ, а въ подлинной дарственной грамотѣ, гдѣ сказано: „на имя и въ пользу бѣдныхъ больныхъ госпиталя св. Іоанна", я не могу согласиться и съ тѣмъ толкованіемъ, которое повѣренный церквей даетъ выраженію „св. Іоанна", выраженію, которое, казалось бы, можетъ относиться и не къ одной только церкви, а скорѣе къ св. Патрону, во славу и для умноженія щедротъ коего предназначается даръ.

Изъ грамоты 1359 года усматривается, что Христіанъ фонъ-Шеренбекъ пожертвовалъ деревню Гирвенъ „церкви Св. Духа и на увеличеніе ея милостыней". Церковь Св. Духа, о которой здѣсь идетъ рѣчь, какъ я уже упоминалъ раньше, не та приходская церковь, которая теперь существуетъ въ Ревелѣ, а богадѣльная церковь, часть обширной, посвященной Св. Духу, благотворительной фундаціи, церковь, половина доходовъ съ церковныхъ требъ которой шла на бѣдныхъ и убогихъ. И въ грамотѣ 1359 года выраженіе „и на увеличеніе

ея милостыней“ указываетъ на дѣла милосердія, которымъ была посвящена капелла Св. Духа, какъ принадлежность дома Св. Духа. Впослѣдствіи по признанію самого повѣреннаго церквей, село Гирвенъ, наравнѣ съ имѣніемъ Іоганнисгофъ, постоянно называется госпитальнымъ имѣніемъ, что и совершенно правильно, въ виду назначенія, даннаго обѣимъ недвижимостямъ жертвователями—служить поддержкою неимущимъ и страждущимъ. Въ средневѣковыхъ грамотахъ по городу Ревелю встрѣчаются указанія и на другія, кромѣ Іоганнисгофъ и Гирвенъ, даренія благотворительнымъ учрежденіямъ, напримѣръ, изъ счета городской кассы за 1464 годъ видно, что Рейнольдъ Зандеръ отказалъ по завѣщанію больнымъ госпиталя Св. Духа очень крупную по тогдашнему времени сумму въ 1000 марокъ.

Ревельскія приходскія церкви св. Олая и св. Николая имѣли въ средніе вѣка весьма значительные доходы и имущества: дома, капиталы, сборы за свѣчи, колокола, погребенія и т. д., кошельковый и кружечный сборъ, а главное даренія, преимущественно по завѣщаніямъ—на поминъ души, украшеніе храмовъ и содержаніе причта. Изъ отчетовъ попечителей церкви св. Николая видно, что въ 1490 году доходы церкви составляли 534 1/2 марки, 10 шилл., 2 пф., изъ нихъ 410 марокъ по завѣщаніямъ. Въ 1510 году доходы церкви возросли до 601 марки 1 1/2 шилл., а въ 1519 г. до 714 марокъ. Церкви изъ своихъ достатковъ удѣляли и на бѣдныхъ и кромѣ того раздавали имъ суммы, по распоряженіямъ завѣщателей. Такія учрежденія, какъ „церковные бѣдные изъ дома Викмана“, о коихъ упоминается въ Магистратскихъ дѣлахъ 15-го столѣтія и которыя содержались на церковныя средства, составляли дѣйствительно лишь принадлежности церквей, чего нельзя, конечно, сказать о такихъ самостоятельныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, какъ госпитали и дома Св. Духа, которыя сами содержали въ своемъ составѣ посвященныя Патронамъ церковныя зданія.

Естественный выводъ изъ предъидущаго тотъ, что и въ средніе вѣка, несмотря на отсутствіе строгаго разграниченія сферъ благотворительной отъ собственно церковной, благодаря чему съ одной стороны церкви удѣляли изъ своихъ достатковъ бѣднымъ и убогимъ, съ другой—самостоятельныя благотворительныя учрежденія носили полуцерковный харак-

теръ, заключая неизмѣнно въ своемъ составѣ церковныя зданія въ честь свв. Патроновъ, можно всегда различить двоякаго рода дѣла милосердія: одни исходятъ отъ церкви, на ея средства и составляютъ лишь отрасль церковныхъ дѣлъ, другимъ же посвящены цѣлыя благотворительныя фундаціи, всѣ составныя части коихъ, зданія, капиталы и часовни, служатъ лишь одной цѣли—призрѣнію убогихъ и помощи бѣднымъ. Къ послѣдней категоріи благотворительныхъ учрежденій принадлежали и Ревельскій средневѣковой госпиталь св. Іоанна и домъ Св. Духа. Приношенія благотворителей съиздавна предназначались либо на церковь, на украшеніе ея, содержаніе причта, раздачу церковнымъ бѣднымъ и тогда входили въ составъ церковнаго имущества,—либо на благотворительныя учрежденія, на госпитали, дома бѣдныхъ и ихъ часовни и тогда причислялись къ общему благотворительному фонду, которымъ распоряжались подъ руководствомъ Магистрата, свои собственные, отдѣльные отъ церковныхъ—попечители.

Единогласное свидѣтельство всѣхъ актовъ, грамотъ и историческихъ справокъ, приводимыхъ повѣреннымъ церквей въ подтвержденіе правъ церкви на ту часть имущественнаго комплекса Gotteskasten'а, которая образовалась въ дореформаціонное время изъ дареній съ богоугодною цѣлью, доказываетъ какъ разъ наоборотъ тому, что силится изъ нихъ вывести упомянутый повѣренный, а именно доказываетъ, что имѣнія Іоганнисгофъ, Каутель и село Гирвенъ были пожертвованы не церкви, а благотворительнымъ учрежденіямъ, доходы ихъ шли на убогихъ госпиталя, бѣдныхъ богадѣльни и на часовни свв. Патроновъ, и въ частности ко времени реформаціи Іоганнисгофъ и Каутель составляли собственность госпиталя св. Іоанна, а Гирвенъ—собственность дома Св. Духа.

Въ Ревелѣ реформація не внесла въ церковное управленіе такой рѣзкой перемѣны, какъ повсюду въ западной Европѣ, гдѣ протестантизмъ, подчинивъ церковь контролю свѣтской власти, уничтожилъ теократическій строй католицизма. Въ Ревелѣ же Магистрату еще въ средніе вѣка принадлежала въ силу епископальнаго права, высшая расправа по духовнымъ дѣламъ. Съ 1524 года въ рукахъ Магистрата окончательно сосредоточивалась вся полнота свѣтской и духовной власти въ городѣ, и съ этихъ поръ Магистратъ стремится объеди-

нить въ центральномъ органѣ управленіе подвѣдомственными ему богоугодными учрежденіями. Постановленіемъ 9 Сентября 1525 года учреждаются общіе сундуки въ каждомъ изъ городскихъ приходовъ (св. Олая и св. Николая), куда должны поступать доходы съ духовныхъ (geistlich) имуществъ на содержаніе евангелическихъ пасторовъ, церковно-служителей и убогихъ.

Новый порядокъ, очевидно, не сразу привился, такъ какъ 29 Октября 1550 года Магистратъ нашелъ нужнымъ разъяснить, что издержки по ремонту церквей и церковныхъ домовъ общій сундукъ обязанъ принимать на себя и „остатки отъ церковныхъ денегъ должны оставаться у церкви, остатки отъ сундука—у сундука, пока не состоится иное соглашеніе, и за симъ будетъ одинъ Богъ и одинъ сундукъ“. Въ 1599 году постановленіемъ Магистрата отдѣльные сундуки приходскихъ церквей сливаются въ одинъ общій, а положеніемъ 16 Сентября 1621 года завершается централизація управленія духовными имуществами и въ одной кассѣ богоугодныхъ заведеній (Gotteskasten) сосредоточиваются доходы церквей, госпиталей и бѣдныхъ. Глава I-я названнаго положенія опредѣляетъ такъ имущественный составъ Gotteskasten'а: „всѣ фундаціи и учрежденія, основанныя при церквахъ, школахъ, госпиталяхъ, богадѣльняхъ и лечебницахъ, равно и всѣ арендныя и поземельныя деньги, оброчныя деньги за духовныя имущества, проценты съ капиталовъ церквей, школъ и бѣдныхъ и всѣ вообще могущіе быть доходы оныхъ должны быть соединены и переданы въ одинъ сундукъ. Въ этотъ же сундукъ поступаютъ и собираемыя около Троицына дня подаянія, деньги изъ сборныхъ кошельковъ въ церквахъ, все завѣщанное во славу Божію по духовнымъ завѣщаніямъ, или пожертвованное договаривающимися сторонами, или моряками и т. п., равнымъ образомъ и имѣнія Іоганнисгофъ и Гирвенъ, назначенныя предками во славу Божію и на содержаніе бѣдныхъ, не должны быть употребляемы на свѣтскія цѣли, а всецѣло пріобщены къ Gotteskasten'у. Далѣе пар. 4-й главы I-й подчеркиваетъ характеръ богоугодной, а не спеціально церковной кассы, который долженъ имѣть Gotteskasten, противопоставляя доходамъ Gotteskasten'а спеціальныя средства церквей: выручку за свѣчи, колокола, похороны и церковные шандалы, остающіяся въ распоряженіи отдѣльныхъ храмовъ.

Учрежденіе Gotteskasten'а не могло ни въ чемъ измѣнить правового положенія вошедшаго въ составъ его имущества, такъ какъ во всѣхъ изданныхъ Магистратомъ постановленіяхъ не усматривается ни одного распоряженія, направленнаго къ измѣненію правъ собственности на это имущество. Магистратъ, не касаясь вопроса, кому принадлежитъ имущество, распоряжается его фактическимъ положеніемъ, его доходами, которые не должны больше поступать къ попечителямъ на нужды отдѣльныхъ церквей, школъ и госпиталей, а стекаться въ общую кассу, распредѣляющую ихъ безразлично между всѣми богоугодными учрежденіями, смотря по ихъ потребностямъ.

При самомъ основаніи Gotteskasten'а имущественный составъ его, какъ видно изъ главы I-й положенія 1621 года, сложился изъ недвижимостей имѣній Іоганнисгофъ и Гирвенъ, оставшихся по прежнему собственностью госпиталей и бѣдныхъ, изъ капиталовъ, отчасти церковныхъ, отчасти благотворительныхъ и изъ сборовъ, изъ коихъ нѣкоторые, напримѣръ кружечный и кошельковый сборъ, церковныя подаянія въ Троицынъ день и дары церкви по завѣщаніямъ, предназначались спеціально на церковныя нужды, другіе же, напримѣръ Gottespfennig (сборъ въ пользу бѣдныхъ съ договаривающихся сторонъ) и Armenlof (сборъ съ вывозимаго хлѣба въ пользу нищихъ), имѣли благотворительное назначеніе.

Вопросъ о правѣ Магистрата распоряжаться доходами богоугодныхъ заведеній и создавать для завѣдыванія этими доходами особый исполнительный органъ, рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ ссылкою на положеніе 1621 года въ перечисленіи источниковъ къ 3-й части мѣстныхъ Узаконеній.

Отрывочныя и неполныя данныя настоящаго дѣла даютъ возможность лишь намѣтить въ общихъ чертахъ тѣ измѣненія, кои повидимому произошли въ составѣ Gotteskasten, въ теченіи XVII и XVIII столѣтій.

Вскорѣ послѣ реформаціи, когда происходило сліяніе средствъ богоугодныхъ заведеній въ одной кассѣ, доля собственно церковныхъ доходовъ въ общемъ итогѣ этихъ средствъ была весьма значительна: выписками изъ счетной книги церкви св. Николая я показалъ выше, какъ крупны были доходы церквей въ католическое время; поступленія кошельковаго и кружечнаго сбора, сбора за свѣчи, похороны,

колокола и даренія по завѣщаніямъ составляли въ 1519 году 714 марокъ, т. е. сумму, которая равняется въ настоящее время цѣнѣ въ городѣ большого каменнаго дома. Столѣтіе спустя послѣ реформаціи въ приложенныхъ къ дѣлу документахъ XVII и XVIII вѣка уже не упоминается больше о тѣхъ щедрыхъ дареніяхъ на церковь, изъ коихъ въ средніе вѣка украшались храмы, содержался причтъ, образовались запасные капиталы и шли раздачи бѣднымъ. Изъ цѣлаго ряда бюджетовъ Gotteskasten'а за 1656, 1680, 1681, 1682, 1683, 1684 и 1689 года, усматривается, что изъ статей прихода, средній годовой итогъ коего достигаетъ 3500 рейхсталеровъ, къ текущимъ церковнымъ доходамъ можетъ быть отнесена лишь высыпка изъ кружекъ, производившаяся около Троицына дня, которая и дала 163 рейхсталера въ 1681 г. и 251 рейхсталеръ въ 1680 г. Прочіе доходы Gotteskasten'а состояли изъ рентъ и оброчныхъ денегъ съ госпитальныхъ имѣній и капиталовъ благотворительныхъ и церковныхъ и изъ поступленія благотворительныхъ сборовъ—изъ сбора по кружкамъ для бѣдныхъ (Armenbüchsen) и пошлины съ вывозимаго хлѣба въ пользу нищихъ (Kornkasten въ 1681 году—1092 рейхсталера). Хотя въ составѣ Gotteskasten'а къ концу XVII столѣтія, и начинаютъ повидимому, преобладать благотворительныя поступленія, а именно доходы съ госпитальныхъ имѣній и сборы на бѣдныхъ, надъ церковными, тѣмъ не менѣе средства Gotteskasten, какъ кажется, все болѣе и болѣе поглощаются нуждами церквей и ихъ причта; такъ, начиная съ 1656 года, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изъ 10882 господскихъ талеровъ израсходовано на церкви и школы 8460 тал., а въ 1684 году на церкви и школы истрачено 3372 рейхсталера, а на благотворительныя цѣли всего 421 тал. Даже такія поступленія, кои искони предназначались на благотворительныя цѣли, въ XVII вѣкѣ начинаютъ понемногу обращаться на нужды церквей: изъ отчетовъ госпитальныхъ попечителей Ревельскому Магистрату усматривается, что въ 1370 году на содержаніе госпиталя св. Іоанна шли не только доходы съ госпитальныхъ деревень, мельницъ и съ капиталовъ, розданныхъ подъ городскія недвижимости, но и отпускались субсидіи изъ средствъ Магистрата; въ XVII же вѣкѣ изъ чистаго дохода имѣнія Іоганнисгофъ, съ 1682 г. по 1687-й годъ 66 ластовъ хлѣба отпущено пасторамъ, а 57 ластовъ сложено въ городскомъ

пакгаузѣ, да и изъ этого запаса шли (доказательство 47) крупныя выдачи натурою тѣмъ же пасторамъ. Въ 1877 году Магистратъ уже прямо указываетъ на доходы съ имѣній Іоганнисгофъ и Каутель, какъ на принадлежность церквей. Весьма вѣроятно, что именно поглощеніемъ доходовъ Gotteskasten церковными потребностями и объясняется упадокъ тѣхъ благотворительныхъ учрежденій г. Ревеля, начало которыхъ относится еще къ среднимъ вѣкамъ и на поддержаніе коихъ предназначались матеріальныя средства кассы богоугодныхъ заведеній: городскіе госпитали закрылись и до сихъ поръ на ихъ мѣсто не возникло никакой новой организаціи городского больничнаго дѣла; богадѣльни и дома бѣдныхъ, если и существуютъ въ настоящее время, то они возникли позднѣе и на спеціальныя пожертвованія частныхъ лицъ; таковы богадѣльня Германова, домъ Петча и т. п. Тому же процессу, который кореннымъ образомъ видоизмѣнилъ въ послѣреформаціонное время всѣ источники церковныхъ доходовъ въ Ревелѣ, нужно, повидимому, приписать и постепенное установленіе въ уѣздахъ для обезпеченія храмовъ и ихъ причта особыхъ сборовъ съ земли, иногда довольно значительные, какъ это видно изъ статистическихъ свѣдѣній о матеріальномъ обезпеченіи лютеранскаго духовенства, представленныхъ въ Министерство, вслѣдствіе предложенія отъ 9 Іюня 1889 г. за № 3711.

Если въ Ревелѣ недвижимости не несутъ повинностей въ пользу лютеранской церкви, то это не объясняется ли исключительнымъ положеніемъ, которое занималъ въ городѣ Магистратъ, одновременно и хозяинъ города и патронъ церквей? Магистратъ не нашелъ нужнымъ увеличить податную тягость обывателей, а обратилъ на содержаніе церквей завѣщанный въ его распоряженіе еще средними вѣками имущественный фондъ кассы богоугодныхъ заведеній.

Въ XVIII вѣкѣ Gotteskasten продолжаетъ утрачивать характеръ полуцерковной кассы: въ его составѣ, рядомъ съ госпитальными недвижимостями и сборами на бѣдныхъ, церковная собственность представлена была лишь капиталами, часть коихъ безспорно принадлежала церквамъ и именно эти то капиталы Gotteskasten'а значительно и уменьшились во время сѣверной войны, пожертвованіями на издержки борьбы противъ Россіи; такъ были израсходованы въ 1707 г.

Gotteskasten'омъ, или вѣрнѣе Магистратомъ, распоряжавшимся его имуществомъ, 8706 рейхсталеровъ (доказательство 25). Такъ какъ сократившихся доходовъ Gotteskasten'а не было уже достаточно для покрытія все разроставшихъ потребностей церквей, то Магистратъ и распорядился, какъ хозяинъ городского имущества, отдѣлить часть этого имущества и пріобщить ее къ составу кассы богоугодныхъ заведеній, назначивъ доходы съ нея на нужды церквей и пасторовъ. Такимъ образомъ вошли въ составъ Gotteskasten имѣнія Неггатъ, Фетъ и Койтьервъ. Съ этихъ поръ и до 1877 года средства Gotteskasten'а почти исключительно слагались изъ доходовъ съ недвижимостей городскихъ и госпитальныхъ. Что имѣнія Неггатъ, Койтьервъ и Фетъ были въ дѣйствительности городскими, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Какъ усматривается изъ выписи изъ протокольной книги Ревельскаго Магистрата за 1733 годъ, представленной повѣреннымъ церквей, имѣнія Неггатъ и Койтьервъ были въ означенномъ году куплены „городомъ Ревелемъ“, условленная покупная цѣна была уплачена изъ средствъ общей городской кассы и во владѣніе имѣніями былъ введенъ „городъ Ревель“. Повѣренный церквей старается поколебать значеніе этихъ точныхъ данныхъ, опредѣлительно удостовѣряющихъ, что городъ Ревель пріобрѣлъ покупкою право собственности на имѣнія Неггатъ и Койтьервъ, ссылкой на фактъ пріобщенія имѣній къ составу имущественной массы кассы богоугодныхъ заведеній и на то обстоятельство, что пріобщеніе это послѣдовало съ цѣлью уплаты займа, сдѣланнаго городомъ изъ церковныхъ капиталовъ на нужды Сѣверной войны. Между тѣмъ въ протокольной книгѣ Магистрата за 1733 годъ, гдѣ говорится о передачѣ имѣній Неггатъ и Койтьервъ кассѣ богоугодныхъ заведеній, „дабы тѣмъ оказана была помощь церквамъ и школамъ“, вовсе не упоминается о намѣреніи городского управленія переуступить церквамъ право собственности на имѣнія, а потому передача имѣній Gotteskasten'у является не актомъ отчужденія ихъ, а лишь актомъ распоряженія доходами съ нихъ съ назначеніемъ этихъ доходовъ на содержаніе церквей и школъ въ помощь имъ. Имѣніе Фетъ куплено городомъ 19 Ноября 1402 года у орденсмейстера Конрада фонъ-Фитингофа, было долго городскимъ конюшеннымъ имѣніемъ и, какъ свидѣтельствуетъ

протокольная книга Магистрата за 1733 годъ, еще въ означенномъ году оставалось городскимъ имѣніемъ.

Притязаніе церквей на имѣніе Фетъ основывается опять таки на позднѣйшемъ пріобщеніи его къ имущественной массѣ Gotteskasten, при чемъ это пріобщеніе, въ виду отсутствія какихъ либо доказательствъ переуступки городомъ его правъ на недвижимость церквамъ, является несомнѣнно не актомъ отчужденія, а актомъ распоряженія собственника доходами.

Съ возсоединеніемъ края съ Россійскою Имперіею, Gotteskasten остался по прежнему одною изъ городскихъ комиссій, въ вѣдѣніи коей состояли средства, назначенныя на богоугодныя цѣли въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Пунктъ 3-й Капитуляцій 29 Сентября 1710 года не могъ, гарантируя лютеранской церкви въ Ревелѣ всѣ ея прежнія права, гарантировать этой церкви и обладаніе имуществомъ Gotteskasten, такъ какъ названное имущество никогда не составляло достоянія церкви. Въ протоколѣ Оберъ-Ландгерихта 1720 года, въ донесеніи Ревельскаго Магистрата, изложенномъ въ Указѣ Правительствующаго Сената 1783 года, также какъ и въ болѣе раннемъ документѣ—въ оцѣночныхъ спискахъ 1663 и 1678 года, упоминается объ имѣніяхъ Іоганнисгофъ, Каутель и Гирвенъ, причемъ эти имѣнія называются: въ первомъ документѣ „городскими для бѣдныхъ имѣніями", во второмъ—„госпитальными и для бѣдныхъ имѣніями", а въ послѣднемъ—„городскими патримоніальными, предназначенными для бѣдныхъ имѣніями" и прибавляется, что доходы ихъ идутъ, въ числѣ прочаго, и на церкви и ихъ причтъ. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что званія „городскія" придается въ указанныхъ выше документахъ имѣніямъ Іоганнисгофъ, Каутель и Гирвенъ, не столько съ цѣлью опредѣлить ихъ принадлежность городу, сколько съ цѣлью противопоставить ихъ, въ интересахъ фиска и кадастра, имѣніямъ казеннымъ и частнымъ, я все таки считаю весьма знаменательнымъ тотъ фактъ, что упомянутыя имѣнія именуются не церковными, чѣмъ одинаково достигалась бы цѣль противопоставленія, а городскими. Статья 1179 Ч. I Св. Мѣстн. Узак. не можетъ имѣть рѣшающаго значенія для вопроса о правѣ собственности на имущество Gotteskasten, такъ какъ она упоминаетъ о кассѣ богоугодныхъ заведеній лишь какъ объ

особомъ городскомъ управленіи, вѣдующемъ тѣ суммы, кои идутъ на содержаніе перечисленныхъ въ статьѣ учрежденій, т. е. говоритъ не о правовомъ, а о фактическомъ положеніи имущества Gotteskasten. Трудно судить, дѣйствительно ли приведенный въ ст. 1179 списокъ учрежденій, получавшихъ въ 1845 году, т. е. въ годъ изданія Ч. I Св. Мѣстн. Узак., пособіе изъ средствъ кассы богоугодныхъ заведеній, не полонъ, какъ это утверждаетъ повѣренный церквей, такъ какъ съ одной стороны несомнѣнно, что въ 1877 году изъ доходовъ Gotteskasten получали содержаніе городскія церкви св. Олая, св. Николая, Св. Духа, св. Михаила и св. Іоанна (эстонская); съ другой же стороны столь же несомнѣнно, что при учрежденіи Gotteskasten изъ его средствъ не могли содержаться ни шведская церковь св. Михаила, ни эстонская церковь св. Іоанна, основанная лишь въ 1867 году, а слѣдовательно въ теченіи вѣковъ списокъ учрежденій, субсидируемыхъ кассою богоугодныхъ заведеній, мѣнялся, въ дѣлѣ же нѣтъ никакихъ указаній, какія именно учрежденія значились въ этомъ спискѣ въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Во всякомъ случаѣ указанія статьи 1179 Ч. I кодифицированнаго мѣстнаго права, хотя эта статья и помѣщена въ раздѣлѣ законовъ учредительныхъ, а потому и не можетъ имѣть исчерпывающаго значенія при опредѣленіи состава и круга вѣдомства Gotteskasten, являются несомнѣннымъ доказательствомъ (пока церквами ни будетъ доказано противнаго), что ко времени изданія Св. Мѣстн. Узаконеній, т. е. въ 1845 году, установившимся обычаемъ была выдача пособій изъ средствъ кассы богоугодныхъ заведеній лишь церквамъ Всѣхъ Скорбящихъ и св. Іоанна.

Переходя наконецъ къ 1877 году, я затрудняюсь указать въ имущественной массѣ Gotteskasten хоть одну составную часть, которую можно было бы признать несомнѣннымъ достояніемъ церкви. Повидимому завершился тотъ процессъ, отдѣльные намеки на который можно встрѣтить въ дѣлѣ: сначала прекратилось поступленіе въ кассу богоугодныхъ заведеній текущихъ церковныхъ доходовъ, а затѣмъ исчезли по всему вѣроятію на рубежѣ XVII и XVIII вѣка, во время тяжелаго кризиса, пережитаго кассою въ концу Сѣверной войны, когда-то столь значительные наличные капиталы, часть коихъ составляла безспорно церковную собственность.

Ко времени раздѣла спорнаго имущества между городомъ и церквами, весь наличный капиталъ Gotteskasten составлялъ лишь 48000 рублей, да и этотъ капиталъ, повидимому позднѣйшаго происхожденія и образовался изъ того запаснаго капитала, который, судя по документамъ XVIII столѣтія, составился изъ денегъ, выручаемыхъ отъ продажи части урожая госпитальныхъ имѣній, а именно части, оставшейся за выдачами натурою пасторамъ и сложенной въ городскомъ пакгаузѣ, и изъ поступленія пошлинъ въ пользу бѣдныхъ съ вывозимаго хлѣба (Armenlof). Во всякомъ случаѣ въ 1877 году въ составѣ Gotteskasten цѣнность недвижимостей безъ сравненія превышала наличный его капиталъ, принадлежность же названныхъ недвижимостей городу легко можетъ быть доказана на основаніи данныхъ, установленнымъ предъидущимъ изложеніемъ.

Изъ пяти имѣній, три, а именно Фетъ, Койтьервъ и Неггатъ, признаются гг. Сенаторами, участвовавшими въ сужденіи по настоящему дѣлу, а первыя два, кромѣ того, и Оберъ-Ландгерихтомъ—безспорно городскими. Между тѣмъ очевидно тѣ же доводы, коими гг. Сенаторы устраняютъ притязанія на означенныя имѣнія церквей, буквально примѣнимы и къ таковымъ же притязаніямъ церквей на имѣнія Іоганнисгофъ, Каутель и часть Фета, соотвѣтствующую древнему селу Гирвенъ. Послѣднія три недвижимости принадлежали когда то госпиталю св. Іоанна и дому Св. Духа; съ закрытіемъ этихъ учрежденій, онѣ въ силу ст. 2357 Ч. III Св. Мѣстн. Узак., должны были стать достояніемъ другихъ подобныхъ благотворительныхъ учрежденій, представителемъ коихъ въ Ревелѣ является городъ, а слѣдовательно сдѣлаться городскими имѣніями. Если тотъ фактъ, что городскія же имѣнія Неггатъ, Фетъ и Койтьервъ были пріобщены къ имущественной массѣ Gotteskasten'а и доходы ихъ служили на потребности церквей, признается не актомъ уступки имѣній церквамъ, а лишь актомъ распоряженія ихъ доходами со стороны собственника-города, неотъемлемымъ правомъ котораго является опредѣлить эти доходы на удовлетвореніе всякой не выходящей изъ предѣловъ его вѣдомства потребности, а слѣдовательно и на нужды церквей, то несомнѣнно и оставленіе городомъ городскихъ имѣній, Іоганнисгофъ, Каутель и Гирвенъ въ составѣ Gotteskasten, съ назначеніемъ ихъ доходовъ на нужды церквей, не можетъ ни въ чемъ умалить

правъ города на означенныя недвижимости. Въ настоящее время, когда попеченіе о благосостояніи лютеранскихъ церквей не входитъ болѣе въ кругъ вѣдомства города, имѣнія, прежде назначенныя на поддержаніе церквей, должны быть пріобщены къ общему составу городского имущества, а ихъ доходы идти на покрытіе текущихъ городскихъ расходовъ.

Если даже и признать, вопреки всему предшествующему изложенію, что имѣнія Іоганнисгофъ, Каутель и Гирвенъ были подарены въ дореформаціонное время не исключительно госпиталямъ и бѣднымъ, но также и церквамъ, то изъ этого все таки невозможно сдѣлать того вывода, что и въ настоящее время означенныя недвижимости составляютъ общую собственность тяжущихся городскихъ церквей и гор. Ревеля, какъ представителя благотворительныхъ учрежденій. Если Іоганнисгофъ, Каутель и Гирвенъ и могли составлять въ средніе вѣка собственность какой либо церкви, то конечно, какъ этого не оспариваетъ и повѣренный церквей, только церкви св. Іоанна (прокаженнаго) и церкви Св. Духа. Такъ какъ учрежденіе Gotteskasten не коснулось вовсе правового положенія вошедшаго въ его составъ имущества, а также ни одинъ актъ русскаго правительства не направленъ къ измѣненію этого правового положенія, то, очевидно, Іоганнисгофъ, Каутель и Гирвенъ остались и при шведскомъ владычествѣ и съ возсоединеніемъ края съ Имперіей, общимъ достояніемъ благотворительныхъ учрежденій и первыя два церкви св. Іоанна, а послѣдній церкви Св. Духа. Церковь св. Іоанна закрылась, и нѣтъ никакого законнаго основанія, по которому имущественныя ея права могли бы перейти къ какой либо изъ тяжущихся церквей, тѣмъ болѣе, что наслѣдованія между юридическими лицами подобнаго тому, которое существуетъ между физическими, законъ не признаетъ. Церковь Св. Духа, какъ неотъемлемая составная часть дома Св. Духа, тоже закрылась вмѣстѣ съ упраздненіемъ названнаго дома, а теперешняя приходская церковь того же имени не можетъ считаться непосредственной ея преемницей. За устраненіемъ правъ св. Іоанна и Св. Духа на имѣнія Іоганнисгофъ, Каутель и Гирвенъ остаются лишь права на нихъ города, какъ представителя городскихъ благотворительныхъ заведеній. Я уже и не упоминаю о томъ затрудненіи, которое создалось бы признаніемъ части имущества Gotteskasten общею собствен-

ностью города и церквей: въ какой долѣ участвуютъ церкви и городъ въ общемъ достоянiи. Что же касается до 73 оброчныхъ участковъ и капитала въ 48 тысячъ рублей изъ состава Gotteskasten, то ихъ, казалось бы, тоже нѣтъ никакого основанiя признать общею собственностью города и лютеранскихъ церквей только потому, что ни городъ, ни церкви не представили никакихъ доказательствъ своихъ правъ на нихъ. Обязанность подкрѣплять доказательствами свои притязанiя лежитъ не на городѣ, а на церквахъ, отыскивающихъ свою собственность у безспорнаго въ теченiи вѣковъ фактическаго владѣльца и распорядителя-города. Отсутствiе всякихъ доказательствъ у церквей является, поэтому, казалось бы, совершенно достаточнымъ мотивомъ для отказа имъ въ ихъ искѣ на ту часть имущественнаго комплекса Gotteskasten, которая состоитъ изъ оброчныхъ статей и капитала.

Остается вопросъ о правѣ церквей на производство имъ и впредь изъ городской кассы, по возсоединенiю съ ней отдѣльной кассы—богоугодныхъ заведенiй, тѣхъ же пособiй, которыя шли церквамъ изъ средствъ Gotteskasten въ продолженiи многихъ лѣтъ. Повидимому таковое право церквей можетъ опираться на статью 608 Т. XI Уст. Еванг.-Лютер. Церкви, которя требуетъ, чтобы допускавшiяся на основанiи законныхъ предписанiй и древнихъ обычаевъ въ пользу лютеранскихъ церквей до 28 Декабря 1832 года сборы и подаянiя, не увеличивались и не уменьшались безъ Высочайшаго соизволенiя. Не говоря о томъ, что трудно опредѣлить точный размѣръ тѣхъ пособiй, которыя получали церкви изъ средствъ Gotteskasten'а до 1832 года, такъ какъ опредѣленнаго размѣра этихъ пособiй, насколько можно судить изъ бюджета кассы богоугодныхъ заведенiй, не существовало, а выдавались пособiя, смотря по потребностямъ церквей; сами эти пособiя врядъ ли подходятъ подъ понятiя сбора, или даянiя, такъ какъ это были скорѣе ежегодныя ассигнованiя изъ городскихъ средствъ на удовлетворенiе одной изъ обязанностей, лежащихъ на городѣ, какъ патронѣ церквей; при чемъ это ассигнованiе, по распоряженiю собственника, обезпечивалось доходами съ опредѣленной части городского имущества. Выдача пособiй должна была прекратиться, какъ только попеченiе о благосостоянiи лютеранскихъ церквей было изъято Городовымъ Положенiемъ изъ круга вѣдѣнiя города.

Во всякомъ случаѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли къ городу вмѣстѣ съ имуществомъ Gotteskasten перешло и обязательство выплачивать ежегодную субсидію лютеранскимъ церквамъ, можетъ быть поставленъ на очередь лишь по разрѣшеніи того вопроса о правѣ собственности на имущество кассы богоугодныхъ заведеній, которому посвящено настоящее дѣло. Церкви пока ищутъ не субсидію изъ городскихъ средствъ, а право собственности на достояніе Gotteskasten. Если имъ будетъ въ ихъ искѣ отказано и спорное имущество будетъ признано городскимъ, то и возникаетъ для церквей возможность возбудить въ установленномъ порядкѣ ходатайство о назначеніи имъ пособія изъ городскихъ средствъ, при чемъ, какъ законное основаніе назначенія, такъ и точный размѣръ самаго пособія, должны быть доказаны церквами.

Изъ всего вышеизложеннаго, повидимому, явствуетъ, что повѣренному лютеранскихъ церквей не удалось доказать ни одного изъ тезисовъ, которые онъ кладетъ въ основу аргументаціи своей въ пользу правъ означенныхъ церквей на имущество Gotteskasten: тождество средневѣковаго благотворительнаго имущества съ церковнымъ—ничѣмъ не подтверждается, древнѣйшія части имущественнаго комплекса кассы богоугодныхъ заведеній—имѣнія Іоганнисгофъ, Каутель и Гирвенъ подарены въ дореформаціонное время не церквамъ, а благотворительнымъ учрежденіямъ и, если даже признать, что эти имѣнія принадлежали въ средніе вѣка не однимъ госпиталямъ, но и церквамъ, то такимъ церквамъ, которыя въ настоящее время болѣе не существуютъ, и права которыхъ не могли никоимъ образомъ перейти ни къ одной изъ тяжущихся церквей; положенія о Gotteskasten касаются лишь фактическаго, а не правового положенія вошедшаго въ его составъ имущества, а потому и не могли создать изъ собственности отдѣльныхъ богоугодныхъ заведеній общее достояніе всѣхъ городскихъ евангелическо-лютеранскихъ церквей, бывшихъ, настоящихъ и будущихъ; наконецъ въ 1877 году изъ состава спорнаго имущества Gotteskasten три имѣнія—несомнѣнно городскія, два—благотворительныя, а слѣдовательно принадлежатъ тоже городу, какъ представителю благотворительныхъ учрежденій; принадлежность же оброчныхъ участковъ и капитала въ 48 тысячъ рублей церквамъ не подтверждается никакими доказательствами.

Настоящее дѣло даетъ обильный матеріалъ для критики тѣхъ доводовъ, на которые опираются притязанія церквей на имущество Gotteskasten, но тотъ же матеріалъ недостаточенъ для несомнѣннаго установленія положительныхъ правъ города на спорное имущество; это и не удивительно въ виду той роли, которую играетъ въ дѣлѣ отвѣтчикъ, защитникъ интересовъ города.

Какъ я уже упоминалъ раньше, Городской Голова ограничивается пассивнымъ принятіемъ доказательствъ противника и громко признаетъ часть его притязаній. Все судопроизводство, повидимому, возбуждено съ единственною цѣлью добиться укрѣпленія за лютеранскими церквами той части имущества, которая была имъ отдана рѣшеніемъ Магистрата, а судъ не призванъ разбирать двѣ тяжущіяся стороны, а является лишь способомъ парализовать стремленіе администраціи охранить дѣйствительные интересы города. При такомъ положеніи нельзя утверждать, что отвѣтчикъ не представилъ суду доказательствъ, опровергающихъ требованія истца, только потому, что такихъ доказательствъ не имѣется, а не потому, что онъ не приложилъ никакихъ стараній ихъ розыскать. Въ данныхъ дѣла есть много пробѣловъ, которые, надо полагать, могли бы быть восполнены, если бы Городской Голова воспользовался въ интересахъ города тѣмъ городскимъ архивнымъ матеріаломъ, который съ противоположною цѣлью такъ широко эксплоатируется повѣреннымъ церквей. Такъ въ городскомъ архивѣ несомнѣнно найдутся свѣдѣнія, съ какого именно времени пріобщены къ составу Gotteskasten оброчные участки и какимъ образомъ образовался принадлежащій кассѣ богоугодныхъ заведеній капиталъ въ 48 тысячъ рублей. Опущеніе этихъ данныхъ повѣреннымъ церквей естественно заставляетъ думать, что эти данныя говорятъ не въ пользу его довѣрительницъ; почему же защитникъ города не воспользовался тогда этими свѣдѣніями? Рядомъ съ данными, устанавливающими точное распредѣленіе доходовъ съ госпитальныхъ имѣній въ XVII и XVIII вѣкахъ, таковыя же свѣдѣнія за время до учрежденія Gotteskasten почти совершенно опущены, между тѣмъ, какъ почерпнуть эти свѣдѣнія можно было бы изъ сохранившихся счетныхъ книгъ попечителей св. Іоанна, и съ ихъ помощью разрѣшить вопросъ кѣмъ управлялись, расходовались и распредѣлялись доходы съ имѣній

Іоганнисгофъ, Каутель и Гирвенъ въ то время, когда управленіе всѣми богоугодными имуществами не было еще сосредоточено въ центральной кассѣ, и отдѣльные попечители завѣдывали имуществами церквей, и отдѣльные -имуществомъ госпиталей.

Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній, когда и по какому поводу закрылись Ревельскіе госпитали и освободились такимъ образомъ тѣ средства, которыя раньше шли на ихъ содержаніе, а теперь обращены были Магистратомъ въ пользу церквей и т. д. и т. д.

Судебное мѣсто можетъ постановить рѣшеніе лишь на основаніи представленныхъ сторонами доказательствъ. Если же истецъ представляетъ рядъ доказательствъ, хотя бы и неполныхъ и противорѣчивыхъ, но съ другой стороны отвѣтчикъ не только воздерживается отъ представленія какихъ бы то ни было доказательствъ, но и открыто признаетъ часть требованій истца, нѣтъ никакой гарантіи, чтобы рѣшеніе суда, формально, быть можетъ, и въ полнѣ справедливое, было бы справедливымъ и по существу. Судъ не можетъ принять въ соображеніе, ни такихъ доказательствъ, которыхъ нѣтъ въ дѣлѣ, ни причинъ, почему эти доказательства не представлены одною изъ сторонъ, ни своеобразной политико-вѣроисповѣдной подкладки, которая придаетъ настоящему дѣлу особый характеръ и значеніе. Повѣренный церквей говоритъ: „интересы лютеранскаго города Ревеля тождественны съ интересами лютеранской церкви“.

Эта фраза защитника правъ церквей, повидимому, легла въ основу всего отношенія къ настоящему дѣлу той партіи, въ рукахъ которой находится въ настоящее время управленіе городомъ. Названная партія не считаетъ нужнымъ защищать права города противъ лютеранскихъ церквей только потому, что по ея мнѣнію интересы этихъ церквей и города тождественны. Наиболѣе рельефно выступаетъ этотъ мотивъ въ жалобѣ въ Правительствующій Сенатъ Ревельскаго Городского Головы отъ 31 Декабря 1888 г. (дополнительная жалоба), гдѣ городской Голова является въ неуказанной ему вовсе закономъ роли ходатая за нужды лютеранской церкви, которымъ, по его мнѣнію, вредятъ, будто бы, распоряженія Губернскаго Начальства. Большинство Ревельской Городской Думы повидимому забываетъ, что Ревель теперь вовсе не

лютеранскій городъ, что значительная часть его населенія православная, и въ немъ имѣется шесть православныхъ храмовъ, забываетъ, что Ревельское Городское Общественное Управленіе является представителемъ всего городского населенія, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій, а потому и не можетъ преслѣдовать узко-вѣроисповѣдныхъ задачъ и что Городское Положеніе не включило попеченіе о благосостояніи лютеранскихъ церквей въ кругъ вѣдомства Городского Управленія.

Финансовое положеніе города Ревеля далеко не блестящее; по смѣтѣ на текущій годъ, во избѣжаніе дефицита, пришлось сократить издержки по столь существеннымъ статьямъ городского благоустройства и пользъ обывателей, какъ дорожно-мостовая и школьная. Возвращеніе въ городскую кассу тѣхъ 12 слишкомъ тысячъ, которыя ежегодно выплачиваются церквамъ, было бы не малымъ подспорьемъ для городского бюджета. Выдача ежегоднаго пособія изъ городскихъ средствъ лютеранскимъ церквамъ является косвеннымъ обложеніемъ православнаго населенія города въ пользу лютеранской церкви въ противность примѣчанію къ ст. 608 Т. XI Устава Еванг.-Лютер. Церк. Начавшееся за послѣдніе годы движеніе въ пользу православія, вмѣстѣ съ естественными послѣдствіями закона о смѣшанныхъ бракахъ, должны привести въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ къ обращенію большей части населенія губерніи въ православіе; въ уѣздахъ, гдѣ церкви содержатся приходами, онѣ станутъ православными вмѣстѣ съ прихожанами, но въ Ревелѣ, гдѣ церкви эти обезпечены обязательною для города субсидіею, онѣ свободно могутъ оставаться лютеранскими и при ничтожной горсти прихожанъ. Субсидируемыя городомъ, Ревельскія лютеранскія церкви занимаютъ мѣсто, которое по праву принадлежитъ храмамъ господствующей религіи, попеченіе о благосостояніи коихъ статьею 4 Городового Положенія 1892 г. поручено особой заботливости городовъ. Если судъ въ лицѣ Правительствующаго Сената, окажется вынужденнымъ, благодаря отказу представителя городскихъ интересовъ отъ защиты этихъ интересовъ, постановить благопріятное для лютеранскихъ церквей рѣшеніе, то такое рѣшеніе явится несомнѣннымъ нравственнымъ пораженіемъ для дѣла православія на нашей окраинѣ и торжествомъ балто-лютеранской партіи,

которой такимъ образомъ удастся парализовать многолѣтнія старанія правительственной власти охранить право города, удастся провести свои партійно-вѣроисповѣдныя цѣли.

Въ виду всѣхъ только что указанныхъ соображеній, я съ своей стороны полагалъ бы необходимымъ изъять настоящее дѣло изъ вѣдѣнія суда, причемъ основаніемъ для изъятія могъ бы, казалось, послужить Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату 26 Марта 1877 года о примѣненіи Городового Положенія къ городамъ Прибалтійскихъ губерній, въ коемъ между прочимъ говорится: п. 3) По введеніи Городового Положенія, Магистраты, сословныя и другіе существующія нынѣ въ городахъ учрежденія, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ, кромѣ дѣлъ, имѣющихъ войти въ кругъ дѣйствій новаго Городского Общественнаго Управленія, еще и другіе предметы, оставить до времени на прежнемъ основаніи; п. 4) Изъ завѣдыванія означенныхъ въ предшедшей статьѣ учрежденій изъять для передачи по ближайшимъ указаніямъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ новое общественное управленіе всѣ дѣла, заведенія, имущества, которыя должны состоять въ вѣдѣніи послѣдняго на основаніи Городового Положенія и правилъ о примѣненіи онаго къ городамъ Прибалтійскихъ губерній. Между тѣмъ этихъ ближайшихъ указаній въ частности по вопросу о передачѣ имущества кассы богоугодныхъ заведеній въ вѣдѣніе новаго общественнаго управленія доселѣ со стороны Министерства Внутреннихъ дѣлъ дано не было.

Безпристрастнаго рѣшенія, вполнѣ согласнаго съ видами Правительства и нуждами населенія, нельзя ожидать отъ суда, поставленнаго въ анормальное положеніе отсутствіемъ въ настоящемъ дѣлѣ того спора о правѣ, которое составляетъ основаніе всякаго судебнаго разбирательства: одна изъ сторонъ, городъ, открыто отказывается отъ защиты, по крайней мѣрѣ, части своихъ правъ и смотритъ на судъ лишь, какъ на средство дать законную санкцію тому дару церквамъ, который по существующимъ правиламъ, не могъ послѣдовать безъ Высочайшаго соизволенія. Если настоящее дѣло получило съ самаго начала неправильное и, такъ сказать, искусственное направленіе, то объясняется это по моему мнѣнію не полнымъ примѣненіемъ, при введеніи въ городѣ Ревелѣ въ 1877 году Городового Положенія, требованій пп. 3 и 4 Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату 26 Марта

1877 г. Оставаться дольше въ разъ сознанномъ заблужденіи, казалось бы, нѣтъ никакого основанія, необходимо вернуть дѣло къ первоисточнику, что и можетъ быть вполнѣ достигнуто, если Ваше Высокопревосходительство признаете возможнымъ исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на прекращеніе дальнѣйшаго производства сего дѣла въ искусственно созданномъ тяжебномъ порядкѣ и передачу его въ Комитетъ Министровъ для постановленія, согласно пп. 3 и 4 Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату 26 Марта 1877 г., опредѣленія о передачѣ всего спорнаго имущества въ полное вѣдѣніе, пользованіе и распоряженіе города Ревеля. Что же касается до обезпеченія потребностей лютеранскихъ церквей города Ревеля, то вопросъ этотъ можетъ возникнуть лишь по спеціальному о томъ ходатайству названныхъ церквей, причемъ въ случаѣ возбужденія подобнаго ходатайства, какъ права, такъ и нужды церквей будутъ тщательно обслѣдованы и найдутъ себѣ, конечно, справедливое удовлетвореніе въ установленномъ порядкѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

От̄ издателя . . . . III—IV

Князь Сергѣй Владиміровичъ Шаховской. (Къ біографіи его и характеристикѣ личности) . . . . V—XL

I. Документы, относящіеся до введенія русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ и общественныхъ собраніяхъ (№№ 1—40) . . . . 3—96

№ 1. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 6 Іюня 1885 г. за № 253 по вопросу о сношеніяхъ городскихъ головъ съ правительственными учрежденіями 3

№ 2. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 13 Іюня 1885 г. за № 225 о приготовленіяхъ нѣмецкой думской партіи противъ распоряженія о русскомъ языкѣ. 5

№ 3. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 17 Іюня 1885 г. за № 258 касательно переговоровъ съ Ревельскимъ городскимъ головой о предметахъ и днѣ засѣданія Думы. . . 9

№ 4. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 18 Іюня 1885 г. за № 259 о засѣданіи присутствія по городскимъ дѣламъ и о засѣданіи Думы 18 Іюня 14

№ 5. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 22 Іюня 1885 г. за № 264 о засѣданіи присутствія по городскимъ дѣламъ 21 Іюня 18

№ 6. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 26 Іюня 1885 г. за № 266 о вмѣшательствѣ Предводителя Дворянства въ служебныя отношенія съ подчиненными губернатору органами 23

№ 7. Представленія Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 5 Іюля 1885 г. за № 272 о вмѣшательствѣ Оберъ-Ландгерихта въ дѣйствія губернатора 25

№ 8. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 5 Іюля 1885 г. за № 273 о дерзостномъ донесеніи Ревельскаго городского Магистрата 28

№ 9. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 5 Іюля 1885 г. за № 276 объ отмѣнѣ распоряженія Генералъ-Адъютанта Альберинскаго отъ 18 Ноября 1869 г. за № 174 и объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія о веденіи впредь всего дѣлопроизводства во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ исключительно на русскомъ языкѣ 31

№ 10. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 10 Іюля 1885 г. за № 279 33

Стр.

№ 11. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 10 Іюля 1885 г. за № 278 о противодѣйствіи правительству всѣхъ мѣстныхъ нѣмецкихъ учрежденій 34

№ 12. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 15 Іюля 1885 г. за № 1578 35

№ 13. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 29 Іюля 1885 г. за № 293 объ отказѣ губернатора подписывать бумаги на нѣмецкомъ языкѣ Крестьян. Комиссіи и о послѣдствіяхъ сего 36

№ 14. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 1 Августа 1885 г. за № 294 о направленіи дѣла Ревельскаго Городского Головы въ административномъ порядкѣ 41

№ 15. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 3 Августа 1885 г. за № 297 о возвращеніи секретаремъ дворянства секретнаго отношенія губернатора безъ исполненія по его содержанію 46

№ 16. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 5 Августа 1885 г. за № 299 о необходимости скорѣйшаго удаленія Грейфенгагена отъ должности 47

№ 17. Письмо къ Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 9 Августа 1885 г. за № 301 по поводу возвращенія приходскимъ судьею Якобійскаго прихода предложенія губернатора . . . 48

№ 18. Хозяйственный Департаментъ М-ва Вн. Дѣлъ Эстляндскому Губернатору отъ 9 Августа 1885 г. за № 5551 объ удаленіи Грейфенгагена отъ должности 50

№ 19. Изъ представленія Управляющаго М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 10 Августа 1885 г. за № 15183 въ Комитетъ Министровъ . 51

№ 20. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 16 Августа 1885 г. за № 308 о невозможности дальнѣйшихъ сношеній съ гр. Тизенгаузеномъ 59

№ 21. Письмо къ Товарищу Министра Вн. Дѣлъ отъ 17 Августа 1885 г. за № 310 по поводу отношенія гр. Тизенгаузена отъ 16 Августа 1885 г. за № 432. 60

№ 22. Предложеніе Управляющаго М-вомъ Вн. Дѣлъ Эстляндскому Губернскому Предводителю Дворянства отъ 10 Сентября 1885 г. № 17750. 63

№ 23. Правила о производствѣ дѣлъ и веденія переписки на русскомъ языкѣ, Высочайше утвержденныя 14 Сентября 1885 г. 63

№ 24. Донесеніе Вице-Губернатора Тилло Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 21 Сентября 1885 г. за № 325 о манифестаціи въ честь Грейфенгагена въ засѣданіи Думы 18 Сентября. . 65

№ 25. Циркуляръ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ Эстляндской губерніи отъ 4 Октября 1885 г. за № 345 объ употребленіи русскаго языка. 67

№ 26. Отношеніе къ И. д. Эстляндскаго Губернскаго Предводителя Дворянства отъ 15 Октября 1885 г. за № 2219 67

№ 27. Циркуляръ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ Эстляндской губерніи отъ 18 Октября 1885 г. за № 407 объ употребленіи русскаго языка 69

Стр.

№ 28. Отношеніе къ И. д. Предводителя Дворянства отъ 21 Октября 1885 г. за № 2166 съ разъясненіемъ о формѣ бумагъ 70
№ 29. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 21 Октября 1885 г. за № 389 о затрудненіяхъ, встрѣчающихся на практикѣ при примѣненіи закона 14 Сентября 71
№ 30. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 24 Октября 1885 г. за № 340 75
№ 31. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 27 Октября 1885 г. за № 402 о представленіи приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ безъ препроводительныхъ бумагъ 76
№ 32. Письмо Товарищу Министра Вн. Дѣлъ Эстляндскому Губернатору отъ 28 Октября 1885 г. за № 21270 79
№ 33. Отношеніе къ И. д. Эстляндскаго Губернскаго Предводителя Дворянства отъ 30 Октября 1885 г. за № 430 о признаніи Министромъ Вн. Дѣлъ правильнымъ толкованія губернаторомъ закона 14 Сентября 80
№ 34. Циркуляръ Гакенрихтерамъ Эстляндской губерніи отъ 4 Января 1886 г. за № 4 81
№ 35. Циркуляръ приходскимъ судьямъ Эстляндской губерніи отъ 11 Января 1886 г. за № 5 81
№ 36. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 6 Октября 1887 г. за № 347 по вопросу о введеніи русскаго языка во внутреннее дѣлопроизводство мѣстныхъ учрежденій (дворянскихъ, городскихъ и проч.) 83
№ 37. Письмо къ Товарищу Министра Вн. Дѣлъ Н. И. Шебеко отъ 17 Августа 1888 г. за № 214 по вопросу о языкѣ сношеній правительственной и мызной полицій 90
№ 38. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 22 Февраля 1889 г. за № 45 о своевременности введенія русскаго языка въ общественное собраніе и дѣлопроизводство Ревельской Городской Думы 92
№ 39. Отношеніе въ Департаментъ Общихъ Дѣлъ отъ 27 Іюня 1890 г. за № 207 о введеніи русскаго языка во внутреннее дѣлопроизводство и сношенія обществъ, существующихъ на основаніи утвержденныхъ правительствомъ Уставовъ . . . 93
№ 40. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 13 Февраля 1891 г. за № 54 о своевременности введенія обязательности употребленія русскаго языка во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ общественныхъ управленій гг. Везенберга, Гапсаля и Балтійскаго Порта 95

II. Документы, относящіеся до дворянства (№№ 41—49) . . . . 99—220

№ 41. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 17 Мая 1887 г. за № 287 о попыткѣ Эстляндскаго дворянства вызвать среди крестьянъ искусственнымъ путемъ замѣшательства и о необходимости не откладывать введеніе полицейской реформы . 99

Стр.

№ 42. Копія съ отчета, прочитаннаго на очередномъ ландтагѣ въ Декабрѣ 1886 г. 115
№ 43. Записка кн. С. В. Шаховского о дѣйствительномъ значеніи Эстляндскаго Дворянскаго Комитета по отчету Предводителя Дворянства за 1884—1886 гг. 173
№ 44. Пояснительная записка кн. С. В. Шаховского къ пересмотру статей Части II Св. Мѣст. Узак. губ. Остз. Кн. I Разд. II, представленная 9 Декабря 1887 г. Товарищу Министра Вн. Дѣлъ, Сенатору В. К. фонъ-Плеве 180
№ 45. Отношеніе къ Попечителю Дерптскаго Учебнаго Округа отъ 16 Сентября 1888 г. за № 253 по поводу постановленія Ландтага о закрытіи Домскаго Училища 187
№ 46. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 11 Декабря 1888 г. за № 341 съ заключеніемъ о „проектѣ положенія о наслѣдственной арендѣ“ 195
№ 47. Отношеніе къ Попечителю Дерптскаго Учебнаго округа отъ 31 Іюля 1890 г. за № 3728 по поводу закрытіа Дворянствомъ Кудаской Учительской Семинаріи 209
№ 48. Письмо къ И. Н. Дурново отъ 18 Января 1892 г. за № 272 о причинахъ отставки Эстляндскаго Предводителя Дворянства барона Майделя 210
№ 49. Письмо къ И. Н. Дурново отъ 25 Января 1893 г. за № 27 объ очередномъ Ландтагѣ 19 сего Января 218

III. Документы, относящіеся до полицейской и судебной реформы (№№ 50—58) . . . . 223—268

№ 50. Изъ записки, поданной княземъ С. В. Шаховскимъ Министру Вн. Дѣлъ при представленіи отъ 28 Іюня 1885 г. за № 267 подъ названіемъ: „Заключеніе Эстляндскаго Губернатора по вопросамъ, относящимся до преобразованія полиціи“ . . . 223
№ 51. Изъ обозрѣнія губерніи за 1885 г. о дѣятельности мѣстныхъ судовъ 229
№ 52. Изъ обозрѣнія губерніи за 1885 г. объ устройствѣ мѣстной полиціи до ея преобразованія 233
№ 53. Письмо къ Товарищу Министра Вн. Дѣлъ П. В. Оржевскому отъ 11 Ноября 1886 г. за № 413 объ институтѣ ночной стражи въ гор. Ревелѣ 241
№ 54. Изъ обозрѣнія губерніи за 1886 г. о гакенрихтерахъ . . . 249
№ 55. О правѣ вотчинной полиціи съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона и здраваго смысла. Замѣтки кн. С. В. Шаховского . 250
№ 56. Письмо къ Директору Департамента Полиціи отъ 9 Августа 1888 г. за № 208 относительно предоставленія мѣстнымъ уроженцамъ и бывшимъ гакенрихтерамъ мѣстъ по полицейской службѣ 258
№ 57. Отрывокъ изъ записокъ кн. С. В. Шаховского къ характеристикѣ дѣйствій новыхъ судовъ (1890 г.) 261

№ 58. Отношеніе въ Департаментъ Полиціи отъ 29 Сентября 1892 г. за № 593 о дѣятельности мызной полиціи 267

IV. Документы, относящіеся до городского общественнаго управленія (№№ 59—65) . . . . 270—324

№ 59. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 10 Августа 1887 г. за № 3403 объ учрежденіи въ гор. Ревелѣ профессіональнаго училища для дочерей нижнихъ воинскихъ чиновъ . . . 270

№ 60. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 12 Января 1888 г. за № 18 о незаконной передачѣ принадлежащихъ городу Ревелю домовъ въ собственность евангелическо-лютеранскимъ церквамъ 273

№ 61. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 22 Февраля 1889 г. за № 44 о желательности лишить т. н. литератовъ права голоса на городскихъ выборахъ 277

№ 62. Представленіе Управляющему М-вомъ Вн. Дѣлъ отъ 5 Мая 1889 г. за № 107 о воспрещеніи литератамъ принимать участіе въ городскихъ выборахъ и объ обязательномъ требованіи отъ лицъ, имѣющихъ быть избранными въ гласные, знанія русскаго языка 280

№ 63. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 12 Января 1890 г. за № 11 по вопросу о замѣщеніи въ Прибалтійскомъ краѣ городскихъ головъ отъ правительства 284

№ 64. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 21 Февраля 1892 г. за № 840 относительно ходатайства Ревельской Городской Думы о возвращеніи капитала, пожертвованнаго на училище для дочерей нижнихъ чиновъ 292

№ 65. Представленіе Министру Вн. Дѣлъ отъ 15 Января 1894 г. за № 136 по дѣлу о т. н. „Gotteskasten'ѣ“ 294

Замѣченныя опечатки.

Страница.	Строка: снизу.	Строка: сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
XV	—	12	сажен.	саженяхъ.
XVI	15	—	топла	толпа
XVIII	—	16	примененные	причиненные
XX	3	—	преоброзованіи	преобразованіи
XXVII	—	15	болѣ	болѣе
—	12	—	розмахъ	размахъ
XXVIII	9	—	колеблющійся	колеблющійся,
XXX	—	11	проэктъ	проектъ
—	—	13 и 15	проэктъ	проектъ
XXXV	16	—	Богда	Бога
XXXVIII	—	7	тяжелыхъ	тяжелыхъ,
6	15	—	глассныхъ	гласныхъ
8	—	8	устваговленій	установленій
21	—	2	касались	касаясь
31	—	31	тормозятъ	тормазятъ
44	20	—	не тольло	не только
45	—	6	Синидика	Синдика
71	—	15	на двухъ текстахъ	въ двухъ текстахъ
77	—	13	гаранитруетъ	гарантируетъ
79	5	—	предавать	придавать
84	8	—	Край	край
85	—	1	Край	край
—	—	2	Край	край
—	7	—	Край	край
86	20	—	Край	край
89	6		Край	край
—	7	—	Край	край
90	—	3	Край	край
92	—	2	Правител.	Правительственной
93	13	—	Краѣ	краѣ
94	—	13	Краѣ	краѣ
95	—	4	Приб.	Прибалтійскомъ
114	7	—	которыхъ	которыя
—	10	—	агитаторы существую-щаго порядка—	агитаторы—
130	17	—	жалубу Стасъ	жалобу Статсъ
140	12	—	мнинстерскому	министерскому
163	12	—	судебнея	судебная

Страница.	Строка: снизу.	сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
166	—	13	минув. и текущ. гг.	минувшемъ и текущемъ годахъ.
198	—	17	Гапсалскаго	Гапсальскаго
204	—	6	соспоставленіе	сопоставленіе
207	13	—	анологичный	аналогичный
216	—	6	Ландтагъ	Ландратъ
246	3	—	револьверъ	револьверѣ
251	6	—	частнато	частнаго
257	10	—	крѣпосного	крѣпостного
260	—	4	воплнѣ	вполнѣ
—	13	—	харахтеру	характеру
—	11	—	Энденко	Диденко
264	—	5	кресттянъ	крестьянъ
290	7	—	облдающаго	обладающаго
293	4	—	распораженій	распоряженій
296	8	—	Cotteskasten	Gotteskasten
—	6	—	собственности на	собственности: на
298	—	21	Cotteskasten	Gotteskasten
299	1	—	тольхо	только
302	8	—	вовсѣ	вовсе
303	—	7	отдѣлно	отдѣльно